

Б. Е. Андюсеев

НА СИБИРИ МЫ СИБИРЯКИ

Б. Е. АНДЮСЕВ

НА СИБИРИ МЫ СИБИРЯКИ

Книга научно-популярных очерков

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Растр

Красноярск
2023

УДК 94(571.51)
ББК 63.3(253)
А65

Руководитель проекта
Ю. А. Кирюшин

Научный редактор
Г. Ф. Быконя, доктор исторических наук, профессор

Рецензент
В. П. Кривоногов, доктор исторических наук, профессор

А65 Андюсов Б. Е. На Сибири мы сибиряки : Книга научно-популярных очерков. — Красноярск : РАСТР, 2023. — 352 с. : ил.

ISBN 978-5-901926-25-3

В книге в форме научно-популярных очерков представлен опыт реконструкции взаимосвязанных процессов развития Сибири, социума российских сибиряков и сибирского субэтнического характера. От очерка к очерку мы пройдем трудным путем выживания, развития и успешности хозяйственной, социальной и культурной жизни сибирских старожилов XVII — начала XX в.

С позиций научности на основе различных источников представлены результаты многолетних междисциплинарных исследований культуры и сознания сибиряков и максимально популярно описаны черты характера старожилов. Достижения материальной и духовной культуры показаны в контексте взаимной адаптации факторов среды и социума сибиряков.

Очерки написаны автором для широкого круга читателей, а также историков, этнологов, краеведов, студентов и учащихся вузов и школ.

ISBN 978-5-901926-25-3

Издание осуществляется
при поддержке
государственной
грантовой программы
Красноярского края

© Андюсов Б. Е., текст, 2023
© Быконя Г. Ф., предисловие, 2023
© Ульверт А. В., макет, 2023
© КГАУК «Красноярский краевой краеведческий музей»,
фотографии, 2023
© Издательство «РАСТР», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Ф. Быконя
Дорогу осилит идущий
(Человек и ученый
Борис Ермолаевич Андюсев)

5

Введение
Слово о Сибири

10

Очерк первый
Кто ты, «природный на Сибири»?

20

Очерк второй
«Русская Сибирь» как продукт адаптации

48

Очерк третий
Загадочная душа сибиряка

66

Очерк четвертый
Мы русские с сибирским «карахтером»

90

Очерк пятый
Мы старожилы, и они...

118

Очерк шестой
Феномен «общества» старожилов
140

Очерк седьмой
Традиции обычного права
156

Очерк восьмой
Материальный мир сибиряка
168

Очерк девятый
Традиции дома
194

Очерк десятый
Труд сибиряка в круге года
228

Очерк одиннадцатый
Сибиряк в круге жизни, традиций, обычаев
248

Очерк двенадцатый
Сибиряк православный и/или язычник
278

Очерк тринадцатый
Говор и фольклор русских старожилов Сибири
302

Очерк четырнадцатый
О ремесле историка
322

Заключение
340

Список иллюстраций
347

ДОРОГУ ОСИЛИТ ИДУЩИЙ

Человек и ученый
Борис Ермолаевич Андюсев

Я знаю Бориса Ермолаевича с 1970 года — со времени поступления его в Красноярский педагогический институт (ныне университет) на историко-филологический факультет. В годы обучения 17-летний сельский паренек запомнился неподдельным интересом к учебе, всеядностью к отечественной истории (сказалась увлеченность краеведческой работой в школьные годы), особым позитивно-эмоциональным отношением к людям. На сельхозработах и на археологической практике на Тамани он не чурался никакой работы, был добрым, чутким и отзывчивым, душевным, настоящим любимцем у товарищей, даже зачастую старше его. Тогда же мы узнали о его даре художника.

После успешного окончания института и военной службы Борис Ермолаевич с 1976 года 19 лет проработал в трех школах Красноярского края. И везде он организовывал поисковые клубы и вел с учениками историко-краеведческую работу. В результате деятельности учителя истории появились историко-краеведческие музеи в Имисской средней школе Курагинского района, Балахтонской средней школе Козульского района и Северо-Енисейской средней школе № 2 Северо-Енисейского района. Он вспоминал: «Всего за два десятка лет поисковой деятельности мы с ребятами восстановили данные о более чем семидесяти без вести пропавших солдат и офицеров. Работал над составлением Книги памяти Северо-Енисейского района,

организовал летний археологический лагерь при Фанагорийской экспедиции АН СССР. Дважды возил группы учеников по 25–28 человек на раскопки. За время работы в школах края 14 учеников поступили на исторические факультеты различных вузов. Две ученицы стали впоследствии кандидатами наук».

Согласитесь, очень впечатляющий перечень, и это при серьезных проблемах со здоровьем в течение многих десятилетий. Огромное трудолюбие и творческая, патриотически направленная мотивация обусловили высокое профессиональное мастерство педагога-предметника. Важно, что глубокое проникновение в предмет, стремление достичь полной взаимной обратной связи с учеником и человеческая заинтересованность в результатах обучения делали предметника-историка методистом, который никогда не разделял обучение и воспитание, учебный процесс и внеклассную работу. Разработанная им в течение восьми лет методика модульно-блочного обучения истории, опубликованная в 1994 году в Москве как «Учебный комплекс, методические материалы и обобщение опыта работы», была замечена на федеральном уровне и рекомендована учителям истории всей страны.

Естественно, что такого классного специалиста на следующий год привлекли к работе в институте усовершенствования учителей Красноярского края и в педагогическом университете на родном историческом факультете. Это, можно сказать, уникальный случай, когда учителя сельской средней общеобразовательной школы переводом принимали на работу сразу в два высших учебных заведения.

Уже на новом уровне Борис Ермолаевич продолжил заниматься разработкой регионального компонента образования, повышением квалификации учителей истории и краеведения. На смену учащимся школьных классов пришли на последующие 28 лет студенты вузовских аудиторий. В научном же плане он, естественно, не захотел расставаться с краеведением малой родины, но уже на теоретическом уровне историей Приенисейского края. Сугубо новаторская выбранная проблема оказалась на стыке истории, этнологии, психологии, этнографии, культурологии. Результат обобщения полевых материалов в работе со старожилами сибирских селений наложился на глубокое изучение источников архивных фондов и библиотек. В 2002 году он блестяще защитил кандидатскую диссертацию по специальности «Отечественная история» по теме «Традиционное сознание крестьян – старожилов Приенисейского края 60-х гг. XVIII – 90-х гг. XIX в.». И далее, продолжая работать уже в должности доцента кафедры отечественной истории, в 2004 году создал кафедру современных технологий обучения КГПУ им. В. П. Астафьева и стал ее заведующим. Команда талантливых преподавателей кафедры

добились своей творческой работой того, что была признана лучшей кафедрой вуза по итогам 2011 года.

Почетный работник общего образования РФ доцент Борис Ермолаевич Андюсов с 2016 года работает в Сибирском федеральном университете на кафедре истории России.

За время работы в вузах Борис Ермолаевич опубликовал около 130 научных и методических работ, из них около десятка монографий (лично и в соавторстве), примерно столько же учебно-методических пособий и др. Особо выделяется учебное пособие «Сибирское краеведение», которое в течение восьми лет трижды переиздавалось – в 1998, 2003 и 2006 годах – и получило федеральный гриф МО РФ «Рекомендовано» для учебных заведений РФ.

Разрабатывая хронологически вширь и теоретически вглубь прежнюю научную проблематику, ученый, по его словам, пошел «непроторенной тропой исторической этнопсихологии». Уже не столько как историк, а как культуролог, исторический этнопсихолог, Борис Ермолаевич сформулировал и обосновал ряд новаторских положений об адаптационных, в физическом и психологическом плане, процессах формирования и развития на базе русских сибиряков-старожилов в XVII – начале XX века субэтноса (особой ветви) российской нации с особым «сибирским характером». С позиций междисциплинарности в едином проблемном поле истории, этнологии, психологии автор ввел в историческое исследование этот термин.

Им предложено в качестве базового следующее определение: «Сибирский характер – это исторически сложившаяся совокупность устойчивых психологических черт, ценностей и традиций, темперамента представителей сибирского субэтноса, определяющих манеру поведения и типичный образ действий и проявляющихся в их отношении к окружающему миру стереотипах поведения в социуме». Русские старожилы освоили экстремальный регион, но одновременно и сами были «освоены» Сибирью «по образу и подобию» этого края.

Предыдущие результаты комплексного изучения историко-культурных и ментально-психологических процессов в среде русских старожилов представлены в научно-популярном изложении в настоящей книге «На Сибири мы сибиряки». В качестве центрального проблемного вопроса автор научных очерков задал вызовы: «Кто ты, сибиряк? Чьих вы будете, старожилы?» Ответом в процессе изучения и осмысления этих проблем стало понимание, что физическая адаптация русских в Сибири сформировала «природного» рационально мыслящего сибиряка. Одновременно в ходе психологической адаптации сформировались особенные черты характера в ментальности и стереотипах поведения. Сибиряк соединил

в этом характере русскую традиционную духовность и западный рациональный прагматизм.

В историографических анализах и обзорах своих работ сибирские историки неоднократно отмечали, что именно Б. Е. Андюсов впервые выдвинул как научную проблему «психологической адаптации» русских в ходе освоения экстремального края. Нарботанное и привычное для специалистов практической психологии понятие «психологическая адаптация человека» он ввел в историческое исследование. В контексте своих подходов автор очерков представил в динамике развития свое видение оснований становления сибирского земледелия, адаптированных к вызовам Сибири социальных отношений, формирования духовной культуры старожилов.

В 14 очерках книги, посвященных характеристике комплекса материальной, социальной, духовной культуры, новой идентичности и самосознания старожилов, автор убеждает в «высокой нравственности, совестливости и трудолюбии старожилов. Сибиряки — люди мужественные и свободные, стойкие и гордые, честные и высоконравственные, „славутные“ в труде и общественной жизни, любознательные и предприимчивые».

Вольные или невольные переселенцы — «российский человек» и представители иных этнических культур народов Евразийской России, народов Прибалтики, Польши — проходили социальную и психологическую адаптацию в сибирской среде русского старожильского населения, в общине деревни или городского посада, в поколениях закрепляя новую идентичность и стереотипы поведения. Выработанные автором технологии реконструкции субэтнического характера «старожилов-сибиряков» привели к важной мысли об известной повторяемости этнокультурных и психоментальных процессов в истории русского народа — процессов обживания славянами Восточно-Европейской равнины в VII–XIII веках и освоения Сибири в XVII–XVIII веках. Можно лишь добавить, что аналогичные процессы протекали в XIV–XVI веках при формировании преемственного этноса средневековых русских на основе части восточных славян — русичей и народов от Волго-Обского междуречья до Северного Урала.

Авторская реконструкция традиционного сознания сибиряков убеждает, что оно «содержало совокупность ценностей „картины мира“, адаптированных традиций обычного права, материальной и духовной культуры. При этом адаптация приняла для сибиряков непрерывающийся процесс выработки ответов на вызовы: сначала природно-климатические и этнокультурные, позднее постоянных потоков „российской“ культуры ссыльных, переселенцев от „самоходов“ до „стольпинских“, и, наконец, — вызовов капиталистической модернизации».

Дорогу осилит идущий

В своих очерках Борис Ермолаевич Андюсев справедливо отмечает, что общая зажиточность сибиряков обусловила в ментальности старожиллов несколько иные духовные ценности в отличие от ценностей великорусского крестьянина. Им присущ социальный идеал зажиточности, скупости, рациональной организации образа жизни в «своем мире», а не социальная уравнительность. При этом автор неоправданно идет дальше, утверждая, что «накопительство, скупость, стремление к наживе нами оцениваются в качестве позитивных черт сибирского характера». Вряд ли стоит подчинять экономическим интересам духовно-нравственные и «стремление к наживе» считать положительной чертой характера даже у православных сибиряков. Конечно, сами сибиряки не считали зазорным кабалить чужаков (срабатывал стереотип отношений «мы» и «они»), но местные Колупаевы и Разуваевы наживались и на попавших в беду односельчанах. Нужно также учесть, что круговая порука в несении налогов и натуральных повинностей, то есть обязанность платить раскладкой, как говорится, за себя и за того парня, снижала и у сибирских, по В. И. Ленину, «самых сытых крестьян в России» стремление к максимальной хозяйственной активности.

В целом Борис Ермолаевич Андюсев впервые в науке предложил интересную, но не бесспорную, этносоциокультурную модель сибиряков традиционной эпохи. Изложенная ярким и в целом достаточно доступным языком, книга, уверен, найдет своего массового читателя с самым широким кругом научных и познавательных интересов.

Г. Ф. Быконя, д. и. н., почетный профессор КГПУ
им. В. П. Астафьева

Введение

СЛОВО О СИБИРИ

Сибирь – любовь наша*

Земля, на которой мы живем, матушка-Сибирь. С детства мы ощущаем ее суровый нрав, малую обустроенность и неуютность, ее морозное дыхание и нешуточные расстояния. Но, заглянув в сердце, мы чувствуем привязанность к своей округе, району, городу; истую привязанность к удивительной красоте и уникальности сибирской природы.

Настает миг, когда однажды мы, замерев на месте, открываем для себя ширь тайги под горою у своих ног или ландшафт речной долины, безбрежную холмистость сибирской степи или горную грядку за полями и лесами со сверкающими даже летом снежными вершинами саянских пиков на горизонте. Приходит осознание ценностей старинных сибирских обрядов и верований. Мы однажды замечаем, что непроизвольно и ныне употребляем в разговоре слова и выражения старинного сибирского говора.

Оглянувшись, мы видим вокруг себя искусно срубленные и украшенные деревянные дома, не похожие друг на друга. Это не те дома, что строятся нынешними плотниками и быстро приходят в ветхость. Старинные дома прочны и многое могут рассказать об их хозяевах: трудолюбив ли он был и рачителен, аккуратен и основателен или, наоборот, лень надолго селилась в этом хозяйстве.

* Текст очерка «Слово о Сибири» был написан для американского издания «Неизвестная Россия: Энциклопедия бизнеса по регионам и отраслям». См.: Andyusev Boris Ermolaevich. A few words about Siberia // The unknown Russia: encyclopedia of Russia's business by region and industry: 14 vol. Vol. 3. St. Augustine, FL: Business inform. agency, 2012. – S. 39–41.

Мы – сибиряки

С детства мы знаем, что мы сибиряки. Но только попав в далекие российские края, мы с гордостью осознаем, что о сибиряках везде и всегда говорили с особым почтением. Жители далеких городов глядят на нас с удивлением и любопытством – мол, как вы живете в вашем суровом краю? Не секрет, что до сих пор многие верят – по улицам сибирских городов бродят по ночам медведи.

Вдали от родного дома, общаясь с норильчанами и тобольцами, иркутянами и новосибирцами, забайкальцами и томичами, алтайцами и омичами, особенно остро начинаем чувствовать, что мы все земляки. Однако, будучи сибиряками, мы ощущаем себя россиянами, гражданами великой страны с уникальным историческим прошлым. Именно в наших краях встретились и переплелись Запад и Восток, их ценности и идеалы, героические и трагические страницы извечного стремления к воле и опыт строительства демократии в условиях вековой деспотии.

Сибирь, огромная территория Евразии, издревле является «срединной землей», стыком западной и восточной цивилизаций. Это территория, где сталкивались интересы и противоречия, где постоянно изменялась граница соприкосновения земледельческих и кочевых культур, где происходил синтез западно-восточных элементов.

Исторический «котел»

С начала I тысячелетия н.э. Южная Сибирь на многие столетия стала столбовой дорогой Великого переселения народов. Вначале наиболее существенное влияние на историю Евразии оказали гунны. Затем по берегам сибирских рек и Великой степи прокатилась монгольская армия Чингисхана. После распада монгольской империи здесь сложилось государство древних хакасов. На многие века для огромного края наступило время непрерывных военных столкновений и присущий окраинам восточной цивилизации тип традиционного освоения естественных ресурсов. В лесной и таежной зонах господствовал присваивающий тип хозяйства, а в южных степных регионах сохранялось традиционно производящее хозяйство, имевшее скотоводческую направленность и элементы земледелия.

С похода Ермака в 1581 г. начался этап смены типа развития вначале в Западной Сибири, а затем на огромном протяжении азиатского материка до ее восточных окраин. Политическое закрепление российской цивилизации на азиатской части лимитрофа сопровождается утверждением в XVIII–XIX вв. традиционной земледельческой культуры, а на рубеже XIX–XX вв. – и индустриальной.

Результатом взаимодействия цивилизаций Запада и Востока в течение многих веков в конечном итоге явилось образование синтезной российской цивилизации. Именно сложившиеся географические границы

Российского государства ограничили полиэтническое, поликонфессиональное, поликультурное содержание территории Сибири.

Население. Начало хозяйства

В начале XX в. доля Сибири в общей площади Российской империи составляла 58%. Население Сибири при этом составляло всего 6% от общего числа жителей огромной страны. Из 12,6 млн жителей сибирского края около 1 млн человек проживало в Енисейской губернии. Плотность населения была крайне неравномерной – от 0,01 до 15,5 чел./кв. км.

Присоединение Сибири к России на первых порах не изменило коренным образом специфику использования естественных природных ресурсов. Главным стимулом и наибольшей ценностью в первоначальном освоении сибирского края русскими была пушнина. В XVII в. сибирская пушнина давала от 40 до 80% всего национального дохода российского государства. Но еще в начале XX в. меха из Сибири составляли 44% всей мировой добычи, или $\frac{4}{5}$ всего пушного товарооборота в России.

Сибирское земледелие

Важнейшим изменением в освоении края явилось создание сибирского земледелия. Темпы роста посевных площадей и сбора зерновых в Сибири были всегда выше среднероссийских. Так, на 100 жителей здесь засевалось 84,9, а в среднем по России – 55 десятин пашни. Особенно выигранным выглядит сравнение урожайности российских и сибирских пашен. Если в середине XIX в. в Европейской России урожайность зерновых была от «сам-2,3» до «сам-3,2», сибирские земли давали от «сам-4,2» до «сам-10» и более. И это в условиях экстремального климата и более короткого лета! К 1917 г. Сибирь (6% населения России) давала 17% валового сбора зерна. Быстрыми темпами край превращался в основную житницу страны.

Не менее быстрыми темпами к началу XX в. развивалось сибирское животноводство. В 1913 г. по количеству скота Российская империя занимала второе место в мире после США – 190 млн голов, из них на Сибирь приходилось 20% всего поголовья скота. В начале XX в. сибирские мясные и молочные продукты стремительно завоевывали внутренний рынок страны: до 50% всего мяса в Москве завозилось из-за Урала. В крестьянских хозяйствах Сибири разводили до 18% всех лошадей России, 14% овец, 12% свиней (еще раз напомним, что этим занималось 6% населения страны).

Наиболее впечатляющих результатов в начале XX в. достигло сибирское маслоделие. О высоком качестве масла, производившегося в Степном крае, в Томской и Тобольской губерниях, говорит донесение 1911 г. русского консула в Штеттине: «Сибирское масло, ввозимое в Германию, в чистом

виде до покупателя не доходит, а идет на сдабривание местных германских масел или прибывает в „подправленном“ виде из Голландии и Дании». Только в 1913 г. за границу было продано более 4,4 млн пудов сибирского масла, что составляло до 90% всего экспорта масла из России.

Становление промышленности

Немаловажную роль в обеспечении могущества России в XIX — начале XX века играла золотодобывающая промышленность. К 1910 г. доля сибирского золота составляла 71%. На сибирских приисках в начале XX в. строятся железные дороги, вводится алмазное бурение, зимняя промывка золотосодержащих песков за счет парового оттаивания грунта, действует более 10 приисковых гидроэлектростанций, до 40 золотодобывающих драг.

Потрясающей по своей грандиозности страницей истории Сибири стало строительство железнодорожной магистрали — Великого Сибирского пути. С 1891 по 1911 г. было построено 8 281 км путей. В среднем в год прокладывалось по 685 км. Строили по принципу «строить добротнo, чтобы впоследствии дополнять, а не перестраивать».

Великий реформатор XIX в. Михаил Михайлович Сперанский

М. М. Сперанский, великий реформатор начала XIX в., проехав по Сибири до Иркутска, провел серию преобразований, изменивших статус и управление сибирским краем. Он вскрыл величайшие злоупотребления, взяточничество, самодурство чиновников и заслужил уважение сибиряков. Как менялось отношение М. М. Сперанского к Сибири? По мере знакомства с краем столичный чиновник становится сибирским патриотом...

Из Тобольска — дочери: «Воспринимаю эту поездку как наказание. Те же порядки, та же глупость, то же терпение... Различие только в том, что здесь, говоря вообще, всем жить хорошо и, следовательно, бедных менее... Смее утверждать, что Сибирь есть просто Сибирь, то есть прекрасное место для ссыльных, выгодное для торговли, любопытное и богатое для минералогии, но не место для жизни и высшего гражданского образования, для устройства собственности... основанной на хлебопашестве, фабриках...»

Из Томска — дочери: «Здесь прекрасные земли, которые дают сряду 10 и 15 урожаев... опрятность в жизни крестьян. Томская губерния по богатству, произведениям и климату, весьма умеренному, могла бы быть одной из лучших губерний России...»

Из Красноярска: «Почти непрерывно встречаются богатые селения. У старожилов отличный, но здесь не редкий, нрав... Вообще, кто хочет видеть старую Святую Русь, тот должен путешествовать в сих местах... Нравы отменные, чистые и простые. В течение 6 лет здесь, в Енисейске, не было ни одного подсудимого в уездном суде из всех обывателей уезда... Весь путь от Канского уезда до Красноярска есть сад...»

С юга Сибири: «Этот край один из самых благословенных не только в Сибири, но и в целой России...»

По завершении поездки, через несколько лет, М. М. Сперанский напишет: «Во всех случаях Сибирь будет всегда любимым предметом участия и попечения. Мысль о Сибири всегда будет со мною. Сибирь есть страна дон-кихотов».

Откуда пошло название — топоним «Сибирь»?

Впервые Сибирь упоминается в русской летописи 1407 г. об убийстве хана Тохтамыша в «Сибирской земле». «Архангельская летопись» 1483 г. свидетельствует, что по восточным склонам Урала, вплоть до Иртыша, лежала Югорская страна. А на юго-запад от Югры, за Тюменью, была «земля Сибирская».

Версия первая — тюркская

На месте современного Тобольска когда-то жил народ сипыров (сиверов/сабилов), являвшийся родственником древним уграм. Косвенным подтверждением является наличие у ханты и манси таких фамилий, как Сабиров, Савиров, Себулов, Сабарев, но документальных подтверждений никаких найдено не было. *По версии З. Я. Бояршиновой*, этот термин происходит от названия этнической группы «сипыры», языковая принадлежность которой носит спорный характер. Позднее он стал применяться к тюркоязычной группе, жившей по р. Иртыш в районе современного Тобольска. *По версии С. К. Патканова*, корни народа сипыров — в народе сяньби, племени кочевников, проживавших во Внутренней Монголии, но в I–II вв. н.э. под натиском хунну они ассимилировались с местным населением Прииртышья. *По версии В. Софронова*, от тюркоязычной этнической группы, сейчас известной как сибирские татары, самоназвание которых сабыр, по мнению автора версии, фактически означает «терпение». Есть и другое мнение, «местные» (ы/ир — мужчины, народ, люди; сибэ/у — россыпь, бросить на землю; досл.: «рассеянные [живущие] тут люди»).

Версия вторая — татарская

«Сибэр/чибэр» — тюркское (башкиры/татары) слово, означающее «красивое». У древних тюрков, к примеру, было распространено имя Шибир, как-то знаменитый тюркский каган VII века нашей эры — Шибир-хан Тюрк-шад, уничтоживший китайскую династию Суй. Также в тюркских языках (в частности, в татарском языке) имеется слово «Себер(ү)», означающее «мести», «метель (поземка)», таким образом, название «Сибирь» дословно может означать «Метель». Таким образом, территория Сибири, согласно этой версии, была краем метелей.

Версия третья — монголо-бурятская (древнетюркская)

«Шибир» — монгольское слово, означающее болотистую местность, поросшую березами, лесную чащу. Предполагается, что так во времена Чингисхана монголы называли пограничную с лесостепью часть тайги. Также отправной точкой служит разбор названий забайкальских Улан-шибири и Хара-шибири, в переводе значащих «красное болото» и «черное болото» соответственно. Утверждается, что «сибири» по-монгольски значит «страна лесов», а «шибир» — болото. Однако такой перевод ближе к древнетюркскому. Вот только могло ли влияние бурятов распространиться так далеко на запад?

Версия четвертая — персонально ханская

Одна из наиболее распространенных гипотез гласит, что «Сибирь» — это название города, основанного ханом Мухаммедом на завоеванных им территориях у р. Иртыш. Но само основание города, татарское название которого Искер, произошло в XVI столетии, а упоминания в русских летописях относятся к концу, а то и к началу XV в.

Версия пятая, персидская

Историк XVII века Абульгази употребляет топоним «Туран». Однако Абульгази пишет: «Известны две области Абир и Сабир, страна кыргызов близка к ним». Ясность вносит «Сокровенное сказание монголов», где сказано, что в Год зайца (1207 год) войска монголов покорили все «лесные народы», в том числе народ шибир (sibir), который обитал

к северу от Алтая. Таким образом, земли Абир и Сабир локализируются в центральной части Западной Сибири. Названия областей Абир и Сабир, искажившись до «Сибир» («Шибэр»), обозначали территорию Обь-Иртышского междуречья, входившую в состав улуса Джучи («Золотая Орда»).

Версия шестая — испанская

Каталонский атлас 1375 года упоминает Sebug раньше даже русской летописи 1410 г., называя ее сибирскими горами, где начинается река Едиль, и страной, которая находится севернее торговых путей и ограничена с юга горами. Если принять, что горы — это Алтай, а река — Иртыш или Обь, то географически это вполне соответствует рассматриваемым территориям.

Версия седьмая — английская

Наиболее неправдоподобной выглядит версия об английском происхождении слова «Сибирь» от sea (море) и bear (медведь). Это противоречит всем временным рамкам, не могли же англичане знать о территориях за Уралом раньше русских.

Версия восьмая — китайская

Не удастся возвести название «Сибирь» и к китайскому «северо-запад» (xībēi, 西北). Северо-западными территориями китайцы называли земли енисейских кыргызов (хягыз-хакасов). Про Обь-Иртышь их летописи молчат.

Версия девятая — русская

Есть гипотеза о происхождении топонима «Сибирь» от русского «север», искаженного тюркскими племенами на свой манер. Но тогда еще более странным видится то, что эти племена слово это не употребляли. Гипотеза, что слово «Сибирь» обозначает сторону света и возникло от русского «север», не выдерживает никакой критики...

<https://orfographia.ru/etimologiya-slova-sibir>

Общая доля промышленной продукции Сибири к 1914 г. составляла 22%; здесь производится до 10% всего сельскохозяйственного инвентаря и машин России. Потрясает уровень производительности труда: доля Сибири в общем количестве рабочих составляла всего 1%, но они производили 3,5% всех промышленных ценностей Российской империи! На одно крестьянское хозяйство здесь приходилось в два раза больше, чем в Европейской России, жаток, молотилок, сенокосилок, жнеек.

Истоки культуры, образования

Высочайшим достижением в истории Сибири в составе России стало превращение некогда бескрайнего таежно-степного пространства в окультуренный регион трудом десятка поколений сибиряков различных национальностей. Не слаборазвитая и необжитая окраина государства, не место ссылки и каторги, не край «угрюмых поселенцев», как часто стереотипно воспринималась Сибирь, а наиболее динамично развивающийся регион Российской империи — таковым нужно представлять прошлое и настоящее нашего края.

Со второй половины XIX в. Сибирь переживает бурный подъем общественной и культурной жизни, рост самосознания жителей, стремление к изучению и культурному обустройству края. По всей Сибири, в том числе и в Енисейской губернии, силами энтузиастов-краеведов создаются музеи, резко усиливается тяга к образованию. Если к началу XX в. в Петербурге один ученик приходился на 63 человека, в Москве – на 57, в Харькове – на 131, то в Томске и Красноярске – на 26 человек.

Испытание революцией и Гражданской войной

В Гражданскую войну 1918–1921 гг. население Сибири испытало террор как белых, так и красных, продразверстку, реквизиции, мобилизации, сбор недоимок за прежние годы... Линия раскола прошла противоречиво: где-то между богатыми и бедняками, где-то между старожилыми и переселенцами, где-то внутри крестьянского мира, и почти везде между казаками и крестьянами. И те, и другие защищали интересы «своей» Сибири. Но в целом сибиряки были во многом третьей силой, защищавшей свои исконные свободы и экономическую самостоятельность. Сибирский характер не смог смириться с насилием и ответил массовыми восстаниями 1919–1921 гг., партизанскими армиями и республиками.

С началом новой экономической политики (НЭПа) сибирская деревня обрела спокойствие и пережила бурный подъем 1920-х годов. Возрождаются основные традиции общинной жизни, развивается культура в сельской местности, ширится движение за полную грамотность населения. Развивается кооперация, возникают добровольные товарищества по обработке земли, коммуны, быстро идут процессы развития крепких единоличных хозяйств. Даже в 1930-е гг., несмотря на массовое раскрестьянивание и репрессии против цвета сибирского крестьянства, деревня выстояла.

Сибирский характер

Еще в середине XIX в. генерал-губернатор Западной Сибири П. Д. Горчаков писал: «Бесспорно, что сибиряки гордятся своей родиной, к коей привязаны более внутренних обывателей (то есть жителей Центральной России), что они с излишеством ценят ее изобилия, удобства». Сибирские просторы, красота ландшафтов, «изобилия и удобства» действительно привязывают к себе человека. Сибирский воздух сух и благоприятен для здоровья, настоян на травах и целебной хвое тайги. Даже суровые 40–50-градусные морозы человек переносит сравнительно легко благодаря сухости воздуха, безветрию. В степи и тайге много целебных озер, водных и грязевых, изобилие промыслового зверя и птицы. Повсеместно растут съедобные дикорастущие травы, плоды и ягоды. Особое место занимают любимые

сибиряками кедровые орехи. Сибирские реки изобилуют разнообразной рыбой.

При этом Сибири присущи суровость климата, экстремальность природно-географических факторов. Эти особенности с первых десятилетий оказывали влияние на процессы естественного отбора. Выживали и приспособлялись наиболее стойкие, закаленные, физически крепкие люди. Сибиряки отличались повышенной остротой слуха и зрения, силой и выносливостью, способностью выдерживать длительные переходы и продолжительные физические нагрузки в труде, перепады температур и продолжительные холода, умением прекрасно ориентироваться в незнакомой местности.

В борьбе с воздействующими факторами формировался характер сибиряка – взаимопомощь, радушие, трудолюбие, честность. Здесь старались жить открыто, хлебосольно, помогать друг другу, уважать общие традиции. Именно в Сибири извечно человек становился свободным, личностью с высочайшим и донельзя обостренным чувством собственного достоинства. Здесь не было ни по статусу, ни по психологии крепостного человека. Результатом адаптации к суровым условиям и борьбы за выживание является уникальный сибирский характер. Весь мир помнит, как сибиряки под Москвой в 1941 году доказали, что сибирский характер был, есть и будет.

Победители «с сибирским характером». Германия, Магдебург. 1945–1946 гг.

Фото из отцовского военного альбома автора книги

Будущее Сибири

Слова великого русского ученого М. В. Ломоносова приобретают ныне все большее значение: «Российское могущество прирастать будет Сибирью». В современной России Сибирь стала «цементирующим стержнем державы». Инициативность, самостоятельность, напористость, стойкость духа, предприимчивость, стремление защитить свои интересы нашли свое отражение в ментальности современных сибиряков.

Вся предыдущая история края, целеустремленность сибиряков, их настойчивость и трудолюбие позволяют надеяться, что время расцвета Сибири в недалеком будущем.

Енисейская губерния: территория и границы

Енисейская губерния была образована высочайшим указом императора Александра I от 26 января 1822 г. До 1708 г. все города и сельские поселения Приенисейского края входили в состав Сибирского воеводства во главе с главным тобольским воеводой. В нее входили также Томская, Иркутская и Якутская области. В 1708 г. была образована Сибирская губерния с центром в г. Тобольске. В 1721 г. губернию разделили на пять провинций, они, в свою очередь, делились на дистрикты. В 1764 г. вся территория Сибири была разделена на две губернии — Тобольскую и Иркутскую.

Процветавшие в сибирском крае самодурство чиновников, казнокрадство, взяточничество и «кривосудие» заставили власти провести ревизию. В 1819 г. с этой целью сюда прибыл знаменитый реформатор М. М. Сперанский. По его предложению территория Приенисейского края была выделена в отдельную Енисейскую губернию. Первым губернатором Енисейской губернии стал умный, деятельный, справедливый человек прогрессивных взглядов — Александр Петрович Степанов.

Енисейская губерния была одной из самых обширных в Российской империи. Так, Московскую губернию она превосходила в 77 раз! А. П. Степанов отмечал: «Нет сомнения, что Енисейская губерния может поравняться пространством с целыми землями многих европейских владений... За всем тем и сей заселенный край губернии Енисейской не может еще, в сравнении с количеством земли, похвалиться своим народонаселением. Не кишит народ в полях необозримых...»

По данным 1863 г., на территории губернии в 2 883 009 кв. верст проживали 309 594 души обоего пола, из них сельское население составляло 285 445 душ (т.е. 92,2% населения). Проживали они в 136 селах, 594 деревнях, 53 станках и 40 зимовьях.

В 1906–1916 гг. в связи с реформами П. А. Столыпина переселение приобрело массовый целенаправленный характер. За это десятилетие в Енисейской губернии возникло 671 новое селение и сюда переселились 274 516 человек. Подавляющее число деревень по реформе П. А. Столыпина было основано в зоне тайги. Население губернии росло и за счет естественного прироста старожильского населения: всего прирост старожилов с 1897 по 1917 г. составил 367 тыс. человек. К 1917 г. сельское население Енисейской губернии составляло 931 814 душ мужского и женского пола.

Образованная по указу императора Александра I Енисейская губерния была одновременно разделена на пять округов: Енисейский, Красноярский, Ачинский, Минусинский, Канский. Позднее из Енисейского округа был выделен Туруханский край, а на юге был образован новый Усинский пограничный округ. С 1898 г. округа стали называться уездами. Уездные центры XIX — начала XX в., именовавшиеся городами, быстро превращались в центры торговли, ремесла, но одновременно большая часть жителей занималась землепашеством, обслуживанием трактов, промыслами. Быстро развивалась в городах и крупных селах губернии ярмарочная торговля.

Очерк первый

КТО ТЫ, «ПРИРОДНЫЙ НА СИБИРИ»?

В истории России есть страница «Эпохи просвещения XVIII в.», времени формирования блестящей культуры, архитектуры, искусства, литературы, поэзии... Начало ей было положено великими реформами Петра I. Это была эпоха, самоценная достижениями во многих сферах культуры, великими путешествиями и открытиями. Это была эпоха познания и «открытия» регионов страны, их географии, археологического прошлого, этнографии народов огромной империи. Время перемен вырастило когорту первых российских историков: В. Н. Татищева, М. М. Щербатова, И. Н. Болтина, Н. М. Карамзина. Эпоха Просвещения стала питательной средой для рождения великих талантов начала следующего века: А. С. Пушкина, К. П. Брюллова, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя. Однако потребовалось около века, прежде чем с большим запозданием начинается «культурное пробуждение» окраинных территорий. И наконец в далекую Сибирь приходят образование, искусство, история, литература и публицистика.

С начала «Ермакова завоевания», социальнохозяйственного освоения Сибири, нескончаемых административных реформ, повышения роли в финансовом и сырьевом благополучии страны мало кто задавал вопросы: что есть Сибирь для Российской империи? Каковы итоги великого российского эксперимента колонизации огромной Азиатской России? Кто есть российский сибиряк?

Первые ответы на вопросы об особенностях Сибири и его населения мы находим в путевых дневниках и публикациях путешественников, научных обзорах первых российских ученых XVIII в. Однако работы эти в большинстве своем эпизодические, бессистемные и описательные.

В первой половине XIX в. инициаторами и подвижниками культурного развития сибирского края, сибирского «века Просвещения» стали ссыльные декабристы. Талантливые и образованные представители дворянства, попав сюда не по своей воле, именно на сибирской земле пробудились в качестве подвижников местной культуры. Декабристы в полноте смогли реализовать здесь многогранные таланты, осознать историческую миссию исследователей и просветителей, стать катализаторами формирования «культуры периферии».

Будучи высокообразованными людьми, дворяне Европейской России в своем большинстве были все же «пользователями» достижений российской культуры. Дворяне-декабристы в отрыве от центров культуры вынуждены были подняться на высшую ступень «созидателей» сибирской культуры: они стали исследователями края, сибироведами. Своими трудами сформировали научно-практическое направление комплексного изучения этнического, социального и культурного развития Сибири и ее народов. Начался взлет пытливого мысли и активной деятельности в изучении истории, археологии, естествознания, географии, этнографии Сибири. Благодаря роли декабристов во всех уголках края от Урала до Тихого океана выросла блестящая плеяда сибирских ученых, публицистов, литераторов и просветителей, сотрудников Русского географического общества. Вкупе с наставниками сибирские таланты внесли общий вклад разной степени значимости и результатов в комплексное изучение огромного края.

Декабристы положили начало новому этапу «узнавания Сибири изнутри», стали частью полисословного населения края. Мы видим в их книгах не только литературно-публицистические описания своих «злключений судьбы на фоне проживания» в природе, культуре, социальной среде местного населения. К концу жизни и пребывания в Сибири декабристы мыслят себя сибиряками, говорят словами говора сибиряков, находят себя в составе ее «культурной элиты». Они стали истинными подвижниками «века Просвещения» Сибири.

Именно с декабристов в XIX в. началось изучение «матушки-Сибири», не из столицы, не пытливыми умами «сторонних заезжих путешественников», но большей частью уроженцев края. И впервые в полноте Россия познакомилась с описаниями суровых красот разных регионов Сибири, историей завоевания Сибири Ермаком и его сподвижниками. В этнографических изданиях ИРГО простой обыватель увидел иной, чем типичный российский, образ сибирского старожилы как «русского – сибирского человека на сибирской земле».

Так кто вы, «первоосвоители» и старожилы «Российской Сибири»? Чьих вы будете, сибиряки? Кто вы есть и какого рода-племени?

Впервые эти и подобные вопросы, ответы на них по отношению к представителям потомственного многонационального населения Азиатской России мы найдем в работах XIX в. В них впервые были связаны воедино понятия «Сибирь, сибиряк, сибирские традиции и сибирский характер». Именно в это время пришло понимание значения присоединения и освоения сибирского края как для России, так и для самой Сибири. Становилось

ясно, что сибиряк — как местный абориген, так и русский старожил — есть продукт этого сурового, но благодатного края.

Одно из первых развернутых описаний о Сибири и сибиряках оставил нам гражданский губернатор образованной в 1822 г. Енисейской губернии Александр Петрович Степанов. В книге «Енисейская губерния» он представил уклад жизни и особенности культуры русских старожилов Енисейской губернии. Он высоко отозвался о способностях крестьян-старожилов: «Разговор сибиряков и даже рассказ их правилен, приятен, чист. Крестьянин долго не ищет слова, не думает об ответе. Незнакомые нам и усвоенные туземцами слова и поговорки встречаются весьма нередко в их речах». Книга получила высочайшую оценку со стороны власти и российского общества.

В это же время в Сибири были написаны историко-краеведческие работы П. А. Словцова «Историческое обозрение Сибири» в двух книгах, Е. А. Авдеевой «Записки и замечания о Сибири» и М. Ф. Кривошапкина «Енисейский округ и его жизнь»¹. В этих работах собран обширный пласт информации. Однако работы XVIII и большей части XIX в. написаны языком публицистики, простого представления фактов и ярких событий. Они и были написаны для любопытных столичных читателей, пытливых провинциальных обывателей, для людей «умственного развития» в познании «мест российских».

Прошло еще четверть века, и, наконец, в трудах историка А. П. Щапова, публицистов и общественных деятелей Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева мы видим близкую к научной попытку системного изучения итогов переселения и «вживания» русских в Сибири. Авторы второй половины XIX в. обобщили последние данные разных наук об особенностях Сибири с учетом природно-климатических, этнографических, географических факторов и уникальности процесса ее колонизации в мировой истории. Вместе с тем в их работах не просто констатация фактов о сибиряках, но проанализированы природные, климатические, этнические и социокультурные факторы формирования локальных групп. Даются отличия окружающей среды в разных регионах, местные образы русских старожилов Западной Сибири, Приангарья, Забайкалья в среде культуры «предметов, мыслей и поступков».

Афанасий Прокофьевич Щапов, профессиональный историк второй половины XIX в., видный специалист по истории Сибири, впервые попытался ответить на вопрос, *кто такой русский сибиряк*, с научных позиций. Будучи по рождению из верхоленских сибиряков, изнутри смог разглядеть и объяснить многие события и процессы сибирской истории. Он попытался установить взаимосвязь факторов адаптации с эволюцией культуры, сознания и поведения русских сибиряков. Эмпирически обобщив типичные образы сибиряков-старожилов, стереотипы поведения, обычаи

¹ П. А. Словцов издал серию исторических и краеведческих сочинений. Главный его труд — «Историческое обозрение Сибири». Первая часть его, описывающая период 1588–1742 гг., вышла в 1838 году; вторая, доводящая историю Сибири до 1823 года, — в 1844 году (2-е издание — 1836); Авдеева Е. А. Записки и замечания о Сибири. Москва, 1837; Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. Т. 1–2. Санкт-Петербург, 1865.

и традиции, он выделил русское старожильческое население в «особую русско-сибирскую народность». В обоснование своего вывода о формировании «русско-сибирской народности» положил тезис об этнически «смешанном» типе населения Сибири.

А. П. Шапов и его последователи попытались из этой постановки вопроса решить проблему «особенности» русских сибиряков. В их изложении русско-сибирская народность образуется путем физического смешения славянской народности с северо-азиатскими племенами: финскими, тюрко-татарскими, монголо-бурятскими и другими. «Любой человек с первого взгляда заметит, что славяно-русская раса, представляемая великорусским и малороссийским народом, смешиваясь с разными сибирско-азиатскими племенами, благодаря своей культурно-исторической и национальной окрепlosti и устойчивости всегда преобладала и преобладает в передаче своих типических признаков сибирскому русскому населению»².

Далее А. П. Шапов утверждал, что «вследствие скрещивания с разными сибирско-азиатскими племенами национальный и племенной тип славяно-русской народности, в физической и психической организации русского сибирского населения, подвергся и своеобразным вариациям». «Путем повторного скрещивания славяно-русского племени с разными сибирско-азиатскими народами стремится образоваться однородная масса населения, но несколько своеобразная, не разделяющая в одинаковой степени признаков родоначальных рас или племен, — чисто славяно-русской, представляемой русскими колонистами, и северо-азиатской, представляемой аборигенным населением».

Больше всего А. П. Шапова занимал вопрос о результатах смешения русских с местным населением путем межэтнических браков в XVII–VIII вв. Развивая взгляды П. А. Словцова, восхвалявшего черты характера русских сибиряков, он создал теорию «русско-сибирской народности». Эта теория основывалась на признании русского старожильческого населения Сибири особым «этническим типом», весьма отличным или даже противоположным по своим характеристикам великороссам, то есть жителям Европейской России. Знаменитый ученый считал, что потомки людей, населявших и основавших Азиатскую Россию в конце XVI–VIII вв., со временем утратили многие положительные черты русского народа. У них «затеряна старина» (забыта традиционная культура), испорчен

² Шапов А. П. Историко-этнографическая организация русского народонаселения // Русское слово. 1865. № 1, 2, 3; Шапов А. П. Естественно-психологические условия умственного и социального развития русского народа // Отечественные записки. 1870. № 3, 4, 12; Шапов А. П. Историко-географические и этнографические заметки о сибирском населении // Известия Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества. 1872. № 3; Шапов А. П. Историко-географические заметки о Сибири // Там же. 1873. № 2; Шапов А. П. Сибирское общество до Сперанского // Там же. 1873. Т. 4, 5; Шапов А. П. Сельская оседло-инородческая и русско-крестьянская община в Кубинско-Ленском краю // Там же. 1875. № 3, 5–6; Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1882; Этнологические особенности сибирского населения // Томские губернские ведомости. 1865. № 16–3.

Первопроходцы и «освоители» Сибири...

Академик А. П. Деревянко: «Это именно они, безвестные землепроходцы, проложили пути сквозь тайгу и тундру, через волоки, по малым и великим сибирским рекам на север Сибири. Это они, крестьяне, мастера на все руки, строили переправы, рубили остроги и города, вышли к Тихому океану, на Сахалин и Курилы, Камчатку и Аляску — русскую Америку».

Западноевропейский путешественник Белл о поездке на р. Лену: «Это очень долгое и трудное путешествие. Обычно, пропутешествовав несколько дней в санях, пока дорога позволяет идти лошадям, становятся на лыжи и тащат за собой по возможности легкие и небольшие нарты, содержащие провизию и необходимые вещи. Ночью разводят большой костер и располагаются вокруг него спать в этих узких санях. Как только они отдохнули, снова становятся на лыжи. Этот способ передвижения продолжается около десяти дней, пока не прибывают в место, где добывают собак для себя и своих нарт. Собаки впрягаются парами... Хорошо приученные, они мчатся единым духом, лая всю дорогу, и человек, лежащий в санях, при помощи веревки управляет собакой, которая ведет за собой остальных... Я был удивлен грузом, который эти твари способны перетащить, но путешественники вынуждены возить с собой провизию как для себя, так и для собак. Таким образом действуют эти люди на протяжении трех недель, пока не прибывают в деревню на Лене, где, оставив собак, добывают себе лошадей, на которых едут до города Якутска».

Белл о плавании по Ангаре: «10 июля 1721 г. мы достигли большого порога, называемого Падуном из-за крутизны падения воды. По этому порогу мы проплыли благополучно. Следующий порог, названный из-за большой длины Долгим, считается более опасным, ибо он очень изогнут, извиляется от одного берега к другому поворотами между скалами и большими камнями. Плывая по этому проходу, штурман сидит на носу судна, давая шапкой знаки своим людям у руля, каким путем плыть, ибо вода, мчась по скалам и большим камням, издает такой ужасный шум, что совершенно невозможно услышать звук. Надо усиленно работать веслами, чтобы предохранить судно от поворотов в ту или иную сторону, ибо, если оно налетит на скалы, все товары и люди погибнут. Затем 11 мая проплыли мы по другому порогу, называемому Шаманским, который считается самым опасным из всех — проход здесь очень узок и извилист. Кое-кто из нашей компании предпочел пройти пешком по берегу, карабкаться по скалам и пробираться по зарослям, где много змей».

Начало государственной колонизации Сибири датируется указом царя Федора Иоанновича от 3 мая 1590 г.: «Отправлены из Сольвычегодска в Сибирь 30 хлебопашенных семей». На каждую семью велено выдать по 25 рублей деньгами. У каждого хозяина быть по три мерина добрых, да по три коровы, да по две козы, да по три свиньи, да по пяти овец, да по два гуся, да по пяти кур, да по двое утят, да на год хлеба, да соха со всем для пашни, да телега, да сани и всякая житейская рухлядь».

По прошествии 100 лет путешественник Исбрант Идес, проезжавший через город Иркутск, писал: «После нескольких дней пути среди бурят приехал я в город Иркутск, расположенный на реке Ангаре, которая истекает из озера Байкал в шести милях от города и течет с юга на север. Хлеб, соль, мясо и рыба здесь очень дешевы, ржи больше всего, и столь много, что за семь стюйверов можно купить еще сто немецких фунтов. Тому причиной плодородие этой земли».

«физический тип», огрубела нравственность — все это под влиянием якобы отсталых в культурном отношении азиатских народов, с которыми смешались русские, суровости природы, продолжительной изоляции края, удаленности от центров просвещения, дурной администрации и уголовной ссылки. Исходя из его положений, после смерти А. П. Щапова областного, видные публицисты Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин обосновывали особые физические и психические черты сибиряка по сравнению с жителями Европейской России.

Эмпирическое изучение культурно-бытовых и социопсихологических характеристик русского населения Сибири в более широких масштабах продолжил Н. М. Ядринцев³. Следуя идее «выполнения первейшего долга сына Родины — изучать ее во всех отношениях», он, как и все сибирские областники, активно занимался историческими и этнографическими изысканиями.

Видному общественному деятелю и публицисту Н. М. Ядринцеву принадлежит одна из первых характеристик отличительных черт россиян и сибиряков — переплетение социокультурных процессов в регионе, в том числе признаков влияния русской культуры на традиции коренных народов Сибири. Так же, как и А. П. Щапов, он доказывал, что формирование русско-сибирской народности происходило в результате смешения русских жителей Сибири и аборигенного населения.

Соприкосновение и метисация русского населения с инородческими племенами на громадных пространствах Сибири сопровождалась не только изменением физиологических и общественных свойств прошлого племени, но отчасти и совершенным его поглощением. Изменения эти не составили отдельных и случайных фактов, но отразились на всей массе русского населения на востоке. Инородческая кровь окрашивала русскую национальность даже там, где не имела непосредственного соприкосновения с инородцами.

Из русского населения на востоке сложился новый этнографический тип как в физическом строении, так и в нравственных признаках⁴.

Делая вывод об изменениях великорусской народности на востоке во всем ее составе и о том, что эти изменения стремятся сделаться наследственной органической особенностью всех жителей данной местности, Ядринцев ссылается на материалы этнографических исследований Восточно-Сибирского отдела Географического общества⁵.

По его мнению, люди, выросшие в смешанных семьях, отличались от русских европейской части России не только антропологическим типом, особенностями психики, но и образом жизни и бытовой культурой. Особое место в этих рассуждениях уделялось говору русских сибиряков, прежде всего влиянию на него местных языков: заимствования слов, изменение качества звуков, особенности в построении фраз, кроме того,

³ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1882. С. 50–51.

⁴ Там же. С. 55–57.

⁵ Потанин Г. Н. Климат и люди Сибири // Томские губернские ведомости. 1865. № 17; Нужды Сибири // Сборник к 80-летию со дня рождения Г. Н. Потанина. Томск: Типолитография Сиб. тов-ва печатного дела, 1915.

в сибирском наречии обнаруживается более трех тысяч слов, неизвестных великороссам. Однако автор находил изменения в хозяйстве, традиционной культуре и языке и у тех сибиряков, которые не имели примеси «инородческой» крови, но долго, порой на протяжении нескольких поколений жили в Сибири.

Известный этнограф Г. Н. Потанин не соглашался с официальной точкой зрения, будто между русским сибиряком и великороссом нет никакой разницы в принципе. Как и его предшественники, ученый доказывал, что этнокультурные особенности русских сибиряков хорошо проявляются, стоит понаблюдать за старожилами и переселенцами из Центральной России, и разница в физическом облике, языке и общей культуре будет очевидна.

В сибирской прессе он активно участвовал в обсуждении вопроса о наличии у населения Сибири существенных отличий в сравнении с жителями Европейской России. По этому поводу он писал: «Сибирь делится на две части, на Сибирь инородческую и Сибирь русскую. Если относительно инородческой Сибири централисты не спорят, признают существование у них бытовых особенностей, признают за инородцами право на дальнейшее развитие этих особенностей и на культурное обособление от остальной империи, то и за русскими сибиряками необходимо признать право на культурное обособление». Говоря об этой проблеме русских в Сибири, Г. Н. Потанин склонял общество к мысли о том, что наилучшим вариантом для всех будет признание прав населения Сибири в России⁶.

Другими причинами, влияющими неблагоприятно на антропологический тип сибиряка, являются рождаемость, здоровье, болезни, заносимые в Сибирь ссыльным людом. Каторга принесла из тюрем и арестантских физическую хилость и нравственную испорченность, беспорядочный половой отбор вследствие численного неравенства полов, сильное развитие проституции, соединенной с безобразным пьянством. Данные факторы не могли не оставить свой след в физическом и нравственном отношении. Все это, нет сомнения, пишет Ядринцев, должно подрывать в самом корне народное здоровье, отзываться как на физическом вырождении сибирского населения, так и на понижении его умственного уровня⁷.

В целом же русское областное население в физическом отношении довольно крепко сложено и здорово, хотя не всегда обладает высоким ростом и толщиной. Сибиряки приземисты и коренасты. В развитии чувств и восприятии впечатлений сибиряк выработал, а отчасти получил в наследство от инородца многие изощренные способности, например, чуткость слуха и зоркость. Все же наибольшее влияние на приспособительную изменчивость и традиционное сознание старожильческого населения оказали естественно-географические, природные факторы. На локальные особенности адаптации русских людей накладывали отпечаток

⁶ Потанин Г. Н. Климат и люди Сибири // Томские губернские ведомости. 1865. № 17; Нужды Сибири // Сборник к 80-летию со дня рождения Г. Н. Потанина. Томск: Типолитография Сиб. тов-ва печатного дела, 1915.

⁷ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1882. С. 57.

Крестьяне на мельнице на речке Ильчемо в 9 верстах от деревни Ярки. 1911 г.
Фотограф А. П. Ермолаев. КККМ ОФ 10426/501. ГК № 9282059

конкретные сочетания природных зон и областей, осадков и климата, речной сети, рельефа местности и характера почв, наличие очагов заболеваний⁸. Природа, климат, расстояния существенно влияли на земледелие и животноводство, жилище и транспорт, питание и одежду первых сибирских старожилов.

Обособленность и изменчивость культуры, хозяйственно-бытового своеобразия, даже внешнего облика по отношению к русским Европейской России все больше углублялась в ходе продвижения от Урала в бассейн Енисея, Ангары, Лены, Амура, Приморья. В борьбе с местными факторами у первых сибиряков изменялось как физическое, так и психическое состояние. «Действительно, если растения испытывают влияние сибирского климата, то, вероятно, подчиняются ему и животные, а вместе с ними человек. Сделано наблюдение, что в сухом климате у людей развивается раздражительность, ухудшается умственное состояние. Он влияет на жизненную обстановку, действует через тысячи других... обстоятельств», — приводил свои доводы в пользу этого утверждения Г. Н. Потанин⁹.

Наиболее полно, обстоятельно и доказательно силу влияния факторов среды всесторонне показал К. Веселовский в сочинении «Климат России». Именно в этой книге приводится комплексное научное сравнительное описание климата Сибири и Европы. Особенность сибирского климата, по его мнению, сильно и разнообразно отражается на природе и на человеке. В своих выводах о влиянии климата на изменчивость

⁸ Русские старожилы Сибири. М., 1973. С. 185–186.

⁹ Потанин Г. Н. Климат и люди Сибири // Томские губернские ведомости. 1865. № 17.

Писатель В. Г. Распутин о Сибири и сибиряках

«Сибирь — это Сибирь, которая имеет свое имя, лежит на своем месте и выработала свой, ни на что другое не похожий характер. Из конца в конец и из края в край над нею витает свой дух, словно бы до сих пор не решивший, быть ему добрым или злым — в зависимости от того, как поведет себя здесь человек. За четыреста лет, прошедших после покорения Сибири русскими, она, похоже, так и осталась великаном, которого и приручили, и привели местами в божеский вид, но так и не разбудили окончательно...

... Для человека постороннего, знающего о Сибири лишь понаслышке, это огромный, суровый и богатый край — все как бы в космических размерах, включая и космическую выстуженность, и неприютность. И в коренном сибиряке он видит скорее продукт загадочной природы, нежели такой же, как он сам, продукт загадочного человечества. Для нас, для тех, кто в Сибири родился и живет, это родина, дороже и ближе которой ничего в свете нет, нуждающаяся, как и всякая родина, в любви и защите — нуждающаяся, быть может, в защите больше, чем любая другая сторона, потому что тут пока есть что защищать. И то, что пугает в Сибири других, для нас не только привычно, но и необходимо: нам легче дышится, если зимой мороз, а не капель; мы ощущаем покой, а не страх в нетронутой, дикой тайге; немереные просторы и могучие реки сформировали нашу вольную, норовистую душу...»

«Говоря о характере русского сибиряка, нелишне повториться, что с самого начала его формировала народная вольница. Колонизация Сибири прежде всего была народной, и раньше тех, кого правительство направляло „по выбору“ и „по указу“, сюда пробирались отряды „вольноохочих“. В Сибирь шли люди, уходившие от ограничений и притеснений и искавшие свободы всех толков — религиозной, общественной, нравственной, деловой и личной. Сюда двинулись и те, кто не в ладах был с законом, чтобы скрыться в зауральских глубинах от наказания, и те, кто искал справедливого общинного закона, который бы противостоял административному гнету, и те, кто мечтал о сторонущей, где бы вовсе не водилось никаких законов. Рядом с авантюристом шагал праведник, рядом с тружеником — пустожил и пройдоха. Религиозный раскол XVII века двинул в Сибирь десятки тысяч самых крепких, самых стойких духом и характером людей, которые отказались признать церковные и государственные нововведения и предпочли им уход из мира в неприступную глухомань. Еще и теперь в наших лесах находят их поселения, где человек в языке, обычаях, верованиях, в одежде и способах существования остался таким же, каким он был триста лет назад. Можно удивляться фанатичности этих людей, но нужно удивляться и их жизнестойкости и твердости, выходящих за границы наших представлений об этих понятиях...»

Распутин В. Г. Сибирь, Сибирь... // Сибирь без романтики. См.: https://www.4italka.ru/dokumentalnaya_literatura_main/publitsistika/416521/fulltext.htm

антропологического типа пришлого населения Г. Н. Потанин ссылался именно на К. Веселовского и на собственные наблюдения. Он утверждал, что именно в климате Сибири состоит прочный залог обособления сибирского населения как в физическом, так и в духовном отношении. У сибиряка, находившегося в более экстремальных условиях среды, славянская склонность к внутреннему нравственному анализу как черта народного характера приобрела несколько другой оттенок.

Нельзя не заметить в этом населении некоторых своеобразных умственных и нравственных черт, более или менее заметно отличающих его от психического настроения великоросского и малорусского народов.

Российский человек более развязан в своих суждениях, чем сибиряк. У него умственный кругозор большею частью шире, эмпирические знания разнообразнее, рассудочные способности более культивированы и развиты, рассказы разнообразнее и живее, речь обильнее, витиеватее и выразительнее, с большою примесью слов книжного языка, хотя часто и своеобразно употребляемых.

Сибиряк, наоборот, первобытнее, менее развязан в суждениях. Ум его менее развит и гибок. Логические приемы его мышления менее развиты, ассоциации идей не так многосложны, как у великоруса — какого-нибудь новгородца или ярославца. Углубленность в себя приобретает черты закрытости, сдержанности. В сибирском народе рассудок преобладает над чувством. Н. М. Ядринцев говорит, что холодно-рассудочная, практическая расчетливость сибиряков или преобладающая склонность к реалистическому и положительному взгляду на вещи подавляет в них всякое идеалистическое умонастроение¹⁰.

Сибиряки более утилитаристы и материалисты, чем мистики и идеалисты. При всей некультурности ума внутренний анализ, хотя и в простых и грубых формах, не чужд сибирякам, но происходит он не в нравственной сфере, а в нем намечаются признаки реалистического утилитарного направления мысли. Эта черта характера проявляется и в языке. Сибирский разговор ленив, холоден, без легкомыслия, нетягуч и малословен, как бы с числом и весом. Сибиряк привык не раскрываться собеседнику, взвешивать каждое слово, по привычке пропускает глаголы, оживляющие мысль¹¹.

Следы местного умонастроения обнаруживаются также в том, что сибирское население на многие традиционные учреждения или принципы и правила смотрит гораздо свободнее и смелее, чем великоросский народ, руководствуясь более натуральными чувствами, потребностями и побуждениями. Так, по замечанию Щапова, простонародье весьма свободно относится к гражданским бракам или свободному сожителству, руководствуясь исключительно влечением чувства и страсти, в то время как в России это явление воспринимается однозначно как блуд.

Столь разительные отличия в культуре мышления Н. М. Ядринцев видит в том, что ум великоросса формируется под влиянием историко-традиционного воспитания, а ум сибиряка — непосредственно-натуральной дрессировки. За умонастроением великоросса, пишет А. П. Щапов, стоит продолжительный тысячелетний исторический опыт, отчасти влияние европейски образованного класса. Умонастроение характеризуется забывчивостью всякой исторической традиции, утратой поэзии и отсутствием всякого идеального чувства и поэтической мечтательности. Сибиряки большей частью, указывает Щапов, забыли всю древнерусскую старину, все эпические сказания и былины великорусского народа, даже большую часть великорусских верований или суеверий, примет, обрядов увеселительных¹².

¹⁰ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония... С. 59.

¹¹ Там же. С. 59–60.

¹² Щапов А. П. Историко-географические и этнографические заметки о сибирском населении // Известия Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества. 1872. № 3.

Они забыли не только вынесенную из России историю, но и свою собственную. При этом считают себя русскими, а к коренным русским относятся как к иностранцам. К судьбам России сибиряки холодны, поэтому любые политические или прочие события там не возбуждают в сибиряке особого патриотизма. В сознании русского сибиряка граница между «мы» и «они» проходит по «Уральскому камню»¹³.

Таким образом, в оценочных работах по изучению творчества А. П. Щапова того же периода (С. Шашков, В. Вагин, Н. Козьмин и др.) мы видим неоднозначный подход к выводам об этнокультурных характеристиках русских сибиряков: большинство уклонилось от критических оценок, ограничившись выводами о недостаточной изученности вопроса¹⁴.

В продолжение изучения проблемы исследователи советского периода иногда возвращались к описанию характеристик русского населения Сибири, но только в целях изучения единых черт культуры всего русского народа. Работы 1930-х гг. в большинстве своем, согласно постулатам советской идеологии, выполнены в критических оценках выводов воззрений А. П. Щапова на этническую историю русской Сибири. В работах 1930–1950-х гг. русское население Сибири представлено в составе русского этноса в единстве истории, социального развития и культуры. Так продолжалось более 25 лет...

Качественный прорыв в изучении русских Сибири был сделан по итогам полевых антропологических исследований 1960–1964 гг. в работе «Русские старожилы Сибири: историко-антропологический очерк». До сих пор она продолжает быть настольной книгой сибиреведов. Отбросив «описательную эмпирику» А. П. Щапова и его последователей, участники комплексных исследований доказали наличие выраженных особенностей локальных культур и иных локальных вариаций физического типа русских старожилков. Факторами изменений названы места выхода переселенцев, локальные особенности климатической адаптации, роль изоляции, варианты метисации русских и автохтонного населения. В очерках описаны антропологические типы 12 локальных конвексионных групп сибиряков. Авторы делают вывод: «Русские Сибири, несмотря на то, что пришли из разных районов России и в одних случаях смешивались с местным населением, а в других нет, характеризуются некоторыми общими чертами. У сибиряков более крупные размеры лица и носа. Каждая категория русского сибирского населения имеет некоторые свойственные только ей черты»¹⁵.

Воздействующие природно-климатические факторы, исторические и социально-политические условия наполняли окружающую среду иными, чем в Европейской России, характеристиками. Иной тип взаимодействия человека с объектами и явлениями окружающей среды формировал новое содержание ценностей субъективной картины мира, иные традиции, обычаи и обряды, иные стереотипы поведения.

¹³ Там же.

¹⁴ Сторожев В. О сочинениях А. П. Щапова: в 3 т. СПб., 1906. Т. 1. Иркутск: Типография И. И. Макушина, 1902.

¹⁵ Русские старожилы Сибири. М.: Наука, 1973. С. 119.

Тип старой постройки. Дом старожилы В. В. Седельникова, выстроен в 1858 г. Август 1938 г.

Фотограф И. И. Балув. КККМ НЕГ 3185. ГК № 18538275

Отсутствие крепостного права в Сибири, личная свобода крестьян, существенный фонд свободных земель были важнейшими факторами формирования новых социальных отношений. Превалирование среди переселенцев крестьян Русского Севера позволяло практически реализовать традиционные устойчивые представления русских крестьян о правах и свободах. Столкновение сибирских представлений с российскими в субъективной картине мира подтверждают записки ученого – путешественника второй четверти XVIII в. И. Г. Гмелина. Он негативно оценивал представления сибиряков о роли экономического принуждения в земледелии: «Земля благословенна, а людей не заставляют работать...» В то же время он явно не замечал преимущества свободного труда и посчитал, что крестьяне «выгоды получают за счет плодородия здешней почвы...». Его поразил иной, чем в России, тип социальных отношений в Красноярске: «Служивые живут с воеводой... по-панибратски»¹⁶.

Сибирские крестьяне значительно расширили личные и имущественные права, в отличие от «таких же государственных» крестьян Европейской России. Даже в условиях закрепления крестьян на государевой пашне власти не смогли обеспечить учреждение крепостнических отношений. В дальнейшем все более выявлялось несоответствие норм землепользования реальным пожеланиям и возможностям домохозяев. Показателем

¹⁶ Записки И. Г. Гмелина и С. П. Крашенинникова о пребывании в Красноярске представлены в кн.: Город у Красного Яра: документы и материалы по истории Красноярска XVII–XVIII вв. Красноярск, 1981. С. 136–137.

иною, адаптированного права на землю становилось несоответствие между отводом земли государством за тягло и обычаем «захватного» владения и распоряжения угодьями. Противоречие разрешалось тем, что государство соглашалось с традициями обычного права при условии выполнения крестьянами обязанности освоения сибирского края.

С началом сибирской колонизации в динамике процессов освоения превалировали политические и пушно-промысловые цели. Вследствие этого в первой половине XVII в. превалировала неукорененность «государевых» и «промышленных» людей, хищническое истребление пушного зверя на «чужих» для русских землях. В источниках этого времени фигурируют повсеместная нехватка хлеба и описания голода. На первых порах и с началом сибирского землепашества еще отсутствовала адаптированная культура земледелия, адекватная местным природным условиям. В психике русских крестьян в течение первых десятилетий довели установки прежних стереотипов-значений в традициях земледельческой культуры. Крестьяне-переселенцы, первоначально «опираясь на привычные представления и сталкиваясь с суровой действительностью», «терпели поражение» в Сибири при воспроизведении российской технологии земледелия¹⁷.

Во второй половине XVII в. адаптированное к условиям Сибири земледелие становится ведущей отраслью. Источники последней четверти XVII в. уверенно констатируют, что сибирские крестьяне «пашут не по русскому обычаю». Если стереотипы-свойства выражались в виде новых приемов землепашества «не по русскому обычаю», значит, мотивировались они изменившимися ценностями в картине мира сибирских крестьян.

Адаптированная к сибирским условиям культура земледелия формировалась постепенно на основе анализа десятков показателей качества земли, районированных климатических примет, испытания зерновых и овощных культур, пробных посевов для «опыта». Можно считать, что в процессе взаимного приспособления культуры земледелия и среды произошла серьезная психологическая переоценка русских традиций землепашества в сознании сибирских крестьян. Следовательно, первый этап освоения края был периодом экономической адаптации, повлиявшей на изменение традиций, мышления и уклада повседневной жизни сибирских крестьян в последующих поколениях. С образованием пяти земледельческих районов сформировались локальные культурно-хозяйственные комплексы взаимодействия с экстремальными факторами («окультуренные районы»). Первые пять земледельческих районов – Верхотурско-Тобольский, Томско-Кузнецкий, Енисейский, Ленский и Забайкальско-Приамурский – стали новой родиной, «месторазвитием» формирующегося социума русских старожилов Сибири. В конце XVII – начале XVIII в. между ними еще лежали обширные территории, не знавшие пашни.

В течение XVIII в. с проведением великого Сибирского тракта процессы земледельческого освоения новых притрактовых территорий существенно

¹⁷ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск: Наука, 1982. С. 97; История Сибири. Т. 2. Л., 1968. С. 61–67.

Двор бедняка-старожила в деревне Базаиха. 1932 г.

Фотограф В. К. Воробьев. КККМ НЕГ 10. ГК № 34312149

ускорились. Постепенно пашенные земли пяти освоенных районов начинают соседствовать, а затем сливаются в единое пространство. И как следствие, уже не вольный переселенец, а потомственный крестьянин-старожил стал играть ведущую роль в заселении всей Сибири. В сопоставлении с численностью переселенцев-мигрантов из Европейской России начинает преобладать естественный прирост русского населения сибирского края¹⁸. Более всего в течение XVIII в. русское население выросло в 2,3 раза на территории от Урала до Енисея. В течение 75 лет (то есть жизни трех поколений) основной прирост был достигнут за счет высокой рождаемости в старожильческих семьях. Авторы коллективной монографии «Крестьянство Сибири в эпоху феодализма» пришли к выводу, что «Западно-Сибирский регион, отдавая большой людской контингент соседней Восточной Сибири, восполнял эту убыль с лихвой за счет притока из-за Урала». В середине XVIII в. старожильческое население, по данным А. Д. Колесникова и В. В. Воробьева, составляло в Западной Сибири 61%, в Восточной Сибири — 67% всего русского населения. В трудах историка Г. Ф. Быкони доказано, что в источниках первой половины XVIII в. в отношении крестьян Приенисейского края систематически фигурирует термин «русский старожил»¹⁹.

¹⁸ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма... С. 97.

¹⁹ Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII — начале XIX в. Омск, 1973. С. 323, 336–337; Воробьев В. В. Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы). Новосибирск, 1975. С. 61; Быконя Г. Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск, 1981. С. 66 и др.

С 1703 по 1760-е гг. на территории Приенисейского края продолжился процесс земледельческого освоения южного Хакасско-Минусинского района с преобладанием среди участников миграции из Енисейского и Красноярского уездов как старожилов, так и местного русского населения²⁰. Об успешной адаптации потомков первых переселенцев, ставших старожилыми края, свидетельствует высокая рождаемость в их семьях, от 3,7 до 5,7 души мужского пола. Новоприбывшие крестьяне в 1720-х гг., по данным 1745 г., по отношению к последующим переселенцам числились спустя четверть века местными старожилыми²¹. Красноярский историк Г. Ф. Быконя делает вывод, что «формирование костяка русского старожильческого населения в Хакасско-Минусинском районе закончилось в 60-е гг. XVIII в.». Население южного Хакасско-Минусинского района росло с этого времени за счет высокого естественного прироста в старожильческих семьях²².

Таким образом, за текущие 30–40 лет в связи с заселением и хозяйственным освоением притрактовой зоны «старожильческие районы в бассейнах Средней Оби, Енисея и Илима соединились в одно целое» во второй половине XVIII в.²³ Мы делаем вывод о том, что здесь сложилось постоянное потомственное старожильческое крестьянство, составлявшее основной костяк сельских общин.

В течение первой половины XIX в. население Западной и Восточной Сибири продолжало расти значительными темпами. Так, по данным губернатора А. П. Степанова, к 1830 г. только в Енисейской губернии числились 50 235 государственных крестьян. Можно считать, что всего крестьян обоего пола было до 100 тысяч человек. В 1830–1860-х гг. (за 30 лет) естественный прирост сельского старожильческого населения составил не менее 120 тысяч человек. Тогда с учетом естественной смертности численность старожилов была от 200 до 220 тысяч душ обоего пола. В 1863 г. в Енисейской губернии проживали 249 986 душ крестьян обоего пола. Таким образом, сформировалась устойчивая общность русских старожилов. Это позволяет говорить о качественных изменениях в сознании русских сибиряков с объединением локальных анклавов в единое адаптированное социокультурное пространство сибирского края.

Несомненно, культура русских сибиряков включала в себя конкретный результат материальной, социальной и психологической адаптации, выразившийся в формировании определенного образа жизни. Формирование образа жизни социальной группы обуславливалось «их собственной природой, общественно-экономическими и естественно-географическими условиями жизни» и было мощным социализирующим фактором «мира старожилов». Внутриобщинные социальные факторы оказывали влияние на воспроизводство сибирских традиций в новых поколениях крестьянской молодежи. Одновременно адаптированные «привычки, идеалы

²⁰ Быконя Г. Ф. Там же. С. 119 и др.

²¹ Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 г. Красноярск, 1863. С. 214–225.

²² Там же.

²³ Там же.

Во дворе старожила. Село Бирюса. 1913 г.

Фотограф Ермолаев. КККМ НЕГ 5951. ГК № 38499188

и принципы» служили факторами социализации российских крестьян-переселенцев в среду старожилов.

В дореволюционных работах И. С. Гурвича, А. А. Кауфмана приводились описания превращения вольных переселенцев из Европейской России в средних или зажиточных домохозяев. Красноярский историк В. А. Степынин, подытожив выводы авторов XIX в., определил сроки заведения домохозяйства переселенцами — от 3 до 7 лет. Он выделил почвенно-климатические, финансово-экономические и социальные условия, «необходимые для организации хозяйства переселенцем без ряда оговорок»²⁴. «Ряд оговорок» трактуется нами как внутриобщинные особенности различных селений, волостей, уездов и даже губерний. Например, сроки адаптации к факторам края короче в селениях Зауралья и южных регионов Западной Сибири и значительно длительнее в таежных районах Приангарья, Лены, Прибайкалья. Но одновременно для семьи бывших переселенцев с обустройством хозяйства начинается более длительный процесс социальной адаптации в общине, рождения детей и внуков, и, наконец, завершения психологической адаптации в локальной «социо-экосистеме» вдали от некогда «родной России».

Динамику комплексной адаптации переселенцев 50–80-х гг. XIX в. под воздействием общинных факторов проанализируем на основе реконструкции поэтапного «осибириячивания» реальной крестьянской семьи.

История «крестьянина Михаила Ильина Щелкунова Минусинского округа Курагинской волости деревни Жербатской» (ныне Жербатиха) может служить примером благополучной адаптации в Сибири.

²⁴ Степынин В. А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962. С. 214–215.

По итогам подворного обследования старожилов жербатской сельской общины в 1890 г., состав семьи М. И. Щелкунова был следующим: домохозяин (М. И. Щелкунов. — Б. А.) — 51 год, жена — 50 лет, мать-вдова — 75 лет, три женатых сына с невестками, четвертый сын — 12 лет и три малолетних внука. В домохозяйстве имелась усадьба размером 40 на 40 сажень (в метрической системе 85 на 85 метров. — Б. А.), огород, 60 десятин пашенной земли, из которых засеивалась 31 десятина. Накашивалось по 600 копен сена. Для перепродажи ежегодно покупалось до 100 голов скота. Нанимались работники: 2 годовых и 1 сезонный.

Михаил Ильич Щелкунов родился в 1839 г. в семье крестьянина-середняка Пермской губернии и в 1852 г. в возрасте 13 лет прибыл с родителями в Сибирь, «в деревню Жербатскую Минусинского уезда». В подростковом возрасте вместе с отцом «занимался смолокурением и выгонкой дегтя, затем завел и развил хлебопашество», впоследствии «торговал хлебом до Енисейска». В возрасте 24 лет, женившись на дочери местного старожила, Михаил Щелкунов «породнился» с членами крестьянского «общества». На основании «подворных записей...» известно, что к началу 1880-х гг. домохозяйство М. И. Щелкунова числилось в составе старожильческих и по экономическим показателям выделялось среди других «жербатских».

Первым важным условием в позитивной адаптации семьи Щелкуновых было происхождение из государственных крестьян-середняков Пермской губернии. Вторым фактором превращения в зажиточных сибиряков явилось заселение в старожильческую деревню Жербатиха Курагинской волости. Немаловажную роль в укреплении статуса семьи в жербатском сельском «обществе» сыграли позитивные родовые качества Щелкуновых: трудолюбие, настойчивость, готовность братья за любую работу, коммуникабельность и отзывчивость. Женитьба на сибирячке также явилась одним из существенных условий ускоренного вхождения в старожильческое сообщество.

В контексте нашего исследования важен анализ психологической адаптации переселенцев Щелкуновых в 1852–1890 гг. Косвенные данные позволяют говорить о позитивной динамике в формировании нового самосознания. Во-первых, на момент переселения в Сибирь в 13 лет у Михаила Щелкунова не вполне закончилось формирование выраженной «российской» идентичности. Период взросления его проходил в течение 10 лет (1852–1862 гг.) в старожильческой среде, в кругу сверстников-подростков. В деревне, насчитывавшей в 1855 г. 25 дворов, находившейся от волостного центра в 35, а от уездного в 90 верстах, процесс адаптации прошел в границах традиций «замкнутого мира»²⁵. Женитьба на 23-летней девушке из старожильческой семьи в 1863 г. напрямую свидетельствует о признании Михаила «своим» сверстниками-старожилами. К этому времени он в течение 5–6 лет участвовал вместе с отцом в сходах общины наравне со всеми членами крестьянского мира. К середине 1870-х гг. Михаил Ильич утверждается в статусе главы домохозяйства.

²⁵ Минусинский городской архив. Ф. 106. Оп. 1. Д. 2. «Статистические сведения...».

Крестьянская
старожильческая
семья в деревне
Енисейка Канского
уезда. 1911 г.

Фотограф
В. П. Ермолаев.
КККМ НЕГ 9588.
ГК № 24951717

Данные о высоком уровне хозяйствования («торговал хлебом до Енисейска») относятся к 1875–1885 гг. В хронологическом наложении десятилетие 1875–1885 гг. приходится на 23–33-й годы проживания М. И. Щелкунова в Енисейской губернии. В 1880 г. у М. И. Щелкунова подрастали сыновья 16, 14, 12 лет, которые по факту своего рождения в Сибири считались сибиряками-старожилками. Старший сын Егор Михайлович женился в 1886 г. на старожилке с. Имисского и в 1890 г. имел дочь 3 лет. Через 10 лет он продолжил торговые операции отца, развернув несколько торговых лавок в соседних селениях Курагинской волости. Таким образом, в течение 20–30 лет завершился процесс материальной, социальной и психологической адаптации семьи Щелкуновых в старожильческой общине²⁶.

Возобновление «мини-процессов» адаптации последующих поколений переселенцев XIX в. происходило в благоприятных условиях материальной

²⁶ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутск, 1890. Т. IV. В. 5–6. С. 348; В начале XX в. среди зажиточных «торгующих крестьян» Имисской волости назван Егор Михайлович Щелкунов. См.: Справочная книга по Минусинскому уезду за 1912 год. Минусинск, 1912. По данным наших полевых исследований, Е. М. Щелкунов в начале 1920-х гг. «был лишен права голоса как антисоциальный элемент» и в 1930-х гг. репрессирован.

Три поколения крестьянской старожильческой семьи в деревне Енисейка Канского уезда. 1911 г.

Фотограф В. П. Ермолаев. КККМ НЕГ 9594. ГК № 24951793

и психологической поддержки со стороны старожилков. Однако от переселенцев требовалось позитивное восприятие традиционных ценностей сибирской крестьянской общины. Источники подтверждают, что мир старожилков был мощным фактором воздействия на сознание переселенцев. «Откуда бы ни были новоселы, они подвергаются непрерывной критике и иронии, сопровождаемой и положительными советами, как поступать на сибирской почве, как пахать землю, наконец, даже советами, как говорить, не возбуждая смеха. Под гнетом этих насмешек и советов, подтверждаемых собственным опытом, новые колонисты быстро уступают местным обычаям, и не далее как следующее поколение считает себя коренными сибиряками»²⁷.

Психолог М. П. Якобсон писал, что «по традициям, бытующим в данной среде», «подражанию определенному образцу поведения, следованию примеру» трансформируются прежние установки поведения. Поэтому под внешним социализирующим воздействием меняется содержание ценностей и структуры элементов субъективной картины мира. Переселенцы «быстро уступают местным обычаям» (то есть воспринимают местные

²⁷ Кауфман А. А. Влияние переселенческого элемента на развитие сельского хозяйства и общинной жизни в Западной Сибири // Северный вестник. 1891. № 4. С. 37; Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1892. С. 126.

стереотипы поведения), и через два-три десятилетия у них закрепляется новое самосознание старожила сибирского края.

Повторим вкратце в ретроспективе процесс формирования и развития старожильческого мира в прошлом. Подчеркнем, что системное понимание стало возможным только в комплексном изучении социокультурных процессов в сибирском «обществе» в единстве исторических событий, эволюции ментальности, аспектов идентичности, этнического характера сибиряков. Итак, согласно нашим собственным работам и выводам, к 60-м годам XVIII в. на основе завершения земледельческого освоения старозаселенных районов Западной и Восточной Сибири сформировалось постоянное старожильческое население с отдельными внутренними миграционными перемещениями. Формировалась и новая идентичность русских сибиряков: есть «российские» люди и есть «мы, сибирские старожилы». Данная идентичность опиралась на отсутствие крепостного права, общинный демократизм, отстраненность от властных структур по сравнению с европейской частью страны, на обилие земель и ресурсов. Старожилы-сибиряки стали основным населением региона, они определяли действие норм обычного права, традиции, нравы, образ жизни, региональный патриотизм и самосознание детей и внуков. Они активно влияли на новых переселенцев «и на местных аборигенов, вступая с последними в хозяйственные и бытовые взаимоотношения»²⁸.

В конце 1980-х гг. сибирский историк М. В. Шиловский одним из первых переходит от порицания идей областников к попытке понять и критически осмыслить проблемы изучения Сибири вне идеологии, на научной

²⁸ Андюсев Б. Е. Традиционное сознание крестьян-старожилов Приенисейского края 60-х гг. XVIII – 90-х гг. XIX в.: Опыт реконструкции: монография. Красноярск, 2004.

Семья переселенца
Герасима Кузьмина.
Начало XX в.
КККМ ОФ 13682/9.
ГК № 34423100

основе²⁹. В исторической динамике развития научной мысли от работ XIX в. к современным исследованиям, на смену видения русских старожилых как «особой народности» приходит обоснование теории культурологов и этнологов о сибирских старожилых как составной социокультурной единице русского этноса. Критерием служат не столько внешние характеристики «особенностей культуры», но более внутренние ментальные в осознании себя как русскими, так и русскими сибиряками. Именно в двойном самосознании, в признании своих культурных традиций, обычаев, особенностей языкового диалекта, но в сохранении этнической принадлежности к русскому народу, и состоит суть теории малой этнической группы внутри этноса.

Концепция двойного сибирского самосознания привела к утверждению и обоснованию точки зрения о русских сибиряках как «старожильческом субэтнотесе». Теория субэтнотеса базируется на классическом выводе этнографа Ю. В. Бромлей, что любой народ (этнос) имеет таксономическую внутреннюю структуру из субэтнических и малых этнографических групп.

Субэтнос выделяется своеобразием культуры и языка и обладает самосознанием, считая себя одновременно представителями и субэтнотеса, и этноса. Внутренние этнографические (конвиксионные) группы выделяются по признаку своеобразия культуры и языка, но без особого самосознания³⁰. В качестве субэтнических групп русского этноса этнографами признаются поморы, казаки, полехи, старообрядцы, мещеряки, однодворцы и, в том числе, русские старожилы Сибири.

Этноним (имя этноса) «русские» специфичен содержанием: «Русские принадлежат Руси, относятся к ней <...> производны от Руси», — отмечает историк И. В. Кондаков. Данные глубинные установки в славяно-русском сознании говорят о принадлежности этноса к земле (русь-ский чело-век). Россия — это прежде всего русская земля, поэтому принадлежность к «земле сибирской» определяет субэтнотесом русских старожилых — «человек сибирский», или «сибиряк на Сибири».

По факторам и отличиям структурирования русского население в Сибири можно подразделять на старожилых: старожилы-чалдоны Русского Севера, старожилы-самоходы XIX в. иных мест выхода, казаки, старообрядцы, переселенцы-«новоселы» («столыпинские») начала XX в. Сибирское казачество отличало специфическое двойное самосознание, которое причисляло их к субэтнотесу как казаков, так и русских сибиряков.

Субэтнос русских старожилых Сибири состоит из локальных этнографических групп, или конвиксий: это «кержаки», «поляки», «марковцы», «каменщики», «карымы», «семейские», «русаки», «смешницы», «касьминские чалдоны», «обьцы» и другие. Сибирские группы староверов ряда региональных толков («поляки», «семейские», «кержаки», «дырники») имели ярко выраженную тройную этноконфессиональную идентичность: как русские, как сибирские старожилы и как представители субэтнотеса

²⁹ Шиловский М. В. Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50–60-х гг. XIX века. Новосибирск, 1989.

³⁰ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1984. С. 53.

Семья переселенца. 1911 г.

Фотограф В. П. Ермолаев. КККМ НЕГ 6287. ГК № 20231963

старообрядцев. На Крайнем Севере и северо-востоке Сибири «русские засельщики» образовали группы смешанного происхождения с коренными этносами. Это якутяне – жители ямщицких селений по р. Лене; камчадалы – на Камчатке; колымчане – по р. Колыме; затундренские крестьяне «за тундрой» на севере Енисейской губернии и Якутии, потомки северорусских поморов – русскоустыинцы и марковцы³¹. Многопоколенные потомки первых «засельщиков» относили себя к «коренным русским

³¹ Бережнова М. Л. Группы русских Сибири // История. Культура. Общество: Междисциплинарные подходы. В 2 ч. М., 2003. С. 339.

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ

сибирякам – челдонам». «Наши предки из челдонов, здесь исконно сибирские», – говорили они о себе.

Надо отметить, что остаются еще разночтения между учеными – кого считать старожилами? По-прежнему распространена точка зрения еще советского времени, что старожилами следует считать проживавших на территории Сибири до реформ 1861 г. Всех последующих отнести к переселенцам.

Но видный экономист и статистик А. А. Кауфман по итогам массовых обследований крестьянских хозяйств 1880–1890-х гг. предложил свое видение структуры крестьянства Сибири. Во-первых, это «крестьяне-старожилы», живущие в крае уже несколько поколений, «крестьяне-староселы» – та часть сибирских крестьян, которые пришли сюда более чем за 15–20 лет, и «новоселы» – крестьяне, прибывшие из Европейской России не более 15–20 лет тому назад»³².

В это же время в книге «Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний» за 1893 г. к категории крестьян-старожилов относят тех, «которые родились уже в Сибири», а также «добровольных переселенцев» по прошествии 25 лет проживания в старожильческих селениях. Одновременно ставится важное условие: для вновь причисленных

³² Кауфман А. А. Сибирь: Население // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. Ф. Брокгауза, И. А. Эфрона. СПб., 1900. Т. 29а. Кн. 58. Ст. 762–764 (цит по: Зеерев В. А., Кузнецова Ф. С. История Сибири: хрестоматия по истории Сибири. Ч. 1: XVII – начало XX века: Учебное пособие... Новосибирск, 2003. С. 119.).

КТО ТЫ, «ПРИРОДНЫЙ НА СИБИРИ»?

к старожилам необходим «совершенный достаток для полной экономической ассимиляции их». Переселенцам, поселившимся коллективно во вновь образовавшихся селениях, необходимо прожить в Сибири от 25 до 50 лет для признания их старожилами, а бывшие переселенческие деревни – старожильческими³³.

На основании вышесказанного мы считаем, что понятие «сообщество старожил» имеет характер динамической величины. Оно включает как потомственных крестьян, так и вольных переселенцев, в течение 25–50 лет прошедших через этапы экономической, социальной и психологической адаптации в старожильческой общине. Хронологически верхний слой по степени «укорененности» занимают «переселенцы» (до 7–8 лет в Сибири), далее идут «новоселы» (от 7 до 15 лет) и «новожилы» (от 15 до 25 лет). Далее шло их причисление к «сословию старожил» с учетом и записями их в соответствующей графе волостной документации.

Наряду с указанными, было обычным для сибиряков «именование» себя в первых поколениях старожил «по местам выхода»: тамбы (тамбаки), ре(я)заны, смоляки, вятские, могылы, витебшане. Со стороны коренных сибиряков переселенцы назывались «российские», «посельга», «лапотоны», «лапотошники» и даже «соломенные» (по крышам их домов).

Наши исследования в среде старожил 1970–1990-х гг. доказывают, что их предки, «новожилы» конца XIX в., по отношению к «столыпинским» в 1907–1910 гг. ввиду проживания в Сибири более 20–25 лет числились

³³ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Т. IV. Ч. 1. Иркутск, 1893. С. 48.

Отъезд переселенцев на участок. 1904 г.

Фотограф Л. Ю. Вонаго. КККМ НЭГ 1198. ГК № 626431

старожилами. Бывшие «столыпинские» переселенцы в конце 1920-х гг. даже не сомневались, что являются старожилами в своих селениях³⁴.

Таким образом, итогом взаимного приспособления первых русских переселенцев и факторов сибирского края стало: во-первых, формирование новой «окультуренной» среды от стадии простого «кормящего ландшафта» к «месторазвитию»; во-вторых, сформировавшиеся в процессе адаптации путем эволюции малые этнические группы социума русских старожилов³⁵. Вполне разумное объяснение этого процесса дала в 1992 г. группа ученых РАН в коллективном труде по этнопсихологии в согласованных позиции о непрерывном, продолжающемся изменении этносоциальных особенностей русских сибиряков и в современный период. Данный вывод постоянно подтверждается результатами комплексных полевых

³⁴ Андюсев Б. Е. Традиционное сознание крестьян – старожилов Приенисейского края 60-х гг. XVIII – 90-х гг. XIX в.: Опыт реконструкции: монография. Красноярск, 2004. С. 168.

³⁵ Понятие «кормящий ландшафт» ввел в научный оборот Л. Н. Гумилев в качестве обозначения социогеографического пространства, ареала формирования и проживания этнической общности. П. Н. Савицкий предложил использовать для обозначения географических факторов окружающей среды и социально-исторических факторов взаимодействующего с ней этноса термин «месторазвитие».

Посадка
переселенцев
на пароход.
Правый берег
р. Енисей в районе
г. Красноярска.
1913 г.

Фотограф Ермолаев.
ККМ НЕГ 5605.
ГК № 20232407

исследований историков, филологов, этнографов, культурологов, психологов. Старожильческий мир не исчез под воздействием политических, экономических, военных, демографических, этнических, информационных, по сути своей инновационных, вызовов советского и постсоветского времени. Сибирские старожилы, имея опыт и традиции четырех столетий взаимной адаптации к новым факторам окружающей среды, достаточно успешно продолжают развиваться в качестве североазиатской, восточной ветви великорусского этноса.

Изучение этнокультурных процессов в сибирском прошлом актуально для постсоветской науки. Можно признать, что ученые на подлинно научной основе исследования культурных традиций русских сибиряков приступают к изучению современных региональных групп на территории Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока. Следует признать, что прежняя структура локальных групп русских старожилов существенно изменилась в годы экономических преобразований, вызовов военного времени, воздействия строек 1950–1980-х гг. Стабилизация переселенческих и демографических процессов за последние 25–30 лет вновь ставит вопрос о восстановлении стабильного старожильского субэтноса Сибири XXI века. Оно все же едино или состоит из множества региональных старожильческих обществ от Урала до Камчатки, Сахалина и Курильских островов?

Минусинский уезд, женщина-переселенка на крыльце дома. Начало XX века.

КККМ НЕГ 9637.
ГК № 24949605

Общая территориальная идентичность подчеркивает пространственную, хозяйственную и психологическую обособленность населения, то есть наличие неких самостоятельных форм и типов жизнедеятельности, традиций, опыта, идеалов и символов, которые необходимо оберегать, защищать и развивать.

Первые ответы об идентичности современных сибиряков дают результаты исследований историков, философов и социологов. В работах историка М. А. Жигуновой подтверждается, что подавляющая часть современных жителей Сибири признает себя сибиряками в пониманиях: территориальном (сибиряки – это топоним) и региональном (сибиряки – люди, родившиеся и долго живущие в Сибири). Меньшее число современных сибиряков в понимании психологическом (сибиряки – особый тип людей с характерными чертами: крепкие, здоровые, с хорошими адаптационными способностями и т.д.) и этническом (сибиряки – «смешанный этнос»)³⁶.

³⁶ Жигунова М. Этносоциология русских Сибири: проблемы современной идентичности // Этносоциальные процессы в Сибири: темат. сб. / Рос. акад. наук, Сиб. отделение, Ин-т философии и права. Новосибирск: 1998. С. 191–195.

Согласно выводам социологических исследований Н. В. Сверкуновой, А. А. Анисимовой и О. Г. Ечевской, 77,7% сегодняшних сибирских жителей утверждают, что существует «сибирский характер», и почти 90% из них идентифицируют себя с людьми, имеющими этот характер. Из всех опрошенных 58,5% респондентов утверждают, что они обладают «сибирским характером»³⁷. По мнению участников данных исследований, в культурно-историческом автостереотипе и внешнем стереотипе основу характера сибиряков составляет самоуважение; особое место занимают такие качества, как выносливость, упорство, честность, коллективизм, терпимость, расовая непринужденность, демократизм³⁸.

Итак, мы рассмотрели в динамике эволюцию вопроса о российском сибиряке и попытках ответить на него. Мы видим, что и ныне он актуален в условиях мировой политической, этнической, культурной глобализации. Историческую науку, культуру и общественную мысль по-прежнему, как и два столетия назад, продолжают волновать вопросы: кто мы есть и какие мы, современные сибиряки? Кто вы для нас, «освоители» и старожилы «Российской Сибири» прошлых веков? Мы и вы — едины?

Поэтому мы поддерживаем мнение профессора А. О. Бороноева, что настало время углубленного изучения феномена «русских старожиллов Сибири» как особого этнографического типа для познания себя «на Сибири»³⁹. Бороноев считает крайне важными для «сибирских россиян» возрождение духа «сибирства», сибирской идентичности, менталитета, самосознания, сибирского патриотизма и гражданского достоинства.

³⁷ Сверкунова Н. В. Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования. СПб., 2002. С. 201; Анисимова А. А., Ечевская О. Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации: Монография. Новосибирск: НГУ, 2012.

³⁸ Сверкунова Н. Феномен сибиряка // Социологические исследования. 1996. № 8. С. 90–94.

³⁹ Бороноев А. О. «Сибирство» как форма территориальной идентичности // Сб. по итогам конференции «Российская ментальность: опыт изучения, результаты, достижения». СПб., 2002. С. 23–24.

Очерк второй

«РУССКАЯ СИБИРЬ» КАК ПРОДУКТ АДАПТАЦИИ

Историк В. О. Ключевский постоянно подчеркивал, что существенной особенностью российской истории на всех этапах был факт непрерывной колонизации русским населением «новозанятых земель». Экскурс в историю первоначального земледельческого освоения славянами Восточно-Европейской равнины позволяет утверждать, что оно началось в VII–VIII вв. и продолжалось до XII–XIII вв. Дальнейшая эволюция хозяйства шла в русле перехода от подсечного земледелия к переложному и двуполью; вела к формированию устойчивого трехполья, развитию густой сети селений и путей сообщения. К XVII–XVIII вв. центральные уезды и волости Европейской России относились к «старопашенным», а колонизационные процессы пошли дальше на Урал, в Зауралье и далее переместились в отдельные регионы Сибири. Технологии земледелия идущих впереди были все те же – древние славянские «подсека» и «перелог»...

Процесс русской колонизации требовал непрерывного приспособления «засельщиков» новых земель на восточных окраинах ареала русской культуры. Одновременно потребовалось существенное преобразование ландшафтных пространств Сибири в потребностях производящего типа хозяйствования. Конкретное содержание «вживания», приспособления русских переселенцев наполнялось изменениями в хозяйственной жизни, общинном устройстве, быте, одежде, пище, укладе повседневной жизни русских на территории Азиатской России. У первых двух-трех поколений «новых сибиряков» менялись все прежние представления и оценки среды проживания и себя в ней. Начался длительный процесс адаптации. По определению этнолога Э. С. Маркаряна, под понятием «адаптация

понимается процесс *взаимного приспособления* между культурой и средой в целях выживания и стабильности социальной системы»¹.

Так в XVII – первой половине XVIII в. сибирские земли от Урала до Камчатки стали неотъемлемой частью Российского государства. При этом традиционная русская культура превращалась в адаптированную культуру русских сибиряков. Особенности процессов адаптации, утверждения новой «взаимно приспособленной» культуры русских старожилов и факторов среды можно изучить на основе источников того времени.

Для решения этой задачи мы изучили и проанализировали комплекс изменений в социуме сибирских старожилов от нюансов хозяйственной и социальной сфер до традиций обычного права, принесенных с собой за Урал правил формирования и обустройства общинной жизни, семейного уклада, представлений, оценок и стереотипов поведения в мыслях и поступках за первые полтора-два столетия. И далее продолжилось изучение воспроизводства адаптированной культуры в последующих поколениях старожилов XVIII – начала XX в. во «взаимном приспособлении» с культурой переселенцев, ссыльнопоселенцев, бывших крепостных крестьян с инновациями капиталистической модернизации.

Феномен русской колонизации состоял в том, что осваиваемые территории достаточно быстро становились местами проживания оседлого земледельческого населения. В отличие от крестьян практически все иные сословия и социальные группы русских в Сибири долгое время были в основном людьми «временными». Именно крестьянская среда с каждым новым поколением их потомков формировала комплекс адаптированных материальных и духовных традиций, новые установки сознания и поведения. Русская культура содержала хранящиеся древние обряды, ритуалы, правила, «технологии освоения естественных ресурсов для формирования социальной структуры», адекватных условиям экстремальной среды².

Русские ученые П. Н. Савицкий и Г. В. Вернадский ввели в науку понятие «месторазвитие». «Месторазвитие» есть «совокупность географических, социально-исторических признаков определенной среды обитания, которая налагает печать своих особенностей на человеческие общезжития, развивающиеся в этой среде»³. «Месторазвитие» через ландшафт, климат и все элементы среды качественно влияет на исторические события, культуру, социальные и политические системы этносов. Для каждого этноса или его групп место зарождения и развития уникально в локальных сочетаниях тысяч мельчайших элементов леса, степей, гор, почвы, ветров, климата, флоры и фауны. «Совокупность признаков среды обитания» воздействовала на культуру жизнедеятельности и ментальность представителей русского и других народов России вне родины предков, но общей сибирской судьбы.

¹ Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 78–96.

² Там же. С. 228.

³ Кондаков И. В. Культура России. М., 1992. С. 46.

Здесь они получили и новый топоним «сибиряки» по принадлежности к территориальной общности. «Историческая энциклопедия Сибири» трактует данный термин так: «Сибиряки – собирательный термин, возникший как топоним, обозначающий жителей и уроженцев Сибири. Основой региональной идентичности является общность „малой родины“»⁴.

Факторы влияния на переселенцев и старожилов, на общину и традиции имели свою адаптивную направленность и набор типологических признаков:

- а) *внутрисибирские*, по отношению к переселенцам Европейской России: климатические, природно-локальные, ландшафтные, автохтонные полиэтнические и этнокультурные факторы. Это факторы сибирской среды;
- б) *внешние*, пограничные, воздействующие на «мир старожилов»: исторические, государственные, политические, экономические, социальные, ментальные и этнокультурные факторы. Это «русские» факторы;
- в) *внутриобщинные* социализирующие: нормативно-поведенческие, экономические, правовые, культурные, ментальные факторы по отношению к молодежи и российским переселенцам. Это факторы «мира старожилов».

Наибольшее влияние на формирование хозяйственной инфраструктуры, приспособительную изменчивость и ментальность старожильского населения оказали естественно-географические, природные факторы⁵.

На специфику адаптации переселенцев и изменений их этнической культуры накладывали отпечаток конкретные сочетания природных зон, речной сети, рельефа местности, характера почв, наличие очагов заболеваний. Сибирские ландшафты, расстояния, речная система существенно влияли на земледелие и животноводство, жилища и транспорт. Они обусловили формирование адаптированных представлений о влиянии природы на людей.

Велико влияние природно-климатического фактора на материальную культуру, образ жизни, жилище, характер питания, комплекс одежды русского населения Сибири. Однако еще В. О. Ключевский обратил пристальное внимание на взаимосвязь климата и особенностей национального характера. Экстремальность климата Европейской России выражалась, по его мнению, в том, что здесь «разность температур между зимой и летом... не менее 23 градусов, но местами... до 35 градусов»⁶. По его мнению, это стало мощным фактором формирования характера русского человека. По сравнению с этими показателями на территории Енисейской Сибири средняя температура января колеблется от -18-22 до -30-35 °С, средняя температура июля – от +20 до +30 °С. Отсюда перепад температур составляет от 35-38 °С до 65 °С. Перепад же подлинно

⁴ Жигунова М. А., Фурсова Е. Ф. Сибиряки. Историческая энциклопедия Сибири. <http://sibhistory.edu54.ru>

⁵ Русские старожилы Сибири. М., 1973. С. 165-166.

⁶ Ключевский В. О. Соч. Т. 1. Курс русской истории. Ч. 1. М., 1987. С. 66.

**Кемчугская тайга.
1907 г.**

Фотограф Л. Ю. Вонаго.
КККМ НЕГ 1295.
ГК № 16918503

**Красноярские
купцы на ярмарке
в Нижнем
Новгороде. 1865 г.**

Фотограф А. Карелин.
КККМ

экстремальных температур доходит до 85–95 °С (летние температуры до +38; зимние – до –55–60 °С).

Крайне неблагоприятно действуют на организм человека суточные перепады температур. В осенний и весенний периоды они доходят до 15–20 °С (от +10 днем до –10 ночью). Естественно, приспособление к сибирским климатическим факторам вырабатывало устойчивость иммунитета, культуру закаливания, производило в течение ряда поколений отбор людей с «сибирским здоровьем»⁷. Сибирский климат влиял на систему ценностного оценивания объектов и явлений внешнего мира. Экстремальные условия способствовали формированию стойкости, выдержки, самообладания. Условия борьбы за выживание закрепляли устойчивость психики человека и установки на собственные силы. Сибирская поговорка гласит: «Сибиряк не тот, кто мороза не боится, а кто мороза [умеет] хорониться».

К факторам экстремального характера можно отнести обширные пространства тайги и степей, глубокий снежный покров, болотистые пространства и горные равнины. В XVII–XVIII вв. к наиболее серьезным препятствиям на пути хозяйственного и культурного освоения сибирского края относилось отсутствие развитой сухопутной дорожной инфраструктуры. И в течение полутора столетий русское население сибирского края активно приспосабливалось и преодолевало воздействие природно-климатических и ландшафтных факторов.

Важнейшим условием и показателем приспособления русских сибиряков к неблагоприятным природно-климатическим факторам, прежде всего, служит жилище, адаптированное к вызовам окружающей среды. О высокой степени адаптированности русских сибиряков свидетельствует многообразие видов кожаной и меховой одежды и обуви. Историко-этнографические исследования подтверждают, что в эволюции одежды «под влиянием климатических условий и в процессе общения с аборигенным населением возникли локальные варианты. Сочетание разнородных черт придавало одежде русского сибирского крестьянства неповторимость и своеобразие»⁸. Климату Азиатской России адекватно соответствовали заимствованные элементы местной культуры, меховые бокари, унты, хамчуры, курмы, дохи в сочетании с традиционной одеждой русских.

В процессе формирования новой хозяйственно-бытовой инфраструктуры русским «засельщикам» удалось нейтрализовать психологическую чуждость среды. Показателем окончательного преодоления ее в сознании сибиряков является образ Сибири в зоне позитивных этнических ценностей⁹.

В картине мира оценка суровых условий Сибири и ее экстремальности служила русским переселенцам для объяснения культурной «инакости» местного, автохтонного населения. Историк Е. А. Ерохина пишет об этом:

⁷ Зверев В. А. Региональные условия воспроизводства крестьянских поколений в Сибири. Новосибирск, 1988. С. 14–17.

⁸ Этнография русского крестьянства Сибири: XVII – середина XIX в. М.: Наука, 1981. С. 142–182.

⁹ Цит. по: Очерки общественного движения в Сибири // Вестник знаний. СПб., 1908. № 5. С. 608.

Русский туруханский крестьянин в сокуе и с оленями. 1905 г.

Фотограф священник Попов. КККМ НЕГ 4468. ГК № 38007542

«Отношение русского населения к представителям местного можно охарактеризовать как снисходительное. Наличие необычности и странностей в их культуре объясняли суровыми условиями окружающей среды», которая наложила отпечаток «дикости» на образ жизни¹⁰.

Не менее значимыми для русских людей на начальном этапе освоения сибирского края были внешнеполитические, геополитические факторы. На данной территории политическая борьба, расстановка сил и отдельные этапы ее во многом определялись соперничеством с киргизами, Джунгарией, северо-монгольским государством, Цинским Китаем. Только в ходе длительного вооруженного противостояния и силового разрешения проблемы в течение XVII в. «Южная Сибирь, бассейн Верхнего и частично Среднего Енисея <...> в XVIII в. стали неотъемлемой частью России»¹¹. Внешние по отношению к адаптивной культуре русского населения, автохтонные агрессивные факторы частично уничтожались, но в подавляющем переводились в разряд «своих». Происходило и культурное «русифицирование» местных народов. «Русские» элементы культуры вводились местным населением в состав «своей»¹².

Высока степень адаптивного воздействия местных народов на материальную и духовную культуру русских старожилов. Она зафиксирована

¹⁰ Русские Сибири: культура, обычаи, обряды. Новосибирск, 1998. С. 13.

¹¹ Быконя Г. Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск, 1981. С. 33–47.

¹² История Сибири. Т. 2. Л., 1968. С. 363.

во множестве элементов хозяйственной деятельности, одежде, пище, народной медицине, верованиях, говоре русских сибиряков. Наиболее значимые элементы одежды, пищи, жилищ, обычаев и верований аборигенов стали использоваться в целях выживания и вошли в состав инноваций.

Существенное влияние на этнокультурное сближение русских и местного автохтонного населения оказывала христианская церковь. Благодаря крещению в глазах русских местные «инородцы» воспринимались «своими»; в свою очередь у аборигенного населения менялось мировоззрение. Психологическое сближение русского и автохтонного населения шло по линии взаимного признания нравственно-этических ценностей. Наиболее добрососедские контакты складывались с теми народами, которые, по мнению русских, «отличались трудолюбием», но одновременно их «ценили за взаимопомощь, уважение родителей, почитание предков». Итоги взаимного сближения позволяют говорить о завершении этнокультурной адаптации русских сибиряков и «инородцев». Но результаты взаимодействия этнических и культурных адаптентов во многом зависели от соотношения и компактности проживания русского и местного населения. Этнологи сделали вывод, что в общем по Сибири генетическое влияние местного населения на формирование социума старожилов составляет не более 5–10%. На территории Енисейского края не возникли смешанные популяции русских и местных этносов, в отличие от Забайкалья, где доля бурятской крови составляет до 40%. Следствием этого стало формирование этнографической конвексии «гуранов».

Результаты генетической адаптации русского населения в течение многих поколений под воздействием антропологических и климатических факторов пока изучены слабо. Однако, с полным правом не ошибаясь, можно сказать, что для «русских сибиряков» понятие стало условным.

Во-первых, в движении на восток «русские Сибири» были представлены всеми без исключения губерниями, уездами и волостями европейской части, представителями всех народов Европейской России. Во-вторых, в этом же сибирском «котле народов» смешивались воедино и местные автохтонные этносы и культуры. В этнологии это называется метисацией — появлением генетически смешанного потомства разных этнических популяций населения на единой территории. Поэтому не случайно авторы исследования «Русские старожилы Сибири» сделали вывод о том, что современное население Сибири «характеризуется некоторыми общими чертами». Они отмечают, что «размах колебаний признаков в сибирских

Географический фактор

В Северной Азии на пространстве 13 млн кв. км до начала XVII в. проживали, по различным подсчетам, от 180 до 236 тыс. человек местного коренного населения. В среднем на человека приходилось более 40 кв. км (от 3 до 300 кв. км в различных регионах). При охотничьем типе хозяйства на одного человека требуется до 10 кв. км угодий, а при экстенсивном животноводстве — около 1 кв. км из 40 кв. км. Таким образом, в условиях присваивающей системы хозяйствования имелись громадные резервы неосвоенных земель.

О климате и природе Сибири

Среднемесячная температура в Туруханске в январе –37, в Минусинске –20,8; среднемесячная температура воздуха в июле в Туруханске +16,8, в Минусинске +19,7 градуса. Зафиксированы абсолютные температуры зимы и лета в Красноярске: –55 и +40 °С, в Минусинской котловине: –52 и +39 °С.

В 1825 г. зима была очень теплой: Ангара покрылась льдом 18 января, а вскрылась ото льда 2 марта (по ст. стилю). Следовательно, река была подо льдом только 42 дня. В 1875 г. у Минусинска Енисей покрылся льдом 7 октября, а вскрылся ото льда 14 апреля (по ст. стилю). Таким образом, зима продолжалась в 1875 году около 200 дней.

«28 мая 1879 г. вода вошла в село и прибывала до 8 июня, так что положительно затопила все село, а в окрестностях засеянные поля; разнесла мелкие постройки, мельницы; потопила много домашнего скота. Жители спасались на горе, „Камень“ прозывающейся, а другие выехали в ближайшие деревни... только 20 июня вода пала на межень. Это же наводнение потопило деревни Момотово, Самкову, Галанину, Курбатову, Силошну, Борки, Клопову и др.» (из описания наводнения в с. Казачинском Енисейского округа Енисейской губернии).

Декабрист И. Завалишин: «Скот и лошадей не иначе выгоняют на пастбище, как обмазанных дегтем; люди вынуждены, хоть задыхаясь, работать в пропитанных дегтем рубашках, в сетке, с тщательно укрытыми руками и ногами».

группах в полтора раза меньше, чем у русских европейской территории страны». Отсюда локальные группы сибирского населения имеют свои собственные только им черты¹³. Поэтому проблемно утверждать, что русские Европейской России и русские сибиряки абсолютно идентичны в генетическом и социокультурном значении.

Так же неоднозначны оценки степени административно-политической однородности европейской и азиатской частей государства. Центральная власть в течение первых двух столетий сибирской истории так и не смогла до конца разобраться с положением сибирского края в составе России. Сибирь была колонией или полноправной частью Российского государства?

Историю Красноярской шатости 1695–1698 гг. можно считать доказательством «выяснения отношений» центра и сибирской окраины в «пригрывании сценария» противостояния «своих» и «иных». В ответ на притеснения «жители Красноярска „отказали“ трем „чужим“ воеводам... и выбрали „свое“ казачье самоуправление». В ходе проведения расследования новый воевода П. Мусин-Пушкин установил, что красноярцы единой силой выступили против «ссылных воров, и которые были с ...воеводами» и «от воеводства отказали». Здесь и пример использования противоречий между центральной и местной властями: по словам историка С. В. Бахрушина, красноярцы заставили Москву возложить всю вину «на воевод, которые, мстя за поданные на них челобитья, хотели тот Красноярский город... разорить»¹⁴.

Противоречия в процессах взаимной политико-административной адаптации центральной власти и сибирских территорий отразились

¹³ Русские старожилы Сибири... С. 119.

¹⁴ Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1959. Т. IV. С. 178–192.

в пробах и ошибках моделей управления и многочисленных реорганизациях. Данные процессы можно оценивать как борьбу, выбор и согласование двойственной оценки Сибири: как внутренней колонии российской метрополии или «в перспективе» полноправной восточной территории Российской империи.

С завершением процесса оформления социума русских старожилов российские адаптивные факторы перемещались в разряд внешних факторов по отношению к старожильческим «обществам». Происходило это потому, что именно в XVIII–XIX вв. шло некое «размежевание» политического и социально-экономического развития территорий до Урала и за Уралом. Упорядочение системы управления на основе закрепления результатов освоения края завершил в ходе ревизии реформатор М. М. Сперанский. Он подметил социокультурные особенности регионов, сложившихся в процессе первоначального освоения Сибири в границах пяти земледельческих очагов. Административное выделение Енисейской губернии в 1822 г. закрепляло «создание особой конфигурации в группировке населения» и констатировало существующее деление на освоенные земли. Признанием взаимного «соглашения с Сибирью» о границах «группировки населения» явилось грамотное исполнение предписания М. М. Сперанскому: «Сообразить на месте полезнейшее устройство и управление сего отдаленного края»¹⁵.

В Европейской России, начиная с петровских реформ, во все более ускоряющихся процессах экономической, политической и социальной модернизации происходили инновационные изменения. Они затронули не только все внешние элементы материальной и духовной культуры, но и внутреннее содержание в трансформации традиционной патриархальной ментальности. Под их воздействием в старожильской Сибири, освоившей опыт адаптации к экстремальным процессам, шли параллельные процессы все большего «замыкания» общинного традиционализма и вхождение в «мир капитализма». Это было удивительное время рождения инновационных ценностей в согласовании с традиционными. Новые переселенцы оценивали культуру старожилов как отжившую, XVIII–XIX вв., но и сибиряки видели их как пришедших из «другого, чужого мира».

Таким образом, мы рассмотрели отдельные факторы, связанные с природно-климатическими, этническими, социокультурными, политическими, экономическими компонентами взаимной адаптации русского населения и окружающей среды сибирского края в XVII–XIX вв. В ходе освоения Сибири сливались воедино потоки государственной и народной колонизации новых территорий. Создается впечатление, что это движение на восток, на окраины было непрерывным в различной интенсивности в течение многих столетий. Этот вопрос занимал видного дореволюционного и советского историка, исследователя проблем российской колонизации М. К. Любавского (1860–1936 гг.). Он оставил такое красочное

¹⁵ Ядринцев Н. М. Сперанский и его реформа в Сибири // Вестник Европы. 1976. № 5. С. 94.; Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб., 2000. С. 21.

О явлениях сибирской природы

Землетрясение в Красноярске в 1858 г.: «30 мая в первом часу пополудни послышался подземный гул, а ровно в час дня под самым городом раздались два удара. Явление продолжалось не более 3 секунд. Содрогание земли было довольно ощутимое: растворились окна и двери, висящие предметы качались. Ранее подобное было в 1851 году. Сильное землетрясение в южной части Енисейской губернии было в 1850 году».

«7 августа 1887 г. в Иркутске наблюдалось полное солнечное затмение. На небе были видны яркие протуберанцы солнца, около 10 звезд. При этом температура воздуха упала резко с 34 до 12 градусов и некоторое время дул пронизывающий ветер». Солнечное затмение было и в Красноярске: среди наблюдавших его был и великий русский физик А. С. Попов.

К самому примечательному событию Минусинского уезда в конце XIX в. можно отнести падение Бейско-Шушенского болида. В записях шушенского заседателя Симона Ермолаева от 22 сентября 1899 г. записано: «Вдруг неимоверный свет по небу с запада на восток, светлая лента, как бы открылось само небо. Неожиданно из-за Енисея со стороны села Бей с шумом и гулом появился раскаленный шар, широко освещая предгорья Саян. Пришелец из космоса пересек вблизи с. Означенного Енисей, скрылся из поля зрения наблюдателей за Карагатским лесом на стороне Ермаковского и Каратуза. И пошли у нас толки, что „небо открылось на счастливое“». Томский историк И. Кузнецов-Красноярский писал об этом событии: «Вдруг я увидел медленно падающий с неба огненный шар и блеск, похожий на молнию. Огненный столб, медленно падающий, расплывался в воздухе все шире и шире, принял форму большой спирали. На юго-западе произошел взрыв болида, слышен грохот, похожий на отдаленные раскаты грома».

КГБУК ИЭМЗ «Шушенское». Ед. хр. 6223. Л. 11–112.

описание: «Начальная колонизация Восточной Европы и начальная колонизация Сибири сливаются в одно многовековое поступательное движение русского населения на восток».

Знакомясь с трудами Любавского, мы поразились схожему с нашим высказыванию ученого о том, что, исследуя процесс освоения Сибири, «невольно переносишься мыслью в начальные времена русской колонизации в Восточной Европе в VII–IX вв.»¹⁶.

Действительно, формирование «русской Сибири» воспроизводило во многом процессы первоначального земледельческого освоения центральных районов России. Использование старых технологий земледелия («подсека», «перелог», «двуполье»), освоение пашен 1–2 «малыми» семьями, из которых выростали будущие общины, локальная изолированность — это далеко не полный перечень повторяемых элементов «старой» колонизации. Однако наиболее интересным аспектом повторения «русской колонизации Восточной Европы» в сибирских условиях XVII–XVIII вв. является вторичный процесс системной адаптации к экстремальным факторам среды.

Говоря о сходных процессах колонизации и адаптации русских людей к условиям «новозанятого» края, поражаешься точности и емкости

¹⁶ Любавский М. К. Историческая география России... С. 15–16, 240–241.

дефиниции понятия «адаптация», предложенной ученым-этнологом Э. С. Маркаряном. «Адаптация есть процесс проигрывания процесса освоения окружающего пространства в целях обеспечения психологического равновесия с опасностями среды „по отработанным сценариям“»¹⁷. Следовательно, задачи психологической адаптации востребовали опыт и «отработанные сценарии» предков, бережно хранившиеся в культурных традициях. Поэтому мы считаем, что в основе генезиса и эволюции сознания первых поколений старожилов XVII–XVIII вв. налицо взаимодействие архаичной славянской ментальности и традиционной русской этнической ментальности.

Сознание «великороссов» к XVII–XVIII вв. адекватно окультуренной окружающей среде Европейской России в психологическом равновесии. Однако с приходом их субъектов – носителей «старопашенной» культуры – в Сибирь прежний психологический комфорт оказался нарушенным. Факторы новой экстремальной среды не могли быть преодолены культурными традициями своего времени. Так, в «первозданной» Сибири XVII–XVIII вв. были востребованы адекватные архаичные технологии, традиции и элементы культуры периода первоначального освоения новых земель славянами. Благодаря этнической преемственности славян и русских культура времен русской колонизации в Восточной Европе в VII–IX вв. продолжала сохраняться в качестве наработанных условий выживания этноса. Архаика сохранялась в элементах подсечного земледелия, старых орудиях труда, в обрядности, верованиях и ритуалах, мифологии и фольклорных традициях.

Следует подчеркнуть, что в мировидении русских людей по-прежнему сохранялся «дихотомный» мир в противостоянии сил «добра – порядка» и «зла – хаоса»¹⁸. Выводы культурологов гласят, что «основные черты исторического развития будущего этноса программируются в доисторический период» с образованием национальной мифологии. Для любого этноса культура воспроизводится в историческом времени в повторяемости «типологически сходных культурно-исторических ситуаций по близким сценариям». Повторяющееся составляет основу традиций в «преемственности национального сознания культуры»¹⁹.

Отсюда в традиционном сознании русских сибиряков все факторы среды также разведены по полюсам добра и зла в классификации объектов мира. Явные субъекты и объекты опасности (мороз, снег, дикий зверь, «степняк») могли быть нейтрализованы рациональными способами и инструментами. Но как быть с пугающими, воскресшими из мифов и сказок угрозами «духов и существ» тайги, гор, болот, непознанными и незнакомыми явлениями и объектами тревог и скрытых угроз? Все это с древности в славянской культуре ассоциировалось с потусторонним, иррациональным миром. Верования об этом сохранялись в фольклорных памятниках и неосознаваемых пластах подсознания и ныне называются суевериями.

¹⁷ Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 81.

¹⁸ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. С. 766–767.

¹⁹ Кондаков И. В. Культура России. М., 1999. С. 28, 73.

Ворота с заплотом, столбы украшены соляным орнаментом. 1890–1900-е гг.
КККМ ПГС 3245/70. ГК № 18691377

Как видим, даже развитой цивилизации и ныне не под силу справиться с мифологическими верованиями — суевериями. Они присущи этносу в течение всего периода его существования. Историк и этнолог С. В. Лурье назвала данную конфигурацию архетипов подсознания этническими константами. Она считала, что глубинные неосознаваемые образы являются инструментами локализации источника зла, локализации источника добра, представления о способе действия, при котором добро побеждает зло²⁰. С позиций самосохранения «источник добра» есть положительный образ своего этноса, культуры. Это образ «мы», источник восприятия народом позитивных черт «своих» в сравнении с «чужими». «Источник зла» — образ «они», «чужие», «враждебные» объекты преодоления. Третий компонент не только инструмент, условие и способ действия по преодолению «зла», но и «образ покровителя», условие благополучия и защищенности личности и социума.

Таким образом, мифологические установки этнических констант в условиях экстремальных факторов и инокультурного окружения возрождались как инструмент психологической адаптации к факторам среды. Одновременно они служили целям мировоззренческого обоснования процесса освоения Сибири. На сибирской земле они оказались востребованы по прямому предназначению инструмента адаптации и создания пространства «добра» в сходной ситуации.

²⁰ Лурье С. В. Историческая этнология... С. 224–225.

Основой миропонимания древних предков славян был единый космогонический миф о сотворении мира. Мифология утверждает, что в «древнейшие сакральные времена в период неопределенности <...> в период нерасчлененного первобытного Хаоса произошло его обуздание и сотворение Космоса». Мир системно упорядочен, но «силы Хаоса ведут яростную борьбу с Порядком, пытаясь восстановить свои права, проникают в организованный Космос. Смыслом бытия традиционного человеческого коллектива становится спасение мира, противостояние хаотическому началу»²¹. Обращаясь к установкам этнических констант, мы находим истоки множества бинарных оппозиций, в том числе оппозиции «мы – они» в субъективной картине мира людей традиционного времени. Элемент «чужие» («они») находится в поле хаоса, угрожает миру, порядку и нарушает принятые правила. Поэтому все незнакомое традиционным сознанием воспринималось в качестве вероятного образа зла. Элемент «мы» был тесно связан с культурой, традициями своей этнической общности, поэлементно классифицирован. Сохранение мира требовало выполнения особых бытовых и праздничных обрядов и ритуалов в семье, в социуме, в контактах с факторами и субъектами внешнего мира.

С позиций *этнопсихологии* с итогами материального освоения локальных территорий тесно связаны процессы *психологической адаптации* «сибиряка в Сибири», изменениями ментальных образов «ценностей и антиценностей». Таким образом, адаптация культуры русских «засельщиков» в «о-свое-ние» факторов среды явилась для старожилов *психологической трансформацией* образа «чуждой Сибири» в образ «благоприятной

²¹ Юдин А. В. Русская традиционная народная духовность. М., 1994. С. 27–29.

Группа инородцев
в районе курорта
на озере Шира.

Около 1908 г.

Фотограф Л. Ю. Вонаго.

КККМ ОФ 10426/244.

ГК № 5305482

матушки-Сибири»²². Этот процесс XVII–XVIII вв. с позиций постулатов *культурологии* – победа над силами зла, преобразование территории хаоса в окультуренный мир. Знакомые архаические традиции, «отработанные сценарии» охранительных обрядов и ритуалы укрепляли духовные силы человека.

В ментальности старожилов свой социум воспринимался в границах самоуправляющихся общин. Община должна была служить условием благополучия и защищенности от «чужих» факторов, регулятором в среде «своих» и гарантом сохранения традиций. Особую функцию здесь выполняли, по выражению С. В. Лурье, «носители личностного сознания», которые поддерживали традиционную культуру и ее целостность, влияли на ее ценностную ориентацию. Носители сакральных знаний и социального опыта предков, пожилые представители социума руководили процессом социализации адаптированной культуры в новых поколениях старожилов. Сознание старожилов опиралось в повседневной жизни на привычные ценности, обычаи «мирского» права, устоявшийся уклад жизни. Адаптация отражает наличие способностей человека обустроить «мир семьи», дома и подворья, «держаться должного» уровня жизни, жить по заветам предков. В подобных замкнутых сообществах «не по моральному

²² Лурье С. В. Историческая этнология... С. 217, 236; Ренессанс архетипов психологической адаптации в XVII–XVIII вв. на основе «сценариев» освоения Восточно-Европейской равнины в IX–XIII вв. определяет историческое своеобразие итогов формирования культуры старожилов Русской Сибири. Различия обусловлены спецификой исторической эпохи, специфичных факторов среды, уровня развития культуры, типом государственности, социально-политических причин освоения новых земель, инокультурным окружением, иным сознанием субъектов колонизации.

Слобода Нахаловка в Красноярске. Здесь проживали крестьяне, мещане, солдаты, арестанты, ссыльные, которые нанимались на строительство железнодорожного моста через Енисей.

КККМ НЕГ 9405. ГК № 22381753

убеждению, а по традициям, бытующим в данной среде, совершается известный поступок», — писал известный психолог П. М. Якобсон. Данная функция осуществлялась через «социальное подражание, как подражание определенному образцу поведения, следование примеру...»²³.

Контекст «вторичного проигрывания» процессов освоения новых ландшафтов проявлялся в выстраивании сибирских суточных, годовых, жизненных циклов хозяйственно-культурной жизни старожилов. Касалось это и выстраивания здесь новой иерархии и корректировки содержания народных и даже круга православных праздников²⁴. Известно, что в Центральной России все праздничные действия русских проигрывались в двоеверии православия и язычества. Но гипотеза «сценария» возрождения изначальных архетипных установок в ментальности сибирских старожилов позволяет выдвинуть логически оправданное суждение о превалировании языческого компонента над православным в картине мира, в трудовой и праздничной обрядности.

Для VII–XII вв. это было связано с господством язычества у восточных славян и началом утверждения христианской религии. Вполне логично,

²³ Якобсон П. М. Психология чувств и мотивации. М.: Воронеж, 1998. С. 186.

²⁴ Макаренко А. А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. М., 1913.

что «инструменты» духовной адаптации по содержанию были язычески-ми во внешнем поле христианских молитв и обрядов. Языческая мифология и обрядность обеспечивали преобразование среды «хаоса» в инфраструктуру «территории добра»²⁵. Инструментами служили древние игровые сюжеты, образы, наряды, маски, «святая вода», «четвергова соль», заговоры наряду со вторичными православными обрядами и ритуалами.

В конце XIX в. увеличение контингента переселенцев из бывших помещичьих крестьян неизбежно приводило к нарастающей оппозиции мира старожилов и переселенцев («своих» и «чужих»). Основной причиной можно считать притязания «чужих» (переселенцев) на освоенный мир старожилов.

Процесс освоения и адаптации в Сибири проходил во взаимодействии с позитивными факторами среды. Мы не должны забывать, что здесь складывались условия реализации «вечного» социального идеала свободной, сытой жизни, условия свободного труда «на себя» с реальными результатами. Рациональные цели колонизации мотивировали установки глубокого познания и выработки адекватных умений и навыков. Не случайно императрица Екатерина II считала сибирских старожилов «умными, любознательными и предприимчивыми».

Установки старинных обычаев мотивировали стандартное, стереотипное поведение, неизменность обрядов, ритуалов, норм обычного права, этических привычек. Однако итоги адаптации создали новые, адаптированные сибирские традиции, знания, умения, навыки, новый образ и уклад жизни. Механизм эволюции традиций мог выглядеть следующим образом. В условиях меняющихся факторов окружающей среды, в процессе постоянной адаптации взаимодействовали традиции и инновационные элементы культуры. В течение нескольких поколений значимые инновации закреплялись в сознании в качестве новых традиций.

Процесс адаптации культуры старожилов во взаимодействии с факторами Сибири привел к формированию материального мира, сибирского земледелия, адаптированного самосознания и новых стереотипов поведения. Наши очерки о Сибири, сибиряках и сибирском характере призваны дать ответы на вопросы об эволюции культуры, сознания и характера русских старожилов Сибири во взаимодействии с вызовами среды.

²⁵ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси... С. 782.

Приметы сибирского народного календаря

(Даты приводятся по современному новому стилю.)

Цикличность уклада жизни сибиряка-землепашца, круг его работ и забот базировались на ежегодной повторяемости природных явлений. При этом периодичность и своевременность принимаемых решений во многом зависели от умения предугадывать изменения в природе, от прогнозирования возможного урожая или неурожая. За два-три столетия жизни на сибирской земле путем кропотливых эмпирических наблюдений и систематизации знаний, трудом многих поколений сибиряков был собран богатейший метеорологический материал. Уникальность календаря состоит в сообразности природно-климатическим условиям края, его резко континентальному климату.

Весенние приметы

На Василия Теплого (4 апреля) солнце в кругах — к урожаю.

На Благовещенье (7 апреля) вывешивают мокрое полотенце. Если к утру полотенце «заколеет» (замерзнет) — лето дождливое будет; если будет «волглое» (сырое) — лето будет среднее; если полотенце высохнет к утру — лето будет хорошее.

На Благовещенье (7 апреля) взвешивали три первых куриных яйца. Если первое самое тяжелое — то к хорошему урожаю, если третье — то к плохому.

Если в Христову Пасху «поспихать» клюкой куриц с насеста, то они рано начнут нестись.

На Якова (13 мая) ясный восход солнца — будет «вёдреное» лето.

На Иова (19 мая) большая роса — к урожаю огурцов.

На Николу (22 мая) дождь — это благодать божья на весь год.

На Мокея (24 мая) будет мокро — лето будет мокрое; если на Мокея сухо — то лето будет сухое; туман на Мокея — к мокрому лету.

Морозы в Сибири приходят трижды. Если Пасха ранняя, то третий пик морозов приходится на середину Великого поста.

В мае кукушка закукует на «голый» лес — к неурожаю.

Летние приметы

На Луку (13 июня) южный ветер — к урожаю, северо-западный ветер — к сырому лету.

На Ивана Купалу (7 июля) будет небо звездисто — много грибов будет.

На Ивана обильная роса — к урожаю огурцов.

На Самсона (10 июля) будет дождь — до бабьего лета будет сыро, дождливо.

Коли на Петров день (12 июля) дождь — сенокос будет мокрый.

На Афанасия (18 июля) месяц на восходе «играет» — к урожаю.

До Успенья (28 июля) пахать — лишнюю копну нажать...

Коли на Серафиму-Макрину (1 августа) мокро — страда ненастная; Макрина суха — осень сухая будет.

До Ильина (2 августа) и под кустом сохнет, а после Ильи и на кусте не сохнет.

На Анну (7 августа) утренник холодный — зима будет холодная.

На Исакия (16 августа) вихри — к крутой зиме.

Каков Средний Спас (19 августа) — таков будет и Покров (14 октября).

На Лаврентия (23 августа) смотрят в полдень на воду: коли вода тиха, то и осень будет тихая, а зима без вьюг.

Осенние приметы

На Иоанна Предтечи (11 сентября) коли журавли на юг полетели — к ранней весне.

На Семенов день (14 сентября) ясно — бабье лето теплое простоит. Лист с деревьев валится — рыба по реке тянется.

На Евстафия и Михайлу (2 октября) примечают ветры: северный — к стуже, южный — к теплой зиме, западный — к мокрой зиме, а восточный — к ясной и холодной зиме.

Октябрь ни колеса, ни полоза не любит.

На Покров (14 октября) нет снега — до Митрия (9 ноября) земля «наголе» будет.

Обильный орех и рябина в тайге — к студеной зиме.

Если свинья осенью стаскивает в «гнездо» прутья и солому, то зима холодной будет.

Если у забитой скотины селезенка увеличена, то это к студеной зиме.

Если лист осенью падает с деревьев более с вершины донизу, то к холодной зиме; если беспорядочно — то к мягкой зиме.

Если осенью лывы (лужи) замерзают чистым темным зеркалом, то зима мягкая будет.

Если лед застывает «тарелками» (белыми пятнами), то к холодной зиме.

Если снег падает на сухую землю — зима будет спокойной, морозной и ясной. Если снег ложится на мокрую землю — зима будет метельная, слякотная и сырая.

Ранние морозы — обязательно к студеной зиме.

Зимние приметы

С Матрены Зимней (22 ноября) зима встает на ноги. Иней на деревьях — к морозам.

Туман на Матрену — к частым оттепелям.

Каков Платон (1 декабря), такова и зима будет, мягкая или студеная.

На Андрея Первозванного (13 декабря) «наслушивают» воду: тихая вода — зима хорошая будет, шумная вода подо льдом — будут бури, метели.

Каков день на Миколу Зимнего (19 декабря), таков и на Миколу Вешного (22 мая) — ясный или хмурый, дождливый или теплый...

На Анну Зимнюю (22 декабря) иней на деревьях — к урожаю.

Васильева ночь на Новый год звездиста (с 13 на 14 января) — к урожаю ягод.

Васильева ночь на Новый год (14 января) — кить (мягкий снег) падет — к урожаю.

На Новый год (14 января) тепло и снег — лето теплое, дождливое.

На Новый год (14 января) тепло и без снега — к неурожаю и к болезням.

На Новый год (14 января) приготовишь на стол много перемен блюд вкусных — сытно будешь есть весь год.

На Рождество (7 января) иней — к урожаю хлебов.

На Рождество (7 января) темная ночь — коровы будут молочными, светлая — в году куры будут носки.

На Рождество (7 января) метель — пчелы хорошо роиться будут.

Если Богоявление (19 января: Крещение, Богоявление, Водосвятие) приходится на полный месяц — к большому разливу.

На Григория (23 января) иней на стогах — к мокрому лету.

На Ефимия (2 февраля) в полдень солнце — к ранней весне.

На Полузимицу (7 февраля) ведро — весна будет красна.

На Трифона (14 февраля) звездиста ночь — к поздней весне.

На Сретенье (15 февраля) утром снег — к урожаю ранних хлебов; в полдень снег — к урожаю средних хлебов; к вечеру — к урожаю поздних хлебов.

Какова Авдотья (14 марта), таково и лето. Если тепло и каплет с крыш, лето будет теплое.

Снега глубоки — воды больши будут.

Студена зима — к жаркому лету.

У забоев (снежных сугробов) гребни закруглены — к урожаю.

В какой день Масленицы будет тепло (понедельник, вторник, среду и т.д.), в тот день сеять пшеницу — урожаем будет.

На Масленицу, в Прощеный день снег — к урожаю.

Ноябрь отвечает маю: снег — к сырости;

декабрь отвечает июню: мороз — к жаре;

январь отвечает июлю: метель — к затяжному ненастью;

февраль отвечает августу.

ЗАГАДОЧНАЯ ДУША СИБИРЯКА

Старинная английская поговорка гласит: «Мысль рождает действие, действие — привычку, привычка — характер». Вполне понятный зримый образ пути формирования национального характера народа, в основе которого лежит рациональное миропонимание, прагматизм и активная деятельность¹. Нельзя сказать, что англичанам не свойственна совесть и нравственность, но они определяются и зависят от прагматичной пользы во внешних оценках. Отсюда в западной психологии рациональная «мысль рождает характер». Напротив, русский национальный характер имеет в основе своей выраженный базис «чувственной» духовности. Исследователи вывели для русского национального характера иррациональное миропонимание, выраженные черты совестливости, смирения, сострадания, негативное отношение к прагматизму и расчетливости². Великий философ XX в. Н. А. Бердяев в своих работах оценил роль души (духовности) в характере русского народа. Он считал синонимами выражения «загадочная русская душа» и «русский национальный характер»³. Духовность — объединяющие начала общества в виде моральных ценностей и традиций в религиозных учениях и практиках, а также в образах мифологии, народной культуры и фольклора. Духовные ценности являются установками нравственного мышления, поведения и стереотипных действий человека и социума в целом.

В работах этнологов, социологов, педагогов существует императив, не вызывающий сомнения, что нравственности противостоит прагматизм

¹ Крысько В. Г. Этническая психология. Англичане. <https://studme.org/61905/psihologiya/anglichane>.

² Крысько В. Г. Этническая психология. Русские. https://studme.org/61893/psihologiya/psihologicheskie_osobennosti_predstaviteley_raznyh_natsiy_narodov_rossii#987.

³ Бердяев Н. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008; и другие работы.

и приоритеты рациональной выгоды⁴. Отсюда приведенные нами вводные установки истоков английского рационального характера и русского в истоках духовных ценностей по сути своей несовместимы. Примечательно, что именно это различие и является сутью различий между западной и восточной цивилизациями. Есть более жесткий вывод о том, что прагматизм означает стремление к достижению конечного результата без оглядки на способ его достижения и игнорирование нравственных ценностей⁵.

Таким образом, далеко не случайно в русском языке в старину бытовали выражения «дух творит себе формы», «душа рождает характер».

После развернутого введения в понимание наших выводов об истоках русского этнического (национального) характера и субэтнического характера русских старожилов Сибири представим проблемные вопросы: какова она — загадочная душа сибиряка, породившая наряду с факторами природы и климата сибирский субэтнический характер? Есть ли сходства и различия в результатах физической адаптации социума старожилов в новых алгоритмах «поведенческого освоения» среды и адаптации психологической, духовной, выразившейся в изменениях мышления, ценностных установках поведения?

Процесс адаптации сибиряков в условиях вызовов внешних природно-климатических факторов «вмещающей» среды дал системный ответ в виде новой технологии земледелия, уклада жизни, жилища, одежды, характера питания сибиряков. Однако мы напоминаем, что под понятием «адаптация понимается процесс взаимного приспособления между культурой и средой в целях выживания и стабильности социальной системы»⁶. Поэтому нам важно изучить роль русской этнической культуры в преобразовании окружающей среды и ее изменение в этом процессе. Изучить влияние древних архетипов подсознания в выстраивании новой «архитектуры» мышления человека, адекватного требованиям факторов изменяемой среды. Важно изучить итоги изменений в психологии русских «засельщиков», в формировании черт характера русских старожилов Сибири, адекватно соотносящим изменениям культуры и среды. Не случайно этнолог Э. С. Маркарян писал, что адаптация представляет собой «способность системы для самосохранения приводить себя по принципу обратной связи в соответствие со средой». Происходит это по принципу «мутаций» внутри культуры (и в сознании), которая перестала удовлетворять потребности человеческого общества в системе нововведений и новшеств⁷. Произошло «приведение в соответствие» средствами взаимной адаптации ментальности и традиций русской культуры,

⁴ Практическая психология. Ценностные ориентиры практической психологии. Гл. 17. <https://med-tutorial.ru/m-lib/b/book/3937883149/275>.

⁵ Принципы прагматизма — нравственности — профессиональной культуры. https://studref.com/613665/pedagogika/printsipy_pragmatizma_nravstvennosti_professionalnoy_kultury.

⁶ Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 81.

⁷ Там же.

природно-климатических и социокультурных факторов Сибири XVII–XVIII вв. «Если инновации принимаются социальной системой, то закрепляются культурной традицией подобно тому, как прошедшие естественный отбор мутации и их рекомбинации закрепляются в генетических программах биологических популяций»⁸.

Следующим шагом было выяснить, как установки древней славяно-русской духовной культуры претерпевали изменения, закреплялись в традициях православной веры, сохраняющихся языческих верованиях (суевериях), и отражаются в стереотипах поведения людей. Мы отметили, что напрямую духовность непроницаема для исследователя. Однако именно в народной культуре, в языке, фольклоре, обрядах мы находим свойства личности, рожденные мыслями, ощущениями и образами ценностной картины мира. Мы можем их увидеть в поступках, ситуационных оценках типичных представителей изучаемого социума.

Культурология называет эти внешние проявления сутью «духовности», «народного духа», «души народа».

В качестве доказательства выраженных особенностей адаптированной духовности сибирских старожилов проведем оценочный анализ русской народной сказки, адекватной мышлению старожилов Енисейской Сибири⁹.

Сказка «Птичка – носок как спичка»

Жил старик со старухой, жили они бедно. Старуха отправила своего старика рубить дрова. Вот он подходит к пню и стал дрова рубить. Оттуда вылетает птичка – носок как спичка и спрашивает старика: «Чево тебе, дедушка, нужно?» Он говорит: «Дров». Она ему говорит: «Иди домой, завтра все будет готово». Наутро они встают, дров у них полон двор.

Утром встала старуха, посылает старика просить у птички хлеба. Старик опять так же приходит, стукнул о пенек, оттуда вылетает птичка – носок как спичка и спрашивает, что ему нужно. Он ей опять говорит, что хлеба. Она опять отправила домой и сказала, что завтра все будет готово. Старуха утром встала, пошла в анбар – анбар полон муки.

Старуха тогда опять послала старика, чтобы он попросил птичку сделать ее барыней, а его барином. На другой день послала старика к птичке, чтобы она сделала ее царицей, а его барином.

Когда они проснулись, то увидели, что старуха сделалась киской, а старик кошкой. Оба голодные и мявкают.

⁸ Маркарян Э. С. Культурная традиция и задача дифференциации ее общих и локальных проявлений // Методологические проблемы этнических культур: Материалы симпозиума. Ереван, 1978. С. 86.

⁹ Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества по этнографии. Т. 1, вып. 1: [Русские сказки и песни в Сибири и другие материалы]. Красноярск, 1902.

Сравнивая традиционный сюжет русской народной сказки в изложении А. С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке», мы видим, что все заканчивается возвратом к исходному состоянию бедности и нищеты. Типичный итог в сознании и безысходной судьбе бедного крестьянина в российской общине.

Однако в ценностях, образах и оценках поведения человека в сознании адаптированных в Сибири русских старожилов стремление к «дармовщине», к нетрудовым доходам, несправедному социальному статусу наказуемо. Но наказуемо не простым возвратом к исходному состоянию, а трансформацией в иное качественное состояние жизни. В экстремальных условиях и жестких требованиях к трудовым и нравственным качествам и свойствам человека – «старуха сделалась кыской, а старик кошкой». Оба голодные и мявкают». Отсюда «хотите жить – ловите мышей», «трудитесь до скончания века своего». При этом видим, что степень ответственности и вина лежит на обоих, не только на «сварливой старухе».

В данной сказке ярко высветилась типичная сибирская духовность в базовых ценностях личного труда и нравственной жизни. *Дух и духовность* – свойства, качества личности в представлениях, образах, поступках и оценках, принятых в социуме, нормах поведения, в их направленности на людей и общество в целом. Для понимания истоков этнического характера сибирского старожила необходимо от обзора адаптированных стереотипов поведения как черт характера попытаться заглянуть в истоки сознания и «души-характера».

Сознание – это знание о мире, способ отношения человека к миру, своему месту в нем. Сознание зародилось в мифологическое время, в условиях видения мира через призму божеств, духов, потусторонних сил и явлений.

Сибирский характер – это исторически сложившаяся совокупность представителей сибирского субэтноса, определяющих манеру их поведения и типичный образ действий и проявляющихся в их отношении к окружающему миру, стереотипах поведения в социуме устойчивых психологических черт, темперамента, ценностей и традиций.

Историческая этнология научным языком определяет, что мировосприятие суждения, обычаи и традиции накапливались в культуре этноса, оформлялись словесно и понятийно, а далее становились общепринятыми стереотипами «как должно вести себя в сообществе своих». Поэтому в традиционных сообществах при встрече с явлением или объектом не вставал вопрос «почему?», не ставилась цель объяснения поступка или действия, но реалья констатировалась как «имеющая место быть»¹⁰. При этом культура этноса вырабатывала способы взаимодействия, нейтрализации или борьбы с этими реальями, в зависимости от их позитива или опасности. Следовательно, с позиций данных постулатов процесс психологического освоения сибирского края являлся процессом изучения, осмысления, упорядочения объектов среды «в сознании и душе». Одновременно процесс «познания мира» превращался в процесс выработки стереотипных действий (алгоритмов поведения). Соответственно, сознание человека

¹⁰ Садохин А. П., Грушевицкая Т. Г. Этнология. М., 2000. С. 215.

в новой среде (не в старой, привычной) должно было существенно рационализироваться, чтобы мгновенно решать задачи познания-использования (без объяснения!) реалий сибирской среды. Ситуация здесь видна в формировании противоположностей в двоичном единстве: сознание старожила-сибиряка видит мир рационально, но «душа ощущает» мир по-русски, эмоционально, чувственно, в критериях моральных оценок и традиций обычного права.

Таким образом, в ценностной иерархии субъективных представлений и образов модели мира взаимодействие должно было идти на двух уровнях. На видимом (понятийном) уровне объекты представлены в аналитической, рассудочной, практичной иерархии с точки зрения «пригодности» и использования в повседневной жизни. На втором, глубинном уровне древних архетипов — объекты-ценности в виде набора нравственно-психологических моральных представлений и образов-символов, верований, «заповедей и заветов»¹¹. Учитывая, что в традиционное время «практичная мысль не отчленена от ощущений, эмоций и привычек, воздействия религиозных и древнейших языческих верований», она служила изучению, пониманию мира и осмыслению «себя в себе». Мировоззрение — системообразующая основа («матрица») для построения иерархии в практическом предназначении и одновременно в ценностной «духовной» символике. Отсюда для традиционного времени были характерны ведущие позиции ритуалов и обрядов, предварявшие и психологически «узаконивавшие» рациональное поведение. Поэтому любое действие или поступок человека традиционной эпохи являлись одновременно и элементом ритуала, и рациональным действием. Например, ведро на коромысле служит для ношения воды из колодца, но пустое ведро может быть прибежищем чертей. Веретено служит для свивания нити при прядении, но оно же символ рождения жизни, судьбы человека. Дверной порог был как элементом дверного косяка, так и символом границы внешнего и внутреннего миров дома. Отсюда любое действие, поступок были одновременно и элементом обряда, и прагматичным элементом бытия. Отдельные элементы рубахи и кафтана могли быть представлены как рациональный компонент материальной культуры и в образах ценностной символики деталей вышивки. Шуба была жизненно важной зимней верхней одеждой сибиряка. Однако в обрядовости праздника «Масленки» вывернутая наизнанку шуба служила условием игрового введения человека в состав «сил зла». Вода может быть условием и физического выживания, и очищения от «злой скверны».

Напомним, что, по мнению С. В. Лурье, установки мировоззрения систематизировали все объекты по признакам «добра», «зла» и «условий преодоления». Например, мировоззрение разводило нормы, традиции, обычаи по уровням функций:

- 1) «Сознание» выполняло функции регулирования в иерархии политических, юридических, общественных интересов, прав и обязанностей личности в семье и общине;

¹¹ Ксенофнтов В. И. Духовность как экзистенциальная проблема // Философские науки. 1991. № 12. С. 32.

- 2) «Духовность» поддерживала в людях наиболее ценные стереотипы-значения в иерархии веры и верований, убеждений, идеалов, требований и запретов «по совести».

В основу понимания источника поведения психолог Д. Н. Узнадзе ставит установку как характеристику личности, определяющую общее направление психической мыследеятельности человека и стереотипы поведения человека в любой ситуации. Однако наши размышления входят в определенное противоречие с отдельными аспектами конкретного поведения крестьян-старожилов. Например, иррациональное ощущение православных символов и языческих образов при сугубо рациональном «общении» с ними. Например, образ Христа как всевидящего Бога и задергивание занавески перед божницей, чтобы Бог не видел непотребное «винопитие на гулянке». Или вполне рациональное речевое общение с домовым, угощение его праздничной выпечкой, устройство ему к ночи мягкой постельки у печи. Попробуем данное противоречие объяснить на основе интерпретации конкретных ситуаций.

Мы говорили выше и о терминологическом оформлении словами местного говора «своих» нравственно-этических терминов и их свойств. «Понятность окружающего мира» подкреплялась представлениями о его *познанной реальности* и отношениями на основе наработанных способов поведения. Прагматично важным в процессе адаптации и «диалога со средой» становилось упорядочение информации о мире. В процессе освоения *новой местности* особую роль играло полное изучение элементов среды. Историк А. П. Шапов подчеркивал, что опыт познания закрепил в старожилах свойства практичного любопытства, смелость и любознательность¹².

Любознательность сибиряков императрица Екатерина II считала главной отличительной чертой в их характере. Пытливость и психологическая реакция на «узнавание зла» через проигрывание мифов в праздничных обрядах с детства закладывали навыки борьбы с «шишкунами и чертями». Процесс адаптации и «о-свое-ния» Сибири требовал словесного оформления новых объектов и явлений среды, что означало их подчинение¹³.

Анализируя традиционный менталитет *русских крестьян центральных губерний России*, психолог и антрополог А. А. Мельникова пришла к любопытным выводам. Она подчеркивает, что для русского языка характерно отсутствие жесткой структуры предложения – возможно любое расположение слов. Она делает вывод об укоренении «в бессознательном слое» ощущения мира без четко проработанной и системной структуры. Это мир, который непросчитываем, непредсказуем (отсюда «авось»,

¹² Шапов А. П. Собрание сочинений. Дополнительный том... С. 149.

¹³ Юдин А. В. отмечает, что «имя... воспринимается мифологическим сознанием как часть своего носителя, тесно с ним связанная... ведь правильно назвать, произвести – значит сказать истину, иначе – приобрести магическую власть» (Юдин А. В. Русская традиционная народная духовность. М., 1994. С. 30–31.) Видимо, в этом кроется причина превалирования местных топонимов в названиях географических объектов и поселений, «означенных» в XVII–XVIII вв., и превалирование русских топонимов в поздних названиях конца XIX – начала XX в. (Впрочем, данное предположение требует статистического обоснования. – Б. А.)

«неожиданно») и «требует от носителей такого образа ряда нелогичных, неконструктивных действий в поведенческом сценарии»¹⁴. В то же время в северорусских и сибирских говорах резко усилена роль сказуемого в примате деятельности, активности, законченности действия. Мы обратили внимание, что в большей части зафиксированных предложений, диалогов сказуемое завершает его, стоит на последнем месте¹⁵.

Данную особенность в сравнении мышления крестьян Центральной России и Сибири подметил енисейский губернатор А. П. Степанов. Он писал, что у великорусских крестьян «неправильное понятие о большом количестве предметов, которые им встречались, составляет до того чудовищную смесь в уме их, что они даже затрудняются передать идеи своими словами». По сравнению с ними «сибиряк все, что видел, постиг с точностью. Ясно, чисто и без запинок может передать другому, что знает»¹⁶. Следовательно, исходя из выводов А. А. Мельниковой, логичность, четкость речи, адекватность слова соответствующему объекту среды выстраивают иную структуру образа мира в системной иерархии. В сознании старожила имеются два мира: первый – «познанный», «освоенный», упорядоченный, второй – незнакомый или знакомый понаслышке. Поэтому в установках поведения в «освоенном» пространстве все действия сибиряка выстроены без «авось» и «неожиданностей», логично и конструктивно. Далее мы представим образцы «информации понаслышке» в виде «ад-ресно познанной» через «былички».

Декабристы писали, что в Сибири они «заставали мирские сходки и удивлялись и радовались расторопному и умному ходу дел, ясному и простому изложению мнений умных мужиков»¹⁷. Рациональность и педантичность мышления старожилов проявлялись особенно рельефно в ходе судебных разбирательств при оценке ущерба, нанесенного крестьянскому хозяйству. Сознание крестьян скрупулезно подмечало мельчайшие детали окружающего мира и весьма точно облекало их в словесную форму. Так, в 1889 г. возникла конфликтная ситуация в с. Рыбном Богучанской волости. Лошади крестьянина А. Ф. потравили хлеб своего односельчанина В. П. (в документе даны только инициалы крестьян. – Б. А.); хозяин потребовал компенсации: из расчета «на $\frac{3}{4}$ десятинах пашни в умолоте 12 пудов, по оценке 7 рублей 20 копеек». При этом ответчик А. Ф. в волостном суде признал справедливыми расчеты, сделанные В. П.¹⁸ Во втором случае истец, крестьянин д. Кежемской Пинчугской волости Е. К. Р.,

¹⁴ Мельникова А. А. Язык и национальный характер. Структуры языка и ментальности. СПб., 2003. С. 117.

¹⁵ «Бабы-та на улицу выскачившы; На улку идеш, а исподки-то одеваны?; Дом згоревшы; Картошка будет засохши; Ведро принесён; Ягода-то поспевшы; Щетка куда-то запихан; Изба поставлен; Быть нам рано не управиться; Ноне дома только коровы, потому дождь идет; Надо наживка насадить; Выдали младшая дочь замуж; Девки думают об ребятам, об стариков не позаботились и т.д.». О структуре диалектного языка: <https://studfile.net/preview/9537022/page:38>; <https://myfilology.ru/155/osnovnye-cherty-sintaksicheskoy-struktury-dialektного-yazyka>.

¹⁶ Степанов А. П. Енисейская губерния... Ч. 2. С. 112.

¹⁷ Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 132.

¹⁸ ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 2. Л. 20.

Результаты изучения автостереотипов черт национального характера

Опрос проводился группой ученых в Санкт-Петербурге в начале 1990-х гг. Самым главным качеством русского человека, по результатам этого опроса, является доброта и, в частности, ее проявление к людям. В качестве основных назывались такие черты, как доброжелательность, радушие, душевность, отзывчивость, сердечность, милосердие, великодушие, сострадание и сопереживание. Очень важными чертами характера русских участники опроса посчитали простоту, открытость, честность, терпимость. Наибольшее количество недостатков было названо в той части исследования, которая фиксировала отношение русского человека к труду. Здесь было отмечено, что русский человек трудолюбив, работоспособен и вынослив, но значительно чаще ленив, халатен, безалаберен и безответствен. Трудолюбие русских не подразумевало инициативности, независимости, стремления выделиться из коллектива.

Следующая выделяемая всеми особенная черта русского характера — расчет на «авось». Она пронизывает насквозь наш национальный характер, нашу жизнь, проявляет себя в политике, экономике. «Авось» проявляется в том, что бездействие, пассивность и безволие (также названные в числе характеристик русского характера) сменяются в самый последний момент безрассудным поведением. Обратной стороной русского «авось» называется широта русской души. Отмечалась и противоречивость русского характера, в котором доброта и внутренняя открытость совмещались с внешней угрюмостью, а хитрость и лживость сочетались с беспечностью. Выделяли также религиозность,ходящую до фанатизма, готовность русских к самопожертвованию, храбрость и героизм, который они проявляли, сражаясь за свою страну, высокое чувство патриотизма.

В основе гетеростереотипов русских лежит представление о «загадочной русской душе», окончательно утвердившееся после знакомства с романами Ф. Достоевского.

В результате получится следующий автопортрет: добрый, терпеливый, гостеприимный, трудолюбивый и ленивый, дружелюбный, с широкой русской душой, патриотичный, доверчивый, открытый, любящий выпить, отзывчивый, простой, щедрый, честный, терпимый, сострадательный, безалаберный.

См. о результатах опроса: https://studopedia.ru/12_56651_rol-etnostereotipov-v-izuchenii-natsionalnogo-haraktera.html.

пожаловался в суд, что «11 собак 7 крестьян этой же деревни задавили 3 его овца». Волостной суд, оценив общий ущерб в 6 рублей, решил «взыскать с ответчиков по 54 ½ копейки с каждой собаки: соответственно с их владельцев — 1,09 рублей, 1,09 рублей, 1,09 рублей, 54,5 копеек, 54,5 копеек, 1,09 рублей, 54,5 копеек»¹⁹.

Таким образом, цели выживания и сосуществования в экстремальной среде формировали углубленное внимание, устойчивую память, умение рационально выделять опасность, быструю реакцию. Быстрое познание сути «незнаемого» позволяло применить стандартный тип анализа, алгоритм поведения в виде прецедента безопасного взаимодействия. На грани реализации представлений и оценочных образов мира и установок действий действовал как автоматизм, так и сознательный выбор. Приводимые доказательства свидетельствуют о выраженном рациональном и прагматичном типе алгоритмов оценок и решений проблемы. Следовательно,

¹⁹ ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 2. Л. 36.

оперативное воздействие рационального стиля мышления позволяло выстраивать установки последовательных действий «должного» поведения.

Для уяснения механизма «преобразования» архетипных мифологических (иррациональных) объектов и представлений в материализованные, рациональные установки поведения обратимся к пограничным сюжетам.

Одной из наблюдаемых нами ситуаций на границе двух миров служит процесс реального общения старожилы с умершим предком. Посредником в процессе «диалога» становился «свежеумерший человек». Данному действию предшествовал сон с просьбой о передаче вещи родственнику «на тот свет». Передаваемые предметы клались в гроб под подушку умершего. Передача предметов «на тот свет» сопровождалась словами пожеланий и кратким рассказом о жизни родных «на этом свете». Реально выстроенный диалог с представителями «мира мертвых» проходил на уровне ощущения реальности происходящего участниками и многочисленными свидетелями архаичного обычая. Присутствующие вполне обыденно, в эмоциональном сопереживании оценивали событие. В данном виде мною представлены собственные ощущения и оценки в процессе полевых исследований. Они свидетельствуют о сохранении и поныне древних представлений в единстве времени и пространства, в единстве «сообществ» живых и умерших²⁰.

Не менее иррационально выраженными сюжетами могли быть сказания, былины, легенды. Образы сказочных мифологических сказаний в процессе многовекового воспроизведения более или менее стабильно сохраняли в повествованиях свой «нереальный» характер. Однако в сибирских вариантах древних сказаний былинного эпоса можно проследить трансформацию иррациональных сюжетов IX–XII вв. «якобы в реальные» исторические события XIX–XX вв. В качестве пограничного мы избрали сюжет, позволяющий проследить в динамике обоснования образа древних мифов в качестве реального объекта нашего мира. Подобные рассказы в Сибири и на Урале именовались быличками и были повсеместно распространены в качестве эпических сказаний, но с условием обязательной ссылки на реального человека как автора информации, на время и место действия данного события. Проанализируем установки реального восприятия сказанного на примере былички, записанной нами.

«Мне рассказывала 82-летняя бабушка жены; зовут ее Кронцова Марина Корнеевна. Эту историю ей рассказала ее бабушка. За селом Бугуртак, недалеко от Курагино, у подножья горы есть небольшое озеро, посреди которого стоит камень [скала], поросший деревьями; дно у этого озера очень глубокое. То было давнее время, когда Бугуртака еще не было. В огромном камне, находившемся на вершине горы, была пустота, пещера. В ней жил двуглавый крылатый змей. Кто из людей видел его, говорил, что от него идут искры. Ночью, после захода солнца, он выходил на свою

²⁰ Автор данного исследования дважды в жизни (в 1960–1980-х гг.) был свидетелем «передачи» пожилыми крестьянками предметов повседневного пользования своим сравнительно давно умершим мужьям через «новоумерших» женщин. В обоих случаях участниками ритуала были потомственные старожилки Енисейской губернии.

охоту. Курагинские крестьяне, у которых там были покосы, к тому времени старались убраться из тех мест. Змей хватал все живое, будь то человек или лошадь. Однажды ночью разразилась страшная гроза. Беспрерывно сверкали молнии, гремел гром. Одна из молний угодила в камень, в котором обитал змей. Камень сорвался с утеса и похоронил змея под собой. А в том месте, где камень пробил землю, образовалось озеро. Сказка, можно сказать, но на юго-востоке горы есть большая каменная россыпь и уже упомянутое озеро с камнем посередине. Не так давно на этой скале не было деревьев»²¹.

В данном рассказе присутствуют все элементы сибирской былички: ссылка на подлинность происходивших событий, указание времени события, подробное перечисление всех рассказчиков и ссылка на них. В быличке есть и попытка доказательства на основе современных данных. Стремление к адресности, точности и правдивости в оценках явлений явилось результатом динамичного осмысления сюжетных иррациональных образов на уровне рассудочных, аналитических выводов. О подобных особенностях мышления крестьян Восточной Сибири писал в конце XIX в. этнограф Г. Виноградов: «Когда говорят о домовом, то указывают и опираются на живых свидетелей». В многочисленных высказываниях о сибиряках говорится, что «они просто на слово другому человеку верят с трудом»; им надо «доподлинно в этом удостовериться»²². Следовательно, для сибирского крестьянина была ближе и понятнее ситуация реального бытия, взаимодействия с объектом материально-бытийного мира.

Установки на принятие адекватных решений при взаимодействии с объектами среды закрепили в качестве оптимального рациональный стиль мышления. «Рационализация» операционных механизмов реализации установок субъективной картины мира не могла не влиять на возрастание роли аналитического способа оценивания мира и адекватности принимаемых решений. Но оценки о правильности суждений предков не могли подвергаться сомнению, становились «заветными». Отсюда видение «понятности окружающего мира» представлялось познанной реальностью как на основе своего опыта, так и на знаниях предков. Выстраивание взаимоотношений с миром происходило на основе наработанных алгоритмов поведения и «заветов отцов и дедов». В то же время объяснить, почему так делают, а не иначе, вряд ли могли крестьяне XIX в. (например, подоплеку правила «чертежа»). В любом случае, прикрыто ли это действие молитвой, заговорами или приобретением с раннего детства умений и навыков охотника, рыболова, ямщика, дровосека, — все было факторами становления характера сибиряка. Способы борьбы с трудностями, опасностями, враждебными силами природы формировали стереотипы-свойства характера старожила в качествах смелости, выдержки, настойчивости, терпения.

²¹ Быличка записана в 2000 г. со слов Баландина Андрея Викторовича, жителя с. Имисское Курагинского района.

²² Виноградов Г. Поверья и обряды крестьян-сибиряков // Сибирский архив. Иркутск, 1915. Кн. 3. С. 111.

Было важно нейтрализовать факторы неожиданной опасности на стадии возможной угрозы. Отсюда жизненно необходимы были знания примет, повадок в поведении зверя, навыки ориентирования, самосохранения и выживания в тайге, в горах, в безбрежной степи. Слияние в содержании воздействующих факторов иррациональных и реальных опасностей влияло на формирование единого механизма противодействия. Поэтому смысл был в том, чтобы увидеть, предупредить, отвести возможную угрозу («чертовщина» это или хищный зверь) вначале обрядами до действия, затем силами самого человека, но обязательно с ритуалами сопровождения. Поэтому важным показателем адаптированности рационального, аналитического стиля мышления к экстремальным факторам является привычка сибиряков «заглядывать вперед». Это было полной противоположностью традиционного «авось» в этническом характере «великоросса». Видный российский историк В. О. Ключевский в работах по истории России обращает внимание на важнейшую черту характера великорусского крестьянина – жить «задним умом» на «авось». Если «русский человек любит авось, небось да как-нибудь»²³, то наши выводы по изучению эволюции духовности старожилов Сибири полностью противоречат данной поговорке.

Наоборот, мы свидетельствуем об адаптивных изменениях в характере потомственных русских крестьян Сибири в среде экстремальных факторов. Сибиряк никогда не надеялся на благоприятное стечение обстоятельств, «авось, да пронесет», «обойдется авось». Надежда только на свои силы, на принятие мер загодя. Если русский крестьянин сокрушался, говоря «знал бы, соломку бы постелил», то сибиряк все заранее обдумывал и просчитывал с принятием мер нейтрализации²⁴.

Воздействие неустойчивых природно-климатических факторов Сибири, рискованного земледелия и скотоводства, постоянное пребывание в удаленности от общинников, от помощи со стороны, от селений и дорог вели к формированию черт расчетливости, надежды только на собственные силы. Сибиряки разных сословий и профессий обдуманно подходили к планированию очередного хозяйственного года, условий благополучия в поездке по тракту, на охоте или рубке дров, заготовке ореха, выезде на таежный брусничник или болотный клюквенник. Особые меры предосторожности принимали при возможной встрече с медведем в лесу или самосохранению в дальних поездках в «хлящии» морозы или пургу.

Для сибиряков стало естественным постоянно думать о создании резервных запасов зерна, кормов для скота, сухих дров, просушенных

²³ Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. 1. Курс русской истории. Ч. 1. М., 1987. С. 315–316; Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. М.: Флинта, 2005.

²⁴ Например, всесторонней организации возможного выживания на ямщине до выезда на дорогу (теплая доха, унты и запасные сухие рукавицы, волчья полость в кошечке, запас дров и растопки, пельменей для себя и овса для лошадей). Отсюда обычные сообщения: «В эту зиму на сибирском тракте от замерзания померло восемь российских ямщиков. Случаев замерзания местных, сибирских не отмечено».

строительных материалов, запасного хозяйственного инвентаря²⁵. Крестьянин во всем старался просчитать возможный результат хозяйственного года, например, «умолот» хлеба с десятины, выгоду по реализации излишков зерна к Рождеству. Исследователь культуры старожилов Приангарья Л. М. Сабурова выделяет качества расчетливости сибиряка, продуманного планирования деятельности на длительную перспективу²⁶.

Характер и мышление сибиряков-старожилов были не только более социально прагматичными и рациональными, но и проявлялись в приглушенном эмоциональном выражении чувств. «Если великоросский крестьянин шумит, ругается, сердце сорвет протестуя, то сибиряк несравненно последовательнее. Сибиряк разве что плюнет. Зная очень хорошо, что плетью обуха не перешибешь, он и не пытается. Делает это со стоицизмом...» — отмечал публицист С. Турбин. Во второй половине XIX века он подметил влияние рационального мышления на установки прагматичного и менее эмоционального поведения крестьян-старожилов²⁷. Современники отмечали «печать угрюмости и сосредоточенности» на лице сибирского старожила. И это в отличие от «души нараспашку» русского человека. В словаре говора приенисейских сибиряков адекватным словом «свирепый» было «серьезный».

Преодоление противоречия иррациональных и прагматичных установок мировоззрения осуществлялось на основе переосмысления пространства и времени в адаптированной «картине мира» сибиряка. В границах ментальности крестьян-старожилов традиционного периода объекты бытия были системно упорядочены, и мир состоял из отдельных сфер как материального, так и нематериального порядка²⁸. Мир представлялся в сферах личности, семьи, дома, подворья, селения, общины, далее уезда, губернии или края (например, Приангарья в сфере Енисейской губернии) и Сибири в целом. Европейская Россия относилась в картине мира к прошлому времени жизни предков, мест «выхода» отца или деда: настоящее — сибирская жизнь, прошлое — время и место проживания и «выхода» предков-переселенцев.

Результатом рационального адаптированного познания старожилами особенностей природных циклов и сезонов в каждой местности, территории были локальные сибирские народные календари погоды и народных примет. Записи обычных и необычайных погодных явлений многие старожилы вели всю жизнь и даже в нескольких поколениях. Это позволяло обобщать и делать системные предсказания по местным приметам. Сибирский народный календарь являлся итогом эмпирического изучения нового месторазвития и существенно отличался по содержанию от подобного календаря крестьян Европейской России²⁹. Анализ

²⁵ История Сибири. Т. 2. Л.: Наука, 1968. С. 210; Свидетельства в итогах полевых исследований автора очерков.

²⁶ Сабурова Л. М. Культура и быт русского населения Приангарья. Л., 1967. С. 170.

²⁷ Турбин С. И. Старожил. Страна изгнания... С. 163.

²⁸ Юдин А. В. Русская традиционная народная духовность. М., 1994. С. 32–35.

²⁹ Макаренко А. А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. СПб., 1913; Материалы полевых исследований автора очерков.

народного календаря Енисейской Сибири в сравнении с традиционным русским народным календарем Европейской России показывает разницу сроков природных явлений. Половодье на реках Русской равнины происходит в марте-апреле, в Сибири в мае-июне. Деревья распускают листья в Центральной России в середине апреля, в Сибири в середине мая, но в тайге даже к середине июня.

Отсюда в целом все даты сельскохозяйственных работ, заготовки сена и дров, содержания и ухода за домашним скотом, в сезонности охоты и рыбной ловли, сезонности труда и отдыха, — все разнится на 12–20 дней. Например, российская поговорка гласит, что «в Егорьев день весенний разве ленивая соха не выезжает». Егорьев день — 23 апреля. В этот день выгоняли скот на пастбище, сеяли свеклу, морковь. Посевные работы заканчивались в день Еремея 1 мая. В России день называли Еремей Распрягальник. Однако вариант адаптированной сибирской поговорки начало события относит к дню 1 мая и назывался — Еремей Запрягальник. «На Еремея и ленивая соха в поле выезжает». Конец посевных работ приходился на Еремея Распрягальника 31 мая. Как видим, в Европейской России Еремей — Распрягальник, в Сибири — Запрягальник. День 31 мая в Сибири — Распрягальник, в России — Еремея Долматского. И таковых примеров «несть числа».

Напоминаю, что жесткие правила традиций у старожилов Енисейской губернии требовали, чтобы в день Еремея Запрягальника (1 мая по ст. стилю, 14 мая по нов. стилю) «хоть малость, а посеять надо». В праздник Кирики-Улиты (15 июля по ст. стилю) — «середка лета; женщины работ не робят». В день Фрола и Лавра (18 августа по ст. стилю) следовало «устраивать праздник» рабочим лошадям, «вкусно кормить их и обихаживать». В Филиппов день (14 ноября по ст. стилю) по всем селениям Енисейской губернии начиналась «хлебу — молотьба, и рекрутам гульба»³⁰. Повышенное стремление придерживаться предписаний народного календаря было вызвано крайне сжатыми сроками и экстремальностью климата, особенно в весенне-осенний период. При этом как в «России», так и в различных регионах Сибири пахота, посев, жатва и другие хозяйственные работы вследствие природно-климатических особенностей отличались по времени проведения от недели до полутора месяцев³¹. Календарь природных примет служил важным средством нейтрализации возможных неординарных сезонов года, температур, разливов рек и подтоплений, организации

³⁰ Календарные традиции даны по кн. Макаренко А. А. Сибирский народный календарь... и материалам полевых исследований. Информаторы автора по сведениям народного календаря: Рыбаков С. И. (1899–1986 гг.), Алешечкин Л. С. (1927–1989 гг.), Левахин С. М. (1927–2001 гг.), с. Имисское Курагинского района.

³¹ Так, в народном календаре Европейской России начало разлива рек и половодья, завершение таяния снегов, готовности пашенной земли к севу яровых хлебов относится к 15 марта — 15 апреля по ст. стилю. На Егория (23 апреля — 1 мая) распускался березовый лист «с полушку» (см.: Общепольный календарь. М.: Изд-во И. Д. Сытина, 1894. С. 7–10). Для сравнения: в Енисейской губернии данные явления относятся к 20 апреля — 20 мая по ст. стилю (см.: Макаренко А. А. Сибирский народный календарь... СПб., 1913).

Священник Семенов с семьей. 1900-е гг.

Фотограф священник Попов. КККМ НЕГ 4451. ГК № 36117372

работ за пределами селений, возможных сложных сезонных условий рискованного земледелия.

Народные календари местных примет погоды, календари праздников и сезонных работ позволяли согласовать религиозные и бытовые праздники, обрядово-ритуальные действия в качестве традиционных способов взаимодействия с «иными» иррациональными мирами в пространственно-временном измерении. Одновременно народный календарь успешно решал прагматичные задачи упорядочения хозяйственно-бытовых мероприятий в течение года. Поэтому мы считаем народный календарь важным источником для изучения иерархии ценностных представлений как слоя традиционного сознания «картины мира», так и рационально-аналитического. Ценностная иерархия элементов народного календаря не может не являться результатом реализации установок ценностной структуры субъективных ментальных стереотипов-значений.

Круг сведений и мероприятий народного календаря как российских, так и сибирских крестьян отражал цикличное представление о времени в картине мира людей традиционной эпохи. Однако историк Н. А. Миненко определила, что «у сибирских крестьян существовало понятие линейного необратимого времени»³². Как совмещались полярные представления о циклическом и линейном времени в духовности сибирских крестьян? Как стиль мышления разрешал данное противоречие в реальной

³² Миненко Н. А. Культура русских крестьян Зауралья... С. 29–30.

жизни? Мы считаем, что наши подходы позволяют помочь в разрешении данной проблемы.

В «Наказах крестьян в Уложенную комиссию 1767 г.» мы обратили внимание на полярно-ориентированное восприятие времени ангарскими старожилками и отражение прошлого и настоящего в датах календаря. «В прошлом, 7204 году июля 10-го... сего сентября 1766 года 25 дня»³³. В наказе крестьян глубинных таежных селений Приангарья события прошедшего времени тесно увязаны с календарем «от сотворения Мира». События текущего 1766 г. датировались от «Рождества Христова». Отсюда прошедшее освящалось сакральным временем, обращенным к началу мира, текущие же события фиксировались датой «мирского» календаря. Однако структурирование времени в системе двух календарей было остаточным со времени реформ Петра I. Косвенным доказательством этого служит то, что данный наказ был составлен крестьянами глубинного Чадобского присуда. Во-вторых, единичное свидетельство в «Наказах» косвенно свидетельствует о затухании данного восприятия времени к последней четверти XVIII в.

Все изученные нами архивные материалы XIX в., как административного, так и бытового характера, по различным волостям и уездам Енисейской губернии имеют единое хронологическое сопровождение — по календарю «от Рождества Христова». Вместе с тем мы выделили в источниках динамичные характеристики хронологии событий. Мы уверены, что не случайно эволюционировал порядок датирования приговоров сходов: он вполне увязан с эволюцией временных характеристик в сознании крестьян. В первой половине XIX в. в письменных источниках представлена традиционная формулировка: «1816 года января 1 дня»; «1839 года апреля 20 дня». Затем: «...апреля 6 дня 1864 года». В последней четверти XIX в. окончательно сформировался современный тип записи: «...по 1 января 1889 года»; «28 февраля 1892 года». Представления картины мира фиксируют эволюцию традиционного циклического восприятия времени (год — месяц — день) в линейное (день — месяц — год). Наряду с этим в словаре сибирского говора середины XIX в. мы находим свидетельство линейного структурирования событий во времени в словесной форме: «попозавчере», «позавчере», «завчере», «заутре», «позаутре», «запозаутре».

В повседневной жизни крестьян народно-православный циклический календарь соответствовал земледельческому типу традиционной цивилизации. Данная фиксация событий также отразилась в источниках: «в день Покрова», «на Рождество 1864 года», «отсутствовал с дня Святой Троицы до Ильи» и др. Свидетельства современников говорят о владении приенисейскими крестьянами собственными методиками расчета временных параметров. Этнограф А. А. Макаренко писал, что старожилы с. Кежемского, Казачинского, Ужур Енисейской губернии доступно

³³ «Наказы крестьян Чадобского присуда Енисейской провинции в Уложенную комиссию». Л. 81–82 // Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977. С. 212.

и обстоятельно фиксировали и объясняли праздники народного и православного календарей: «Год имеет 52 недели и 1–2 дня с Высокосом. Если Рождество Христово приходится в нынешнем году в понедельник, то на следующий год во вторник, а в Высокос, то в среду. Паска учитывается с Масляной: 8-я неделя...»³⁴.

Народный календарь не только фиксировал ежегодный цикл православно-языческих праздников, но и циклично воспроизводил в обрядовой, игровой, текстовой формах представления «картины мира» о сложной структуре окружающего мира. При этом как языческие архетипные, так и библейские сюжеты проигрывались в пространственно организованном и хронологически *последовательном* порядке. Порядок мира нарушался (в обрядово-игровой форме) в пространственно-временных характеристиках лишь субъектами хаоса. Поэтому конечной целью обрядово-праздничных действий было восстановление упорядоченности взаимоотношений субъектов различных миров («тот и этот» мир, на «том свете» и «на этом»).

Установки традиции духовной культуры реализовывались на уровне отношений с иррациональными субъектами на вполне рациональных — на основе договорных действий с помощью «подарков», «денежек», «угощений». Если необходимо, с помощью «воды», «огня», «заговоров» и даже «ружейных выстрелов». «Связь с „душами“ умерших предков также выстраивалась на уровне вполне материальных и прагматичных отношений. Накануне „Родительской Паски“ (т.е. „Родительского дня“) для них топили баню, оставляя при этом мыло, полотенца, воду в шайках. На столы в поминальные дни для предков ставили отдельные кушанья и наливали вино. В случае затруднения или принятия важного решения крестьянин-старожил в слух „беседовал“ о своих сомнениях и „советовался“ с умершим отцом»³⁵.

В повседневной жизни человеку традиционного времени приходилось иногда выстраивать иррационально-обрядовый способ отношений с другими людьми, с объектами и субъектами реального мира. Воздействие сложных адаптивных факторов Приенисейского края внесло в содержание установок поведения в жизни по правилам строгого следования традиционным обычаям. Многие стереотипы поведения матери-роженицы, «баушки-повитухи», при рождении ребенка доказывают факт сознательного «ухода» в ритуальный мир древнейших пластов мифологической культуры. Роды воспринимались и сознательно встраивались в выраженный архаичный контекст умирания-воскрешения. Накануне этого события «беременная женщина просила прощения» у близких, готовясь «к смертному часу»³⁶. Родственники женщины вызывали повитуху «не прямо к родительнице», а «иносказательно, будто бы по другому делу», так как «роженице тяжело родить, если много народу знает» об этом. Согласно

³⁴ Макаренко А. А. Сибирский народный календарь... С. 23.

³⁵ Пример подобной «беседы с родителем» пожилого крестьянина «деда Силина» (с. Балахтон Козульского района) был случайно услышан мною в начале 1970-х гг. во время сенокоса.

³⁶ ККМ. ОФ 7886/112. Л. 32.

представлениям «картины мира», создавали соответствующую обстановку «первородного процесса» для успешных родов. У роженицы «расплетали косы, развязывали все узлы, вынимали из ушей серьги» и даже мужа заставляли «развязать узлы своей одежды»³⁷.

В Енисейской губернии вплоть до начала XX в. проигрывались иррационально оформленные обрядовые действия «лехкой бани» для родительницы, «размывания рук» родительницей и повитухой, «обережения от сглаза» ребенка, гаданий «на долговешново и живушшево рожденново дитя», «замены имени» ребенка в целях выживания в этом мире. На крестины ребенка приглашали кума, куму, родственников, друзей, бабушку-повитуху, чтобы «откушать крестинной каши» из цельного зерна. Едва ребенок пытался делать первые шаги, следовало «разрезать невидимые пути», проведя ножом между ступней или «расстригая ножницами», чтобы он начал ходить. В ментальности приангарских старожилов вплоть до конца XIX в. несоблюдение «должных» традиций тесно увязывалось с невозможными негативными последствиями нарушения древних «табу». Нельзя было ребенка класть или сажать на стол – будет «уросить» (капризничать). Считалось, что ребенка нельзя хватать за ноги – поздно начнет ходить. Таким образом, и рождение ребенка, и первые месяцы жизни наиболее тесно были связаны с архаичными обрядовыми действиями. В детском и подростковом возрасте сохранилось прохождение в кругу сверстников нескольких этапов, имевших испытания типа инициаций³⁸.

Множественными обрядами иррационального характера обставляли свадьбу; в воззрениях традиционного времени она считалась важнейшим переходным этапом в жизни. В свадебных обрядах различных волостей выделяется ряд общих черт, позволяющих говорить о переходе в иную сферу жизни. Как и в момент рождения, накануне свадьбы совершался обряд «омовения» – посещения бани невестой с подругами и отдельно жениха с друзьями, чтобы «смыть прежнее состояние» жизни³⁹. В ритуальных действиях на различных этапах свадьбы были задействованы важнейшие предметы, выполнявшие сакральные функциональные предназначения в зависимости от обряда (платок, шуба, хлеб, гусь, ключ). Особую роль играли ритуалы «выкупа косы невесты», «выкупа места на свадьбе», «выкупа ключа от ворот дома невесты», посадки молодых за столом на овчинную шубу, заправки брачной постели бабушкой-повитухой, поедания свадебного гуся⁴⁰. Обязательным элементом свадьбы в Енисейской губернии была стрельба во время выезда свадебного «поезда», чтобы разгонять нечистую силу и оберегать молодых от «порчи».

Смерть человека, уход из «этой жизни», в сибирских селениях, как и во всей России, воспринималась как всеобщее горе – открывались ворота, и «всяк должен зайти, чтобы разделить печаль с родственниками,

³⁷ ККМ. ОФ 7886/148. Л. 11–17.

³⁸ Красноженова М. В. Ребенок в крестьянском быту. Материалы по народной медицине. Новосибирск, 1997. С. 26.

³⁹ Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь... Кн. 1. С. 109; Юдин А. В. Русская традиционная народная духовность... С. 187.

⁴⁰ Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ... Кн. 1. С. 49–127.

посочувствовать им». Вместе с тем особо пронизательные люди приходили и для того, чтобы «посмотреть, как одет, как обряжен, какую парчюю накрыт усопший, плачут ли родные»⁴¹. Причины данного поведения уходили не только в практику прагматических оценок похорон, но и требований древних установок контроля над поэлементным соблюдением внешней «экипировки», поэтапного процесса прощания и перехода усопшего в «иной мир».

Процесс прощания с покойником оформлялся в симбиозе рациональной и иррациональной форм речевого «общения», жестов и символики. Особое значение в психологическом осознании смерти и принятии ее неизбежности имели песни-плачи по умершим — «причеты». Обращаясь в плаче к умершей дочери, мать с укором обращается к ней:

Да за што ты на меня обиделась?
 Да за што ты на меня рассердилась?
 Ой, зачем ты меня покинула?
 Сироту-то меня, горе-горькую...⁴²

Как и в свадебном цикле, вначале видим выраженное неприятие «ухода в иную сферу», затем смирение и осознание случившегося. Впоследствии в поминальные дни проигрывания возник несколько иной тип обрядовых «отношений» с умершим. Независимо от субъективного отношения человека к вере, в традиционном сознании православных сибиряков представлено противоречие между высшими ценностями жизни и высшей ценностью Бога: человек живет, «пока Бог не пошлет по душу». Представленный в «картине мира» удел жизни «по воле Бога» последовательно отражается во всех источниках. Сотни рапортов-извещений о смерти крестьян не только стереотипны в формулировках текстов, но и адекватно отражали оценку воззрений на причины смерти. «Крестьянин владения моего Лазарь Харитонов Замараев сего декабря месяца в 15-е число волею божьею помер», — объявлял в рапорте старшина д. Хлоптуновой Сухобузимской волости П. Седельников⁴³. Подобное представление о жизни и смерти в рапорте старшины д. Крутой Заледеевской волости Н. Зобкова: «Крестьянин Лукьян Сидоров Караулов 25-го числа настоящего месяца мая волею божьею помер и предан земле по христьянскому обряду»⁴⁴.

Похоронный обряд требовал, чтобы обязательно завешивались зеркала, так как «считалось, что мертвый увидит душу в зеркале». В традициях язычества в Енисейской губернии полагалось ставить у изголовья «чашку с водой, чтобы душа умершего могла умыться». О выраженных воззрениях на наличие свободы выбора душой умершего человека (в границах двоеверия) свидетельствовал обычай ставить икону «не на грудь, как в России», а у изголовья покойника. Доски и щепки от «делания гроба

⁴¹ Авдеева Е. А. Записки и замечания о Сибири. М., 1835. С. 41.

⁴² ККМ. ОФ 7886/112. Л. 69.

⁴³ ГАКК. Ф. 546. Оп. 1. Д. 408. Л. 2.

⁴⁴ ГАКК. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1348. Л. 7, 9 и др.

вывозились за деревню» и сжигались в целях предохранения от несчастий. После выноса покойника «в переднем углу клали камень-серовик, чтобы не было более в доме покойников». В переднем углу горницы в течение 40 дней должна быть вывешена белая тряпица или полотенце, «чтобы душа умершего осушала слезы свои». С этой же целью полотенца вывешивали на дом и на могильный крест. Сохранились сведения, что «по местным обычаям» в отдельных районах покойника, в отличие от общероссийских правил, «кладут вдоль пола, ногами к иконам, чтобы он молился вместе с живыми. Выносят гроб ногами вперед, поворачивая по солнцу»⁴⁵.

Стиль мышления давал установку на определенный тип поведения в конкретной ситуации с превалированием рационального или иррационального оформления стереотипов-свойств. Это один из признаков традиционной эпохи. Мы должны повторить, что в это время зачастую вещи, явления и события «не потому значимы, что полезны, но полезны, потому что значимы»⁴⁶. Перефразируя, отметим, что наиболее важные явления и события (рождение, свадьба, смерть) значимы не только по причине реальности происходящего, но необходимы для возможности психологического обоснования бытия на основе языка и символики иной, «иррациональной реальности». В данном случае «иррациональная сфера» – важнейшая сфера ценностной «картины мира» с представлениями и образами о воссоздании моделей «иррационального бытия» в реальном мире. В контексте данных оценок с позиций этнической психологии нами реконструированы духовные истоки ценностной мотивации и представлений о взаимодействии дихотомии «труд – праздник».

В повседневной трудовой деятельности ритуал предшествовал рациональным технологическим приемам на наиболее значимых этапах. В дни праздников обряд и ритуал стояли в центре всех фольклорно-этнографических сюжетов. Так как трудовая деятельность человека равноценно сопрягалась с компонентами праздника, и наоборот, то польза и значимость их должны рассматриваться в комплексе, в их взаимодействии. О данном соотношении взаимной значимости труда и праздника через оценки приангарских крестьян писал сибиряк-историк А. П. Шапова: «Труд есть условие права на увеселение пиром, беседой в праздник»⁴⁷.

Мы отмечали, что представления о сакральности созидательного труда проявлялись в установках поведения и символической атрибутике. Одежда как часть обрядово-ритуального комплекса обеспечивала достижение высокой результативности в труде: так, сев хлебов производили только в новой рубахе из льна или «поскони» (конопли). Наоборот, одежда праздничная была у сибиряков «покупная» и выражалась «в приобретении не только дорогостоящей, но и оригинальной по форме, нетрадиционной одежды. Для выходной одежды употреблялись ткани фабричного производства»⁴⁸.

⁴⁵ Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ... Кн. 1. С. 49–127.

⁴⁶ Юдин А. В. Русская традиционная народная духовность. М., 1994. С. 45.

⁴⁷ Шапов А. П. Собрание сочинений. Дополнительный том... С. 276.

⁴⁸ Русские Сибири: культура, обычаи, обряды... С. 48; Явнова Л. А. Взаимосвязь календарной и семейной обрядности старожилов Алтая... С. 132.

Землепользователи деревни Шумиха Канского района. 1931 г.

Фотограф А. С. Сырмятников. КККМ НЕГ 2817. ГК № 17803468

Созидательный труд служил целям реализации *приобретенного права* на отдых и увеселения. Поэтому оценки труда и праздника совмещались с другой дихотомией: «лето — зима». Установки регулирования поведения в контексте данных представлений мы наблюдаем в рапорте старшины Заледеевской волости «О поселенцах худого поведения за 1843 год». Перечень осуждаемых черт поведения ссыльных включал «худые поступки, всякие кражи и мошенничества, поведения предосудительные», отсутствие «усердных занятий в *страдные время*»⁴⁹. Этнограф А. А. Макаренко в конце XIX в. отмечал, что увидеть в приангарских селениях «праздного или пьяного во время летней страды невозможно». Нарушение традиционной установки вызывало «общественное порицание»⁵⁰.

По подсчетам А. А. Макаренко, в Енисейской губернии общее время заслуженного права крестьян на отдых зимой, от дня Покрова до Троицы, суммировалось в 130–140 «гулевых дней». Но в «страдное время», подчеркивал он, крестьяне-старожилы не считают за грех «робить по воскресеньям, даже в дни Великих праздников на „помочах“»⁵¹. В картине мира старожилков зимний отдых и праздники выступали в качестве награды, возможности пользоваться результатами «зарывного» труда. Необходимо отметить, что это было право успешного домохозяина, итог адекватной адаптации к экстремальным условиям Сибири. Крестьянин-домохозяин, принимая гостей, старался косвенно продемонстрировать свой доход:

⁴⁹ ГАКК. Ф. 609. Оп. 1. Д. 2847. Л. 50.

⁵⁰ Макаренко А. А. Сибирский народный календарь... С. 87.

⁵¹ Там же. С. 183.

«Чем исправнее крестьянин, тем более усложняется стол», тем больше гостей он пригласит к себе⁵². Форма приглашения к столу выражала некую похвальбу, соревновательность. Крестьянин говорил: «Милости прошу к нашему убожеству», — ожидая, что за этим последует похвала ему со стороны гостей. Праздники выполняли функцию социального единения членов общины. «В праздничную пору у сибиряков нет различия между бедными и богатыми в одежде, поведении, приеме гостей», — отмечал крестьянин П. Школдин⁵³. Историк Н. А. Миненко отметила, что в сибирское селение на съезжий праздник «свободно могли являться» не только «свой», но и посторонние⁵⁴.

Праздничные застолья, по свидетельству современников, сопровождались наиболее примечательным атрибутом сибирского досуга — повсеместным и массовым «разгулем и винопитием». Нет ни одного автора, кто не описывал, по словам А. А. Макаренко, сибирскую «приверженность к попойкам». Еще в первой половине XVIII в. С. П. Крашенинников при описании нравов красноярцев отмечал, что они «по гостям... ходят и чересчур упиваться любят...»⁵⁵. Даже великие праздники Рождество и Пасха при енисейскими крестьянами-старожилами воспринимались как дни «массовых гулянок, гулеваний и вечеров». Данные Ф. Ф. Девятова свидетельствуют о значительных расходах крестьян-старожилов на вино в середине XIX в.: на Рождество и на Масленицу по полведра, на Пасху — четверть ведра, на два съезжих праздника — ведро, на «помочь в жнитво» — до ведра, поденщикам еще полведра вина. Всего в селениях Минусинского уезда в среднем за год старожильская семья расходовала на винно-водочную продукцию 41 рубль 50 копеек⁵⁶.

Массовому разгулу в праздники способствовал, прежде всего, высокий уровень жизни старожилов. «Гульба» воспринималась сибиряками как форма сакрального залога: на всех «гулянках» пили за урожай будущего года. Праздник воспринимался в сознании и как итог определенного отрезка праведной жизни. Эти представления подтверждаются словами старого сибиряка: «Мне можно пить, у меня уже внуки работники»⁵⁷.

Праздник нацеливал человека традиционного времени на «увеселения» и ритуальные действия по проигрыванию сценария «сотворения и спасения мира». Обращение к истокам народной культуры требовало обращения к гаданиям и магии в важнейших точках соприкосновения человека с силами зла в течение года. Но при этом неизменно были установки действий по контролю над ситуацией социального хаоса на основе очистительных ритуалов, связанных с водой, огнем, постом, молитв и заговоров⁵⁸.

⁵² Цит. по кн.: Миненко Н. А. Экологические знания и опыт... С. 131.

⁵³ Там же. С. 132.

⁵⁴ Там же. С. 131–132.

⁵⁵ С. П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы. Л., 1966. С. 64.

⁵⁶ Девятов Ф. Ф. Хозяйственный быт сибирского крестьянина... С. 315, 86.

⁵⁷ Щукин Н. С. Народные увеселения в Иркутской губернии // Записки ИРГО. Т. 2. С. 393.

⁵⁸ Ключевые точки года: в «Страшные дни» перед Крещением; на Масленицу (конец года и приход весны), «на Сорока Святых» («ночь с днем равняется»), на Ивана

**Этнографический отдел Красноярского краеведческого музея:
внутренний вид ангарской избы. 1922 г.**

Фотограф А. Я. Тугаринов. КККМ ОФ 10426/402. ГК № 9282206

Мальчишеская драка (инсценировка для пионерпередвижки). 1932 г.

КККМ НЕГ 9989. ГК № 42693429

Среди многих традиций, олицетворявших представления о борьбе добра и зла в кризисных точках, мы выделили жесткие обычаи кулачных боев и силовых поединков во время праздника Масленицы. Они проходили практически во всех селениях и городах Енисейской губернии, часто «улица на улицу» или «край на край». Психологическая эмпатия позволяет сопоставить их с ежегодным погружением в хаотическое состояние накануне «конца света». Однако правила поединков напоминали о том, что в них принимают участие все «свои». Требовалось, чтобы участники бились только на кулаках, нельзя было ударять по лицу, запрещалось бить лежащего или упавшего, вдвоем нельзя бить одного⁵⁹. Данные обычаи выполнялись настолько скрупулезно, что нарушителей наказывали свои же участники кулачного поединка. Поэтому мы можем оценивать данные правила как действие контроля порядка («традиций») над «первозданным хаосом».

В праздничных «действиях» воссоздание в реальности ситуации мнимого торжества сил зла с обильным винопитием сопровождалось отходом от порядка, от жестких норм общинной жизни. Однако жизненно важные этапы крайне жестко ограждались общественными порицаниями, наказаниями согласно предписаний традиций от проявлений «хаоса», пьянства и безделья в страдную пору⁶⁰. Все это было упорядочено согласно сезонам года, череды православных и народных праздников, разрешительных и запретных норм обычного права в проигрывании сценариев борьбы «хаоса и порядка».

В сознании русских старожилов факторам «хаоса и неупорядоченности» соответствовали традиции «архаичной мифологии» и праздничной обрядности. Благодаря выработанным рациональным оценкам и алгоритмам действий во взаимоотношениях с мифологическими и иррациональными объектами всегда побеждали рациональный порядок и контроль. Рациональное сознание сибиряка выработало алгоритмы действий выживания и благополучия: вначале навыки мгновенной оценки ситуации; далее анализ и систематизация информации в целях выбора действия; и, наконец, адекватное, рационально выраженное взаимодействие с объектом. Оценки и действия строго обуславливались критериями нравственности (совести), этики и «заветными традициями». Установки мышления и действий на основе духовных установок культуры закрепились в выраженном материалистично-рациональном характере русских старожилов Сибири.

Купальника («середка лета»), на Петров день («Солнце на зиму – лето на жары»). См.: Макаренко А. А. Сибирский календарь в этнографическом отношении. СПб., 1913; информаторы полевых исследований: Пружинина А. И. (1900–1987); Алешечкин Л. С. (1927–1989 гг.).

⁵⁹ Сидорчук О. Н. Сибирские ярмарки как культурно-зрелищные центры (XIX – начало XX в.) // Между прошлым и будущим: вопросы истории и исторического образования: Сб. науч. и публ. трудов / Под ред. В. А. Зверева. Новосибирск: Изд-во Новосиб. пед. ун-та, 2000. С. 67.

⁶⁰ «Дельному человеку» не полагалось сверх меры «бузыгать», «буркалы заливать», «выдулить», «наюзиться», «зенки заливать», «хлобыстать», «быть на развезях», «окосеть» (см.: Кривошапкин М. Ф.).

Итак, нашими исходными установками были: «душа рождает характер», а отсюда «загадочная душа сибиряка» рождает «сибирский субэтнический характер» согласно синонимичности выражений «по Н. А. Бердяеву». Выводом нашего осмысления стало понимание, что в процессе адаптации в Сибири нравственно-этические черты русского национального характера в его носителях качественно усилились в системе ценностей этнической картины мира. Установки поведения в характере сибиряков претерпели изменения в сторону выраженной рациональности и прагматичности. Мы установили, что в духовных традициях сибирских старожил догматы и символы веры значительно смягчились в содержании духовных воззрений и обрядности. Одновременно все более прагматичными в условиях рыночной модернизации становились повседневные отношения сибирских крестьян и представителей иных сословий. Современники критиковали «безнравственность», «стяжательство» и «скупость» сибиряков. В общине все более проявлялся индивидуализм, рост зажиточности и соревновательности хозяйств, что является свидетельством реализованного социального идеала. Таким образом, физические и нравственные качества, нормы поведения и деятельности русских сибиряков были сформированы адаптацией и установками духовной ценностной картины мира, которые можно изучить в многообразии составляющих черт сибирского субэтнического характера.

Очерк четвертый

МЫ РУССКИЕ С СИБИРСКИМ «КАРАХТЕРОМ»

С раннего детства и всю последующую жизнь человек мыслит и ощущает окружающий мир в единой системе оценок и критериев традиций своего народа, своей культуры, своих предков. Так было веками принято и на Руси. Былины, сказки, поговорки, нормы морали и «народного права» многие века были в числе основных звеньев ценностной картины мира. Критерии добра и зла, праведности и беспутства, правды и лжи в сознании личности являлись определяющими в оценивании «всего сущего», определяли мотивации и установки поведения в семье и обществе. Предания, обычаи, сложившаяся на основе накопленного опыта система представлений, норм, правил и образцов служили руководством к действию, были правилами поведения людей, относящих себя к определенному социуму. В данном виде они являлись традициями народа, передавались из поколения в поколение и выступали важным регулятором общественных отношений. Традиции исходят из ценностной картины мира, большей частью не осознаваемой, передающейся поколениями, зафиксированы в культуре мифов, обрядов и ритуалов. Это прежде всего образы и представления о народе в целом, о древних героях как примерах нравственности, героизма, поведения и смыслов жизни человека. Значительная часть традиций представлена в осознаваемых областях. Они не обсуждаются, не могут подвергаться критике, они воспринимаются как должное, как «заветы предков к исполнению». Ценности структурированы в иерархии духовной значимости и ответов на конкретные вызовы извне или вызовы инноваций по отношению к вековым устойчивым традициям.

Для русско-сибирской истории характерна ситуация непрерывной адаптации во взаимодействии с внешними и внутренними вызовами, начиная с далекого XVII в. и до настоящего времени. «Человек на Сибири» — субъект общества и культуры, отвечавший на вызовы среды активным ее преобразованием и изменениями себя, общества, культуры. Процесс психологической адаптации в иной природной и социокультурной среде сибирского края еще в XVII–XVIII вв. существенно изменил ценностную конфигурацию «модели мира» русских переселенцев. В сознании их потомков, сибирских старожилов, стереотипы-значения прежней культуры постепенно уходили, заменялись новыми или формировались здесь с чистого листа как ответы на суровые вызовы факторов среды. Видный этнограф Ю. В. Бромлей сделал вывод, что «утрата (или приобретение) членами социума какого-либо стереотипа-значения неизбежно влечет за собой определенное изменение общепринятых черт личности и стереотипов поведения»¹. Здесь под понятием «стереотипы-значения» и выступают базовые традиции в картине мира, на основе которых реализуются стереотипы-свойства. Следовательно, взаимная эволюция Сибири и психологии «человека на Сибири» («значений») не могла не отразиться в «свойствах» во внешних оценках поведения, речи, внешнего облика. Это значительно позднее, в 1860-х гг., безо всякого сомнения отметил литератор и этнограф Н. С. Щукин: «Опытный глаз сразу отличит сибиряка от русского»². В начале XX в. этнограф А. А. Макаренко находит по-прежнему у большей части ангарских крестьян в свойствах личности «необыкновенную терпимость в трудах, удивительную выносливость, настойчивость, мужество в опасностях». Такими же были, по утверждениям «местных стариков», их деды и прадеды³.

Портрет сибирского старожилы в комплексе физического облика, психологических свойств, темпераменте, речи, поведении в различных ситуациях представляет собой частный тип русского этнического характера. Мы даем себе отчет, что среди ученых нет единой позиции в признании термина «этнический (национальный) характер» в качестве предмета научного исследования. Многие считают его публицистическим, литературным, описательным образом народа в повседневной личной и общественной жизни. Однако на рубеже XIX–XX вв. русский историк В. О. Ключевский в лекции IV (о влиянии природы страны на историю страны и психологические черты русского народа) под национальным характером подразумевал как психические черты, так и выраженные особенности поведения.

На основе обобщения подходов и перечня содержательных элементов у разных авторов сформулируем дефиницию понятия на базе основных ключевых слов. *Сибирский характер* — это исторически сложившаяся

¹ Бромлей Ю. В. К вопросу о влиянии культурной среды на психику // Советская этнография. 1983. № 3. С. 71.

² Щукин Н. С. Народные увеселения в Иркутской губернии // Записки ИРГО. Т. 2. 1869. С. 384.

³ Макаренко А. А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. СПб., 1913. С. 12.

Деревня Яркино,
Ангарский
промышленник-
охотник. 1911 г.

Фотограф
А. П. Ермолаев.
КККМ НЕГ 4544.
ГК № 38007825

совокупность устойчивых психологических черт, ценностей и традиций, темперамента представителей сибирского субэтнуса, определяющих манеру их поведения и типичный образ действий и проявляющихся в их отношении к окружающему миру, стереотипах поведения в социуме⁴.

Возвращаясь к тезису о том, что «черты сибирского характера» обобщаются в виде «системного набора свойств», мы представили себе абрис дальнейшего изучения и осмысления данного явления:

- а) в максимальном выявлении личностных черт и качеств русских сибиряков, которые сложились в процессе взаимной адаптации с факторами окружающей среды Сибири;
- б) обобщаем устойчивые психологические характеристики в источниках современниками, исследователей прошлого и настоящего времени;
- в) выявляем причинно-следственную взаимосвязь психологических черт и стереотипов – «как должно» мыслить, рассуждать, вести себя в обществе;

⁴ Крысько В. Г. Этнопсихология и межнациональные отношения. М.: «Экзамен», 2002. С. 135; Платонов Ю. П. Этнический фактор. Геополитика и психология. СПб.: «Речь». С. 311; Кукушкин В. С. Этнопедагогика. М., Воронеж, 2002. С. 227; Кукушкин В. С., Столяренко Л. Д. Этнопедагогика и этнопсихология. Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. С. 211; Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М.: Аспект-Пресс, 2003. С. 133–136; и др.

г) делаем выводы о формировании *психологических установок* – алгоритмов действий в стандартных и неопределенных ситуациях.

Согласно выводам научных исследований этнопсихолога С. В. Лурье, представления человека о себе и «своих» всегда выступают как «источник добра», «положительного образа» социума. Эти «должные» характеристики членов общности формировались в сознании с детства в системе критериев социализации в «свое общество». Комплекс качеств личности, черт характера можно разложить на составные подгруппы в виде физических, мыслительных, нравственных, трудовых, этических и иных оценочных характеристик. Весьма важными для полноты психологического портрета предстают оценочные категории темперамента. Темперамент – это тип высшей нервной деятельности в степени мыслительной, поведенческой, эмоциональной активности в различных областях жизнедеятельности личности и социума.

Психологические и деятельностные характеристики, сложившиеся на начальном этапе формирования социума, во взаимодействии с факторами окружающей среды далее эволюционируют в контактах с инновациями. Они безусловно составляют набор ценностей в оценках «человека на Сибири»:

Уольской вотчины Троицкого Туруханского монастыря (1767 г.)	«Избрали поверенного ис крестьян дом и землю имеющий, женатый и детей имеющий, в наказаниях, подозрениях, ябедах и пороках не бывалого, но доброго и незазорного поведения, старше 30 лет...» (Наказы енисейских крестьян, № 29. Л. 96).
д. Устинова Заледеевской волости (1819 г.)	Волостной старшина Е. Поспелов – «Поведения доброго и серьезного... имеет домохозяйство, скотоводство и хлебопашество» (ГАКК. Ф. 609. Оп. 1. Д. 626. Л. 11).
д. Рыбная Богучанской волости (1839 г.)	Староста М. Скурихин: отец троих детей – «Поведение хорошее, состояние добропорядочное, под судом и штрафах не был, примерное хозяйство» (Сабурова Л. М. С. 227).
д. Воробино Сухобузимской волости (1862 г.)	Десятник А. Григорьев – «Поведение хорошее, под судом не был... имеет домообзаводство. Веры православной» (ГАКК. Ф. 546. Оп. 1. Д. 364. Л. 19).
с. Курбатское Балахтинской волости (1868 г.)	Рассыльный О. Третьяков – «Поведения хорошего. Имеет семейство, домохозяйство, скотоводство и хлебопашество. В штрафах, под следствием и судом не был» (ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 537. Л. 10).

Приведенные характеристики в источниках ряда столетий доказывают наши послышки о том, что сложившийся к середине XVIII в. комплекс качеств личности в старожильческом социуме почти не менялся в элементах содержания в течение последующих полутора столетий. Таким образом, в описаниях XVIII–XIX вв. налицо последовательность и устойчивость в перечислении ценностных черт «идеального человека» – человека «своего» сообщества. Важно подчеркнуть, что отмеченные

стереотипы-свойства «призначивались» собранием «общества» в повторяющемся «реестре» наиболее важных качества земледельца, домохозяина, семьянина.

Авторы труда «Русские старожилы Сибири» обобщили результаты исторических, этнографических, антропологических и медицинских исследований современных сибиряков. Они отмечают, что старожилам свойственны «настойчивость в выполнении поставленных целей, осмотрительность в решениях, отсутствие поспешности в действиях, но без следов вялости, хорошая ориентировка в обстановке, ровное настроение без склонностей к повышенной чувствительности». Однако уникальность характера русских сибиряков не в сумме черт, но «выстроеной культурой и опытом адаптации структуре ценностей мира и позиционирования себя в нем». Поэтому советский этнограф Ю. В. Бромлей считал в мыслеобразах «картины мира» наиболее важными «представления человека о себе самом, своих отношениях с действительностью и окружающими людьми»⁵.

Достаточно полные образы поведения «своих» в иерархии позитивных стереотипов могут дать косвенные оценки субъектов – носителей культуры. Оценочные суждения, зафиксированные в речи, в словах говора сибиряков как продукте межличностной коммуникации внутри социума, воспринимались в виде «автоматизмов» как должно быть. Изменения уклада жизни и отношений в условиях Сибири инициировали появление адекватных слов местного говора. Ко второй половине XIX в. относится опубликование ряда словарей сибирского говора, насчитывающего до 3 тысяч местных слов и выражений. В них представлено значительное количество слов, характеризующих черты характера и поведения человека.

В процессе речевого взаимодействия члены крестьянского «общества» не только общались, но и регулировали свое социальное поведение, поведение сообщинников и «чужих» людей. Язык не только служил инструментом взаимодействия с миром, но придавал «о-смысл-енную» значимость «оцененных» элементов «картины мира». Изменившиеся стереотипы-свойства, иной тип отношений в оценочной иерархии часто не могли поддерживаться традиционно русским языком. Естественно, многие позитивные и негативные черты характера и привычки человека более обостренно начинают выражаться придуманными здесь адекватными словами.

В целях исследования эволюции черт национального характера нами были выделено и проанализировано 130 слов говора старожилков. Мы считаем, что системность слов в иерархии, отражающих свойства личности, способна косвенно выявить характеристики черт личности русского старожилка⁶.

⁵ Русские старожилы Сибири... С. 166; Бромлей Ю. В. К вопросу о влиянии особенностей культурной среды на психику // Советская этнография. 1983. № 3. С. 71.

⁶ Авдеева Е. А. Записки и замечания о Сибири (Приложение: Словарь говоров). М., 1837; Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. Кн. 1–2. (Приложение IV. Словарь сибирского говора). СПб., 1865; Словарь сибирского говора – Андюсов Б. Е. Сибирское краеведение. Красноярск, КГПУ, 2006. С. 278–284.

Оценочная позиция	Всего слов	Внешний облик, способности человека	Привычки человека, его наклонности	Отношение к людям, тип общения	Поведение в трудности, в экстремальной ситуации	Речь человека, его темперамент
№ оценок п/п		1	2	3	4	5
Всего выделено и изучено 130 оценочных слов						
Слова с позитивными оценками	44	8	10	13	4	9
В % к позитивным оценкам	100	18,1	22,7	29,5	9,1	20,4
Место в иерархии позитивных слов-оценок		4	2	1	5	3
Слова с негативными оценками	86	11	22	13	14	26
В % к негативным оценкам	100	12,8	25,6	15,1	16,3	30,2
Место в иерархии негативных слов-оценок		5	2	4	3	1

Проведенный нами анализ и систематизация его результатов в таблице выявили следующее: первое место по количеству позитивных черт личности занимают коммуникативные. На втором-третьем местах среди позитивных следуют стереотипы-свойства и связанные с ними привычки поведения в процессе общения людей (речь, темперамент). В иерархии «похвальных» последние места занимают слова о внешнем облике, о смелости, выдержке.

Отличается от данного порядка иерархия слов с негативными стереотипами-свойствами. На первом месте количественно выделяются слова, порицавшие как поведенческо-речевые негативы (*вопить, ботать, бунчать, горлопанить, тараторка, хайлать, зехлать и пр.*), так и слабый темперамент (*нюнить, вошкаться, няло, галяма и пр.*). Естественно, адаптация к суровым условиям Сибири отрицала плач, нытье. Можно привести ряд критикуемых негативных стереотипов свойств данного порядка: *гнузить, брыла распускать, бунчать, бухтеть, веньгать, канючить, кукукаться, моркотить, нюнить, реветь, суслить, уросить, устна распускать, фырчать, хинькать.*

Примечательно, что и негативные привычки, и наклонности человека количественно занимают второе место (*халда, жила, алырник, зюзя, бузыгать, взендывать и пр.*). При этом малейшие нюансы слов достаточно адекватно оценивали стереотипы-свойства человека. Так, выпившему дельному человеку «быть на развезях» было простительно по сравнению с «вечным подгураком, зюзей». В отличие от минимального количества позитивных стереотипов-свойств, значительно больше слов, негативно оценивавших трусость, предательство, обман, невыполнение долга.

На последнем, 5-м месте среди негативных представлены свойства, характеризующие внешний облик и умственные способности человека (*маганный, плехатый, тунтук и др.*). В этом проявилось понимание, что данные недостатки врожденные, природного типа.

В общем количественном соотношении позитивных и негативных стереотипов-свойств в словарях большинство негативных, порицаемых (66,2%). Позитивных – всего 33,8%. Следовательно, можно сделать вывод о сдержанном отношении сибиряков к похвале и выраженном стремлении открыто порицать неприемлемые стереотипы-свойства. Естественно, в процессе социализации человек стремился заслужить редкую, но значимую оценку членов общины. Но главное было не попасть под «обстрел» метких и нелицеприятных слов предосудительного порядка. Ибо малейшие отклонения от нормы тут же порицались соответствующими словами. Идентичность свойств личности общепринятым нормам являлась показателем успешной социализации в общество («заслужил право гордиться похвалой»).

Системный набор определенных стереотипов-свойств выступал как в качестве фактора социализации человека в старожильческом социуме, так и в качестве механизма воспроизводства субэтнической идентификации молодежи. Одновременно ценностная позиция слов-свойств выступала в качестве фактора формирования стереотипов поведения переселенцев в старожильческой общине. Повторим высказывание Н. М. Ядринцева о механизме социализации российских переселенцев в старожильческую общину: «Откуда бы ни были новоселы, они подвергаются бесперывной критике и иронии, сопровождаемой и положительными советами...» Конечно, критиковалось не только негативное поведение, но и прежние, «русские» стереотипы-свойства. Оценка сибиряками говора российских переселенцев также подмечена Ядринцевым. Старожилы советовали, «как говорить, не возбуждая смеха». Под гнетом этих насмешек и советов, подтверждаемых собственным опытом, новые колонисты быстро уступают местным обычаям...»

Таким образом, как в поведении, так и в говоре крестьян Приенисейского края зафиксировались стереотипные привычки, определяемые нормами традиций. Основная функция традиций была в том, что они через общественное признание воспроизводили «трудовые и нравственные качества достойного домохозяина» и его «должного» поведения. Набор определенных качеств личности и алгоритмов поведения, выраженных словами «своего, сибирского» говора, оформились в картине мира в качестве «должных» характеристик членов крестьянского старожильческого социума. Естественно, характеристики воспринимались в качестве позитивных для «своих» и негативных – для «чужих».

Далее зададим себе следующие вопросы: действительно ли установки «должных» норм поведения претерпели существенные изменения в условиях адаптации к факторам Сибири? Насколько эффективными были результаты воздействия традиций на соотношение позитивных и негативных качеств у старожил, переселенцев и ссыльнопоселенцев? Являлись ли позитивные характеристики уникальными чертами отдельных крестьян или были характерны для всего социума старожил?

Одним из важных показателей общественного уважения и самоуважения была законопослушность старожила-общинника. Императив ценности закона в традициях сибиряков можно увидеть и на основе косвенных источников. Так, избирательное право и участие в «общинной сходке» напрямую зависели от поведения, соблюдения законов и традиций крестьянами. Статистика «лишения права голоса» в селениях различных волостей и уездов Енисейской губернии характеризует эффективность позитивного воздействия традиций на крестьян и переселенцев.

В целях обобщения результатов воздействия традиций «обычного», общинного права мы изучили именные списки крестьян 17 селений Ачинского и Минусинского уездов Енисейской губернии за 1882–1886 гг., имевших право голоса на сходах. Мы ясно видим здесь в сравнении уровень нравственности крестьян из старожилов и детей ссыльнопоселенцев⁷.

Категории крестьян-общинников	Крестьяне-старожилы 17 селений Енисейской губернии	Крестьяне «из поселенческих детей» 17 селений Енисейской губернии
Селений с крестьянами, лишенными права голоса	4	14
в %	23,5	82,3
Всего в них крестьянских душ мужского пола	1 191	219
Из них лишены права голоса за преступления и «дурные» поступки	9	68
в %	0,7	31

Выше мы представили наши выписки из источников и неизменные оценки в течение столетия: «В штрафах, под следствием и судом не был». Данные качества личности выражены в поговорке «Преступное не может быть нравственным, нравственное – преступным». Анализ списков крестьян вполне подтверждает ситуацию «как должно быть». В 13 селениях из 17 анализируемых не отмечено крестьян, лишенных права голоса за преступления или за «дурное поведение». Лишь в 4 селениях проживали крестьяне, «бывшие под судом» или имеющие «дурное поведение». Из старожилов нарушили закон менее одного на сотню крестьян. Одновременно данные таблицы показывают, что каждый третий крестьянин из «поселенческих детей» был лишен права голоса за серьезные проступки.

Рассмотрим уровень нравственности среди крестьян Балахтинской волости Ачинского округа. Так, в с. Тюльковском из 68 крестьян-старожилов имели право голоса 65 человек. Лишены были данного права трое

⁷ ГАКК. Ф. 595. Оп. 46. Д. 18. Именные списки крестьян, имеющих право голоса на сходах.

старожилов, что составляло 4,4%. Но из 13 детей ссыльнопоселенцев с. Тюльковского были лишены на сходах права голоса 6 человек, то есть 46%. В Крюковском сельском обществе той же волости все крестьяне — 71 человек — имели право голоса, а из 45 поселенческих детей лишались права голоса 7 человек (15%) «за кражи», «драки», «пьянство и убийство», «оскорбления и обиды». В селе Дербинском все 32 крестьянина-старожила имели право голоса. В этом селении были лишены права голоса один крестьянин из западно-польских переселенцев и трое из семей ссыльнопоселенцев (42,8%).

Таким образом, уровень поведения старожилов был следствием позитивной нравственной и обычно-правовой установки на «праведную» жизнь в сознании и поведении 99,3% общинников. Наши подсчеты одновременно показывают сохранение негативного поведения у 31% представителей второго поколения ссыльнопоселенцев. Однако 69% крестьян из детей ссыльнопоселенцев были социализированы в общинную жизнь, имели позитивные нравственно-правовые установки.

В системе согласования общественных требований и личных установок поведения наряду с оценками человека «со стороны» занимала собственная самооценка личности. Осознание себя полноправным членом старожильского «общества» предполагало наличие представлений о правах личности в Сибири и установок на их защиту. Источники XVIII–XIX вв. отмечают жесткую реакцию сибиряков в ответ на покушения на права и достоинство личности, судебные разбирательства «за обиды, оскорбления»⁸. К наиболее серьезным выступлениям в защиту своих прав относятся «красноярские шатости». Служилые и посадские люди Красноярска поднялись в 1695 г. на бунт против злоупотреблений и притеснений воевод А. и М. Башковских и С. Дурново. Красноярец успокоил только в 1700 г. справедливые разбирательства присланного воеводы П. Мушина-Пушкина.

В 1767 г. в каждом из 32 «наказов енисейских крестьян в Уложенную комиссию» отражены явные «обиды» за постоянное унижение личности свободного крестьянина служивыми людьми. Крестьяне писали: «Чинят обиды, чего нам не повелено»; «Нас... били смертельно»; «Претерпевали немалое телесное наказание и напрасных нападков»; «Просим... в неволю нас не нарежать». Крестьяне обращались к «Матушке Императрице» прежде всего с «ябедой» за «не повеленное» ею нарушение служивыми границ воли свободного сибиряка. Одновременно мотивация самооценки прав и достоинств в картине мира старожила формировала установки защиты личности от унижения и неправомерного наказания. Приенисейские крестьяне высказывали пожелания, чтобы «должности» исправляли «выбранные из нашей собратий, переменяясь кашьгодно»⁹.

В дальнейшем в системе представлений о позитивных установках личности и «условиях» защищенности продолжает сохраняться ценностная

⁸ ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 603, 530; там же: Ф. 595. Оп. 39. Д. 221, 225, 733 и др.

⁹ «Наказы крестьян Енисейской провинции в Уложенную комиссию». Л. 96 // Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977. С. 212.

позиция свободной личности в картине мира сибирских крестьян. Князь П. Д. Горчаков, генерал-губернатор Западной Сибири, вполне логично обосновал в 1840-х гг. взаимосвязь представлений крестьян-старожилов о компонентах свобод: «Здесьшние поселяне, взрослые в полной независимости, мало знакомы с нуждой¹⁰. Всякое близкое посредничество начальства в их хозяйстве для них странно». Декабрист Н. В. Басаргин в «Записках», написанных в 1857 г., определил значение свободы для формирования позитивных представлений о правах и достоинстве личности: «Он [сибирский крестьянин] более понимал достоинство человека, более дорожил правами своими»¹¹.

Историк А. П. Щапов в 1860-х гг. конкретизировал круг представлений сибирских крестьян о свободе. По его мнению, они включали в себя комплекс экономических, политических, социальных, духовных возможностей. Ученый выделял установки выраженного стремления к организации миропорядка на основе данных представлений: «Сибиряки склонны жить без излишнего вмешательства властей и закона... они порицают те нововведения... что ограничивают свободы»¹². Стереотипы независимого поведения сибирских крестьян на основе установок мотивационных представлений о свободе описаны и Н. М. Ядринцевым¹³.

В течение всего XIX в. рапорты сельских старшин Енисейской губернии непременно завершались выражением, отнюдь не являвшимся формальным в контексте приведенных свидетельств: «О чем волостному правлению честь имею донести»¹⁴. Не забудем, что такое обращение было естественным правом и центром мировоззрения дворянского сословия – «Честь имею!».

В оценках качеств характера нравственной личности в картине мира рядом с понятием «честь» стояло «достоинство». Они отражали связь оценки «честной» личности с представлениями о должных действиях по защите личностью своего достоинства. В 1886 г. крестьянин с. Уринского Канского округа Андрей Коратаев обратился с жалобой енисейскому губернатору на незаконное наказание его розгами по решению волостного суда «в обвинение в покраже и зарезании теленка». Действительно, в результате расследования выяснилось полное отсутствие вины крестьянина. Отстояв самоуважение, он добился того, чтобы волостному суду было «объявлено серьезное внушение»¹⁵. Наказание розгами крестьянин посчитал «унижением» и все сделал, чтобы смыть «сея позор».

В подобных случаях наряду с ценностными установками самоуважения фигурировало «устремление сохранить уважение и статут» односельчан. (Говоря «статут», сибиряки подразумевали «статус». – Б. А.)

Источники позволяют говорить, что в понятие «уважаемый человек» включалось множество составляющих, и в первую очередь честность.

¹⁰ Цит. по: Миненко Н. А. Живая старина... С. 9–10.

¹¹ Басаргин Н. В. Записки. Красноярск, 1985. С. 99–100.

¹² Щапов А. П. Собрание сочинений. Дополнительный том. Иркутск, 1937. С. 171.

¹³ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония... С. 109.

¹⁴ ГАКК. Ф. 546. Оп. 1. Д. 33. Л. 11, 101 и др.

¹⁵ ГАКК. Ф. 595. Оп. 46. Д. 15. Л. 1–7.

**Туруханский
староста с семьей.
1907–1908 гг.**

Фотограф
А. Я. Тугаринов.
КККМ НЕГ 4781.
ГК № 38061744

Писатель А. П. Чехов свидетельствовал в письмах из Сибири: «...по всему тракту не слышно, чтобы у проезжего что-нибудь украли. Нравы здесь в этом отношении чудесные, традиции добрые. Я глубоко убежден, что если бы я обронил в возке деньги, то нашедший их вольный ямщик возвратил бы мне их, не заглянув даже в бумажник»¹⁶. Ряд источников волостных правлений Енисейской губернии конкретизируют проявления ментальных установок честности в сознании крестьян. В условиях возможного сокрытия попадавших им в руки ценностей в сознании крестьян не возникло сомнения в вариантах дальнейших действий: они принимали нравственно оправданные решения.

Крестьянка д. Мосиной Балахтинской волости Татьяна Григорьева в июле 1856 г. «на берегу р. Чулым нашла бумаги, о которых, не утаив», сообщила вместе с мужем в волостное правление. В связке бумаг были финансовые документы на 709 рублей «о заключении договоров на поставки хлеба», расписки и квитанции губернского чиновника¹⁷. «Крестьянская дочь с. Еловского Балахтинской волости девица Ефросинья Метелкина 1873 г. июня 8 дня» нашла на дороге золотой полумпериял достоинством

¹⁶ Чехов А. П. Из Сибири. Собр. соч. В 12 т. Т. 11. М., 1985. С. 14.

¹⁷ ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 238. Л. 25.

Отечественная война 1812 года

В войне 1812 г. впервые прославились своими мужеством и стойкостью сибирские полки. Когда началась война, из Сибири было выведено 7 регулярных полков и 2 артиллерийские роты, в том числе 94-й пехотный Енисейский полк.

После Смоленского сражения 4–5 августа 1812 г. французы заговорили о сибиряках с уважением и страхом. Командовал сибиряками генерал-майор Антон Антонович Скалон, француз по крови, алтайский сибиряк по рождению, погибший в бою за Смоленск. В 1812 г. Антон Антонович Скалон, шеф Иркутского драгунского полка, командовал тремя полками в 3-м резервном кавалерийском корпусе.

«Русские драгуны на 2-й день Смоленского сражения 5 августа 1812 года не выдержали кавалерийской атаки дивизии Брюйера и в полном беспорядке бежали в город. Артиллерийские позиции и пехота остались без прикрытия. Командовавший резервом генерал А. Скалон решился на отчаянный шаг. Сразу за последним залпом русских батарей последовала молниеносная контратака сибирских драгунских эскадронов во фланг наступающим. Это было против всех правил. Французские артиллеристы замерли с зажженными фитилями у своих орудий, но не смели сделать ни единого выстрела, чтобы не угодить в своих. С поля боя доносились только звон клинков и душераздирающие крики.

В течение четверти часа сибиряки рубили и кололи врага с отвагой и жестокостью обреченных. Опешив от безумной ярости кавалеристов Скалона, неприятель дрогнул, смял ряды и утратил порыв. Предпринятый Скалоном маневр сорвал попытку французов ворваться в Смоленск.

Едва противники разошлись, французы пустили в ход артиллерию. По традиции российского офицерства, генерал-майор оставался, прикрывая отход. „Внезапно рядом разорвалось несколько гранат, и все скрылось в густом пороховом дыму...“ <...> По личному указанию Наполеона 8 августа герой был предан земле у Королевского бастиона „с отданием всех почестей, приличествующих его воинскому подвигу, с ружейными и артиллерийскими залпами“. Французский император сам присутствовал при погребении...

В Бородинском сражении 24-я пехотная дивизия сибиряков практически полностью пала на Бородинском поле, защищая батарею генерала Раевского. Генерал-майор Петр Гаврилович Лихачев, раненый, исколотый штыками и повергнутый на землю прикладами, еле живой был взят в плен и представлен Наполеону... Командир 3-го кавалерийского корпуса генерал-майор Крейц получил в бою шесть ран, дважды под ним убивали коня... Генерал-майор Понсет, искалеченный в боях, стоял перед своей бригадой на костылях и говорил, что умрет, но не отойдет ни на шаг.

Томский и Тобольский пехотные полки, построившись в каре, отбили шесть атак неприятельской кавалерии, задержав до ночи продвижение французской конницы, потеряли более половины личного состава. Сибирский и Иркутский драгунские полки участвовали в кавалерийской схватке за ключевую позицию — Курганную батарею. К вечеру в Сибирском драгунском полку осталось 125 рядовых и три офицера. После боя в Иркутском драгунском полку осталось не более 50 рядовых с одним обер-офицером, поручиком. 95-й Красноярский полк потерял 20 офицеров и 712 нижних чинов. После сего полки участвовали еще в общей атаке. Можно судить, сколько их под вечер осталось».

5 рублей и отдала сельскому старшине. «Учиненный розыск неизвестно кому принадлежащего полуимпериала» владельца не определил. Поэтому волостное собрание приняло решение: «Означенные деньги выдать нашедшей их девице». Факт розыска денег позволяет подтвердить высочайшую честность всего старожильческого сообщества Балахтинской волости в 1870-е гг. Архивное «Дело об отыскании хозяина золотого полуимпериала...» содержит 19 документов о многомесечной истории выявления хозяина монеты по всем деревням волости. Поразительно, но ни один крестьянин «бесчестно» не заявил своих прав на эти деньги¹⁸.

Этнограф Н. А. Ровинский, будучи прекрасным знатоком сибирского фольклора, подчеркивал: «Говоря “не мылися, бретья не будешь”, – сибиряк прямо намекает: “Не рассчитывай никогда на чужое”». Он выделял в местных пословицах глубокий назидательный смысл, формировавший одновременно установки на уважение личного достоинства человека: «Обманешь в рубле, не поверишь и в игле»; «Честь чести и на слово верит» и другие¹⁹. Установки соответствия общепринятым критериям достойной личности наиболее отразились в поговорке «К двадцати годам не умен, к тридцати не женат, к сорока не богат – всю жизнь [будет] так»²⁰. Как видим, последовательность качественных стереотипов-значений воздействовала динамично на достижение определенного набора свойств. В данном случае к двадцати годам было необходимо обрести интеллектуальные, нравственные, коммуникативные черты характера. К тридцати годам молодой человек должен был остепениться, обрести семью, быть примером для детей, к сорока – стать крепким домохозяином, хлебосольным и авторитетным членом общины. Следовательно, системный набор позитивных стереотипов-свойств выступал в качестве фактора социализации человека в старожильческий социум и механизма воспроизводства идентификации молодежи как «своих».

Вместе с тем наряду с выраженными установками общественного мнения позитивного характера в источниках приводится множество свидетельств о приверженности, казалось бы, к негативным стереотипам поведения. Для подтверждения данной оценки мы приводим высказывания Н. Д. Фонвизиной, жены декабриста. За долгие годы проживания в Сибири она сумела выделить и обобщить ряд внешне нелюбимых превалирующих черт в установках традиционного сознания старожилков. Наталья Дмитриевна пишет: «Сибирское основное свойство: недоверчивость и осторожность, чтобы не дасться в обман, и если можно самому обмануть. <...> Быть обманутым... считается за стыд. Сибирская скромность, по-моему, скрытость»²¹. Сибиряк «ласков, добродушен, большой хлебосол, но не клади ему палец в рот – он без намерения, но... откусит». Данное

¹⁸ Там же: Д. 605. Л. 1–19.

¹⁹ Ровинский Н. А. Замечания об особенностях сибирского наречия и словарь // Известия Сиб. отдела ИРГО. Т. IV. Кн. 1. Иркутск, 1873. С. 19.

²⁰ Зверев В. А. Крестьянское население Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1988. С. 49.

²¹ Фонвизина Н. Д. Письма 1839–1859 гг. // Литературный сборник... СПб., 1885. С. 249–280.

Историк-сибиревед Г. Ф. Быконя: «Сибиряки исторически стали носителями лучших качеств русского народа»

... Сибирь называли «золотым дном» России. Впервые эту особенность нашей земли отметили ссыльные «народники». Они называли Сибирь социологической лабораторией, в которой одновременно существовали явления из разных исторических периодов: рабство, крепостничество бок о бок с вольными земледельцами на вольной земле. И это при свободолюбии наших людей, которые не боялись доходить до царя со своими просьбами. Взять хотя бы ачинских мещан. Документально зафиксировано, что они дошли до Николая Первого, чтобы добиться своей правды. И государь уступил им.

Любопытный пример этого наблюдал еще Г. Мессершмидт в XVIII в. и отразил в своих записках. Был праздник, на котором пьяный казак ударил воеводу. На суде стороны примирились двенадцатью рублями. Представляете, столько стоит сбить с ног воеводу! В Центральной России повесили бы не раздумывая!

В Сибири было военно-бюрократическое управление, и очень большую роль в жизни региона играли казаки — государственные служащие. Их психология была проста: если воевода нас обижает, значит, он чинит вред государству. Примерно так же рассуждали крестьяне: мы платим налоги, кормим страну, какое же право начальник имеет поступать с нами не по совести? Не боялись писать жалобы царю, а то и поднимать бунт против самоуправщиков — просто переставали им подчиняться. Недаром управителей в нашем регионе часто сменяли. Только в Красноярске дважды изгоняли воевод, в 1695 и 1718 годах. И горожане годами правили самостоятельно: избирали коллегия судей, которые решали городские дела, руководили сбором налогов. <...> Неслучайно упрямые красноярцы даже друг с другом предпочитали выяснять отношения в суде — могли судиться годами, и некоторые даже разорялись на этом. Знаменитая фраза: «Умен, лукав и расчетлив, как сибиряк» — авторства Екатерины II, которая претендовала на знание психологии народа. Она даже написала пьесу о том, как сибиряк, приехав в столицу, дурачил светских дам.

Другое дело менталитет сибиряка как стержень национального характера. В этом плане мы всегда отличались от великорусов. Сибирский характер — это не только выносливость и неприхотливость, которую так ценили на войне. Сибиряк более рационален, расчетлив, практичен, для него характерны инициативность и самостоятельность... Тяжелая работа наложила свой отпечаток на наш характер: мы умеем много и упорно трудиться, способны выдерживать максимальные перегрузки. С другой стороны, у сибирского крестьянина куда шире кругозор, он всегда был грамотнее и сообразительнее деревенского жителя из Центральной России.

Наша земля славилась меценатами. Упомянутый уже купец Сидоров был баснословно богат, но все свои деньги по завещанию он оставил Русскому географическому обществу на изучение Севера. Первым организовал экспедицию из Енисейска Северным морским путем в Англию! В Лондон на Всемирную выставку Сидоров лично привез образцы всех минералов и горных пород Сибири, активно поощрял развитие науки и культуры в регионе. <...>

Основная масса людей фанатиками никогда не были, нашу религиозность можно назвать практической. Взять хотя бы отношения местных жителей к каторжникам, которые постоянно потоками шли в Сибирь. И крестьяне, и купцы жалели арестантов, их жены выносили на стоянки этапа угощения. В каждом деревенском дворе на заборе была оборудована полочка, на которой ночью оставляли буханку хлеба и крынку молока — для беглых. Ночью им помогали, а днем нещадно отлавливали и сдавали полицейским за вознаграждение.

Из интервью: Геннадий Быконя: «Сибиряки исторически стали носителями лучших качеств русского народа» // Вечерний Красноярск. 2010. № 38 (279). <https://newslab.ru/article/337753>

явление не могло не исходить из установок этнических констант на настороженность перед «чужими». Стремление к безопасности и недопущению другого человека за некую границу сформировали в качестве защитных мер установки недоверия и хитрости. В контексте компонентов нашей научной гипотезы они представляют собой способы, «условия самозащиты и благополучия» социума старожилков. Одновременно слова Н. Д. Фонвизиной подтверждают оценки прагматизма, рационального мышления, выраженную установку на собственные действия по защите достоинства личности.

То, что унижение, хитрость перед «чужими», стремление обмануть их не считались у сибирских крестьян зазорным, подтверждают данные словарей сибирских говоров. В них слово «ум» определялось в первой половине XIX в. как «хитрость»²². Отсюда обмануть, схитрить – значит быть умным в действиях по спасению от «зла» и обмана. Подобная оценка бытовала в Енисейской губернии в 1880-х гг.: «Упряма и хитер, как сибиряк». Но, по утверждению Н. В. Латкина, данная поговорка была записана им в среде «российских» переселенцев²³. В перефразированном виде, словами говора старожилков, говоря о «своих», данное выражение должно звучать по-иному, с гордостью: «Настырен и умен, как сибиряк». Интерпретация содержания установок поведения и стереотипов-свойств личности имела полярный характер: позитивная со стороны «своих» и негативная со слов «чужих».

Самое интересное из наблюдений Н. В. Латкина то, что он показал эволюцию стереотипов-свойств характера в течение XIX в. Латкин отмечал, что простота нравов, гостеприимство, бесхитростность крестьян, бытовавшие во времена губернатора А. П. Степанова, все более и более к концу века заменяются расчетливостью, эгоистичностью, корыстолюбием и личным интересом. Одной из наиболее распространенных в Енисейской губернии становится поговорка «За так просто и чирьей не садится». В его записях мы видим и подтверждение дальнейшего развития черт хитрости, мстительности. Но и в конце XIX в. крестьянин Енисейской губернии по-прежнему «кроток», «здрав умом», «рассудителен», «трудолюбив», «если разговорится, то боек на язык», «смел характером», «находчив», «смекалист», «терпелив и не лишен упрямства», «послушен». Перечисленные качества личности были следствием воздействия общинных норм и «дедовских» традиций на сознание и поведение личности общинника, труженика, семьянина. Сформировавшиеся адаптированные традиции внутри общины являлись факторами социализации крестьянской молодежи и новых переселенцев в культуру старожилков.

Позитивные ценности и правила сохранялись и возобновлялись прежде всего в патриархальной семье, где и происходила их передача далее детям и внукам. При этом в центре ментальной иерархии субъектов семьи и рода стоял собирательный образ «предков» («стариков»).

²² Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. Т. 2. СПб., 1865 (Прил. IV: Словарь...); Авдеева Е. А. Записки и замечания о Сибири. М., 1835. (Прил.: Словарь...).

²³ Латкин Н. В. Красноярский округ Енисейской губернии. СПб., 1890. С. 41.

Этнограф А. А. Макаренко справедливо отмечал, что уклад жизни сибиряков Приангарья базировался на «практике старины и предков»²⁴. Они олицетворяли сохранение традиций, неизменность обрядов, руководство нормами обычного права. Об этом же пишет историк М. М. Громько: «Крестьянскому сознанию было свойственно при сопоставлении поколений отдавать предпочтение предшественникам». Заветами предков, отцов освящались поступки; обращение к ним составляло неотъемлемый элемент народной обрядности²⁵.

Информаторы наших полевых исследований 1970–1980-х гг. — крестьяне-старожилы селений Балахтон и Имисское — во всех беседах обращение к авторитетному мнению предков начинали со стандартных словосочетаний «старики говорили», «старики наказывали нам», «старики велели», «да за такие дела отцы нас взгрели бы». В установках повседневно поведения общинников почитание «стариков-предков» естественным образом распространялось на пожилых людей. Это выражалось в уважительном отношении к старшим, в «угожденье» им, в авторитете «суда стариков». В сознании пожилых крестьян главенствовали чувства собственного достоинства и «осознание значения своей возрастной группы».

По «заветам отцов», установкам «предков» выстраивалась иерархия патриархальной крестьянской семьи. Глава семьи — домохозяин, «большак», глава-распорядитель всего домохозяйства — регламентировал права и обязанности членов семьи, руководил всем производственным процессом²⁶. Одновременно статус отца закреплялся в нормах обычного права. Например, в судебном иске Василия Евдокимова Бутенко говорится, что «много сварливости перенес за свою жизнь от отца, но терпел потому, что он, как родитель, имел на это право»²⁷. Мы видим здесь осознанно принятое «по старине» понимание того, что патриархальные отношения узаконивали власть домохозяина над своими «домочадцами». «Запомни, что старше отца на свете никого нету... Ни один суд не принимал от сына жалобу на отца, а на сына пожалуйста», — записала Л. М. Сабурова высказывание пожилой женщины о традиционном видении роли отца в Приангарье²⁸. В субъективной картине мира крестьянских детей власть отца, освященная традицией, воспринималась в мотивации социально-хозяйственной и нравственной целесообразности уклада жизни патриархальной семьи. Ф. Ф. Девятов, крестьянин с. Курагино, отмечал: «Хорошо и выгодно жить в большой семье... требуется только, чтобы всякий усердно работал»²⁹.

В поименных описях крестьянских семей важную информацию содержит регламентация порядкового перечисления их членов. Несомненно, это говорит об системности образа семьи в «картине мира»; крестьянское

²⁴ Макаренко А. А. Сибирский народный календарь... С. 17.

²⁵ Громько М. М. Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций // Советская этнография. 1984. № 5. С. 75.

²⁶ Этнография русского крестьянства Сибири. М., 1981. С. 37.

²⁷ ГАКК. Ф. 595. Оп. 53. Д. 530. Л. 733.

²⁸ Сабурова Л. М. Быт и культура русского населения Приангарья... С. 171.

²⁹ Девятов Ф. Ф. Хозяйственный быт сибирского крестьянина... С. 307.

сознание отражало половую и возрастную иерархию: вначале в записях перечисляются лица мужского пола, затем женского. Первым значится глава домохозяйства и его жена, затем «малолетние дети: сыновья Михайло 9 лет, Иван 1 году; дочери Александра 11, Александра же — 8, Марья — 6, Настасья — 4 лет»³⁰.

Семья предстает в «картине мира» целостной системой, живущей в мире и согласии. В объяснительном рапорте по смерти крестьянки Авдотьи Ивлевой от 21 марта 1846 г. приводится важное замечание: «Жила с мужем в дружелюбии, никогда ссоры и драки не замечено...»³¹ Говоря о ценностных представлениях в «картине мира» членов семьи, мы не могли не рассмотреть оценок женщины в сибирском обществе. Как и в Европейской России, главой женской половины дома считалась «большуха» (мать, свекровь, бабушка) — жена хозяина дома. Однако в картине мира сибирских старожилов статус хозяйки был несколько иным, чем в традиционной российской ментальности. Во многом это исходило из значительного и длительного демографического дисбаланса в пользу мужчин на начальном этапе сибирской истории. Но и в конце XIX в. мы отмечаем превалирование численности мужского населения³².

Соотношение населения	Мужчин	Женщин	Дисбаланс женщин	Всего женщин на 100 мужчин
В городах Енисейской губернии	33653	29159	4494	86,5
В городах по России в целом				89,9
В уездах Енисейской губернии	257902	239188	18714	92,6
В уездах по России в целом				101,5

Установки уважительного отношения к женщинам в традиционном сознании приенисейских старожилов первой половины XIX в. зафиксировал губернатор А. П. Степанов: «У них женщины занимают первые места на пирушках, и ежели тесно помещение, то все мужчины стоят»³³. Во второй половине XIX в. данные о высочайшем статусе женщины и уважении к ней находим в путевых заметках П. И. Небольсина. Он писал, что в Сибири «в разговорах и общении выражения „баба“ никогда не услышишь, разве только в бранном смысле»³⁴. Современные ученые отмечают,

³⁰ ГАКК. Ф. 546. Оп. 1. Д. 408. Л. 4.

³¹ ГАКК. Ф. 546. Оп. 1. Д. 364. Л. 381.

³² Таблица составлена по данным переписи 1897 г. См.: Россия (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона). Репринтное издание. Л.: Лениздат, 1991. С. 89. Для сравнения: в основном из-за недостатка женщин семейные в 1680 г. составляли 67,6%, в 1719 г. 85% от числа всех крестьян Сибири. См.: Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 401.

³³ Степанов А. П. Енисейская губерния... Ч. 2. С. 110.

³⁴ Цит. по: Миненко Н. А. Живая старина: Будни и праздники сибирской деревни в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1989. С. 98–99.

что сибирские женщины были менее зависимы в личном и экономическом положении.

Высокий статус женщины в сибирском обществе подкреплялся установками общественного сознания на принятие мер воздействия к тем, кто нарушает общепринятые нормы. В 1855 г. в целях защиты чести женщины общественный сход обязал крестьянина д. Заледеевской Красноярского округа Дмитрия Васильева Горбачева дать следующую «подписку»: «Я Горбачев обязуюсь жизнь вести благопристойную женатому человеку и не заниматься любовной связью с солдаткою Алемпиадою Груздевой и жене своей Варваре напрасно обид никаких не причинять»³⁵. Нормы обычного права и морали предусматривали, чтобы честь и достоинство женщины защищались ближайшими родственниками при посягательствах со стороны³⁶.

Высокий уровень прав женщины в старожильческой семье, возможность самой решать судьбу было в нормах местных традиций. Девушки в сибирских селениях большей частью были вольны в выборе жениха. В Приангарье постулаты установок сознания в отношении «девичьей неволи» были таковы: «Нельзя силком отдавать замуж. Хуже нет, как не в любви жить». Если случилось, что родители были против брака, то нередко были «свадьбы убогом»³⁷.

Мы считаем, что наиболее верное понимание согласования интересов родителей и детей в оценках старожилых выразил знаток быта приенисейских крестьян этнограф Н. С. Щукин. Он писал в 1860-х гг.: «В деревне знают, за какой девкой ухаживает парень, а потому женят его, на ком надобно»³⁸. Одновременно современники отмечали, что сибиряки «более вольны в половых отношениях», «смотрят весьма свободно на гражданские браки... руководствуясь в этом отношении непосредственными влечениями чувства и страсти»³⁹. «Невенчанные браки... в народной среде не воспринимались как проявление безнравственности», — сделали вывод и современные отечественные этнографы⁴⁰. Здесь, в Сибири, жену оценивали как равноправного «товарища» в труде, в «домообзаводстве». Поэтому, по данным этнографических исследований, в середине XIX в. наиболее ценной для замужества считалась женщина в возрасте 25–35 лет⁴¹. В семье невестке требовалось «почитать мужа, свекра и свекровь, не лениться работать, жить честно...»⁴². Первостепенной почиталась детородная функция женщины. Брачная пара без детей не считалась полноценной и поэтому относилась к семьям, «обиженным Богом»⁴³.

³⁵ ГАКК. Ф. 609. Оп. 1. Д. 2978. Л. 27.

³⁶ ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 188. Л. 24.

³⁷ Сабурова Л. М. Быт и культура русского населения Приангарья... С. 180–182.

³⁸ Щукин Н. С. Народные увеселения в Иркутской губернии // Записки ИРГО. Т. 2. 1869. С. 386.

³⁹ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония... С. 100, 104.

⁴⁰ Этнография русского крестьянства Сибири... С. 43.

⁴¹ Сабурова Л. М. Быт и культура русского населения... С. 40.

⁴² Зверев В. А. Крестьянское население Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1988. С. 54.

⁴³ ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 2. Л. 61.

**Ангарская
крестьянка
отправляется
на осмотр
подледных уд.
Село Богучаны
Пинчугской
волости
Енисейского уезда.
1911 г.**

Фотограф
А. П. Ермолаев.
КККМ НЕГ 4670.
ГК № 38007691

Оценочные представления об экономическом статусе женщин обеспечивались и их равным участием в хозяйственной жизни семьи. Выписки из судебных тяжб 1880-х гг. подробно свидетельствуют о материальной и финансовой формах оценки личной собственности женщины в семье. Так, выходя замуж в 1887 г., крестьянка д. Карабульской Кежемской волости А. Ф. имела следующее: 4 ситцевых платья, 2 юбки, 2 шали, кокетку, 2 фартука, 2 рубахи, платок, серебряные серьги и кольцо, добный и 2 холщовых стана, 3 лукошка, квашню, сетку⁴⁴. В дальнейшей жизни в семье мужа приданое продолжало оставаться личной собственностью жены. В другом случае по решению суда мужем умершей дочери крестьянке Е. Н. Т. из д. Кежемской Пинчугской волости были возвращены следующие личные вещи: «Шуба на заячьем меху, баранья шуба, пальто на вате, кофта на вате, три скатерти, платье ситцевое, три женских рубахи, шесть холщовых полотенец, одеяло, наволочка, пять аршин кубового холста»⁴⁵. В противоположной ситуации, согласно распространенным обычаям,

⁴⁴ ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 2. Л. 32-32-об.

⁴⁵ ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 2. Л. 57.

«вдова д. Гольтыевской Пинчугской волости О. К. хозяйство имела свое, так как от мужа унаследовала дом, скот, земли и прочее»⁴⁶.

В описанных ситуациях мы видим ряд типичных для всей России примеров уважительного отношения к женщине, стремления на основе традиций общины и правовых норм защитить ее имущественные права. Сибирская женщина имела на подворье собственную голову скота, которую могла продать и приобрести украшения, наряды и прочее. Деньги, заработанные женщиной на летних поденных работах, считались ее собственностью⁴⁷.

Экономическое обеспечение ментального равноправия женщины подкреплялось ее высоким социальным статусом. Общественное мнение и правовые нормы оценивали женщину полноправной участницей юридических процедур⁴⁸. По смерти мужа вдова имела право участия в сельских сходах, будучи утвержденной приговором членов общины главой домохозяйства. Так, несмотря на то что у Марии Андреевой Зыковой было два взрослых сына 25 и 24 лет, она числилась главой домохозяйства в д. Тарханской Ужурской волости Ачинского округа⁴⁹. Статус хозяйки дома и родительницы не мешал сибирячке при необходимости быть весьма активной в хозяйственно-предпринимательской деятельности. Об этом красноречиво свидетельствуют данные о торговцах-женщинах. В 1876 г. сходы двух деревень Балахтинской волости дали согласие «вдове крестьянина с. Дербенского Елене Лукьяновой Ефтифеевой <...> на открытие ей питейных домов»⁵⁰. Подобное разрешение было дано и «на сходе д. Сургуцкой Балахтинской волости вдове Меланье Никитиной Трошиной...»⁵¹.

Представления и оценки о благополучии зажиточного домохозяйства в сознании сибирского старожилы дополнялись важным условием «покою при детях в старости лет». Такое обеспеченное будущее должны были создать как свои, так и чужие дети, принятые в крестьянскую семью на воспитание⁵². С этой целью в состав семьи принимали сироту или, по договоренности, ребенка многодетных родителей: «Крестьянин Григорий Скрипальщиков, не имея родных детей, взял на воспитание к себе у крестьянина одной с ним деревни Федора Артемьева сына... 3 месяцев»⁵³.

В последней четверти XIX в. ценности семьи в картине мира старожилы трансформируются в связи с процессами индустриальной модернизации. На смену патриархальной приходит разделенная семья, в которой в связи с разделами хозяйства и нарушениями межличностных отношений начинают теряться ценностные позиции традиций обычного права. Споры между близкими родственниками решаются теперь все

⁴⁶ ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 2. Л. 29.

⁴⁷ Арефьев В. В низовьях Ангары // Сибирский сборник. Иркутск, 1900. Вып. 1. С. 128–130.

⁴⁸ Сабурова Л. М. Быт и культура русского населения... С. 158, 180.

⁴⁹ ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 671. Л. 1–2.

⁵⁰ Там же. Л. 72–73.

⁵¹ ГАКК. Ф. 244. Оп. 1. Д. 269. Л. 1.

⁵² ККМ. ОФ 7886/110. Л. 1.

⁵³ ГАКК. Ф. 595. Оп. 46. Д. 29. Л. 12.

более на юридическом уровне суда как независимого арбитра⁵⁴. В тяжбах превалируют имущественные претензии родителей и детей по отношению друг к другу. Однако от притязаний извне по-прежнему семейные интересы защищаются согласно традициям. Когда в 1878 г. «поселенческий сын с. Устьянского Канского уезда М. Левченко возвел городьбу» на усадьбе старожила О. Рудовского, волостной суд признал усадебную землю за старожилом. Доскональное разбирательство выяснило, что отец Левченко (поселенец) 7 лет назад получил разрешение Рудовского на строительство дома «на части усадьбы» без возведения городьбы. Суд «состоял из местных крестьян, принимавших в соображение местный обычай и разбиравший дело на месте»⁵⁵. Нарушенные интересы семьи старожила были восстановлены во многом благодаря активной помощи со стороны сыновей О. Рудовского, проживавших к этому времени отдельно от отца.

Источники XIX в. свидетельствуют о взаимном стремлении поддерживать авторитет и достоинство членов патриархальной семьи. Наиболее выражена данная установка в поговорке «Учи жену без детей, а детей без людей». Одновременно важнейшей установкой для всех членов крестьянской семьи было «выглядеть в глазах» соседей, односельчан рачительными, трудолюбивыми, «достаточными» людьми. Детей нацеливали на постоянную заботу о поддержании чести семьи, рода. В установках общинного сознания воспроизводились стереотипы-свойства радужного и хлебосольного хозяина, сострадающего «сирому и убогому». В Сибири наряду с милосердием, при выраженной прагматичной соревновательности, элемент «демонстрирования» высокой нравственности играл немаловажную роль. В одном из отчетов «общества» с. Нахвальского Сухобузимской волости с похвалой отмечалось, что в доме крестьянина Фирса Григорьевича Зырянова много лет проживает «из милости ссыльный Галайко 92 лет, к труду неспособный»⁵⁶.

В контексте реконструкции установок социального статуса сибиряков в качестве наиболее типичных и важных предстают традиционные представления о характере взаимоотношений между членами различных семей. Енисейский губернатор А. П. Степанов традиционный образ взаимоотношений старожилов обозначил словом «учтивость». Он писал: «Крестьяне сибирские... очень вежливы в своих объяснениях друг с другом, таковы они и в самих действиях». «Ямщик называет ямщика по имени и отчеству, крестьянка говорит подруге своей „вы“». «Приветствуют при встрече: „Здравствуй, часом братан!“»⁵⁷. В развернутом этнографическом описании ангарского края этнограф Н. В. Скорняков особо отмечал, что здесь «народ не называет своих знакомых и односельчан полуименем, а всегда величает по отчеству, даже малолетнего не назовут Ванькой,

⁵⁴ ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 671. Л. 24.

⁵⁵ ГАКК. Ф. 595. Оп. 28. Д. 1172. Л. 1–5.

⁵⁶ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Т. IV. Вып. 5–6. Иркутск, 1893. С. 346.

⁵⁷ Степанов А. П. Енисейская губерния... Ч. 2. С. 19, 22, 25.

**Зажиточная
крестьянская
семья в селе
Богучаны
Пинчугской
волости
Енисейского уезда.
1911 г.**

Фотограф
А.П. Ермолаев.
КККМ НЕГ 4672.
ГК № 38007762

а всегда Иваном»⁵⁸. При этом установки радушия, вежливости и учтивости навязывались и приезжим. На это обращал внимание Н. М. Ядринцев: «Даже приезжий господин... в Сибири должен сделать уступку... мещанину и крестьянину, если он захочет с ним сблизиться»⁵⁹. От них требовалось уважать чувство достоинства старожилов.

Особая учтивость сельских жителей Приенисейского края проявлялась по отношению к гостям. Об этом неоднократно писали, например, декабристы. Так, А. П. Беляев отмечал: «Хозяева, простые сибиряки-крестьяне, очень радушно нас приняли»⁶⁰. В оценочных представлениях «картины мира» о системе межличностных отношений крестьян можно реконструировать традиционный кодекс приема гостей, обычай «гостебы»⁶¹. Стереотипы-значения «гостевания» у крестьян-старожилов Приенисейского края отражали многие представления о сложившихся

⁵⁸ Скорняков Н. В. Приангарский край в этнографическом отношении // Сибирский наблюдатель. Томск, 1902. С. 1.

⁵⁹ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1892. С. 109.

⁶⁰ Из воспоминаний декабриста А. П. Беляева // Город у Красного Яра. Первая половина XIX в. Красноярск, 1989. С. 81.

⁶¹ Миненко Н. А. Живая старина... С. 91–93; Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. Т. 1. СПб., 1865. С. 58.

Крестьянская семья. Начало XX века.

Фотограф В. П. Ермолаев. КККМ НЭГ 9676. ГК № 24951383

социальных связях, о месте личности в социальной иерархии, о поведении хозяина и гостя в зависимости от общественного статуса, степени родства, оценочных категорий. Правила «гостьбы» («гостевания») охватывали весь цикл стереотипов-значений и стереотипов-свойств, касавшихся как гостя, так и принимавшего его хозяина. Поэтому представления о нормах и традициях «гостьбы» позволяют одновременно произвести многоуровневый срез типичных и общепринятых стереотипов-свойств представителей различных групп – как членов общины, так и «чужих». Как и многие другие явления традиционной жизни, правила гостеприимства являлись внешней оболочкой архетипных ритуалов приема гостя, нравственно-этических норм, включали показатели идентификации личности. При этом адаптенты правил «гостевания» сосредотачивали как старорусские, так и адаптированные элементы, специфичные для Сибири.

Источники по Енисейской губернии свидетельствуют, что ближние родственники, друзья, «суседи» (то есть все «свои») встречались довольно часто: на «посиденках», «вечерках», «малых гулянках»⁶². Во взглядах на специфику приема данной категории гостей мы видим стремление к минимуму стереотипности и организованности. С родственниками и друзьями из соседних селений встречались 2–3 раза в год в осенне-зимний период, на съезжих праздниках, ярмарках, на Пасху или Родительский день,

⁶² Полевые исследования автора. Информатор Алешечкина М. П. (1923–1987 гг., с. Имисское Курагинского района).

Крестьяне-старожилы деревни Енисейка Канского уезда. 1911 г.

Фотограф В. П. Ермолаев. КККМ НЕГ 9585. ГК № 24949628

на «больших гулянках», на свадьбах. Традиционные требования к организации торжественных застолий отмечают наличие предварительных устных договоренностей о «гостьбе» на весь «веселый» сезон. Особое внимание уделялось в предписаниях по оформлению «должной» многоэлементной обрядности свадеб, «съезжих» храмовых праздников, встреч кровных родственников из дальних деревень.

Прием авторитетных людей села, гостей на свадьбах и на больших праздничных «гулянках» в течение всего XIX в. проходил по традиционным детализированным нормам «гостевания». Модель поведения предписывала, чтобы хозяева встречали гостя в зависимости от статуса: за воротами на улице, или во дворе, или на крыльце, или в избе у порога. В избе можно было без общепринятого ритуала принять проживавшего на своей улице кровного родственника или «суседа». Иной «важный» гость, ненадлежащим образом встреченный хозяином дома, мог уйти с обидой на него.

знаком предупреждения прихода человека в гости должен был служить стук кольцом о «жуковину» на воротах (жуковина – металлическая пластина под кольцом. – Б. А.). Хозяину дома надлежало встречать гостя-мужчину, хозяйке дома – женщину. Встречаясь, все взаимно кланялись, приветствовали друг друга на «вы». Хозяину следовало идти в дом позади гостя. Гостю предписывалось становиться на первую ступеньку крыльца и перешагивать порог правой ногой, чтобы не нести «зла» в дом, снимать у порога шапку, дарить гостинцы-подарки как хозяевам, так и, прежде всего, детям. Почетного гостя было принято пригласить за стол на лавку

Чуринов Георгий —
красноярец, участник
Первой мировой войны.
11 декабря 1916 г.
КККМ

в передний угол. Считалось, что приставная скамья менее почетна. На нее усаживали в основном случайных гостей или молодежь⁶³.

Ритуал застолья также включал десятки общепринятых установок действий, сопровождавшихся определенным языком символов. Например, перевернутая на блюде чашка служила знаковым пожеланием гостя прекратить чаепитие. Оставленный гостем на блюде кусочек сахара — в качестве угощения детям. Подававшаяся гостю в знак уважения первая рюмка вина с поклоном должна была передаваться далее старшему по возрасту. За столом всем полагалось быть умеренными в «еде и питье». Провожая гостей, хозяевам следовало одаривать их ответными подарками-гостинцами. После ухода гостевавших не принято было обсуждение подарков. Подобные же стереотипные правила традиционных обычаев мелочно регламентировали установки стереотипов поведения на молодежных «вечерках», женских «посидёнках», праздничных «гулеваниях» на улице или за селом. Мы связываем ритуализированность «гостевания» со стереотипами-значениями социальных отношений. Но совместное следование нормам формализованной символики идентифицировало гостя с хозяином, вводило в круг «своих». При этом для нас важным открытием является собственная интерпретация повсеместной привязанности

⁶³ Полевые исследования автора. Развернутое описание обычаев приема гостя дала Баландина М. Д. (1916–1991 гг.), крестьянка с. Имисское Курагинского района.

сибирских жителей к столу круглой формы в горнице. Возникла она из установки равенства и свободного отношения между приглашенными различного возраста и социального положения в случаях праздничного «гостевания» за круглым столом.

В сознании членов корпоративного сообщества имелся системный набор определенных и типичных для сообщества представлений о себе самом, своих отношениях с действительностью и окружающими людьми. Положительный образ «должной» личности выступал в качестве как носителя стереотипов-свойств всего социума, так и критериев успешной социализации личности. В каждом селении были наиболее мудрые, «дошлые во всех вопросах и умениях» пожилые люди как «образцы правильности и праведности» для всех соотечественников («совесть» нашего села). Определенный набор принятых качеств выступал в качестве определителя в идентификации «свой – чужой». Следовательно, стереотипы-свойства неизбежно отразились в знаковых чертах этнического характера русских старожилов.

Еще раз представим себе *портрет русского старожила Сибири*: личность, которой присущи «широкая душа, бескорыстное гостеприимство, гордая независимость характера, уживчивость, желание прийти на помощь другим, поддержать бедного и слабого». Это личность с присутствующими проявлениями двойственных, полярных стереотипов-свойств

Парни «с сибирским характером» – участники штурма Рейхстага.

Германия, май 1946 г.

Фото из семейного архива

Б. Е. Андюсева

Лыжники-сибиряки накапливаются на переднем крае для атаки.

Фотограф И. Венюков. КККМ ВФ 445/10

во взаимоотношениях со «своими» (открыт, радушен, кроток, послушен) и «чужими» (закрыт, недоверчив, упрям, хитер, мстителен).

Не менее важными в характеристиках сибиряка были и внешние изменения в процессе адаптации. В процессе адаптации формирования своей экосистемы приспособление к сибирским климатическим факторам вырабатывало устойчивость иммунитета, культуру закаливания, производило в течение ряда поколений отбор людей с «сибирским здоровьем». Экстремальные условия формировали стойкость, выдержку, самообладание как краеугольные черты «характера настоящего сибиряка». Авторы работы «Русские старожилы Сибири» отмечают, что даже строение тела, физические данные локальных популяций старожилов «сложились в отдаленном прошлом как приспособление к большой затрате физических сил, которая требовалась для освоения новых земель в условиях сибирского климата»⁶⁴.

Особое значение для освоения края приобретали качества практического любопытства, пытливости и любознательности, быстрой психологической реакции на любую неожиданность. В среде экстремальных факторов формировались углубленное внимание, устойчивая память, умение выделять опасность и быстрая ответная реакция⁶⁵. Климат, расстояния, короткое лето и длительная зима вытеснили из сибиряка традиционный русский «авось» навыками планирования и организации среды.

⁶⁴ Русские старожилы... Там же. С. 174.

⁶⁵ Степанов А. П. Енисейская губерния. СПб., 1835. Ч. 2. С. 112.

Мы выявили выше, что в характере сибиряка сформировались качества нравственной рациональности, прагматичности, суровость в выражении чувств. На первом месте оценивались трудовые и нравственно-этические качества: трудолюбие, хозяйственность, совестливость, честность. «Мы избегаем порочных людей, лица эти полезными обществу быть не могут», — записали в 1864 г. в «общинном приговоре» крестьяне Канского уезда⁶⁶.

Важнейшим фактором сибирской истории было отсутствие крепостного права, удаленность от центральной власти государства. Государство здесь заключало негласный договор: обязанность освоения и обустройства сибирского края в обмен на личную свободу, право собственности на землю и хозяйственную самостоятельность. Таким образом, в процессе освоения края у русских сибиряков сформировался адаптированный характер в стереотипах поведения, картина мира с иной иерархией ценностей, новые традиции, мировоззрение и стиль мышления, новая идентификация — «мы — сибиряки».

«Сибирского человека» отличали выраженный индивидуализм, расчетливость, соревновательность в сочетании с коллективизмом и взаимопомощью в обществе, целеустремленность до «упертой настырности» в достижении задуманного, социальный идеал зажиточности и богатства, даже скупости и накопительства. Реалии рыночных изменений конца XIX — начала XX в. существенно изменили ценности картины мира и черты характера: стереотипы-свойства — на грани корыстной расчетливости, личный интерес — на грани алчности. Все же признаем себе, что данные качества более адекватно соответствовали экономическим и социальным вызовам капиталистической модернизации и факторам рыночного общества. Сибиряк становится наиболее успешной личностью новой буржуазной России. Продолжается непрерывный процесс адаптации старожилородного населения к инновационным факторам среды. Важным инструментом «вживания в капитализм» служит опыт адаптации, способность перестраивать с традиционных на инновационные приоритеты ценностного позиционирования в мышлении и поведении.

⁶⁶ ГАКК. Ф. 546. Оп. 1. Д. 408. Л. 4–5.

МЫ СТАРОЖИЛЫ, И ОНИ...

Мир старожилов-сибиряков составляли сельские общины, сообщества потомственных жителей сибирских городов, консорции старообрядцев, казаков, сословие купцов и предпринимателей, людей умственного труда. Старожилы воспроизводили себя и выработанный уклад жизни в последующих поколениях благодаря слабости миграционных процессов, замкнутости жизни, традициям, обычаям.

В поисках ответов на вопрос «Кто вы, сибиряки?» мы изучили исторические аспекты ответов в комплексе наших результатов. Выяснили, что к 60-м годам XVIII в. складывается многопоколенное, единое от Урала до восточных рубежей Российской империи старожильческое сообщество русских сибиряков. Во-вторых, к этому времени успешно завершился процесс взаимной адаптации сибирских факторов и культурных традиций локальных групп русского этноса с включением представителей других российских народов. Адаптация сформировала стойкие физические качества, сибирское здоровье и рациональное поведение сибирских старожилов. Далее, в-третьих, мы раскрыли суть поэтапного процесса в нашей интерпретации «духовность рождает характер». Результатом психологической адаптации стало уникальное явление в цивилизационной типологии – интеграция западного прагматичного варианта внешних качеств и черт личности с центральным ядром русской традиционной духовности. Поэтому мы оценили цивилизационно несовместимое в адаптированной межкультурной интеграции: сибирский субэтнический характер – это духовно-нравственный рационализм.

На основе вышесказанной постановки приступаем далее к изучению проблемы внутреннего структурирования социума в динамике постоянной адаптации новых мигрантов в сообщество старожилов. Рассмотрим категории старожильческого «сословия» в социально-психологической

дихотомии «мы — они» по отношению к факторам взаимодействия, угроз и согласования с миром старожилов Сибири.

Во внутренних территориальных общесибирских, локальных и этапно-динамичных структурах старожильского субэтноса истинными сибирскими старожилами могут считаться «челдоны (чалдоны). Челдоны — это потомки первых засельщиков новых земель, сибирских первопроходцев. Вплоть до настоящего времени не прекращается спор о значении понятия „чалдон“. Наиболее точным, видимо, можно считать следующее: в XIX в. в северной части Енисейской губернии этим словом определяли „люди неумный, бродячий, без привычки к насиженному месту, промышлявший охотой, суровый и дикий на вид“. Челдоны — коренные жители, аборигены Сибири; первые русские старожилы Сибири; „чалдоны, челдоны мн.“ — коренные сибиряки, потомки русских поселенцев Сибири, вступившие в брак с аборигенкой или аборигеном; „чалдон, челдон“ — неграмотный человек, бродяга, беглый, каторжник, ругательное слово для коренного сибиряка». Происхождение этого слова остается неясным. Сравнение в значении «бродяга» выглядит случайным. Не исключено, что слово «чалдон», как и «кержак», связано по происхождению с каким-то топонимом¹.

Почти все «засельщики» первых веков освоения Сибири, они же «чалдоны», были из северных областей России. Даже в период сравнительно широкого переселенческого движения второй половины XIX в. контингент государственных крестьян северных губерний составляет 64,7% всех переселенцев. Во второй половине XVIII — 80-х гг. XIX в. старожилами становятся бывшие переселенцы — «самоходы» и прибывавшие по Сибирской магистрали. После 1907 г. будут «стольпинские», в период НЭПа 1920-х — «бухаринские» переселенцы. Во второй половине XIX в. сибиряки считали старожилами тех, кто прожил здесь 25 и более лет. Селения, возникшие четверть века назад, также причисляли к старожильческим. Переселенцы раз за разом будут повторять свою историю адаптации и далее в динамике процесса становиться спустя четверть — полвека сибирскими старожилами. Тех из них, кто выдержал, не согнулся, не вернулся в «свою Рассею», было от 5–7 до 15–18%...

На наш взгляд, процесс в динамике «осибирячивания» имеет особенности: хозяйственная адаптация — около 7–8 лет; социальная адаптация — около 15 лет; полная психологическая адаптация — через 25–30 лет. За четверть века переселенец «вживался в уклад жизни и сознание старожила», терял связь с родными краями, через детей «роднился» со старожилами, а дети его считали себя сибиряками и о родине отцов знали понаслышке. Хозяйство крестьянина за такой срок давно уже становилось средним или зажиточным. Но все же, по сибирским понятиям, наиболее важной была связь через кладбище, через «могилки»: за 25–30 лет родственники переселенца находили вечный приют на сибирской земле...

В процессе психологической адаптации важное место занимает выработка позиции по отношению к факторам, которые могут негативно

¹ Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков.

влиять на образ жизни людей. Самосознание потомственных сибиряков начинало по-новому оценивать изменившееся положение по отношению к новому «месторазвитию», государству и материнскому этносу. Основой самосознания является идентификация человека.

Идентификация – это природное осознание принадлежности человека к определенному этносу или его отдельным этническим подгруппам. Идентификация отражает этническое сознание в оппозиции «мы – они».

Еще раз вспомним, что к концу XVII в. дети и внуки основателей острога Красный Яр вполне осознанно считали Сибирь своей родиной, называя себя сибиряками. В «Послании митрополита Игнатия в Красноярск 1697 г.» для нас крайне важна вставка из подлинных слов красноярцев: «Есть ли де... обидят в Сибири худо де, худо сибиряки так буде воеводу другого и третьего до смерти убили...» Это свидетельство нового самосознания и идентификация жителей Приенисейского края, оформленной в этнониме «сибиряки».

Еще в 1940-х гг. историк В. В. Мавродин и филолог Д. С. Лихачев доказали превалирование национального компонента в самосознании над сословно-классовым в истории государственности и формировании русского этноса². Несмотря на это, вплоть до 1970-х гг. не было развернутого исследования проблем этнического самосознания. К. В. Чистов и М. М. Громыко признали в своих работах, что «этническое самосознание сосуществует наравне с другими проявлениями и имеет многоуровневую структуру»³. В 1987 г. историк А. В. Буганов предложил включить в качестве существенного элемента национального самосознания русских крестьян их исторические представления⁴. Для нас важна дифференциация самосознания русских в виде регионального, русского этнического и общеславянского уровней.

Идентификация являлась условием психологической защиты для благополучия социума и была результатом нового «мы» в самосознании⁵. Постулаты этнографии подчеркивают, что самосознание является *конечным результатом* «уже завершенных перемен в материальной культуре и социальном быте»⁶. Согласно выводам этнографа Ю. В. Бромлея, самосознание дуалистично: оно содержит в себе единство и противоречие этнической и групповой идентификации. Поэтому процесс «освоения» колонизируемых территорий проходил в динамике сознания себя субъектом сибирской истории. На сибирской земле старожил был мотивирован

² Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945; Лихачев Д. С. Национальное самосознание Древней Руси. М., Л., 1945.

³ Чистов К. В. Этническая общность, этническое самосознание и некоторые проблемы духовной культуры // Советская этнография. 1972. № 2. С. 74; Он же. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. М., 1986. С. 8, 20; Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 4.

⁴ Буганов А. В. Исторические представления русских крестьян и развитие национального самосознания: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.

⁵ «Без этого народного духа всякая государственность есть тлен и прах», – подчеркивал историк Н. Я. Данилевский. (См.: Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. С. 259).

⁶ Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., 1999. С. 155–156.

на свободу, самостоятельность от давления государства, на свободное пользование результатами труда. Данный процесс в этнологии получил название «догоняющего» государства, при котором сибиряк все дальше уходил от властей, от государства на восток, но оно постоянно догоняло и брало «под руку царя». «Догоняющее» государство на колонизируемых землях в сознании сибиряка было представлено центральной и местной администрацией, людьми из «России» в лице людей служивых, новых переселенцев и ссыльных⁷. Конфликты с представителями власти в основном происходили из-за ущемления прав, фискальных требований и самой личности представителя власти на местах. Поэтому и существовало разделение на «чиновников» и «людей». В субъективной картине мира российский чиновник входил в разряд представителей «чуждого» мира. «Чуждость» вызывалась покушениями на ценности старожила: «захватную» собственность, свободу, хозяйственную самостоятельность. Первые признаки выраженной оппозиции «свой – чужой» по отношению к представителям власти ярко проявились еще в ходе Красноярской шатости 1695–1698 гг., но более вырости ко второй половине XVIII в. Так, в наказах енисейских крестьян в Уложенную комиссию 1767 г. основная вина за «наивысшее разорение» и «всеконечную нищету» обращается на «Сибирскую губернскую и Енисейскую провинциальную канцелярию», на «прикащиков», «комиссаров», «за казнами всяких афицеров».

Приенисейские крестьяне были открыто возмущены нарушением воли государыни «прикащиками и афицерами», которые «разоряют дома наши» и «стесняют» их свободы. Крестьяне высказывали пожелания, чтобы «из разных чинов, яко из дворян, прикащики и управители... оные для неудобственных обстоятельств быть не надобны. А должности совсем могут исправлять... выбранные из нашей собратий, переменясь кашьгодно»⁸. Мы видим сочетание мотиваций в желании к «нашего» самоуправления с сохранением подданства «Ее Величества Императрице».

Сибиряков возмущали нарушения со стороны чиновников. Содержание системы управления в Сибири в XVII–XVIII вв., несмотря на многочисленные ревизии, составляло вереницу злоупотреблений, произвола, насилия. Наиболее результативной стала ревизия М. М. Сперанского в 1819–1821 гг. Генерал-губернатора поразило, что «по пути следования из лесов выбегали жители, бросали на дорогу жалобу на свое начальство и снова в страхе убегали хорониться в лес». Сперанский писал дочери: «Я был здесь... нужен, чтоб уменьшить страдания, чтоб оживить надежды, почти уже исчезающие, и ободрить терпение, слишком утомленное». Он писал, что «за злоупотребления»... красноярских чиновников следует «повесить». После ревизии Сперанского лишились своих мест 700 чиновников. Михаил Михайлович понимал, что жесткими мерами не изжить злоупотребления местных властей. Он собрал и обобщил пожелания

⁷ О двойном самосознании см.: Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1987. С. 40, 64.

⁸ «Наказы сибирских крестьян», Л. 19, 19 об. // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1975. С. 177–212.

сибиряков, чтобы местное управление было основано на принципах выборности, коллегиальности, гласности, но предложения были отвергнуты Петербургом. «Порядок управления, краю сему несвойственный, остается тот же, исправлять его я не могу, люди остаются те же, переменить их некем», — констатировал М. М. Сперанский⁹. Поэтому даже спустя столетия публицист С. И. Турбин констатировал стойкие стереотипы размежевания социально-сословной идентичности: «По сибирским народным понятиям, род человеческий делится, главнейшим образом, на два разряда, именно: на людей и чиновников»¹⁰.

По этой причине в условиях замкнутой корпоративности крестьянского самосознания в инструмент коллективной защиты «своего» социума и интересов крестьян превращалась община. Вспомним, что, согласно теории С. В. Лурье, община — это компонент «условий преодоления» неблагоприятных факторов среды. «Здесь власти оставались с крестьянами один на один, обращаясь к ним через крестьянскую общину», — говорится в исследованиях о сибирской деревне¹¹.

Выработка адекватных механизмов защиты старожильского социума предопределила форму «показного» подчинения государству членами общины, прежде всего в хозяйственной жизни. Мы отмечаем, что жизнь в общине перед посторонними людьми старательно маскировалась или скрывалась, заставляла постоянно хитрить, обманывать «чужих». «Правдой век не проживешь», — прагматично мыслили сибиряки¹². Механизм оппозиции согласовался с ментальными установками «возможной угрозы» в картине мира старожилов: «Крестьяне объявляют посев только вполвину или немного более, а остальное скрывают из опасения или по привычке»¹³. У нас неизбежно возникло вполне логичное предположение, что традиции закрытой внутривоспроизводящей жизни требовали ведения «двойной бухгалтерии». Действительно, информаторы второй половины XIX в. подтверждали, что «у старожилов имеется обыкновенно две книги (приходно-расходные книги волостных и сельских обществ. — Б. А.): официальная... и неофициальная»¹⁴.

От государства скрывались многие доходы: поступления от питейных заведений, плата переселенцев за приемные договоры, за освобождение от общественных служб, за аренду общинной собственности. К наиболее распространенным способам защиты за счет скрываемых доходов относились, прежде всего, «подарки» и «угощения» по случаю приезда «начальства», откровенный «саботаж» требований чиновников. Историк Т. С. Мамсик выявила в данной оппозиции многочисленные

⁹ М. М. Сперанский: жизнь и реформы. <http://stepanov01.narod.ru/library/speransky/texto6.htm>

¹⁰ Турбин С. И. Старожил. Страна изгнания... С. 36.

¹¹ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма... С. 335.

¹² Цит. по: Миненко Н. А. Живая старина: Будни и праздники сибирской деревни в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1989. С. 96.

¹³ Турбин С. И. Старожил. Страна изгнания... С. 36.

¹⁴ Материалы по исследованию земледелия и хозяйственного быта... Т. IV. — Вып. 5–6. С. 183.

Старожилы (сибиряки, староселы, досельные, местнорусские и т.п.), группы русских Севера и Востока России, потомки русских переселенцев XI–XVIII вв. Старейшая группа старожилов — поморы — образовалась в результате колонизации Русского Севера. С конца XVI в. началось освоение Сибири русскими казаками, промышленниками и крестьянами, главным образом с Русского Севера и Поволжья. При этом они часто метисировались с местным населением, перенимали их занятия, элементы языка и материальной культуры, в то же время сохраняя русский язык и многие архаичные элементы русской культуры. Старожилы причислялись к крестьянству, мещанству или казачеству. Основные группы старожилов Южной Сибири и Северного Казахстана — каменщики на р. Бухтарма (потомки кержаков — старообрядцев, бежавших на восток после разгрома в 1720 г. Керженских старообрядческих скитов), «поляки» на р. Уба (потомки старообрядцев, высланных в конце XVIII в. из Белоруссии), гураны (потомки главным образом казаков, смешавшихся с бурятами, эвенками, монголами и др.) и семейские Забайкалья; Восточной Сибири — якутяне, или амгинцы, на Верхней и Средней Лене, смешавшиеся с якутами, затундренские крестьяне; Северо-Восточной Сибири — русскоустыинцы и ожогинцы, или верховские, на Индигирке, походчане на Колыме, марковцы на Анадыре, камчадалы на Камчатке. Старожилы противопоставляют себя более поздним (XIX–XX вв.) русским мигрантам («новоселы», «тамошние», «российские», «расейские»), среди которых преобладают выходцы из Центральной и Южной России и с Украины.

Старожилы // Большая российская энциклопедия. См.: <https://bigenc.ru/ethnology/text/4163437>

случаи распространенного сокрытия доходов и даже грамотности с целью «превращения» крестьян в конфликтах с чиновниками «в простодушных безграмотных поселян»¹⁵.

Конкретный анализ ситуативных решений, принимаемых крестьянскими «обществами», делает более понятной суть психологической оппозиции «старожилы — чиновники». Так, 11 апреля 1860 года Минусинский земельный исправник направил приказ № 1147 Жербатскому сельскому старшине Курагинской волости. «Мерзавец ты, старшина! Если ты через сутки не доставишь ко мне предписанием моим от 8 числа генваря сего года за № 115 требуемой ведомости о постройке домов и прочем, то за истребованием ведомости послан будет нарочный за прогон на твой счет»¹⁶. Правомерно будет объяснение, что задержка ответа старшиной явилась типичным выражением настороженного недоверия к властям по поводу их запроса со всевозможной оттяжкой выполнения требования на три месяца. Подобная оппозиция «мы — они» на затягивание предписаний прослежена нами и по Сухобузимской волости. Так, в 1870-х гг. в ответ на распоряжение о проведение выборов «десяцких» при волости на сходах сельских старожильческих общин в октябре — ноябре текущего года тексты приговоров сообщают, что они ежегодно проводятся 29–30 декабря. В то же время ссыльнопоселенцами данные выборы послушно проводились 14–16 октября¹⁷.

¹⁵ Мамсик Т. С. Из истории развития грамотности в западносибирской деревне // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII — начала XX в. Новосибирск, 1985. С. 106.

¹⁶ Сибирский архив. Иркутск. 1915. № 4–5. С. 251.

¹⁷ ГАКК. Ф. 546. Оп. 1. Д. 364. Л. 13, 17, 26–29, 32–35, 40, 49, 54; Там же: л. 4, 5.

Свидетельством психологического противостояния старожилов и властей служит переписка общин и губернских чиновников. Многократно находим в архивах тексты распоряжений и предписаний губернских властей с ответами на них, формально слово в слово повторяемые формулировки приказов о принятии мер на общинных сходах. Когда в январе 1826 года в с. Анциферовском Канского округа умер ребенок, «вследствие испуга по пробуждении от сна из-за того, что двое крестьян... переодевались в виде журавлей», то енисейский гражданский губернатор А. П. Степанов издал строгий приказ. В нем уведомлялось, чтобы «в отвращение на будущее время подобных несчастий... дабы они ни под каким видом и ни в какое время не осмеливались одеваться чучелами в посмеяние людям и во вред младенцам. В чем и обязать их подписками, в противном же случае если еще чуть подобное случится, то виновные подвергнутся приличному взысканию...»¹⁸.

Через четыре дня «разных селений выборные крестьяне» приняли на сходе ответный мирской приговор: «Мы, нижеподписавшиеся... дали сию подписку во исполнение объявленного нам приказа... дабы ни под каким видом и ни в какое время не осмеливались одеваться чучелами в посмеяние людям и во вред младенцам, и дабы на будущее время чего боже сохрани какого подобного происшествия могло случиться, то подвергнемся приличному взысканию»¹⁹. Реальность отписки как формальной доказывает тем, что в селениях Енисейской губернии и далее вплоть до начала XX в. отмечались массовые «машкаровакия» в «страшные» дни накануне Богоявления (Крещения)²⁰.

Множественные свидетельства о стремлении к некоей самоизоляции от власти и государства, жизни по своим правилам являлись характерными чертами локального сознания крестьянства различных регионов Российской империи. Однако процесс самовыделения в границах этноса и этнической культуры может выйти на уровень системной идентификации. Она включает в себя двойное этносоциальное самосознание с такой структурой «картины мира», в которой оценочные характеристики «своих» традиций (стереотипов-значений) выше этнических. Во-вторых, в процессе эволюции качества и особенности «своего» социума должны стать настолько особенными, чтобы индивид мог ощущать отличия во всех элементах «материальной культуры, социального быта», стереотипах поведения. Если на уровне ментальных характеристик подтверждается групповая этносоциальная идентификация в составе материнского этноса, то, по мнению Л. Н. Гумилева, это является основным признаком этнической таксономичности социума²¹.

К важным этнодифференцирующим признакам (стереотипам-свойствам), позволяющим идентифицировать себя в составе социума, относятся язык, диалекты, речевые нормы. Мы отмечали, что к XIX в. сложился

¹⁸ ГАКК. Ф. 609. Оп. 1. Д. 862. Л. 4.

¹⁹ Там же. Л. 8.

²⁰ О «ряженных» в масках в 1830–1840-х гг. вспоминал впоследствии старожил г. Красноярска И. Ф. Парфентьев. См.: Парфентьев И. Ф. Воспоминания (1781–1892 гг.). Архив ККМ. ОФ 7886/231. С. 121–122; об этом же писал А. А. Макаренко на рубеже XIX–XX вв.

²¹ Гумилев Л. Н. Этногенез: История людей и история природы. М.: Экспрос, 1993. С. 521.

Девушки
из зажиточной
старожильческой
семьи деревни
Енисейка Канского
уезда. 1911 г.

Фотограф
В. П. Ермолаев.
КККМ НЕГ 9597/1.
ГК № 24951730

сибирский говор, включавший более 3500 слов, значительно отличающийся от общерусского. Здесь появились даже слова, обозначающие цифры счета, понимаемого только «своими». Вот они: «ерахты» – три; «барахты» – четыре; «чивильды» – пять; «евольды» – шесть; «дакинъ» – девять; «вчкинь» – десять²². Расхождение местного говора от великорусского было подчас так велико, что, по свидетельству П. А. Ровинского, как-то старожил спросил его: «Чего это такое. Вы не знаете самых обыкновенных русских слов (подразумевалось непонимание Ровинским сибирских слов. – Б. А.), адали иностранец?»²³ Губернатор А. П. Степанов зафиксировал подсознательное стремление старожиллов Енисейской губернии определить принадлежность собеседника к «своим». Он писал, что здесь распространен при встрече вопрос-обращение: «Часом братан? Здравствуй». (Кто ты есть? Свой, случайно не родственник – «братан», свой, старожил? – Б. А.)²⁴

²² Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ... (Прил. IV. Словарь сибирского говора).

²³ Ровинский Н. А. Замечания об особенностях сибирского наречия и словарь // Известия Сиб. отд. ИРГО. Т. IV. Кн. 1. Иркутск, 1873. С. 15.

²⁴ Братан – двоюродный, троюродный брат либо иной родственник по горизонтали, распространенное обращение к родственникам-ровесникам мужчинам (женщины – сестреницы). Здесь символ «родственности всех старожиллов».

Переселенчество — добровольное перемещение сельского населения в России в XIX — нач. XX в. на постоянное жительство в малонаселенные окраинные районы, преимущественно в Сибирь, разрешенное или поощряемое правительством. Производилось на казенные земли, которые отводились переселенцам, как правило, безвозмездно в наследственное бессрочное пользование. С помощью переселенчества правительство стремилось, с одной стороны, ослабить малоземелье в центральных районах страны, с другой — заселить неосвоенные земли. Первые массовые добровольные переселения при государственном участии начались в 1843 г. Правила впервые установили систему льгот и мер поддержки переселенцев: освобождение от уплаты недоимок по подачам по прежнему месту жительства и временное освобождение от податей и повинностей на новом месте, довольствие в пути, предварительная подготовка переселенческих участков, предоставление рабочего скота, инвентаря, строевого леса, денежного пособия. К переселению допускались только крестьяне, страдавшие от малоземелья, при наличии уже подготовленных земель, «самовольные» переселения запрещались. Развитие переселенчества сдерживали крепостное право, а после его отмены — прикрепление крестьян к общине, паспортная система, плохие пути сообщения, неисследованность возможных мест для поселения.

После крестьянской реформы 1861 г. в правительстве возобладало мнение, что массовое переселенчество может вызвать брожение среди крестьян и недостаток рабочих рук в Европейской России. Вплоть до конца XIX в. подавляющее большинство переселенцев уходило на новые места без всяких разрешений и согласований и на новом месте обустраивалось самостоятельно. С началом постройки Транссибирской магистрали правительство взяло курс на поощрение переселенчества в Сибирь, отказалось от принудительного возврата «самовольных» переселенцев к местам прежней «оседлости». Организацией переселенчества занимались Комитет Сибирской железной дороги и Переселенческое управление МВД (с 1896 г.). Они провели значительную работу по изучению регионов, предназначенных для переселенчества, и по их подготовке к заселению (разбивка участков, проведение дорог, гидротехнические работы и т.д.), затем начали систематическое оповещение крестьянства об условиях переселенчества, организовали врачебно-продовольственные остановочные переселенческие пункты, санитарный надзор, открыли склады для снабжения переселенцев сельхозорудиями и казенным лесом, зернохранилища, товарно-продовольственные лавки в наиболее отдаленных районах, вели строительство начальных школ, православных церквей и больниц в переселенческих поселках и др. «Временные правила о пособиях от правительства нуждающимся семействам, переселяющимся с установленного разрешения» 1894 г. установили бесплатные путевые ссуды переселенцам, ссуды на «хозяйственное устройство и домообзаведение», на посев и продовольствие, а также ввели безвозмездный отпуск казенного лесного материала для возведения усадебных построек переселенцев (правила несколько раз дополнялись, казенная помощь увеличивалась). Большинство переселенцев смутно представляли себе новые места, лишь некоторые предварительно посылали туда доверенных лиц — ходоков, а основная масса руководствовалась слухами, письмами уже уехавших земляков, шла в Сибирь без предварительного закрепления за собой земли.

Отвод земли переселенцам затрагивал интересы старожилов: законом от 1896 г. размер надела земли на душу мужского пола в Сибири был ограничен 15 десятинами (16,4 га), что дало возможность обращать «излишки» под наделы переселенцев, но вместе с тем вызывало напряженные отношения между ними и старожилами. Помимо русских, в начале XX в. в Сибирь активно переселялись украинцы, белорусы, немцы, жители прибалтийских губерний, мордва, чувашаи.

Переселенчество получило особенно большое развитие с началом столыпинской аграрной реформы. Для крестьян стало возможным закреплять в частную собственность и продавать надельную землю на прежнем месте жительства без ограничений. Быстро увеличивались государственные расходы на мероприятия по переселенческому делу и штат переселенческих служащих, была значительно усилена продовольственная помощь переселенцам, окончательно сложилась система их медицинского обслуживания в пути, большое развитие получили мелиоративные работы, переселенцам стали предоставлять агрономическую помощь и др. С 1908 г. для переселенческих поездов, ранее состоявших из переоборудованных товарных вагонов, началось массовое строительство специальных, так называемых столыпинских, вагонов, которые были оснащены санузлами, вентиляцией и др. Законом 1909 г. введены беспроцентные ссуды на «общепользные надобности» переселенческих поселков: сооружение колодцев, плотин, прудов, мостов, дорог, школ, церквей, мельниц, маслозаводов, кирпичных заводов и пр., на пожарную охрану, а также на проведение внутринадельного межевания.

В 1907–1911 гг. правительство принимало меры по ограничению числа ходоков и переселенцев ввиду недостатка колонизационного фонда земли. Чтобы согласовать переселенческое движение с количеством подготовленных к заселению земель и направлять переселенцев в привычные им природно-климатические условия, земли, предназначенные к переселению, ежегодно распределялись между губерниями и уездами Европейской России, откуда направлялись организованные партии ходоков. В 1908 г. переселенческий поток в Сибирь достиг максимума в истории страны — 665 тыс. человек. С 1911 г. переселенцы отправлялись в любые районы Сибири по собственному выбору, при их землеустройстве предпочтение отдавалось отрубным и хуторским участкам.

В 1906–1914 гг. за Урал переселились 4 млн человек, остались там 3,3 млн человек. Они получили и освоили около 33 млн га земли, их наделы на родине были куплены односельчанами. Не смогли устроиться на новом месте и вернулись обратно около 17% переселенцев, главным образом «самовольных». В Советской России переселенчество возобновилось во 2-й половине 1920-х гг., но было свернуто в связи со сплошной коллективизацией. Широкие масштабы сельскохозяйственное переселение приняло в ходе кампании по освоению целинных земель в 1950–1960-е гг.

Зубков И. В. Переселенчество // Большая российская энциклопедия. Т. 25. М., 2014. С. 659–661.

Исследователями процессов этнической идентичности выявлено, что основные черты самоопределения соответствуют этнодифференцирующим ценностям²⁵. Идентификация определялась следованием членами социума ключевым стереотипам поведения, включающим «должные» правила речи, приветствия, общения, гостевания, наработанных приемов хозяйствования и пр. Следовательно, комплекс психологических признаков, отличающихся от общеэтнических, можно оценивать как результат адаптации под воздействием факторов новой среды. Еще императрица Екатерина II в последней четверти XVIII в. употребляла в своих трудах слово «сибиряк», отмечая, что «они отличаются душевными качествами» ума, предприимчивости, любознательности²⁶.

²⁵ Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., 1999. С. 208.

²⁶ XVIII в. М., 1809. Кн. IV. С. 440–442.

Изучение стереотипов-свойств во внешнем облике и поведении старожилов позволило литератору и этнографу Н. С. Щукину уверенно заявить в 1860-х гг.: «Опытный глаз сразу отличит сибиряка от русского»²⁷. Мы можем подразумевать под понятием «сибиряки» прежде всего иноэтнических соседей русского населения сибирского края, аборигенов края. Однако Щукин говорит здесь об отличии русского сибиряка от русского из Европейской России.

На полиэтническом пространстве Российской империи русские сибиряки не могли не осознавать наличия в себе отличительных стереотипов-свойств внешнего образа и стереотипов поведения. Это помогло идентифицироваться по отношению к коренному населению края. Но идентификация включала также представления о своей таксономической группе по отношению к материнскому этносу. Данные различия можно оценивать как по горизонтали (в сопоставлении с современниками), так и по вертикали (в идентификации себя во времени с предками). Так, идентификация старообрядцев определялась дистанцированием от официального «инокультурного» православия, с опорой на ценности «истинной русскости», сохраняемых с XVI–XVII вв.²⁸

Видный этнограф Ф. Ф. Болонев показал на примере группы «семейских» старожилов Забайкалья, что они «в силу религиозных, семейно-бытовых взглядов ревностно сохранили свое этническое своеобразие... в строгом соблюдении нравов, обычаев и обрядов, истоки которых уходят своими корнями в средневековую старину или даже в дохристианские времена»²⁹. Наше видение степени «этнического своеобразия» русских сибиряков, включая старообрядцев, слегка корректирует суждение Ф. Ф. Болонева. Отсюда адаптированная культура русского населения Сибири базировалась на традициях этнической культуры XVI–XVII вв. при выраженном «ренессансе» архаичных элементов языческой культуры в психологическом обосновании «о-свое-ния» края. Поэтому нам необходимо выяснить, как в XVIII–XIX вв., в условиях процессов модернизации в Европейской России, эволюционировала идентификация крестьян-старожилов Приенисейского края? Как результаты психологической адаптации понятийно закрепились в самоназвании социума крестьян-старожилов? Для нас важно знать, отразилось ли на понятийном уровне признание своеобразия русских сибиряков со стороны жителей Европейской России. Как словесно воспринимались представители материнского этноса со стороны потомственных старожилов? Подтверждается ли взаимная таксономическая и этническая оппозиции «мы – они» в идентификации «русских сибиряков и русских»? Каково было содержание дихотомии «мы – они» во взаимоотношениях старожилов с переселенцами; старожилов с ссыльнопоселенцами?

²⁷ Щукин Н. С. Народные увеселения в Иркутской губернии // Записки ИРГО. Т. 2. 1869. С. 384.

²⁸ В 1982 г. старовер из д. Гуляевки Курагинского района в разговоре с автором работы подчеркнул, что «настоящие русские люди – это старoverы. Они сохранили себя в „чистоте“, потому что блюдели веру свою».

²⁹ Болонев Ф. Ф. Из опыта этнографического изучения русского населения Сибири // Русские Сибиряки: культура, обычаи, обряды. Новосибирск, 1998. С. 19.

Вопрос о генезисе самоназвания русского населения Сибири достаточно сложен ввиду слабого использования этнодифференцирующих ссылок в источниках. Однако данные отдельных документов конца XVII в. позволяют определить, что дети и внуки основателей острога Красный Яр осознанно воспринимали Сибирь как свою родину. Впервые начинает соотноситься к прежнему имени «русские» новое — «сибиряки». В «Послании митрополита Игнатия в Красноярск» для нас важна вставка-цитата из слов красноярцев периода 1695–1698 гг.: «Есть ли де... обидят в Сибири худо де, худо сибиряки, так буде воеводу другого и третьего до смерти убили...»³⁰ Перед нами одно из первых свидетельств новой идентичности русских людей, проживавших в Красноярске.

В условиях традиционной цивилизации одним из наиболее существенных условий дробности в границах этноса было территориальное единение членов локальной этнокультурной общности³¹. Поэтому важно соседство двух понятий, «Сибирь» и «сибиряки», относительно принадлежности субъектов исторического события к определенной территории и определенной социальной общности. Это позволяет рассматривать применение самоназвания «сибиряки» как вполне осознанное и стереотипное.

На основании источников данного периода мы не можем судить о психологической оппозиции «мы — они» в идентификации красноярцев по отношению к Европейской России, но территориальный образ сибиряка в их «картине мира» уже существует. Говоря о самоназвании социума в оппозиции «мы — они», для нас существенным является вывод российского историка Б. Ф. Поршнева и его западных коллег, что в традиционном обществе «нередко самоназвания вообще не было, но всегда имелось название... для инокультурных соседей...»³².

В первой половине XIX в. в письмах декабристов широко применялся идентифицирующий и собирательный термин «сибиряки». Во второй половине XIX в. публицист Н. М. Ядринцев называл потомственных сибиряков «природными сибирско-русскими старожилками». Н. М. Ядринцев писал, что «сибиряк не задумывается и не подозревает своего кровного родства с коренным русским человеком». Здесь «природному сибирско-русскому старожилу противостоит, как говорят в Сибири, „российский человек“. В качестве „российского человека“ сибирский крестьянин выделял, прежде всего, „великоросского“ ссыльного поселенца или переселенца»³³. «Сибиряки Европейскую Россию и русских принимают за чужеземщину или иностранцев. Говоря „вы российский“... этим он... хочет обозначить противоположность себе как сибиряку»³⁴. «Путешественника сибирское население поражает своим безучастием к тому, что делается за Уралом»

³⁰ «Послание архиеерея Игнатия...». Л. 62 об. // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1975. С. 175.

³¹ Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., 1999. С. 240.

³² Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1979. С. 83; Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., 1999. С. 233.

³³ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония... СПб., 1892. С. 103, 105.

³⁴ Там же. С. 108.

(то есть в Европейской России. — Б. А.)³⁵. Замечания Н. М. Ядринцева явно страдают абсолютизацией в стремлении доказать наличие этнической идентификации у русских старожилов Сибири. Но мы обращаемся к данным наблюдениям в контексте оппозиции «таксономическое — этническое» в их идентификации («природно-русские» и «российские»).

Неудивительно, что психологическая грань «мы — они» была выражена значительно острее в сознании старожилов в местностях, удаленных от губернского центра. Наводит на определенные выводы самоназвание «русаки», бытовавшее у приангарских старожилов во второй половине XIX в. Специфическую идентификацию в XIX в. имело старожильческое население Туруханского края, именуя себя «смешицы» («смешанные» с аборигенами? — Б. А.). В ответ на приглашение переселиться в Минусинский уезд жители Туруханского края отвечали: «Мало ли чего у вас там, в Руси, не по-нашему лучше. Нет, душе неохота, сердцу неугода». Как видим, даже Южную Сибирь старожилы-«смешицы» называли «вашей Русью». Вполне естественно, что в условиях выраженной локальной замкнутости принятие новосела в среду старожилов с. Туруханское затягивалось на многие десятилетия³⁶.

На основе выводов о специфике установок ментальности крестьян-старожилов на выстраивание взаимоотношений с представителями внешнего мира, и прежде всего с «российскими людьми», мы можем смело говорить об «этноцентрическом типе» таксономической идентичности старожилов³⁷.

Во многих свидетельствах отмечается взаимное неприятие «российских людей» и сибирских старожилов. Например, некий автор, скрывавшийся под псевдонимом *Amicis Veritas*, в петербургской газете «Гражданин» от 20 марта 1891 года высказался с высокомерием: «...каждый сибиряк дождет своей глупой самобытностью». Не менее негативно высказывание одного из чиновников железнодорожного ведомства о людях, «назвавших себя „сибиряками“ и готовых забыть, что они русские»³⁸. В условиях выраженной полярной идентичности не была редкостью и «встречная» демонстративная установка крестьянина-старожила. В споре с курским переселенцем о том, «чья страна лучше, Россия или Сибирь?», сибиряк высказался достаточно самолюбиво: «Да наша сибирская собака не станет есть российского хлеба!»³⁹

Психологические границы самосознания членов таксономической группы определялись конфигурацией идентификации «свои — чужие» как в границах своего этноса, так и по отношению к другой этносоциальной группе⁴⁰.

³⁵ Там же. С. 106.

³⁶ Щапов А. П. Собрание сочинений. Дополнительный том... С. 108.

³⁷ Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., 1999. С. 159–160, 272–274.

³⁸ Волошинов Н. А. Сибирская железная дорога. СПб., 1890. С. 17.

³⁹ Турбин С. И. Старожил. Страна изгнания и исчезнувшие люди. Сибирские очерки. СПб., 1872. С. 78.

⁴⁰ Шелепов Г. Н. Общность происхождения — признак этнической общности // Советская этнография, 1967, № 2. С. 13–26.

Крестьяне-старожилы села Бирюса Нижне-Удинского уезда Иркутской губернии. 1911 г.

Фотограф

В. П. Ермолаев. КККМ

НЕГ 9591. ГК № 24951732

Особую область хозяйственной и общественной жизни сибирской общины представляет процесс взаимодействия мира старожилов и мира переселенцев. Напомним, что это взаимодействие «мы – они» происходило и фронтально, здесь и сейчас, и в динамике времени «осибиричания» бывших переселенцев. Попадая в мир старожилов, переселенцы расставались со своими «российскими» традициями, привычками, растворялись в условиях новых отношений, новой системы хозяйствования, технологии земледелия. Вплоть до первых десятилетий XX в. они, растворяясь в старожильческом сообществе, никоим образом не пытались даже навязать российские культурные традиции адаптированной сибирской старожильческой культуре. Это было невозможно по причине подселений переселенцев отдельными семьями или малыми группами в села старожилов. Но в связи с массовыми потоками «стольпинского» движения на восток идут процессы размывания, поглощения и даже замещения в единичных малых деревнях традиций, морали, стереотипов поведения старожилов традициями модернизированной российской деревни начала XX в. Неслучайно именно в это время появилась поговорка «Русь навалила, весь наш край задавила».

На первых этапах переселенческого движения выходцы из государственных крестьян составляли подавляющую массу новых «засельщиков»,

Крестьяне
деревни Яркино
Пинчугской
волости
Енисейского уезда.
1911 г.

Фотограф
А. П. Ермолаев.
КККМ НЕГ 4673.
ГК № 38007724

средняков по своему социальному положению. Исследователь переселенческого движения И. А. Гурвич писал в 80-х гг. XIX в.: «Преобладающим элементом в современном переселенческом движении следует считать крестьян среднего достатка».

Как крестьяне определяли район переселения? Исследования показали, что 61% крестьян засылали в Сибирь ходоков, которые выбирали место будущего заселения. По письмам определяли район переселения 19%, по рассказам – 17% крестьян. И лишь 3% переселенцев шли «наобум»: это говорит о том, что не так-то просто было решиться в то время на далекую дорогу в суровый край, сорвавшись с обжитого места.

Путь до Енисейской губернии пешком занимал от 3 до 7 месяцев. Иногда шли с остановками на зиму, чтобы подзаработать и двигаться дальше. Для семьи из 6 человек требовалось на дорогу около 200 рублей. Деньги набирали как за счет тайной продажи «своей» земли, дома, части скота и пр., так и за счет сбережений. Конечно, и подрабатывали, и «шли Христовым именем от города к городу». Только с 1893 г. правительство стало выдавать на обзаведение хозяйством ссуды до 100 рублей. Но этого было явно недостаточно: только на подъем одной десятины пашни в лесостепи требовалось от 100 до 300 рублей.

Переселенцы шли в сутки по 35–40 верст. Крупными партиями по 60–100 семей двигались до намеченной губернии, далее по уездам, затем расходились отдельными семьями по селениям.

Новопоселенцы старались устроиться на жительство в старожильческих селениях. Здесь можно было до обзаведения домом найти квартиру у старожила, купить лошадь и инвентарь, выгодно продать свою рабочую силу. Работая на сезонной или постоянной работе, можно было заработать от одного до полутора пудов зерна в день. Годовому работнику (работнику «в строку») в Енисейской губернии оплата деньгами и в натуральном исчислении составляла, в зависимости от уезда, от 70 до 160 рублей. Через 2–3 года переселенец мог обзавестись собственным хозяйством. В конце XIX в. для собственного домохозяйства требовалось:

Продовольствие в течение 2 лет – 100–150 руб.

Возведение или покупка дома и построек – 110–150 руб.

Покупка

2 лошадей – 80–100 руб.

1 коровы – 17–30 руб.

2 саней и телеги – 40–50 руб.

упряжи на пару лошадей – 20 руб.

деревянного или железного плуга – 10–37 руб.

двух борон – 3–5 руб.

Стоимость утвари и хозяйственных принадлежностей – 30–40 руб.

Для причисления крестьянского хозяйства к «обществу» требовалось еще 30–50 рублей. Значительно облегчало положение переселенца освобождение от государственных повинностей в первые три года проживания в Сибири и сокращение на 50% еще на три года. Однако мирские повинности они обязаны были выполнять полностью⁴¹.

И. А. Гурвич приводит в качестве обычного примера историю одного крестьянина, переселившегося во второй половине XIX в. в Назаровскую волость Ачинского уезда. В Сибирь он пришел «Христовым именем» с семьей. Работал у старожила за 1 пуд ржи и ½ пуда пшеницы в день. За зиму купил лошадь, «ячменя и хлеба». Весной засеял десятину ячменем. Выращенный ячмень продал в городе и купил корову и небольшую избушку, за которую заплатил 11 рублей. Через 17 лет у него было 16 десятин пашни, дом, пятистенки, 4 лошади, жеребенок, 7 коров, овцы. Все эти годы он постоянно продавал хлеб на рынке в городе⁴².

Но не следует забывать, что данная история была типичной для трудолюбивого, усердного крестьянина. Именно такие крестьяне быстро входили в старожильский мир и через 25 лет числились старожилами.

В последней четверти XIX в. старожильский мир начинает ограничивать прием переселенцев в «общества». Так, в 1894 г. по Ачинскому округу в Покровской волости из 8 обществ отказали переселенцам 7, в Балахтинской – из 10 отказали 8, в Тюльковской – из 10 все 10 сельских обществ. Основной причиной стала, во-первых, наметившаяся тенденция

⁴¹ Гурвич И. А. Переселения крестьян в Сибирь. М., 1888. С. 56–67.

⁴² Там же. С. 71.

Из жалобы крестьян-старожилов с. Ершовского: «Переселенцы участка Казанского нашей Назаровской волости самовольно захватили 20 десятин подготовленной нами для посева земли. Переселенческий участок несет нам значительные убытки в отношении распаханых полей; и не особенно нам приятно...»

Переселенцы д. Казанской: «Просим прекратить самовольное владение не принадлежащих им земельных угодий... мы оказались обижены ершовскими крестьянами...»

Из общественного приговора соединенного схода, 1891 г.: «Оба общества пришли к единому согласию по отношению к пользованию земельными угодьями до точного определения границ, повинясь закону».

к «утеснению» земельных владений общин; возникла угроза уменьшения наделов сыновьям старожилов, достигшим 17 лет. Во-вторых, во второй половине XIX в. около 59% всех «самоходов» составляли бывшие помещицы крестьяне, резко отличающиеся по миропониманию от государственных крестьян северных губерний и сибиряков.

На рубеже XIX–XX вв. идет резкое нарастание конфликтности «мы — они» между старожилами и новыми переселенцами. Старожилы справедливо отказывались делиться землями, разработанными их предками. Они возмущались жалобами переселенцев, что якобы «старожилы захватили лучшие близлежащие около селений земли и не желают передела их». В данном случае земли эти явно не были захвачены насильственно и, по сибирским правилам, не переделывались, но психология бывших помещичьих крестьян воспринимала происходящее по-своему. Большая часть переселенцев была вынуждена основывать новые селения в подтаежной зоне — степи, и лесостепные области были практически освоены. Старая технология земледелия начинала изживать себя. Урожайность стала падать; наступил период перехода к интенсивному земледелию. Многие селения возникали на месте бывших заимок, заброшенных рощистей, но большинство переселенцев были вынуждены втрое больше затрачивать сил, денег, времени на обустройство. Деревни новоселов стали существенно отличаться от старожильческих⁴³.

Еще более обострились отношения старожилов и переселенцев в первом десятилетии XX в. «Столыпинские» реформы насильственно разрушали общины Европейской России и предусматривали массовое переселение обезземеленных крестьян в Сибирь, на окраины страны. Во многом у этих переселенцев имелись негативные черты: лень и нежелание трудиться, отсутствие старательности, пьянство, низкие нравственные качества. И называли их в Сибири уже переселенцами-лапотниками, лапотошниками. Нередки были случаи «проживания» ссуд, преступлений, поиска случайных заработков, отходничества. Многие новоселы, с огромным трудом разработав в тайге 1–2 десятины земли, едва сводили концы с концами. Вот описания жилищ, сделанные в конце XIX в.: «У старожилов дома большие и крепкие. У новоселов — слабые и серые. Постройки низкие. Крыши земляные и соломенные, пропитанные глиной. Много изб

⁴³ История Сибири. Т. 3. Л., 1968. С. 21–24.

Крестьяне-переселенцы у землянки в Ачинском уезде. Начало XX века.

КККМ ОФ 12842/13. ГК № 8544598

покрывившихся, непокрытых, причем окна едва видны из-за наваленного для теплоты навоза».

Быт переселенцев начала XX в. разительно отличался от быта старожилов. Приведем выдержку из отчета за 1911 г. о состоянии сельского хозяйства в Енисейском уезде, из главы о положении переселенцев: «Приходится констатировать, что хозяйства их (новоселов) производят впечатление какого-то развала, грязи (резко бьющей в глаза при сопоставлении с чистотой и порядком в доме и дворе сибиряка), нищеты, соседнего раздора и влияния водки». Отчеты начала века приводят многочисленные примеры голодовок в селениях переселенцев, сырости и холода в их жилищах, крайне бедной и ветхой одежды, тяжелых эпидемических заболеваний. Крайне высока была смертность новоприбывших, особенно среди детей. «Прибыль населения переселенческих поселков почти соответствует убыли», – писали енисейскому губернатору из Ачинского уезда в 1899 г.⁴⁴

Освоение неудобниц сопровождалось и такими картинами: «многие поселки находятся в обширной болотистой равнине, покрытой местами чахлым березовым лесом. Сообщение из-за топкой почвы плохое, а весной в эти Богом забытые места уже невозможно попасть... Загрязненность поселков огромная. В стенах домов видны щели. Отапливаются жилища железными печками, вследствие чего резко меняется температура, жара сменяется холодом. В домах полы земляные, много грязи и насекомых. Питается население хлебом, картофелем и капустой, изредка молоком

⁴⁴ Степынин В. А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962. С. 67; История Сибири. Т. 3. Л., 1968. С. 24.

и мясом». «Летом почти все, а зимой очень многие, ходят в лыковых или из сырой кожи лаптях; белье из грубого холста. Верхнее зимнее пальто есть далеко не у всех, не раз приходилось наблюдать, как вся семья ходит в одной и той же рваной шубе». «Молодежь в свободное время, заломив шапки набекрень, шляется по улицам, пьет, после чего скандалит и дерется».

Но все же, несмотря на вышеописанные недостатки, большинство переселенцев прибывали сюда для обустройства, чтобы начать новую жизнь. Сотни тысяч крестьян-переселенцев увеличили на несколько миллионов десятин площади посевов. Они привезли улучшенные навыки огородничества, трехполья, удобрения земель, льноводства, пчеловодства, новые ремесла. Особую роль «стольпинские» переселенцы сыграли в развитии животноводства в Сибири. Старожилы перенимали опыт содержания скота в теплых хлевах, в стайках стали заводить ясли для сена. Выросла продуктивность молочного животноводства, начало развиваться маслоделие.

Новосел, откуда бы он ни был, сразу же мог наблюдать разницу между «Рассейским краем» и Сибирью. Но различия преодолевались, как тонко было подмечено в конце XIX в., следующим способом: «Новосел подвергается непрерывной критике и иронии, сопровождаемой и положительными советами, как поступать на сибирской земле, как пахать землю, какие сделать уступки ей, насколько и когда быть благосклонным к бродягам, а когда жестоким, и, наконец, даже советами, как говорить, не возбуждая смеха. Под гнетом этих насмешек и советов, подтвержденных собственным опытом, новые колонисты быстро уступают местным обычаям, а не далее как следующее поколение считает себя уже коренными сибиряками и на новоселов смотрит с усмешкою и иронией»⁴⁵.

Несмотря на то что от 10 до 18% переселенцев «стольпинского» периода вернулись обратно в Европейскую Россию, большинство положительно восприняли преимущества новой жизни. Чтобы проанализировать положение тех, кто переселился после 1906 г., обратимся к выводам статистических обследований переселенцев, проведенных в 1911–1912 гг. «В Сибири положение переселенцев во всех отношениях улучшилось, и благосостояние их поднялось вдвое, втрое и даже в 6–7 раз». Только в Енисейской губернии в 1906–1916 гг. было введено в строй 30 млн десятин угодий. Если старожилы занимали до 60% посевных площадей, то переселенцы быстро освоили 30% земель (остальные 6% пашен принадлежали казакам и 4% – нерусским народностям Сибири, занимавшимся сельским хозяйством). Переселенческое движение дало мощный импульс не только сельскому хозяйству, но и промышленному развитию Сибири. Многие новоселы и часть молодежи старожильческих селений пополнили ряды рабочего класса. Деревня более активно участвует в начале XX в. в развитии кооперативного движения, втягивается в торговлю, освоение новых месторождений полезных ископаемых и развитие лесной отрасли промышленности.

⁴⁵ Ядринцев Н. М. Сочинения. Т. 1. Сибирь как колония: Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 2000. С. 161–172.

Избушка в кемчугской тайге, близ нее расположились табором вновь приехавшие переселенцы. 1903-1904 гг.

Фотограф А. А. Яковлев. КККМ НЕГ 4444. ГК № 36117379

Наряду с вольным переселением тех, кто стремился обрести в Сибири «землю и волю», значительное место занимали ссылка и каторга осужденных за различные преступления в городах и селениях Европейской России. Большинство из них отправлялись на жительство в специальные поселения ссыльных, многих размещали в старожильческих селениях.

Водворение на жительство лиц, принудительным образом высланных в Сибирь, формировало в сознании сибиряков несколько типов оценочных суждений о различных категориях ссыльных. По общей оценке современников, в первой половине XIX в. термин «несчастные» («нешастные») относился к общей массе ссыльных. Но от самого человека зависело, пойдет ли он здесь по пути нравственному или преступному. Наиболее наглядно и правдиво охарактеризовал данный выбор декабрист Н. В. Басаргин: «Сибирь снисходительно принимала всех... Когда ссыльный вступал в ее границы, его не спрашивали... какое он сделал преступление... „несчастный“... звали сосланных. От него требовалось только» быть положительной личностью. «В таком случае... его ждало довольство, но даже богатство и уважение людей».

Позднее, в 1871 г., об этом же писал публицист С. И. Турбин: «В Сибири существует повсеместно прекрасный обычай – не обращать внимания на прошлое... Будь ты хорош здесь, а что ты делал там (в России) – твое дело, а не наше... Но для нравственного перерождения личности преступника требовалось проживание в среде старожилов». Множество ссыльных из числа приписанных к старожильческим сибирским селениям «превращались в добропорядочных граждан». Повсеместно бытовала поговорка «Быль молодцу не укор». Милосердие сибиряков выражалось

ОЧЕРК ПЯТЫЙ

в развитой практике «подающий» идущих партиями ссыльным, в оставлении на ночь продуктов питания для бродяг и нищих на специальных полочках у ворот.

Крестьяне старожильческих селений, вынужденные принимать на жительство ссыльных, старались положительно воздействовать на них своим примером, традициями и нормами «обычного права». Однако не всегда ссыльные, размещенные на поселение в старожильческих селениях, стремились жить праведно. Дела о хищениях и разбойных нападениях подтверждают стремление многих поселенцев к продолжению «порочной» жизни в условиях сибирской ссылки. Например, поселенец Иван Егоров, проживавший в д. Шадрино Подсосенской волости, в «сговоре с себе подобными» (всего 7 чел.) собрал у крестьян ряда селений «для выделки овчинные шкуры» на крупную сумму и перепродал их. В результате расследования виновные были найдены и наказаны, но и далее Егоров продолжал «заниматься хищениями и мошенничеством».

Поселенцы с. Седельниково Сухобузимской волости, выбрав 1 октября 1862 г. на «будущий» 1863 г. «из среды себя поселенцев Семена Кочегарова, причисленного в 1851 году, и Степана Михайлова, причисленного в 1849 году, для несения службы» «десяцкими над поселенцами», вскоре вынуждены были переизбрать С. Кочегарова. Причиной послужило распоряжение волостного старшины от 10 ноября того же года: «Дать знать седельниковскому старшине, что Кочегаров за явку к нему в пьяном виде и здавание грубостей выдержан при волостном правлении под арестом в течение трех суток... Предложить обществу пересмотреть приговор... кому по очереди следует как ранее поступивших на причисление...» Поселенец с. Сухобузимского Красноярского округа Щелкунов, переночевав в с. Казачинском Енисейского округа у крестьянки Х. Чигаревой, «выкрал во время сна из чулана 4 новые мужские рубахи, новую поддевку, плисовые шаровары, беличьих шкур 10 штук, меховой воротник» и другие вещи на общую сумму 48 руб. 75 коп.

МЫ СТАРОЖИЛЫ, И ОНИ...

В целях возврата похищенного имущества крестьян сразу объявлялся розыск пропавших вещей по всем селениям волости. Пропавшие у крестьянина д. Большебалчугской Сухобузимской волости М. Першина «две уздечки кожаных из пригона, снятые с лошадей... ночью» вскоре были найдены. Той же ночью на основании признания «тех уздечек» свидетелями ночными сельскими сторожами был задержан поселенец Д. Ларионов, пытавшийся заложить уздечки «в кабаке под вино».

В ментальности крестьян кража, плохое поведение воспринимались как покушение на имущество, нажитое своим трудом, угроза миропорядку: «Преступное не может быть нравственным, нравственное не может быть преступным». Естественно, порочное поведение поселенцев неизбежно сохраняло грань в отношениях старожилов и ссыльных.

Таким образом, в «картине мира» обязательно присутствует бинарная оппозиция объектов идентификации противоположной выраженности. Наличие двоичных противопоставлений в ценностной иерархии окружающего мира позволяло:

- 1) оценивать, прежде всего, «своих» в противопоставлении с «чужими»;
- 2) выявлять ориентиры в нравственно-этическом поведении человека;
- 3) формировать оправданные установки стереотипов поведения.

Выводы о самосознании старожилов согласуются с высказыванием историка Б. Ф. Поршнева: «Всякое противопоставление объединяет, всякое объединение противопоставляет, мера противопоставления есть мера объединения»⁴⁶. Два идентификационных процесса в ментальности и социальном поведении «сибиряков» и «российских людей» в реальности были неотделимы друг от друга, так как являлись частью традиционной русской культуры и процессов непрерывной адаптации мира старожилов Сибири.

⁴⁶ Поршнев Б. Ф. Противопоставление как компонент этнического самосознания. М., 1973. С. 14.

Переселенческий поселок. Выезжий лог. 1913 г.

Фотограф А. Я. Тугаринов. КККМ НЕГ 7148.

ГК № 39177299

Очерк шестой

ФЕНОМЕН «ОБЩЕСТВА» СТАРОЖИЛОВ

Коллективное самосознание социума включает в себя представления об отличительных чертах характера представителей своей общности, традициях, обычаях, привычках, установках социальных связей, отношении к своей большой и малой родине. В сознании российских крестьян важное место занимали отношение к общине и позиционирование себя в ней. В значительной степени они были обусловлены представлениями о соотношении индивидуального и коллективного в крестьянском социуме. Данные представления влияли на особенности формирования и воспроизводства ценностей сибирского характера.

Истоки воздействия сибирской крестьянской общины на становление ценностей сибирского характера мы находим в феномене «однопородной деревни». Возникновение сельских поселений часто связано с освоением данной местности большой патриархальной семьей. В условиях естественного прироста населения и постоянных разделов семей из нее складывалась «однопородная» община. В общине развивались семейно-родовые связи и корпоративные отношения «по родству». Так, согласно ведомости учета жителей д. Ковригино Сухобузимской волости Красноярского округа, в 1858 г. здесь числилось 34 домохозяйства, из которых род Ковригиных представлял 21 глава семейств (62%), род Кривоуруцких — 2 хозяина (6%). Остальные 11 домохозяев (36%) имели разные фамилии¹. Как видим по названию деревни и количеству «однофамильцев», основателями селения были Ковригины. Поэтому вполне естественно, что в подавляющем большинстве

¹ ГАКК. Ф. 546. Оп. 1. Д. 298. Л. 24–24 об.

документов 40–70-х гг. XIX в. по данной деревенской общине фигурируют подписи сельских старшин Алексея, Степана, Ефима, Ивана Ковригиных, что является прямым доказательством корпоративного поведения представителей данного рода при избрании «своих» на эту важную должность.

В 1886 г. в с. Комском Балахтинской волости из 178 общинников представляли: род Ананьиных — 60 человек, Кирилловых — 40, Ростовцевых — 28, Черновых — 12, Сиротининых — 11, Спириных — 11, Юшковых — 9. Представители перечисленных семи родов составляли 99,6%. Род — «порода» — старожилов-крестьян состоял из нескольких патриархальных семей. Так, в семье А. А. Ростовцева (54 года) было три взрослых женатых сына: Федор 30, Иван 29 и Григорий 39 лет. В семье Н. П. Кириллова числились женатые братья Федор и Павел, 31 и 34 лет².

Историк Л. М. Сабурова установила, что большинство селений Приангарья возникли в XVII–XVIII вв. как «однопородные». В д. Усольцево даже на рубеже XIX–XX вв. из 58 домохозяев 32 (55,2%) были Усольцевы. Из 272 домохозяев д. Кежма проживало: 55 Брюхановых, 43 Кокориных, 19 Лушниковых, 12 Суздаlevых³.

Как и в типичном российском варианте обыденной терминологии, в сознании сибиряка «община» чаще всего подменялась понятием «мир», но более выражалась понятием «общество». В мирском приговоре читаем: «Деревни Большебалчугтской нижеподписавшееся целое общество избрало однодеревенского нашего крестьянина Мамона Федорова Черепанова десятником при Сухобузимском волостном правлении...»⁴ Данный термин фигурирует и в типичных приговорах о зачислении российских переселенцев в старожильческие общины: «Села Балахтинского государственные крестьяне приговорили к причислению нашего общества крестьянству...»⁵ «Захар Васильев Власов, проживая в нашей деревне, ведет себя прилично, под судом не был, завел себе домообзаводство... Приговорили: принять... в среду нашего общества на всегдашнее жительство»⁶.

В приведенных здесь записях 1817–1878 гг. примечательно то, что «общество» всегда определялось как «наше». То есть в ментальной «картине мира» наша община («наше общество») есть не что иное, как замкнутая корпорация своих членов, крестьян-старожилов, своеобразная системная единица всего социума русских сибиряков. При этом внешний мир мог представлять в позиции множественности «обществ». Мы выделяем характерную для первой половины XIX в. фразу: «...приговорили принять в наше общество из государственных крестьян Большекемчугтского общества...» Одновременно крестьяне д. Большекемчугтской именуют себя также «нашего общества государственные крестьяне»⁷. Стереотипность выражений о соотношении себя и других крестьян с «обществами» в источниках

² ГАКК. Ф. 5956. Оп. 46. Д. 18. Л. 346–350 об.

³ Сабурова Л. М. Быт и культура русского населения Приангарья (конец XIX — нач. XX в.). Л., 1967. С. 165.

⁴ ГАКК. Ф. 546. Оп. 1. Д. 364. Л. 49.

⁵ ГАКК. Ф. 247. Оп. 2. Д. 12. Л. 5–6.

⁶ ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 671. Л. 17.

⁷ ГАКК. Ф. 609. Оп. 1. Д. 754. Л. 2, 4 и др.

**Афонасий
Петрович
Губанов —
последний
городской староста
Туруханска. 1917 г.**

Фотограф
А. Я. Тугаринов.
КККМ НЕГ 7033.
ГК № 39177765

позволяет говорить об устойчивом образе крестьян как членов самоуправляющихся общин.

«Общество» имело в сознании старожила конца XVIII — второй половины XIX в. все компоненты системной единицы освоенного «микроскопа». В «обществе» были представлены: «законодательная» власть — «сход» («общественное согласие»), исполнительная власть — выборная администрация (старшины, «кандидаты»), высший контрольный орган — «совет стариков», податно-фискальная структура (различные комиссии), суд и законы (сход, нормы обычного права), места «заключения» — «чижовка», «кутузка» — и прочие элементы.

Член «общества» предстал в лице «бойца» или «полубойца» (налогоплательщики), домохозяина, имеющего право голоса на сходе, право выбирать и быть избранным на различные должности. Одновременно он имел строго определенные обязанности перед «обществом».

Таким образом, в понятие «общество» закладывалось представление о целостной сфере организации жизнедеятельности как замкнутой ячейке, корпорации «своих» полноправных членов социума. В течение длительного периода отношения между старожилами строились на условиях

выраженного взаимосогласия и «добрых отношений» к «своим». Об этом красноречиво свидетельствуют опубликованные воспоминания старожила Н. Чукмалдина, относящиеся к середине XIX века: «В Сибири... всякие расчеты оканчивались на оговоренных условиях, всегда добросовестно и верно. Деревенский мир и каждый крестьянин... сохраняли добрые отношения только между собою...»⁸ В ангарских селениях было принято производить наем на сроковую работу без письменного оформления, «по рукобитию». Однако если работник разрывал договор, то выплачивал хозяину определенную сумму⁹. «Вообще, обманывать своего же брата-крестьянина считалось делом бесчестным», — отмечает историк Н. А. Миненко¹⁰.

Образ общины как «своего мира» мотивировал установки поддержания высокого уровня нравственности и порядка в селениях. В картине мира крестьян-старожилов неразрывна ценностная взаимосвязь — высокий уровень нравственности в «обществе» зависит от уровня нравственности ее членов. Категории людей, которые для общины представлялись не просто бесполезными, но именуемые как «порочные», зафиксированы в приговорах многих «обществ». В частности, старожилы Канского уезда указывают, что «лица эти полезными обществу быть не могут». И далее в качестве «порочных» черт характера выделяют «дурное поведение», «ссорливость в обществе», «развратную жизнь», образ жизни «ленивцев» и «гуляк»¹¹. Достаточно сложно систематизировать все элементы «нравственности» или «порочности», но выражались они в наборе принятых в данной общине правил, обычаев и качеств личности. Главное, человек должен быть «полезным».

Известно, что у приенисейских крестьян в числе наиболее строгих и полезных правил было поддержание чистоты. В первой половине XIX в. в селениях Енисейской губернии ежегодно выбирались на сходах от женщин и мужчин «выборные для смотренья чистоты»: «Деревни Дрокиной Заледеевской волости... для смотренья чистоты Анна Иванова Быкасова доброго поведения»; «д. Емельяновой... за чистотою и опрятностью дворов и улиц выбрана Настасья Яковлева Орешникова, которая поведения добропорядочного и означенную службу нести способна»¹². Как видим, понятия «добропорядочность», «поведение доброе» близки понятию «чистота» в картине мира приенисейских крестьян. Наоборот, «нечистотка поведением своим позорит общество». Источники по Заледеевской волости и по прошествии четырех десятилетий по-прежнему отмечали, что «к нечистоткам перед праздниками снаряжаются женщины за плату для наведения порядка, чтобы те не позорили нашего селения перед чужими людьми»¹³. Декабрист А. П. Беляев с восторгом и удивлением отмечал, что в селениях Енисейской губернии «довольство и необыкновенная

⁸ Чукмалдин Н. М. Мои воспоминания. СПб., 1899. С. 59.

⁹ ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 2. Л. 17, 74.

¹⁰ Миненко Н. А. Живая старина: Будни и праздники сибирской деревни в XVII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1989. С. 95.

¹¹ ГАКК. Ф. 546. Оп. 1. Д. 408. Л. 4–5.

¹² ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 671. Л. 46.

¹³ ГАКК. Ф. 595. Оп. 47. Д. 47. Л. 8.

Мир старожилов и переселенцев

«Крестьяне-старожилы — такие крестьяне, которые родились уже в Сибири в данной общине. При этом все равно, были ли их родители поселенцы, или тоже старожилы, были ли они новоселы...» К старожильческим причислялись новые деревни, «образовавшиеся более 25 лет». Старожилами числились «добрые переселенцы, прожившие здесь не менее 25 лет, а поселенцы — более 50 лет, имеющие внуков рабочего возраста. Для всех нужен совершенный достаток для полной экономической ассимиляции их со старожилами».

Крестьянин-этнограф с. Курагино Минусинского уезда Ф. Ф. Девятков: «Здесь наибольшее количество земли разрабатывают не те семьи, которые имеют сэкономленный труд или капитал, а те, у которых больше рабочей силы. Таким образом, здесь наибольшую пользу получает не разбогатевший мироед, а лучший крестьянин-домохозяин... Хорошо и выгодно жить в большой семье. Здесь не выработался тип мироеда, и зажиточный крестьянин продолжает быть всеми уважаемым человеком».

«К старожильческим причислялись новые деревни, образовавшиеся более 25 лет». Старожилами числились «добрые переселенцы, прожившие здесь не менее 25 лет, а поселенцы — более 50 лет, имеющие внуков рабочего возраста. Для всех нужен совершенный достаток для полной экономической ассимиляции их со старожилами».

«В с. Кежма Енисейского уезда в начале XX в. было 272 двора, 15 фамилий. Из них: 55 — Брюхановы, 43 — Кокорины, 19 — Лушниковы, 12 — Суздальевы и др. В д. Усольцево 58 дворов: 32 — Усольцевы, 19 — Привалихины, 4 — Верхотуровы и др.»

Один исправник жаловался в письме к губернатору на «пагубный разврат» крестьян-общинников в селениях Минусинского уезда. Его поражало то, что здесь крестьянки носят «драповые кофточки последней парижской моды в 35–40 руб., башмаки рублей в 8, лакированные калоши», и просил принять меры...

Из кн.: Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губернии. Т. IV. Иркутск, 1893.

чистота, даже в самых небольших избах»¹⁴. Естественно, поддержание порядка и опрятности являлось важнейшим социально значимым качеством. Современники отмечали, что в Сибири понятие «чистота» близко нормам обычного права: «Не вымыть пол к праздничному дню есть почти преступление»¹⁵. Как важнейшие компоненты самосознания, «свой» мир и «свое общество» были окультуренными анклавами в окружении «хаоса», «зла». Можно отметить, что «хаосу», «злу» соответствовали знаковые образы «грязного», «неопрятного», «расхристанного, в лохмотьях» и пр. Исходя из этого, знаковые элементы «освоенного» включали в себя чистоту, порядок, «степенное» поведение. Поэтому важнейшим условием сохранения своего миропорядка являлось «фанатичное устремление» к чистоте и порядку.

Представления о «характерных чертах своей общности, традициях, обычаях» опирались на механизм воспроизводства данного адаптированного

¹⁴ Беляев А. П. Из воспоминаний декабриста о пережитом и пережитом // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1980. С. 233.

¹⁵ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма... М., 1978. С. 389.

самосознания в новых поколениях старожилов. Естественно, важнейшая роль в воспитательно-социализирующем воздействии на крестьянскую молодежь отводилась «обществу». Наиболее полно данная функция исследована новосибирским историком В. А. Зверевым в работе «Дети – отцам замена: воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.)»¹⁶. «Очень мощным средством было... общественное мнение. Оно склонно было одобрять поведение, ориентированное на традиционные образцы: „как наши старики жили“... В процессе общения „мир“ давал оценку качествам личности всех своих членов, каждому их поступку»¹⁷. Исследователи признают, что особенностью сибирской общины было минимальное вмешательство в семейное воспитание при возложении данной обязанности на отца-домохозяина¹⁸.

Проанализированные нами приговоры сходов ряда общин Енисейской губернии доказывают, что вплоть до последней трети XIX в. институт общественной социализации сирот действовал стабильно. Общественные социализирующие функции осуществлялись в полном объеме по смерти обоих родителей и при отсутствии близких родственников. Опекун назначался сходом «из тверезых» крестьян, «состоятельных и с хорошей репутацией». В случае смерти отца в приговорах сходов в роли опекуна традиционно фигурировала мать¹⁹. Опекун обязан был отчитываться ежегодно перед сходом «о состоянии имущества семьи и приобщении детей к труду и молитвам». По результатам обследования крестьянского сословия 1890-х гг. был сделан вывод о том, что «правильные опеки... составляют редкие исключения» и все большую роль играет личная выгода²⁰. Приводимое замечание об ослаблении «учета и контроля опекуна со стороны общества» в последней четверти XIX в. веско свидетельствует о снижении позитивного нравственного воздействия общины. В общественном мнении крестьян приютить сироту считается долгом «общества», но во взаимных отношениях опекуна и общины «заметно больше эгоизма, чем альтруизма», – подчеркивает В. А. Зверев.

Во взглядах на нарушение «писаных» законов крестьянское сознание усматривало «сложившиеся обстоятельства для несчастного», но за нарушение норм традиционного «обычного» права вина, прежде всего, возлагалась на нерадивых «родителей». Общество укоряло их за «послабление строгостей», «попустительство», помятуя, что раньше «дети родителей слушались, народ был не праздный, не шатающийся».

Институт общественной социализации молодежи не только наказывал, но и стремился защитить крестьянских детей своего «общества», совершивших серьезный проступок. Типичным является приговор схода

¹⁶ Зверев В. А. Дети – отцам замена: воспроизводство сельского населения в Сибири. Новосибирск: НГПИ, 1993.

¹⁷ Там же. С. 173.

¹⁸ Зверев В. А. Дети – отцам замена... С. 174; Чудновский С. Л. Алтайская поземельная община. С. 185–186.

¹⁹ ГАКК. Ф. 609. Оп. 1. Д. 626. Л. 5, 6, 11.

²⁰ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутск, 1893. Т. II. Вып. 2. С. 170.

Аттестат благодарности старосте общины за отличие...

По окончании срока в должности старосты сход благодарил за честное и добросовестное исполнение обязанностей: «Вел себя добропорядочно, к подчиненным ему относился благопристойно, ласково и снисходительно. В разбирательстве соблюдал долг присяги. Представлял и сдавал деньги исправно. Предобиденьев ни от кого не принимал и никому не чинил, и жалоб на него ни от кого не принесено, поэтому и заслужил себе справедливую от общества благодарность, которого впредь принимать в мирских светах за достойного в чести человека». Аттестат выдан в 1820 г. крестьянину Леонтию Фефелову.

с. Даурского Балахтинской волости (1876 г.) «Об ответственности за крестьянского сына Евдокима Карташева», которого все оценили как «оступившегося». Но сход принял «во внимание к молодости испытанного ареста, который может послужить уроком к исправлению» поведения крестьянского сына²¹.

К гарантам сохранения уклада жизни и традиционных взаимоотношений крестьянское самосознание относило общинное самоуправление. Как и в целом по Российской империи, приенисейские крестьяне из своей среды избирали старост и старшин, окладчиков и счетчиков, сотских и десятских, различных сторожей. Избранные крестьяне обеспечивали стабильность и порядок в общине, регулировали взаимоотношения по «своим», «заветным», нормам и правилам. Для нас важно выяснить, что обычно-правовые нормы соотносились с представлениями о критериях стереотипов-свойств субъектов общественных служб в условиях непрерывной адаптации к меняющимся факторам в течение 60-х гг. XVIII – 90-х гг. XIX в. Не менее важно проследить эволюцию ценности общинного самоуправления в картине мира старожилов.

Еще во 2-й половине XVIII – 1-й половине XIX в. общественная должность воспринималась как доверие (см. в «Наказах» – «поверенный»), как «присяжная должность» общества²². Надо заметить, что в тот период в оценочных представлениях приенисейских крестьян общественная служба не входила в «круг работ». Несмотря на стандартные тексты приговоров, «формулы доверия связаны с бытовавшими оценками»²³. Для оценивания стереотипов-свойств носителей общественных должностей в качестве типичных приведем свидетельства приговоров крестьянских «обществ». При избрании в 1819 г. крестьянина д. Устинова Заледеевской волости Е. Пospelова на должность волостного старшины отмечалось, что он «поведения доброго и серьезного, имеет домохозяйство, скотоводство и хлебопашество»²⁴. В 1862 г. в приговоре схода записано, что А. Григорьев, десятник из д. Воробино Сухобузимской волости, «поведения хорошего, под судом не был, имеет домообзаводство, веры православной»²⁵.

²¹ ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 671. Л. 38.

²² Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в. Новосибирск, 1977. С. 153.

²³ Там же. С. 35–37.

²⁴ ГАКК. Ф. 609. Оп. 1. Д. 626. Л. 11.

²⁵ ГАКК. Ф. 546. Оп. 1. Д. 364. Л. 19.

В конце XIX в. для обживания переселенцу требовалось в целом не менее 450–500 руб. Из них: для возведения или покупки дома и построек, заведения рабочего и домашнего скота до 250 руб. Для покупки рабочего инвентаря и орудий труда — до 130 руб. Для обустройства дома и пропитания в первые два года на сибирской земле было необходимо еще около 120 руб.

Из мирского приговора: «С. Балахтинского государственные крестьяне приговорили к причислению нашего общества... Федора Полежаева с женой Ириной Ивановой, дочерью Авдотьей, так как он проживает в нашем селе, имеет домообзаводство и хлебопашество... поведения хорошего, веры православной, для наделения участком земли достаточно...»

Благодаря нравственным качествам избранным лицам делегировалось право применения наказания в отношении нарушителей общественных порядков и право вынесения общественного порицания от имени «мира»²⁶. Согласно нормам крестьянской морали, этим правом могли обладать действительно высоконравственные личности. В противном случае «должностная» критика воспринималась на уровне сибирского афоризма: «Осудила чурку палка». Все возникающие конфликты между членами своего «общества» воспринимались в «картине мира» как нарушение стабильности и порядка. Поэтому понятны истоки формулировок в приговорах о разрешении конфликта «миролюбивым соглашением»²⁷. Крестьянское сознание выделяло приоритеты «присяжных» в «обществе»: выборные лица не должны были «своевольничать», игнорировать традиции. Общественное мнение строго контролировало поведение и исполнение обязанностей «выборными».

О жестком контроле общины над соблюдением «выборными» лицами нравственных принципов при служении «обществу» свидетельствует любопытный документ. Это одно из первых свидетельств ослабления требований схода к претендентам на ответственные должности. В 1857 г. зафиксирован случай рукоприкладства «в пьяном виде» старшины с. Атамановского Сухобузимской волости С. Тюменцева. Крестьяне-общинники на сельском сходе единогласно ходатайствовали перед волостным правлением о наказании и отрешении от должности, чтобы «не позорил общества». Волостной сход не только принял соответствующее решение, но и обратился к губернским властям: «Старшину Тюменцева просим подвергнуть высшей мере <...> наказания» (предварительно зачеркнуто слово «взыскания»). В мотивационной части рапорта самокритично и с сожалением сход отметил, что выбранный ими старшина «ранее подвергался замечаниям в пьянстве, нерадении и беспечности по службе, и произведенное... внушение, напротив, усилило... наклонность к самодурству и противозаконным действиям»²⁸. Сопоставление позиции данного источника с самооценкой крестьянских детей, спустя столетия фигурирующих как постоянно «по пьянству мелочно» нарушающих правила, позволяет

²⁶ ГАКК. Ф. 244. Оп. 1. Д. 87 и др.

²⁷ ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 2. Л. 33, 35, 46 и др.

²⁸ ГАКК. Ф. 546. Оп. 1. Д. 280. Л. 1–8.

Жители деревни Пьянково Канского уезда. В первом ряду – камасинцы. 1925 г.
Фотограф А. В. Кудрявцев. КККМ НЕГ 6309. ГК № 20231076

сделать еще один вывод. В картине мира крестьян середины XIX в. при вынесении сходом единогласного приговора негативная оценка пьянства признавалась «отягчающим вину обстоятельством». К началу XX в. в самосознании старожилков появилась выраженная снисходительность и установка на «порицание на сходе», «беседы старосты» или оправдание поступка, совершенного «в пьяном виде и по глупости». Как видим, падение нравственности в среде сибирской молодежи вызвано и резким снижением традиционных «дедовских» критериев «правильного человека».

В самосознании приенисейских крестьян, в представлениях о специфике коллективных форм социальной жизни вплоть до второй половины XIX в. выборная должность сохранялась как «присяжная должность» общества. Но в последней трети XIX в. в сознании крестьян Енисейской губернии появляются представления о непрременной обязанности службы «обществу» в контексте «круговой поруки». При увольнении от должности «кандидата д. Ильинской Прокопия Васильева Потылицына» в 1868 г. по причине переезда в другое село «непрременным» условием становится «замещение избранного на эту должность его брата, крестьянина Степана Васильева Потылицына»²⁹. Мы отметили появление в волостных документах как новых формулировок, так и в характеристиках – новых привествуемых качеств должностных лиц. При избрании кандидатом (заместителем) старшины с. Дербинского Балахтинской волости Гаврила Ильина Колегова

²⁹ ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 671. Л. 34.

Группа переселенцев в селе Бирюса. 1920-е гг.

Фотограф А. С. Сыромятников. КККМ НЕГ 2675. ГК № 17803242

в приговоре особо выделено, что в нем «есть качество обязательности»³⁰. В том же 1876 г. в одном из крестьянских общественных приговоров появляется дополнение: «За благонадежность при исполнении службы мы ручаемся, и в случае растраты им казенных сумм мы ручаемся... принимаем ответственность на себя»³¹. Сообщинники в знак уважения и сохранения достоинства выбранного человека записали в приговоре «за благонадежность мы ручаемся...», но долю ответственности при этом приняли на себя. В том же 1876 г. в процессе согласования множества мнений (крестьян трех селений Балахтинской волости) при избрании «доверенного по общественной гоньбе» встал вопрос о «справедливости к крестьянам и честности за казенные деньги». То, что крестьяне долго спорили о выборе «благонадежного» человека, зафиксировано в приговоре: «...имели между прочими крестьянами долгое суждение об избрании... Игнатия Иванова Полежаева»³².

В последней четверти XIX в. выявляется снижение ценности общинного самоуправления в самосознании приенисейских крестьян. Источники зафиксировали и установки сознания на минимализацию обязанностей крестьян в «согласительном» типе отношений с «обществом». Волостные старшины и кандидаты начинают неоднократно обращаться с просьбами

³⁰ ГАКК. Ф. 546. Оп. 53. Д. 530. Л. 54.

³¹ ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 671. Л. 3.

³² ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 761. Л. 16.

о различных послаблениях в несении общественных служб, «дабы укрепить свое хозяйство». Старшина Исай Григорьев Ермолаев так обосновал свою просьбу в 1876 году: «Дабы направить и не уронить хозяйство, я имею честь просить отпуск с августа по 15 октября»³³. Едва намечавшаяся угроза домохозяйству заставляла крестьянина полностью отказываться от исполнения общественной должности. В 1879 г. «кандидат волостного старшины Ключинской деревни Балахтинской волости... по наставшему одиночеству и расстраивающему хозяйству, которое может прийти в совершенный упадок», был поддержан в просьбе односельчанами и переизбран. Новый кандидат избран с условием, что «может исполнять должность без утруждения своего хозяйства»³⁴. С аналогичной просьбой с таким же обоснованием обратился к сходу кандидат сельского старшины Иннокентий Сешнев: «...просил нас избрать вместо него по случаю болезни и взятия его брата в военную службу, дабы требует хозяйство его поддержки и не пришло в крайнее разорение»³⁵.

Таким образом, в источниках последней четверти XIX в. зафиксировано превалирование индивидуально-семейных ценностей над общественными в картине мира приенисейских крестьян. Данное явление подтверждает общую тенденцию в ориентации крестьянского хозяйства на рынок под воздействием факторов индустриальной модернизации. Снижение ценности общественных служб в ментальных представлениях крестьян-старожилов подтверждается и новыми, менее серьезными требованиями к возрасту мужчин, избираемых на общественные должности. Если в начале XIX в. на ответственные службы на сходах избирались лица не моложе 40–45 лет, то теперь нередко 26–30-летние сельские старшины и кандидаты³⁶. Впрочем, если для выборных лиц вопрос вставал об обращении с крупными суммами «казенных» или «общественных» денег, по-прежнему оговаривались качества «честности» и возраст 40–45 лет.

Источники доказывают, что в последнее десятилетие XIX в. термин «общество» применяется все более по отношению к выборной администрации. Когда крестьянину И. Е. Е. из ангарской д. Заимской в результате неточного наделения землей «была нанесена обида», он подал иск в волостной суд на сельское общество (!), ввиду того что его «обделили на 1/8 десятины». Общинная администрация (ответчик) признала ошибку и просила суд вынести решение: «В будущем 1890 году выдать истцу земли в удвоенном количестве, то есть не 1/8, а 1/4 десятины» в знак «признания вины». Аналогичное признание представлений о равенстве юридических прав находим во многих других судебных документах. В 1891 г. произошла потрава посевов крестьянина по вине «общества», так как последнее «не обеспечило сохранности поскотины вокруг деревни». Оно и возместило домохозяйину нанесенный ущерб³⁷. Эволюция оценки «общественных служб» от «присяжной» должности к «обязанности» завершается тем, что

³³ ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 671. Л. 2 об.

³⁴ ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 671. Л. 4.

³⁵ ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 671. Л. 7.

³⁶ ГАКК. Ф. 595. Оп. 46. Д. 29. Л. 119.

³⁷ ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 298. Л. 49.

Сельские старосты. В центре – крестьянин Гавриил Лазицкий. 1890–1900-е гг.
КККМ ОФ 4999/3. ГК № 26894468

Причисление к общине. Мирской приговор

«Мы, нижеподписавшиеся, Енисейской губернии Ачинского уезда Ужурской волости деревни Соксинской крестьяне, не бывалые под судом, будучи на мирской сходке, учинили сей приговор 1876 года марта 28 дня, о приеме Захара Васильева Власова 24 лет с женою Анной Филипповой 21 года и рожденными... Авдотьей 4 лет, Марией 1,5 года и матерью Феодосьею Матвеевой Власовой 70 лет в среду нашего общества. Казенный крестьянин Захар Васильев Власов, проживая в нашей деревне, ведет себя прилично, под судом не был, завел себе домообзаводство... Приговорили: принять <...> в среду нашего общества на всег-дашнее жительство».

За причисление в «общество» крестьянин-переселенец платил:

1. За приемный договор	30 руб.
2. Угощение общества	7 руб.
3. Почтовые и гербовые расходы	3 руб.
4. Общественникам и старосте	3 руб.
5. Сельскому писарю за прошение	3 руб.
6. Волостному писарю	4 руб.
Всего:	50 руб.

в 90-х гг. XIX в. начинает превалировать негативное отношение к ним как «виду повинности»³⁸. Окончательно негативное восприятие общинных должностей закрепилось в сознании в годы Первой мировой войны, когда выборная администрация общин была прямо вовлечена государством в выполнение насильственных фискально-репрессивных мероприятий. Прекрасный знаток крестьянской жизни этого периода, один из лидеров сибирских эсеров Е. Колосов отмечал, что к 1917 г. в Енисейской губернии «выбирали на общинные должности» в отместку, желая «насолить» кому следует, кто в неприязни у «общества»³⁹.

Таким образом, с позиций установок этнических констант выборная общинная власть в сознании сибирских крестьян-старожилов вначале была неотъемлемой частью компонента «мы», затем переместилась в содержание компонента «условия...». Представления картины мира крестьян-старожилов о функциональном предназначении общины базировались на постулате «пользы» при взаимодействии с внешним миром. Осознавая общину как корпоративное объединение, картина мира крестьян-старожилов выделяла лиц на границе взаимодействия с внешними факторами, то есть тех, кому делегировалось право представлять «общество». «Общество» на стадии оформления из большой патриархальной семьи («однопородной деревни») соответствовало компоненту «мы». Первоначально «присяжная» должность являлась важным «условием...» защиты корпоративных интересов всего «мира». Во второй половине XIX в. содержание компонента «мы» все более начинает включать в себя не столько общину, сколько семью и родственников. Следовательно, избрание на должность означало временный уход за пределы «своего» мира в состав власти. «Общество» начинает соотноситься с компонентом «условий...» обеспечения стабильности мира. В данной связи термин «общество» олицетворяет вначале сход, затем представителей волостной и сельской власти. В конце XIX в. в ментальных оценках старожилов волостные и сельские старшины эволюционируют в состав элементов государственной структуры управления. Мирские должности воспринимаются в картине мира не иначе как «повинности». На основе оценок Е. Колосова лица, избранные на выборные должности по признакам неприязни «у общества» в начале XX в., более соответствовали по своим качествам компоненту «они». Естественно, и функция «служения обществу» к концу XIX в. более замещается мотивацией личных и семейно-корпоративных установок, в том числе корыстных.

С «пограничных» позиций самосознания важное место в представлениях о «чести общества» занимали традиционные установки на избавление от «порочных» крестьян и поселенцев, позоривших крестьянский коллектив. Испытанным методом являлось изгнание их из селения по решению схода. Так, в 1887 г. старожилами д. Скрипочниково Ачинского округа был выселен «крестьянин из поселенческих детей Семен Данилов Ильин

³⁸ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутск, 1893. Т. IV. Вып. 5. С. 300.

³⁹ Колосов Е. Е. Сибирь при Колчаке. Воспоминания, материалы, документы. Былое, 1923. С. 26.

Персонал Большеулуйского волостного правления. До 1914 г.

На столе стоит треугольная призма, увенчанная двуглавым орлом с тремя указами Петра I на гранях. Зерцало было непременной принадлежностью каждого присутственного места и символом государственной власти в нем.

Фотограф Н. А. Пиккулович. КККМ НЕГ 4620. ГК № 38007516

за казнокрадство и кражу имущества инородца Кукарцева, нашего сообщинника». Приговор сельского схода гласил: «Мы, принимая во внимание, что [Ильин] поведения неодобрительного, занимающийся постоянно кражами, пьянством и вообще развратной жизнью... не может быть больше терпим в нашем обществе». Крестьяне подчеркивали, что «хотя мы и принимали меры к исправлению поведения, но все это осталось безуспешным...»⁴⁰. В данном случае интересы «инородца», члена общины, оказались защищены, так как он был «свой» по нравственному поведению, в отличие от Ильина. Поэтому наряду с указанием происхождения данного крестьянина (из поселенческих детей) оговаривается мотивация наказания из-за дальнейшей его «нетерпимости в обществе».

С позиций негативной ментальной оценки поведения человека типичным является приговор сельского схода с. Емельяново Заледеевской волости о выселении поселенца Петра Кунгурова: «В деревне не имеет домообзаводства, определенных занятий, замечен неоднократно в худых поступках и за покушение на изнасилование». В декабре 1895 г. волостной сход утвердил решение сельского общества⁴¹. Здесь на первом месте стоит мен-

⁴⁰ ГАКК. Ф. 595. Оп. 46. Д. 53. Л. 2, 3, 3 об., 37.

⁴¹ ГАКК. Ф. 595. Оп. 28. Д. 53. Л. 1-17 об.

Крестьяне-переселенцы Минусинского уезда у временного жилья. Начало XX в.
КККМ

тальная оценка неприятия не только поступков поселенца, но, более того, отсутствия «домообзаводства и определенных занятий». Это свидетельство нравственной оценки человека «обществом» по его отношению к труду.

При этом широкий круг архивных источников отражает выраженную тенденцию роста числа дел «о выселениях» в течение исследуемого периода. В архивных источниках первой половины XIX в. мы находим единичные приговоры сельских и волостных сходов данной тематики, в основном касающиеся ссыльнопоселенцев. Количество приговоров о выселении «крестьян и переселенцев порочного поведения» из старожильческих селений Енисейской губернии резко возросло в конце XIX в.⁴²

Результаты наших исследований коррелируют свидетельства современников и исследователей о том, что в конце XIX в. старожилы все более замыкаются в своих мирах. Доказывается и факт углубления тенденции к заключению браков внутри нескольких старожильческих родов. Так, вплоть до 1920-х гг. в с. Балахтон Ачинского уезда старожилы Патрушевы, Вараксины, Мамаевы, Тяжельниковы, Марьины предпочитали «родниться между своими». В селениях Имисское, Бугуртак, Жербатское Минусинского уезда в конце 80-х гг. XIX в. усилились противоречия между

⁴² Например: ГАКК. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1348 (1833 г., «О поселенцах худого поведения»); Там же: Ф. 608. Оп. 1. Д. 3984 (1842 г., «О выселении порочных людей из поселения»); Там же: Ф. 344. Оп. 1. Д. 133 (1837 г., «О высылке порочных и взысканиях»).

крупными родами крестьян-старожилов. В с. Имисском словесные перепалки на сходах между представителями семейных «кланов» иногда доходили до открытых столкновений. Несколько родов сохраняли нейтралитет, но большинство отдельных семейств вынуждены были под давлением сторон определяться с выбором. Поэтому «раскол» проходил через все сельское «общество». Однако в земельных спорах с соседними можарскими крестьянами все старожилы выступали сообща. В том же с. Имисском Минусинского уезда вплоть до 1890-х гг. на ключевые должности избирались члены старожильческих «кланов» (Евдокимовы, Хохловы, Скурихины, Поповы). Позднее избираются переселенцы из бывших помещичьих крестьян (Евлюковы, Журавлевы и др.).

Результаты исследований подтвердили и факт изменения отношения к выборным должностям и нарастание внутреннего раскола между старожильческими родами⁴³.

Таким образом, в течение первой половины XIX в. в представлениях картины мира сибирских крестьян продолжали сохраняться ментальные установки ценности «однопородной деревни», выросшей из большой патриархальной семьи. В правилах отношений между членами общины отражались выраженные оценки традиционного сознания о корпоративности и иерархичности сообщников, прежде всего, «по родству». Характер мотивированных ценностей картины мира крестьян-старожилов выстраивал систему алгоритмов позитивного социального поведения в среде «своих».

Во второй половине XIX в. также нарастает тенденция консолидации старожилов в целях борьбы с нарушителями традиций. Резкое увеличение количества выселенных из старожильческих селений ставило задачу усиления воспитывающей роли семьи. В последней четверти XIX в. в ценностных воззрениях все более превалируют ценности семьи, отдельного домохозяина, но не коллективные и общинные в целом. Границы корпоративной ментальности «мы» сужаются до размеров семьи и круга родственников.

В картине мира приенисейских крестьян сохранялись сострадание и установки помощи по отношению к тем сообщникам, кто нуждался в социальной поддержке. Выборная власть неосознанно воспринималась частью компонента «условий» благополучия «общества». Одновременно коллективная ментальность влияла на психику крестьян-переселенцев, психологически социализируя в сообщество «своих». Выборная власть в общине все более воспринимается как тягость, вид повинности, и к концу XIX в. снижается ценность самой службы в воззрениях крестьян. Однако по-прежнему в представлениях крестьян община продолжает выполнять важнейшую функцию корпоративного органа, защищавшего отдельные домохозяйства от посягательств со стороны.

⁴³ Данные информаторов-старожилов: Л. С. Алешичкина, Д. П. Глушкова, С. С. Евлюковой (Скурихиной), Н. И. Евдокимова, С. М. Левахина, Ф. С. Пружинина, А. И. Пружининой (с. Имисское Курагинского района); Н. И. Вараксина, П. И. Мамаева, Т. И. Вараксиной, В. А. Аристова и др. (с. Балахтон Козульского района Красноярского края).

ТРАДИЦИИ ОБЫЧНОГО ПРАВА

Ключевой особенностью жизни общества в традиционное время всегда было неукоснительное следование предписаниям обычаев и «заветам предков». Они воспроизводились из поколения в поколение, охранялись общественным мнением и содержали широкий комплекс правовых, нравственных, религиозных и социальных представлений. Правила регулирования трудовой деятельности, общественного, семейного и межличностного бытия находят свое отражение в традициях обычного права.

Обычное право – совокупность норм неписанных старинных традиций, обычаев, правил поведения, регулирующих отношения в социуме.

Обычное право входит в перечень высших достижений народной культуры любого этноса. Многие историки и ученые-правоведы подчеркивают, что даже сейчас, в XXI в., «существуют важные области права, в которых в силу различных причин вообще отсутствует правовое регулирование либо оно ограничивается общей отсылкой или рамочными нормами»¹. Для современной науки обращение к народным традициям характерно в контексте социальной истории, истории повседневности, микроистории.

Традиции обычного права играли заметную роль в повседневной жизни и даже в значимых событиях отечественной истории с древности: «Имяху бо обычаи свои и законъ отец своих и преданья кождо свои нравъ. Поляне бо своих отец обычаи имуть кротокъ и тихъ и стыдѣние». И спустя полтысячи лет в Сибири, в условиях отдаленности от центра, локальной замкнутости, экономической независимости и большей личной свободы, обычное право продолжало выполнять свои функции в социумах русских старожилов.

¹ Подольская Н. А. Является ли судебная практика источником российского права? // Журнал российского права. 2000. № 12. С. 80.

В сочинениях XVIII–XIX и даже начала XX в. подробно описан русский старожил, чья жизнь отличается особенностями жесткой регламентации установок поведения, традициями и обычаями. Авторы едины в признании полного господства обычного права в отдаленных общинах и селениях. В советский и постсоветский периоды по максимуму были изучены правовые традиции русских крестьян Западной Сибири с анализом влияния на повседневную жизнь².

Изучение проблемы обычного права в субэтнической культуре русских старожилов Приенисейского края и его отражение в ментальности отражено в монографии о традиционном сознании сибиряков. В ряде публикаций нами был представлен опыт изучения особенностей обычного права в общине крестьян Приангарья в тех сферах, где были слабы или не действовали нормы законов Российской империи, но судебные дела решались по традиции³. Применительно ко всем локальным территориям «Русской Сибири» мы представляем в данном очерке действие обычного права в приангарской деревне второй половины XIX – начала XX в., зафиксированного в документах личного фонда известного этнографа ИРГО Антона Александровича Савельева⁴.

Его личный фонд в Государственном архиве Красноярского края насчитывает 33 единицы хранения, из которых нами использованы документы единицы хранения № 21 «Материалы волостного суда Пинчугской волости Енисейской губернии, собранные Антоном Александровичем Савельевым,

² Арефьев В. В низовьях Ангары // Сиб. сб. Иркутск, 1900–1901. Вып. 1–2; Виноградов Г. Поверья и обряды крестьян-сибиряков // Сибирский архив. Иркутск, 1915. Кн. 3; Костров Н. А. Юридические обычаи крестьян старожилов Томской губернии. Томск, 1876; Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865. 2 т.; Латкин Н. В. Красноярский округ Енисейской губернии. СПб., 1890; Макаренко А. А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. СПб., 1913; Потанин Г. Н. Из записной книжки сибиряка // Литературное наследие Сибири. Новосибирск, 1986; Щалов А. П. Собрание сочинений. Дополнительный том. Иркутск, 1937; Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991; Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975; Зверев В. А. Дети отцам замена. Новосибирск, 1989; Миненко Н. А. Живая старина: будни и праздники сибирской деревни в XVIII – первой половине XIX века. – Новосибирск, 1989; Сабурова Л. М. Быт и культура русского населения Приангарья (конец XIX–XX в.). Л., 1967.

³ Андюсов Б. Е. Материалы волостного суда фонда А. А. Савельева как источник по изучению правовых традиций приангарской деревни // Девятыне Байкальские международные чтения. Материалы: в 2 томах. Иркутск, ФГБОУ «Иркутский государственный университет». 2016. С. 88–96.; Андюсов Б. Е. Отношения собственности в нормах обычного права в крестьянской общине Приангарья второй половины XIX – начала XX в. // Гришаевские чтения. Материалы II национальной научной конференции, посвященной памяти д.и.н., проф. Василия Васильевича Гришаева. Красноярск, КрасГАУ, 2019. С. 40–46. и др.

⁴ Антон Александрович Савельев родился в 1883 г. в семье крестьян Витебской губернии. В период политической ссылки в 1908–1917 гг. в Пинчугской волости Енисейского уезда Енисейской губернии им были сделаны записи примет, обычаев, поверий старожилов. Он собирал отписки судебных дел 1880–1890-х гг., делал записи в ходе судебных заседаний, щепетильно фиксировал отдельные нюансы местного судопроизводства, казусы, касающиеся противоречий между нормами законов и местными традициями.

бывшим в течение года секретарем волостного суда»⁵. Источники разнообразны по степени информативности, но рождены крестьянской средой («так здесь принято», «согласно местным обычаям»). Здесь сохраниены «приговоры» сельских и волостных сходов, волостного суда, представленные записями судебных заседаний или копиями-отпусками. В них показано, как «общество» разрешало споры, межевало землю, производило расчет повинностей, рассматривало жалобы, прошения, выносило наказания. В документах зафиксированы формулировки просьб, описания обстоятельств дел, условий их возникновения, а решения даны часто со ссылкой на «обычай в нашем селении и волости». Взятые в совокупности с результатами наших полевых исследований, источники фонда А. А. Савельева позволяют достаточно полно и объективно изучить вопрос о роли традиций в среде крестьян-старожилов Енисейского Приангарья.

В основе обычного права русских лежал исконный принцип справедливости в спорных ситуациях; решение всех дел в большинстве случаев обуславливало примирение сторон на основе постулата — «так старики велели». На нормы обычного права в изучаемый период оказывали воздействие как замкнутые семейно-родовые связи «однопородного» преваширования старожильческих родов, так и начавшиеся процессы модернизации⁶. Примечательно, что «общество» (община) всегда определяется как «наше», а старожилы именуют себя «нашего общества государственные крестьяне». В изучаемый период член «общества» предстает в лице налогоплательщика — «бойца», домохозяина, наделенного кругом прав и обязанностей. Особо подчеркивается высокий уровень нравственности старожила: «Мы избегаем порочных людей». Источники выделяют черты «порочности»: «дурное поведение», «ссорливость в обществе», «развратная жизнь», «ленивец» и «гуляка»⁷.

Действие обычного права распространялось на всех жителей селения, на старожилов — членов общины и переселенцев. Контроль и разбирательство по искам осуществлялось общинным судом, одной из форм которого в селах Приенисейского края был «суд стариков». Суд состоял из старосты и трех-четырех крестьян-общественников с хорошей репутацией, не моложе 45–55 лет. Задача суда состояла в том, чтобы рассудить «по справедливости» дела, в которых не фигурировали покушения на жизнь и здоровье человека, посягательства на собственность в крупных размерах. Маловажные дела, такие как брань, драки, побои, ссоры, согласно обычаям, разбирали и сельские старосты. Иногда требуемое решение находили выборные «сотские» или «десятские» своего околотка или улицы.

В документах Пинчугской волости, собранных А. А. Савельевым, постоянно фигурируют требования, «каким человеком должно быть в общине», например, выборным на должность: «Домохозяин, семьянин... нравственного поведения... законопослушен... не моложе 30 лет». «Поведения

⁵ Личный фонд А. А. Савельева. ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21.

⁶ Сабурова Л. М. Быт и культура русского населения Приангарья (конец XIX — XX в.). Л., 1967. С. 165.

⁷ Там же. С. 171–172.

хорошего, под судом и штрафах не бывал»⁸. Подобные ценностные и значимые критерии «образцового домохозяина» служили примером в воспитании молодежи, для формирования самооценки крестьян в труде, в семье, в обществе. Самооценка была важной мотивацией на приобретение в глазах односельчан негласного «звания славутного человека», условием активной позиции в защите своего «честного имени». Самосознание мотивировало общинника на открытую борьбу за свои права против «ябед, обид, оскорблений и несправедливых разбирательств», на умение дать отпор покушениям на достоинство и честь⁹. Традиции «защиты себя, семьи и чести рода» были согласованы с общими нормами неписанного обычного права в виде запретов и конкретных мер наказания «по образцам», то есть по имевшим в старину прецедентам решений в хранившихся в памяти «блюдетелей старины». Здесь крестьянский мир взаимодействовал с человеком по «старине» на условиях паритетного равенства в честном соблюдении прав и обязанностей.

В реальной жизни обычно-правовые традиции были представлены в виде повторяющихся правил поведения, в основном разрешающих большую часть ситуаций, могущих возникнуть в повседневной практике. Во взаимосвязи традиций с рациональными представлениями и жизненным опытом крестьян воспроизводилась трудовая деятельность и этика хозяйственной жизни. Историк Н. А. Миненко отмечает: «В хозяйственной деятельности сибирский крестьянин ориентировался на тот комплекс традиций и правил земледелия, который был выработан предшествующими поколениями»¹⁰.

Например, это могло касаться нарушений в поземельных отношениях. Когда ангарскому крестьянину в результате неточного наделения землей «была нанесена обида», он подал иск на свое «сельское общество» в волостной суд. В ходе судебного разбирательства сельское общество признало свою ошибку. Итоговое решение волостного суда было таким: «В будущем 1889 году выдать истцу земли в удвоенном количестве в знак „признания вины общества“»¹¹. Как видим, ответчик (сельское общество) не только возместил старожилу материальный ущерб, но и в виде второй половины «удвоенного» надела загладил вину за моральную «обиду» в поспорию прав общинника.

Признание равенства юридических прав общины и старожилы находим и в других судебных документах. Так, в 1891 г. при потраве посевов крестьянина по вине «сельского общества», что «не обеспечило сохранности поскотины вокруг деревни», оно по решению суда возместило домохозяину нанесенный ущерб¹². Здесь мы ясно видим не только стремление «общества» разрешить конфликт «по справедливости», но и публичное признание вины перед личностью. Человек добивался правды не только потому,

⁸ ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 2. Л. 9–11.

⁹ ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21.

¹⁰ Миненко Н. А. Культура русских крестьян Зауралья, XVIII – первая половина XIX в. М., 1991.

¹¹ ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21. Л. 70.

¹² Там же. Л. 74.

что был прав, но и имел полное право «наказать общество» за ошибку путем дотошного подсчета меры ущерба и возмещения по подобным же нормам. «Судятся истец крестьянин деревни Заимской Н. Е. С. и ответчик сельское общество деревни Заимской. Истец заявил, что ответчик, производя передел земель, обделил его на $\frac{1}{8}$ десятины. Ответчики объяснили и признали, что обдел произошел по ошибке, потому суд постановил: выдать истцу землю не $\frac{1}{8}$ десятины, а $\frac{1}{4}$ десятины земли»¹³.

В селениях Приангарья еще в конце XIX века условия землепользования регулировались «по старине»: «Истец крестьянин деревни Иркинеева М. С. Л. и ответчик П. П. Л. Истец показал, что ответчик пользуется $\frac{3}{4}$ десятины сенокоса, принадлежащему по обычному праву не ответчику, а ему истцу, так как эта земля была расчищена его дядей отставным солдатом М. Л., ныне умершим. Поэтому истец просит упомянутую землю отобрать у ответчика и возратить ему. <...> Волостной суд постановил: $\frac{3}{4}$ сенокосной расчищенной земли отобрать у ответчика и возратить истцу»¹⁴.

В большей части дел, рассматриваемых Пинчугским волостным судом, фигурируют изначально спорные, вызванные требованием истца возместить ущерб в полном соответствии с обычками по вине ответчика. Например: «Истец крестьянин деревни Каменской И. Т. и ответчик С. Н. Т. Истец показал, что ответчик скосил его траву на копеек 40, хотя и неумышленно, но возратить скошенную траву отказался. Ответчик признал иск правильным, но удовлетворить добровольно отказывается. И потому Волостной суд постановил скосить истцу у ответчика травы на 40 копеек и дело считать поконченным». «Истец крестьянин села Рыбного Р. К. и ответчик С. Л. Истец заявил, что лошадьми ответчика потравлено хлеба в количестве (примерно) 18 пудов. И просит упомянутое количество взыскать в его пользу. Ответчик предъявленный иск признал правильным и спора не заявил. Волостной суд постановил взыскать с ответчика в пользу истца 18 пудов овса, что и было исполнено»¹⁵.

Принцип равного возмещения понесенного ущерба фигурирует и в возмещении вложенного труда. Яркое свидетельство тому следующее дело: «Крестьянин деревни Гонькиной А. Р. Т. и ответчик Н. Ч. Т. Истец объяснил, что ответчик поехал на заимку и по неосторожности сжег „ригу“, принадлежащую им обоим. Он просит суд принудить ответчика построить новую ригу с тем, чтобы она принадлежала обоим. Ответчик признал себя виновным, но просит истца помочь ему в постройке. Волостной суд постановил обязать ответчика выстроить новую ригу с тем, чтобы истец ею пользовался на равных основаниях с ответчиком»¹⁶. Здесь соблюдено требование «возмещения» и равенства вложенного труда на основе постройки новой риги ответчиком, но при участии истца.

Вместе с тем, согласно правилам волостного судопроизводства, адекватное возмещение суммы ущерба наступало только после его подсчета

¹³ ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21. Л. 29.

¹⁴ Там же. Л. 35.

¹⁵ Там же. Л. 37.

¹⁶ Там же. Л. 47.

на основе тщательно проведенного расследования. Об этом говорит решение: «Истец И. Д. М. и ответчик крестьянин той же деревни Каменской П. М. Г. Истец показал, что лошади ответчика потравили овес истца в количестве до 17 пудов. При расследовании дела выяснилось, что потравлено 12 пудов овса. А посему Волостной суд постановил изыскать с ответчика 12 пудов и удовлетворить истца»¹⁷.

Педантичность предписаний обычного права проявлялась особенно рельефно в ходе судебных разбирательств при оценке ущерба, нанесенного крестьянскому хозяйству. На основании архивных источников судебного секретаря А. А. Савельева мы можем выделить способы и денежные расходы на разрешение конфликтных ситуаций в селениях Богучанской волости Енисейской губернии. За потраву посевов лошадьми оюдносельчан могли потребовать компенсацию. В расчет брались площади «потравы», расчет будущего урожая с этой площади в ежегодном умолите в пудах. Все это переводилось в денежную форму в рублях и копейках вплоть до «½ копейки». Когда истец и ответчик приходили к взаимному согласию, производился расчет. Часто добавлялась фраза «примирение запить вином и закрепить рукопожатием». Доходило до крайне мелочной росписи в оценках ущерба и соответственного дробного, но максимально полного возмещения. Например, «11 собак 7 крестьян... задавили 3 овец». Волостной суд взыскал с ответчиков каждой собаки: 1,09 руб., 1,09 руб., 1,09 руб., 54,5 коп., 54,5 коп., 1,09 руб., 54,5 коп.»¹⁸.

На рубеже XIX – начала XX в. отразились в ряде решений Пинчугского волостного суда и процессы вхождения старожилов в рыночные отношения. В подтверждение вхождения в обиход терминов купли-продажи земли А. А. Савельев приводит следующий документ: «Истец крестьянин деревни Заимской И. К. С. и ответчик В. А. С. Истец показал, что ответчик отобрал у него покосную землю в количестве $\frac{1}{16}$ десятины, которая ранее того была продана ответчиком и его отцом истцу. А посему волостной суд постановил означенную землю передать истцу»¹⁹.

Вместе с тем А. А. Савельев приводит и доказательства смешения старинных норм обычного права на равное возмещение труда и собственности, со сложными расчетами учета в новых рыночных условиях купли-продажи земли. Разобраться в хитросплетениях аргументов и доказательств крайне сложно и нам, но для Пинчугского суда было вполне решаемо: «Истец крестьянин села Чадобского З. К. и ответчик крестьянин Б. Х. Истец показывает, что ответчик якобы захватил $\frac{3}{8}$ десятины пахотной земли в новинах, причем выяснилось, что ответчик купил эту землю от племянника истца, крестьянина деревни Залидьевой Е. К., на неопределенное время, как его собственность. Но проситель пользуется тем случаем, что Е. К. теперь числится в селе Залидьевском и, следовательно, по закону лишен права на пользование землей, находящейся в дачах крестьянина села Чадобского – эту землю как наследственную от ответчика

¹⁷ Там же. Л. 22

¹⁸ Там же. Л. 20.

¹⁹ Там же. Л. 39.

Типичный пример наказания на традициях обычного права общины

Особые усилия начинают прилагаться «мирами» по сохранению нравственности молодежи в условиях размывания принципов и ценностей традиционного общества на рубеже XIX–XX вв. Крайне интересен в данной связи неопубликованный источник об общественном наказании «крестьянских детей Василия Прилепова 20 лет и Григория Аржанова 17 лет», иллюстрирующий представления о способах борьбы за нравственные устои молодежи традиционными мерами. Вышеназванные молодые крестьяне обратились в суд с жалобой, что «когда в пьяном виде и по глупости... обрезали хвосты у 14 лошадей нашей Моисеевой деревни», то «крестьяне, чем отправить нас к приставу, собрали народ 150 домохозяев, повесили нам на шею обрезанный... конский волос и повели нас с барабанным боем по всей деревне... два раза, издеваясь над нами, а вся громадная толпа гоготала...» (ГАКК. Ф. 5956. Оп. 53. Д. 530. Л. 54). Даже при осознании серьезности проступка правонарушители посчитали данный вид наказания «слишком обидным и оскорбительным», предпочтя «лутший» выход — «отправить к приставу». При этом традиции стремились не наказанием родителей, а мерой «позора» самих молодых людей предупредить их более серьезные проступки в будущем.

отобрать желают в свою пользу; но Е. К., когда продал свою землю, жил от дяди отдельно. А так как ответчик изъявил согласие взамен этих $\frac{3}{8}$ десятины вычистить истцу в другом месте такое же количество земли, то Волостной суд определил землю в количестве $\frac{3}{8}$ десятины, купленную ответчиком от Е. К., оставить в пользовании ответчика, который обязуется такое же количество земли вычистить для истца. Истец же, в свою очередь, половинную часть вычищенной ответчиком земли должен выдать племяннику своему крестьянину села Чадобского А. К., предьявившему также свой иск»²⁰.

Оценка обстоятельств со всеми мельчайшими нюансами характеризует и такое решение волостного суда, опять же, по местным правилам. «Истец крестьянин села Чадобского В. К., ответчики крестьяне деревни Мадульской Д. и З. П. Истец заявил, что ответчик устранил его без всякого повода от участия в мельнице, 16-й пай которой они приобрели покупкой от крестьянина деревни Мадульской Я. П., компаньона ответчиков. И, следовательно, истец имеет право пользования мельницей 1 раз через 15 дней. Вследствие отказа ответчиков принять его в участие мельницей истец просит суд просьбу его удовлетворить. Ответчики говорили, что истец не имеет права пользоваться мельницей, но так как опровергнуть доводы истца не могли, то по запрошенным у стариков старым правилам согласились дать ему просимый в мельнице пай»²¹.

Подробные словесно-образные оценки качества индивидуального мелочного учета при выработке решения начинают подкрепляться мелочными, денежными расчетами. Источники А. А. Савельева отразили новые представления крестьян даже в оценке «трудовых» качеств животных.

²⁰ ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21. Л. 30.

²¹ Там же. Л. 69.

Например, согласно иску ангарского крестьянина А. М. к Ф. Р. по факту убийства ответчиком беспривязной охотничьей собаки вместо требуемых истцом 5 рублей волостным судом было взыскано 1 рубль 50 копеек. Мотивировка решения суда гласила: «Собака была не из удачных, не из „добычливых“ на охоте»²². В оценке по другому делу стоимость погибшей лошади вместо требуемых истцом 10 рублей была оценена волостным судом в 8 рублей, учитывая, что «была ленива в работе»²³.

Две ситуации разбирательств между «своими» и «своими и чужими» зафиксированы на одном листе «савельевских» документов о потраве посевов. В первом разбирательстве истец показал, что лошади ответчика «своего селения» потравили у него ярицу приблизительно на 4 пуда. Дознание показало, что лошади ответчика прошли через его же огород и что огород его был в неисправном виде. Поэтому суд постановил взыскать ясный ущерб в пользу истца. В выписке из другого дела узнаем, что истцы – крестьяне д. Карабульской показали, что лошади ответчиков из села Богучанского потравили хлеба в количестве: ржи – 20 пудов и овса – 5 пудов. Ответчики означенное количество согласились оплатить сполна²⁴.

В условиях контактов с другими «крестьянскими мирами» и справедливого посредничества при возникновении межобщинных споров представления крестьян-старожилов о функциональном предназначении волостного суда тем более базировались на постулате «пользы». И вновь согласно традициям – «как раньше было принято у стариков», противоречия разрешались по справедливости *на основе обычного права* без попыток «подыграть» одной из сторон. Вот одно из подобных разбирательств в документах фонда А. А. Савельева. «Истец доверенный от крестьян деревни Гольтявиной крестьянин В. Е. К. Ответчики из других селений в количестве 45 человек ввиду того, что самовольно разбили рыболовные ямы гольтявинцев». Пинчугский волостной суд, имея в виду, что было нарушено не менее семи условий пользования ямами, определил «с поименованных крестьян взыскать 100 руб. в пользу Гольтявинского общества» за моральную и материальную обиду²⁵. Как видим, в последней четверти XIX в. на Ангаре только по условиям пользования «рыбными ямами» действовали десятки неписанных правил, из которых семь были нарушены и в сумме стали мерой возмещения «гольтявинцам» материального и морального ущерба.

Еще более неприятная и поучительная для ответчиков ситуация вскрылась в другом решении Пинчугского волостного суда. «Истцы крестьяне доверенные Залидьевского сельского общества, ответчики доверенные Клименского сельского общества. Истцы просят взыскать 33 рубля с ответчиков за 33 овцы, потравленных собаками последних...» Судьи учли, что в ангарских селениях со старины действовал ежегодно возобновляемый на сходах словесный «выговор о цепном содержании собак в летнее

²² Там же. Л. 49.

²³ Там же. Л. 117.

²⁴ Там же. Л. 17.

²⁵ Там же. Л. 37.

время» (то есть общинный договор). На основании вскрытой на суде халатности клименовских крестьян в содержании собак «не должным образом» и массовой «потраве овец» ответчики были вынуждены заплатить «по одному рублю за каждую голову»²⁶.

Община в случаях посягательства на права и имущество строго подходила к притязаниям истцов с требованием неоспоримых доказательств их правоты. «Истец солдатская жена Иркутской губернии Алзамайской волости И. З. П. и ответчик крестьянин Пинчугской волости деревни Березиной П. Д. Н. Истица просит суд взыскать с ответчика 36 руб. за покупку товара, но истица доказательств не представила, и ввиду этого в просьбе было отказано»²⁷. Документы фонда А. А. Савельева содержат достаточно подобных дел о «разбирательствах» с неперемными свидетельскими показаниями. Так, в споре крестьян села Рыбного О. И. С. и И. Л. Т., на основе показаний свидетеля А. Т. суд постановил взыскать с ответчика 50 руб. вместо требуемых им 100 руб.²⁸

Как пример для наших современных непростых ситуаций в условиях кризиса служат выходы, найденные крестьянскими судьями в ситуациях

²⁶ ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21. Л. 43.

²⁷ Там же. Л. 64.

²⁸ Там же. Л. 66.

**Казенная винная лавка
в одном из селений Канского
уезда. 8 сентября 1904 г.**

Фотограф Г. М. Ковтунов.

КККМ НЕГ 4603. ГК № 38007501

затруднений с выплатой долга. В первой ситуации ответчик признал иск правильным, но от уплаты отказался за неимением средств. Волостной суд постановил взыскать с ответчика все 47 руб., но частями в разные сроки²⁹. Во втором случае, по иску в 31 рубль, «за неимением средств» было решено ответчика «отдать в работу на 6 месяцев»³⁰. В третьем случае для достижения «миролюбивого соглашения» по иску в 60 руб. была дана рассрочка на 3 года³¹.

Среди дел, решаемых Пинчугским волостным судом на основе обычного права, есть и два о регулировании найма работника. По обычаю, в ангарских селениях наем на срочковую работу производился «по рукобитию». В одном из них работник нарушил заключенный договор и вынужден был выплатить хозяину «принятую в таких случаях в селении» сумму в 3 руб.³²

Весь уклад быта крестьянского населения, сложившийся исторически, объяснял стремление крестьян подчиниться суду своих односельчан, если оно вполне соответствовало традиционным понятиям совести

²⁹ ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21. Л. 37.

³⁰ Там же. Л. 68.

³¹ Там же. Л. 1.

³² Там же. Л. 2 об.

и справедливости. Даже если оно и часто не имело ничего общего с формальным судом, «писанным законом». В качестве наиболее значимой оценочной категории в решении спорных дел не только о праве собственности, но и даже оценок личных качеств человека, в материалах судебных решений Пинчугского волостного суда выступает труд. Ценность личности и общественная оценка у сибирских старожилов определялась оценками крестьянского труда и трудолюбия. При этом наиболее значимым и почетным признавался труд земледельца. Так, в разбирательстве по наследственному делу в Богучанской волости выборные в 1874 г. признали: «Наследовать имущество сыну К., так как он в труде заслужил право достойного домохозяина, а его братья М. и П. шлялись по разным селениям как бездомные»³³.

Также подобные традиции обусловили существование в больших патриархальных семьях «судов семейных» или «судов сродственников». Конечно, они рассматривали исключительно проступки, совершенные членами семейства как в домашнем обиходе, так и вне его. При этом патриархальные обычаи допускали полную власть домохозяина над своими «домочадцами». Если дела получали огласку, выходили за пределы семьи, то «ни один суд не принимал от сына жалобу на отца, а на сына пожалуйста», — отмечали исследователи культуры ангарских крестьян³⁴.

На основе анализа отдельных выписок А. А. Савельева также можно изучать гендерно-семейные отношения. Свобода женщины отражалась прежде всего в возможности самой решать судьбу; зафиксирована в нормах обычного права: «Нельзя силком отдавать замуж. Хуже нет, как не в любви жить». Когда истец с. Богучанского потребовал «вернуть истраченные на смотрины» деньги в сумме 17 руб. 70 коп., то ответчик заявил, что «он согласился на свадьбу дочери без ее согласия». Волостной суд, учитывая «право выбора дочери по местным обычаям», постановил взыскать с нее только 7 руб.³⁵

Оценочные представления о правовом и имущественном статусе женщины обеспечивались продолжительностью замужества, наличием детей и ее равным с мужчиной участием в хозяйственной жизни семьи. Выписки из семейных или наследственных имущественных судебных тяжб Пинчугского волостного суда подробно свидетельствуют о материальной и финансовой формах оценки личной собственности женщины в семье³⁶. Чаще всего «по обычаю» в семье мужа приданое жены продолжало оставаться ее личной собственностью. Например, в случае трагичной ситуации смерти умершей дочери по решению суда муж возвратил личные вещи дочери истцам-родителям³⁷. В противоположной

³³ ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21. Л. 51.

³⁴ Арефьев В. В низовьях Ангары // Сибирский сборник. Иркутск, 1900–1901. Вып. 1–2. С. 128–130; Сабурова Л. М. Быт и культура русского населения Приангарья (конец XIX–XX в.). Л., 1967. С. 170.

³⁵ ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21. Л. 27 об.

³⁶ Там же. Л. 19 об.

³⁷ Там же. Л. 73.

ситуации смерти мужа, согласно «местным обычаям», вдова «наследовала дом, скот, земли и прочее»³⁸.

При разбирательстве тяжбы мужчины и женщины суд исходил из местных традиций, занимая сторону женщины. Так, один из документов А. А. Савельева свидетельствует об оправдании женщины, обвиненной в колдовстве по поводу «порчи» коровы. «Крестьянка А. А. была на моем дворе и что-то делала около коровы, которая после этого стала хиреть и потом пропала»³⁹. Так же поступил Пинчугский волостной суд, когда по иску крестьянки К. С. присудил некоего «молодца И. Д.» к штрафу в размере 5 руб. и требованию публичного искупления вины за «срывание с нее платка и осрамления ее перед людьми». Согласно местному обычаю, в решении суда зафиксировано, что И. Д. «опозорил поведением свой род и родителей»⁴⁰.

Таким образом, как в общине, так и в патриархальной семье сохранялись и воспроизводились ценностные традиции. Система запретов и пожеланий базировалась на постулатах: «Предки велели», «старики нас учили», «старики на это так смотрели». Крестьянский мир Приенисейского края, и особенно таежных районов Приангарья, на рубеже XIX–XX вв. продолжал сохранять юридические обычаи, выработанные их предками еще в «России» и видоизмененные в Сибири («в нашей местности»). Позиция «общества», решения волостного суда или суда стариков вполне соответствовали нормам народной морали, дедовским традициям. Описанные нами юридические ситуации на основе местных обычаев народного права Пинчугской волости это вполне доказывают.

По мере развития товарно-денежных отношений в ангарских селениях, массовых разделов больших патриархальных семей, возросшей мобильности населения, роста грамотности и образованности традиционный уклад все более разрушается. Причинами угасания жесткого регулирования уклада жизни нормами обычного права также было влияние усиления притока новых российских переселенцев. Они несли с собой в Сибирь не только рыночные правила, но иные традиции и подчиненность юридическим нормам законов Российской империи. В конечном итоге в 1-й четверти XX в. процессы модернизации, участвовавшие связи с городом, известные политические события постепенно включали крестьян в пространство государственных законов, существенно вытесняя из повседневного обихода народные юридические обычаи.

Человеческая природа такова, что даже в условиях идеальных законов в обществе на уровне повседневности во многом люди руководствуются обычаями и «традициями предков». Поэтому при разработке тех или иных законов важно учитывать степень взаимодействия их с обычнo-правовыми аналогами. Это может быть условиями принятия новаций или, наоборот, правового «саботажа» с постоянными эксцессами и конфликтами с устоявшимися традициями. Поэтому не случайно мы видим незабываемое внимание к проблемам научного осмысления обычного права.

³⁸ ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 21. Л. 29.

³⁹ Там же. Л. 24 об.

⁴⁰ Там же. Л. 32–32 об.

Очерк восьмой

МАТЕРИАЛЬНЫЙ МИР СИБИРЯКА

Выработанная в ходе эволюции народа система представлений о правилах и способах взаимодействия с окружающей средой является важным компонентом культурных традиций, своеобразной программой «освоения условий существования и воспроизводства условий жизнедеятельности». На «новозанятых» сибирских землях опирались на предыдущие знания, навыки и достижения культуры¹. Конкретное содержание данных представлений о «способах» воздействия на враждебную среду «заранее предусматривали большую часть ситуаций, могущих возникнуть перед человеком в повседневной практике». Культурные традиции подсознательно влияли на формирование материально-хозяйственной инфраструктуры в ходе освоения Сибири в XVII–XVIII вв. Вывод историка Н. А. Миненко гласит: «В хозяйственной деятельности сибирский крестьянин ориентировался на тот комплекс традиций земледелия, который был выработан предшествующими поколениями»². Исследования доказали, что уже в течение первого столетия в Сибири русскими переселенцами была разработана новая технология пашенного земледелия, новые трудовые навыки и правила трудовой этики³. Однако сибирское экстенсивное земледелие в советской истории постоянно было объектом критики. Здесь трудно, на наш взгляд, судить, что более современно,

¹ Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб.: Лань, 2000. С. 15, 240–241.

² Миненко Н. А. Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян Сибири в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1991. С. 64.

³ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982; Миненко Н. А. Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян Сибири в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1991; Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 26–38 и др.

а что архаично в технологиях земледелия и хозяйствования. Для нас важно формирование такой системы хозяйства, которая полностью соответствовала ответам на вызовы окружающих факторов в их взаимной согласованности.

В подтверждение нашей позиции необходимо рассмотреть проблему глазами современников. Авторы прагматичных оценок свидетельствовали: «Плохо ведет большая часть сибирских старожилов свое хозяйство — по старинке, и все же оно приспособлено (выделено нами. — Б. А.) к местным условиям»⁴. Этнограф С. П. Капустин подчеркивал: «При обсуждении хозяйства в Сибири надобно всегда обращать внимание на условия... страны. ...Те мерки, которыми мы привыкли мерить в Западной Европе или в России, здесь неприемлемы. Из многого того, что разумно и пригодно там, будет нерационально и вредно здесь»⁵. В течение XVII–XIX вв. старожилы «почти все оставили посевы ржи и сеют яровицу» (то есть яровую пшеницу) из-за климатических условий, отказываясь от прежних «русских» традиций в земледелии⁶. Приобретенный опыт в виде инноваций в каждом новом поколении закреплялся в виде традиций для детей и внуков, которые следовали принципам «...строго придерживаться правила, завещанного дедами и отцами»⁷.

Енисейской губернатор А. П. Степанов отмечал в первой половине XIX в. высокую результативность земледелия: «В Ачинском и Минусинском округах средний урожай был сам-10, высший — сам-15» (то есть возрастание количества зерна в процессе роста от засеянного к размеру выращенного урожая. — Б. А.)⁸. Исследования историков подтверждают, что устойчивая средняя урожайность в Енисейской губернии в 1823–1860 гг. не опускалась ниже сам-4,6⁹. Данные по Центральной России на данный период свидетельствуют об устойчивости показателя сам-2,7¹⁰. И далее во всем приобретенные опытным путем «завещанные отцами» правила-традиции служили мерилом «правильного хозяйствования».

Земледелие, животноводство, ремесло в традиционном обществе были основой жизнеобеспечения человека, поэтому «чем более значима сфера поведения, тем более она регламентирована, тем сильнее был контроль общества над соблюдением стандартов и образцов», завещанных предками¹¹. К проверенным гарантам устойчивой стабильности крестьянского хозяйства относились древнейшие правила «должных» обрядов и ритуалов. Согласно положениям этнологии, все объекты хозяйства и действия в сфере материальной культуры были двоичны: служили практическому применению и одновременно имели духовное предназначение. Материальное

⁴ Переселение за Урал. СПб., 1908. С. 51.

⁵ Литературный сборник / Издание ред. «Восточного обозрения». СПб., 1885. С. 98.

⁶ Цит. по: История Сибири... Т. 2. С. 365.

⁷ Пейзын Г. Минусинский округ Енисейской губернии в сельскохозяйственном отношении // Записки Сибирского отдела РГО. 1858. Кн. 1. С. 170.

⁸ Степанов А. П. Енисейская губерния. Ч. 1. СПб., 1835. С. 226–227.

⁹ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 197.

¹⁰ Милов Л. В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. № 4–5. С. 39.

¹¹ Садохин А. П., Грушевицкая Т. Г. Этнология... С. 193.

производство и быденная жизнь были «насыщены символикой, истинное значение которой лежит в области „верований“. Например прялка не только станок для скручивания нитей из шерсти и льна, но и в мифологии служит прядению „нити судьбы человека“»¹².

Еще с XVII в. в сибирских селениях освящались традицией основные хозяйственные действия: право «первой борозды», «первого закоса» на пашне и покосе, «первой затеси» на охотничьем «ухожье»¹³. Процесс обоснования захвата земли путем опаживания по периметру поля, затесывания отметок на деревьях, которые собираются срубить, назывался в Сибири «чертежом». Чертеж – это намерение присвоения и знак собственности. На основе применения права «чертежа» крестьянин мог всегда «найти нужную для хозяйствования свободную землю; ...закреплял за собой пашни и „заимки“ и первое время пахал там „наездом“. Постепенно такие „заимки“, основанные по „захватному“ принципу, обживались земледельцами и превращались в деревни. При очерчивании границ „заимочной пашни“ приобреталось на него право собственности с обязательным „освоением“ личным трудом»¹⁴.

Демографические изменения в народонаселении сибирского края могли создавать спорные ситуации, когда деды разрабатывали пашенные угодья, а внуки-правнуки могли спорить о правах на землю. Иногда, по невнимательности или сознательно, новый хозяин мог проигнорировать имевшийся «чертеж», или борозда нового «чертежа» проводилась по заброшенному на много лет участку. При возникновении мирских разбирательств первый прецедент ее разрешения впоследствии включался в число традиций, по которым и далее разбирали сходные ситуации. Так, в споре крестьян д. Зайцевой Богучанской волости Енисейского округа о покосной земле волостной суд особо отметил на основании опроса свидетелей, что «расчищал землю истец, но сначала небольшая часть земли была расчищена ответчиком». Поэтому, по праву первого «чертежа», ответчик получил половину, то есть $\frac{1}{2}$ десятины покосной земли. Истцу была определена компенсации за труд, «как исстари велось» – в размере 10 копен сена за счет ответчика¹⁵.

Нельзя не признать, что объяснение описанных земледельческих традиций уходит в древнейшие представления славян, сложившиеся в период освоения пространств Восточно-Европейской равнины. Известно, что в соответствии с древними представлениями, «чтобы присвоить мир, сделать его своим... сознание должно расчленивать, разделить мир»,

¹² Юдин А. В. Русская традиционная народная духовность. М., 1994. С. 33.

¹³ В ходе этнографических исследований установлено по данным старожилов-информаторов, что «право первого закоса», «первой затеси» и т.д. продолжало сохраняться в селениях Курагинского района вплоть до второй половины XX в. (Алешечкин Л. С., Баландин Б. Д., Патрушев С. Е., Зыков И. Ф., Рыбаков С. И. и др.). Автор исследования лично принимал участие в аналогичном разрешении спора из-за покосной земли согласно бытовавшей традиции в с. Имисском Курагинского района в 1972 г. (!)

¹⁴ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 59.

¹⁵ ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 2. Л. 27; ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 20. Л. 35, 130; Ф. 793. Оп. 1. Д. 2. Л. 11, 49 и др.

Займка Курбатова за Караульной речкой в Красноярске. 1924 г.

Фотограф А. Я. Тугаринов. КККМ НЕГ 6696. ГК № 21142596

противопоставив «общему» неосвоенному пространству «мою» пашню¹⁶. Отсюда, «чертеж» выделял будущее окультуриваемое пространство в целях дальнейшего «о-свое-ния» его трудом человека. В Енисейской губернии понятие «чертеж» применялось для выделения личной земли, а «грань» — для земельных владений общины. То есть на «ограниченном» пространстве располагались «очерченные» крестьянские пашни¹⁷.

Мы находим, что в действиях по преобразованию осваиваемого пространства «хаоса» в освоенный «порядок» важную сакральную роль играл огонь, обладающий «очищающим» действием и «животворящей силой». После «очерчивания» пространства «опаливание» земли (палы) огнем не только уничтожало сорняки и вредителей урожая, но и сжигало на пашне «нечистую силу», способную погубить будущий урожай. Власти запрещали палы на весенних полях, но крестьяне делали это, оправдываясь, что «опаливание давало тройной положительный эффект: уничтожались сорняки, личинки саранчи... и удобрялась земля». Однако в частных разговорах говорили о дедовских правилах борьбы с «чертовой нечистью», верой в магическое действие огня.

В мотивации ритуально-обрядовых действий земледельца традиционного общества первоначально должны быть обряды «как деды велели»,

¹⁶ Садохин А. П., Грушевицкая Т. Г. Этнология... С. 224.

¹⁷ Вариант объяснения понятий «грань» и «черта» был дан в ходе полевых этнографических исследований в 1982 г. старожилом с. Имисское Курагинского района Алешечкиным Л. С. (1927–1989 гг.) со слов своего отца.

Пахарь-крестьянин Максим Павлович Житлов из деревни Ковригиной Сухобузимского района. Июль 1928 г.

Фотограф Б. И. Шангин. КККМ НЕГ 8638. ГК № 21662204

а уже затем можно пахать, сеять, убирать урожай. Аксиомой было то, что в сознании человека того времени ритуал порождал технологию труда¹⁸. Поэтому правомерно говорить не о сопровождении обрядовыми действиями процесса земледелия, а о предварительном обеспечении успешного урожая особыми ритуалами. В круге работ процессы пахоты и сева мыслились процессами «зарождения новой жизни». Поэтому енисейские и иркутские крестьяне-старожилы считали, что после 21 мая (по старому стилю) «земля беременна». «Землю нельзя бить, так как она, матушка, тапери брюхата»¹⁹.

И в Европейской России, и в Сибири старинные традиции предписывали землепашцу обязательное действие: накануне выезда на пашню «помыться в бане и надеть чистую рубаху». Всю ночь в избе на столе под иконой должно было простоять решето с посевным зерном и установленной в ней незажженной пасхальной свечой. На следующий день с утра «посевщики» страстно молились, поставив «Богу пасхальну воскову свечу, и получали благословение». Далее следовал ряд древних обычаев: уезжавшим на пашню нельзя было переходить дорогу — «не взойдет семя»; в первую

¹⁸ Садохин А. П., Грушевицкая Т. Г. Этнология... С. 226.

¹⁹ Виноградов Г. С. Материалы для народного календаря русского старожильческого населения Сибири. Иркутск, 1918. С. 16–17.

борозду следовало обязательно «запахивать» лопоту хлеба²⁰. Согласно требованиям архаичной установки на хороший урожай, только женщины имели право производить посадку овощей в огороде. Во время сева земледелец неизменно действовал с молитвой: «Зароди, Господь, на дом Божий (бросалась 1-я горсть семян), на попов (2-я горсть), на пищу братию (3-я горсть) и птицу небесную (4-я горсть семян)»²¹.

Можно даже предположить, что именно на основе древнего ритуала родилась технология земледелия. Не случайно пахота и посев ассоциировались в картине мира с процессами зарождения новой жизни. Требованиям древних ритуалов отвечали обычаи, сохранившиеся вплоть до начала XX в. и сопровождавшие ручной сев хлебов. Во время проведения полевых исследований в селениях Курагинского и Козульского районов наши информаторы-старожилы особо отмечали необходимость сева со строго определенным инвентарем (ни в коем случае не применять металлические емкости под зерно, а только холщовые сумки или лыковые торбы), со строго регламентированными движениями рук и положениями пальцев (иначе урожай «будет никудышним»).

На основе первенства архаичных установок традиционной обрядности в хозяйственной жизни старожилов Сибири можно восстановить представления об орудиях труда в картине мира. Наиболее распространенными к середине XIX в. становятся тяжелые колесные сохи. В различных районах они назывались по-разному: «аранка», «сабан», «сабань», «колесуха», «колесьянка».

В Енисейской губернии под понятием «сабан» подразумевали двухколесную пароконную соху, «сабань» — одноколесную пароконную соху для пахоты на горных склонах. Но в любом случае устройство «сабана» или «колесухи» более напоминало деревянный плуг. Технология пахоты

²⁰ Макаренко А. А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. СПб., 1913. С. 98.

²¹ Тульцева Л. А. Социально-нравственные аспекты земледельческой обрядности // Русские народные традиции и современность. М.: Наука, 1995. С. 289.

Конская упряжь включала в себя хомут, седелку с подпругой, чересседельник, шлею, подбрюшник, вожжи и узду с удилами. Хомут — основная деталь упряжи — собирался из двух деревянных половинок (клевцевин) и соломенного «калача», обшитых кожей. С двух сторон к хомуту крепились гужи, специальные петли, в которые вкладывались оглобли и дуга. Клевцевины внизу стягивались сыромятным кожаным ремешком — супонью. Бывало, что на хомуте соскочила (развязалась) супонь, то лошадь на ходу распрягалась. (Ныне выражение «рассупониться» употребляется в случае, если человека настигла непредвиденная ситуация.) К упряжи относились также седло и дуга. Обычно сибиряк-старожил имел для всех лошадей и рабочую упряжь, и праздничную — для «выезда», богато украшенную отделкой из кожи и металла, колокольцами. Крайне необходимы были в суровых сибирских условиях попоны и покрывала для «убереженья» лошади. Конский инвентарь, телеги, повозки, сани и упряжь хранили в завозне. Используемая упряжь висела у конского стойла, а новая — в амбаре или «казенке». В хозяйстве был инвентарь для ухода за лошадьми и инструменты. Определенных расходов требовала ежегодная перековка их в кузнице.

Земледельческое орудие «колесуха», село Богучанское Пинчугской волости Енисейского уезда. 1911 г.

Фотограф А. П. Ермолаев. КККМ НЕГ 4693. ГК № 38007764

при этом не походила на пахоту ни с помощью сохи, ни с помощью плуга. На примере «сабана» рассмотрим мудрое отношение сибиряков к земле и их изобретательность.

Как и большинство сибирских орудий труда, сабан изготавливался из дерева, с отдельными металлическими деталями. Основой сабана была «разсоха», то есть часть ствола длиной около 45–50 см с толстой веткой, «ножкой разсохи». На конце ствол раздваивали, на концы их надевались сошники. Ветка березы отходила от ствола под углом 135–140 градусов. Диаметр ее составлял 12–14 см, а длина около 1 м. К верхнему концу разсохи крепился поперечный брусок-рогаль, служивший ручками пахарю. Сквозь ветку-разсоху сверлилось отверстие для полутора-двухметровой стрелы – деревянного бруса диаметром 8–10 см. Стрела служила корпусом и одновременно тягой для разсохи с сошниками. Она прочно закреплялась в отверстии разсохи, а другим концом связывалась ремненным «гужиком» с осью, на концы которой надевались деревянные колеса от телеги без металлических шин. Общая длина оси достигала 40 см. Вместо чек колеса закреплялись стоявшими вертикально деревянными прутьями, верхние концы которых скреплялись горизонтальным поперечным прутком. На него укладывались во время пахоты вожжи.

Правая оглобля надевалась на конец оси между колесом и чекой, а левая крепилась посередине между колесом и местом скрепления оси со стрелой. На раздвоенную ножку разсохи надевались железные сошники,

Мастера своего дела в сибирской деревне

Кузнецы

Они были практически в каждой старожильской деревне или селе. Во многих крупных селах встречалось 2–3 кузницы. Кузница располагалась чаще всего за деревней. Это было довольно просторное рубленое здание с черными от копоти стенами. В кузнице размещались сложенный из кирпича или камня горн, толстый чурбан с наковальней, чан с водой для закалки поковок, кожаные мехи для нагнетания воздуха, емкость для древесного угля, небольшой столик и топчан. Здесь же аккуратно развешивались-вкладывались инструменты: клещи, ручники, кувалда, зубилья, молотки разных размеров, кочерга, железная лопатка и др.

Главное для кузнеца — чтобы было из чего ковать: в те далекие времена абсолютно невозможно было встретить валяющийся на дороге гвоздь или «железку» — все подбиралось и шло в дело. Кузнечное ремесло было окружено многими тайными секретами и чаще всего передавалось от отца к сыну. Впрочем, исследователи отмечали, что во многих селениях кузнецами были ссыльные поселенцы, переселенцы из-за Урала. Получая за труд чаще всего натуральные продукты крестьянского хозяйства, кузнецы чинили оружие, наваривали сошники, делали к боронам зубья, ковали ножи, серпы, ухваты, светцы, дверные пробои, гвозди и многое другое. Хороший кузнец мог выковать топор, долото, деталь для ружья не хуже заводского. Однако у кузнеца было и более существенное дело — он подковывал лошадей. Для этого около кузницы обязательно делали станок: четыре столба с боковыми перекладинами и засовами.

Кузнец также «надевал» на колеса телег железные шины, «насекал» серпы (нарезал насечку). Круглый год не прекращался стук-перестук молота в кузнице, но особенно горячая пора наступала весной: задолго до сева и сенокоса крестьянин приводил в порядок орудия труда и инвентарь. По данным Н. М. Ядринцева, в среднем крестьянская семья расходовала на оплату тех или иных кузнечных работ до 10 руб. в год в денежном выражении.

Печник

Был одним из самых нужных и уважаемых мастеров старой деревни, ибо без печи нет избы, без печи нет жизни в доме. Первоначально печи «били», то есть на деревянный опечек устанавливали короб по периметру (современное слово — «опалубка»), частично плотно набивали густой, хорошо промешанной глиной, а затем устанавливали деревянный разборный свод — «свинью», вокруг и поверх которого также утрамбовывали глину: для прочности в нее добавляли при замеске соль. Затем выводили трубу — короб на чердаке. Вынимали по частям «свинью», затем, просушив печь, ее слегка начинали подтапливать слабым огнем, чтобы она не потрескалась. Печи получались монолитными, очень прочными. Рассказывают, что, бывало, в старину разбирали ветхий дом, а затем строили новый вокруг печи.

В XIX в. печи начали класть из кирпича. Тогда и появились настоящие, творчески работающие печники, потому что в каждой избе они по-своему складывали печь. Печь должна была соответствовать площади дома, ее высота зависела от роста хозяйки, вход в избу и планировка определяли ее местоположение и т.д. Хорошая печь не дымила в избу, «тяга» должна быть такой, чтобы выходил дым и в то же время не выдувало все тепло. Печь не должна быть угарной, но должна быть жаркой и в то же время «экономной» в отношении дров. Кроме того, на печи делалась достаточно обширная лежанка для стариков и детей. И, конечно, хороший мастер клал красивую печь: чтобы была аккуратна, украшена «печурками», карнизам, с гладкой обмазкой. Сибирские печи повсеместно дважды в неделю подбеливали, иногда расписывали узорами и орнаментом.

Хороший печник работал неторопливо, степенно, аккуратно. Основными инструментами были мастерок и кельма. У такого мастера руки во время работы были чистыми. Хозяин от души кормил печника, оплату производил по договоренности. Конечно, в каждой деревне мог быть не один печник, но хороший мастер обычно славился на всю волость.

Гончар

Обычно снабжал своей посудой волость или целую округу. Для работы ему требовалась хорошая глина и печь для обжига посуды. Технология изготовления глиняных изделий хорошо известна, но каждый мастер по-особому лепил горшок или кринку. Посуда могла быть «обливной» или «необливной», с узорами или без них. Изготовив достаточно большую партию товара, гончар развозил его по деревням. Оплата производилась зерном или деньгами. Из глины делали корчаги, большие сосуды с узким горлышком, кринки, горшки разных размеров для варки пищи, кубышки, ставцы, поставцы, рьльники, ладки. Гончары лепили из глины также игрушки, свистульки.

Шорники

По характеру ремесла были сродни скорнякам и сапожникам, но изготавливали они конскую упряжь: хомуты, седелки, уздечки, шлеи, вожжи. Шорник должен был обладать художественными способностями, так как упряжь часто украшалась тиснением, кожаными кистями, медными бляшками и прочими «атрибутами».

Мельники

В сибирских деревнях были одними из самых зажиточных людей. Их мастерство и общественная необходимость оплачивались соответственно. Мельницы строились водяные, а в степной и лесостепной зонах — ветряные. Последних было меньше. Водяные мельницы, в свою очередь, подразделялись на верхнебойные («наливные») и нижнебойные («пихающие»), колесные и мутовчатые. К началу XX в. на речках у деревень стояло по 10–20 мельниц. Наряду с частными много было артельных, коллективных мельниц.

Под постоянное, мерное шуршание жерновов мельник вел такие же неторопливые беседы с хозяином зерна. Но он одновременно внимательно следил за процессом помола. Одного его взгляда или ощущения ладони, подставленной под теплую мучную струю, было достаточно, чтобы определить качество муки. Мельники — философы по натуре, люди, тесно связанные с природой, — были, по воспоминаниям стариков, предсказателями погоды, знатоками примет. В 80–90-е годы XIX в. за помол 500 пудов зерна в год крестьянская семья платила мельнику от 8 до 10 руб. или деньгами, или зерном.

Скорняки и сапожники

Жили практически в каждой деревне. Десятки изделий из кожи были необходимы крестьянской семье в повседневной жизни: обувь повседневная, рабочая и праздничная, сбруя для лошади, зимняя, теплая одежда из выделанных и обработанных кож и шкур. Скорняжное (кожевенное) дело — очень сложное и трудоемкое. Ему сопутствуют тяжелый неприятный запах, грязные условия работы, разлагающиеся отходы. Много в этом ремесле — качество выделки кожи, внешний вид, прочность и долговечность будущего изделия — зависело от секретов мастерства. Если кожа плохо выделана, то и сапоги из нее будут ссыхаться, тереть ноги, поэтому хороший сапожник, прежде чем взять у заказчика материал, придирчиво изучал качество работы скорняка. Как и многие другие ремесла, сапожное — очень сложное, кропотливое. Спешка в работе могла испортить кожу, внешний вид изделия или доставлять постоянный дискомфорт человеку: небрежно выполненный шов или складка будут причинами потеростей и мозолей.

Для шитья обуви требовалась 2–3 вида кожи, специальные инструменты: шилья, шпандырь, набор сапожных ножей, клещи, плоскогубцы сапожные, молотки, разгонки,

рашпили. Заранее готовилась дратва; для этого через крюк в стене протягивались четыре или шесть нитей, попарно сучились, а затем скручивались вместе. Нить натиралась «варом» и с усилием заглаживалась куском кожи. Сапожники в старину не пользовались металлическими иглами, а всегда в концы нити вкручивали свиные щетинки. Низкий складной стул и кожаный передник дополняли оснащение рабочего места сапожника. Конечно, сапоги шили в основном долгими зимними вечерами, но в Сибири встречались и профессиональные сапожники, ходившие из деревни в деревню и шившие обувь на дому заказчика. Деревенская молодежь считала особым шиком сапоги «со скрипом», для этого в подошву между слоями кожи сапожник вшивал пару пластинок бересты. В конце XIX в. деревенские мастера оценивали сапоги в 3 рубля, выделка одной овчины стоила 10 копеек, кожи крупного рогатого скота — от 50 копеек до 1 рубля. Шитье полушубка портными обходилось в 2–3 рубля.

иногда с наваренными в кузнице стальными лезвиями по краям. Сошник имел форму прямоугольного треугольника. Насаженные рядом лезвия имели длину около 45–50 см, а длина сошников по высоте треугольника достигала 40 см. Длина трубок сошников равнялась 12 см. Правый сошник сибиряки называли «женкой»: он был плоским. Левое перо сошника, называвшееся «мужичком», было несколько загнуто кверху и служило отрезом, заменявшим плужный нож. Сошники устанавливали строго в одной плоскости. На ножке разсохи слева от левого пера сошника под углом 130–140 укреплялся деревянный отвал — «шабала» — из плоской доски длиной до аршина (аршин — 71,12 см).

Для регулирования глубины вспашки через ножку разсохи и стрелу проходил железный стержень до аршина длиной. Глубину вспашки регулировали специальной гайкой с наваренной ручкой: чем круче сошники, тем глубже вспашка, и наоборот. В некоторых местах употреблялся для пахоты сабан с одним сошником, более массивным и широким.

При пахоте сабаном корни трав вырывались, при бороньбе эти корни сгребались, таким образом, пашня постоянно очищалась. Плуг же не вырывал корни, а только подрезал их, оставляя в земле. Поэтому понятна мудрость сибирских крестьян-старожилов, так долго сопротивлявшихся «нововведению» — железному плугу. Важнейшие особенности пахоты состояли в том, что соха рыхлит землю, плуг переворачивает полностью, закапывая стерню, а сабан наполовину переворачивал пласт, «ставил» на ребро, поэтому при пахоте стерня и корни не только выдирались сошниками, а и остатки их сгребались бороной.

Посеянное зерно легко попадало в промежутки между полувертикальными пластами и при прохождении бороны 1–2 раза засыпалось землей. Оно хорошо прорастало во влажной почве на необходимой глубине и не выклевывалось птицами. Сабаном («сабанью») в сибирских селениях пахали землю вплоть до колхозных времен, пока личный интерес крестьянина не уступил место администрированию.

Сошники были чаще всего покупные. Особо ценились уральские сошники, менее — Абаканского железодельного завода. Средняя цена покупного сошника составляла 1,5 рубля, сабан же можно было купить за 7,5–8,5 рубля.

В кузнице хутора Июс. 1930-е гг.

Фотограф И. М. Сокуров. КККМ НЕГ 12593. ГК № 26275671

Обычно в «сабан», «колесуху», «сабань» впрягали по две лошади: одну в оглобли, другую в пристяжку. Если сабан тщательно отрегулирован и сделан по правилам, то конь-коренник шел легко и не уставал, а пахота была посильна даже 14-летнему подростку.

В конце XIX в. сибиряки по-прежнему использовали соху-рукопашку и для пахоты, и для посадки и окучевания картофеля. Кое-где пахали «лемехом», то есть тяжелым передковым украинским деревянным плугом. На рубеже XIX–XX вв. «сабан» перемещается в состав «завещанных» традиционных орудий, а в круг вводимых «новаций» входит железный плуг.

Данные историка В. А. Степынина подтверждают, что в начале XX в. железный плуг в Енисейской губернии в основном использовался в хозяйстве переселенца²². Старожилы в основном покупали дорогостоящие орудия и машины по «уборке и обработке урожая», но пашню по-прежнему старались пахать «колесухами». Статистические материалы об обеспеченности различными механизмами крестьян Енисейской губернии свидетельствуют, что одна жатвенная машина или молотилка приходились на 5 дворов, но одна сеялка – на 202 двора. Конечно, данное различие можно рационально объяснить и высокой стоимостью сеялок (140–180 рублей). Однако стоимость жатвенной машины была выше (200–250 рублей),

²² Степынин В. А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962. С. 472–473; История Сибири... Т. 3. С. 200.

Жатва. 1920-е гг.

Фотограф А. В. Кудрявцев. КККМ НЕГ 8770. ГК № 21662494

что не мешало ее массовому применению в крестьянских хозяйствах²³. Именно мотивами древних архаичных установок на «ручной посев хлебов» мы объясняем причины негативного отношения старожилов к машинному севу вплоть до 1920-х годов.

Если рассмотреть процесс проведения уборочных работ, то и здесь мы видим господство ручного труда в старожильческих хозяйствах. Рожь, пшеницу, ячмень жали серпом или косой-литовкой с приделанными к ним специальными граблями. В некоторых глухих местах еще в начале XX в. сохранялась древнейшая разновидность косы – коса-горбуша. Ею можно было косить как в одну, так и в другую сторону. В Енисейской губернии особо ценились привозные серпы, называвшиеся здесь «аглицкими». Они стоили до 1,5 руб. Серпы местного производства стоили до 60 копеек. Цена «литовки» колебалась от 70 копеек до 2 рублей. Коса-литовка насаживалась на ручку с помощью кольца и клина.

Высушенные снопы молотили в основном вручную. Кстати, посевное зерно старались смолотить без просушки в овине, «сыромолотом». Молотили снопы цепами: к длинной (до 1,5 м) ручке через специальное воронкообразное отверстие продевали и привязывали сыромятным ремешком короткий обрубок жерди, около 0,5 м.

²³ Липинская В. А. Местные особенности традиционных поселений, жилища, хозяйственных строений // Русские народные традиции и современность. М.: Наука, 1995. С. 174.

Однако во второй половине XIX в. в Сибири появились специальные орудия труда для молотбы – «молотяги». Устроены они были следующим образом: внутри деревянной рамы вращался массивный деревянный вал, изготовленный из толстого ствола дерева. На вал набивались выступы – «кулачки». В постромки молотяги впрягали лошадь. Чтобы молотягу постоянно не разворачивать, на раме сверху дугообразно крепилась гибкая жердь. По данной жерди перемещалось железное кольцо, за которое и крепился кожаный ремень. Снопы расстилались ровной дорожкой, колосья внутрь, друг на друга. По колосьям конь вез молотягу: вал с кулачками при этом обмолачивал зерно. Молотягой за день можно было обмолотить до 200–300 снопов. Более производительны были тяжелые двухвалковые молотяги. В них впрягали двух лошадей.

В начале XX в. сибирские крестьяне, всегда отличавшиеся расчетливостью, любознательностью и практической хваткой, начали широко применять в хозяйствах различные машины и механизмы на конной тяге и даже с паровыми двигателями, локомобили. К 1910 г. уровень технической обеспеченности сельского хозяйства Сибири превзошел общероссийский. Сравним, сколько крестьянских хозяйств приходилось на одну машину.

	Европейская Россия	Сибирь в целом	Енисейская губерния
Сеялки	67	362	202
Жатвенные машины	25	19	5
Молотилки	32	24	5
Веялки	8	12	2
Сенокосилки	18	32	47

Из всех губерний Сибири наиболее высоким уровнем применения машин отличались Енисейская и Амурская. На одно сибирское хозяйство приходилось в среднем в два раза больше различных земледельческих орудий, чем в Европейской России. Особо ценились здесь немецкие плуги, жнейки и сеялки из США, английские локомобили. Охотно приобретались сложные машины – паровые молотилки, жнейки-сноповязалки, жнейки-самосбросы, сепараторы для переработки молока и т.д.

Жатва и молотба были особо трудоемки и выполнялись в кратчайшие сроки машинами. Механизация необходима была и для сенокосения. Данные подтверждают, что приобретению сеялок не придавалось особого значения.

В ходе выполнения всего цикла работ крестьянин пользовался, прежде всего, тягловой силой лошади: пахал, сеял, окучивал, косил, сгребал сено, впрягая лошадь в различные орудия труда. Как основное средство передвижения лошадь была незаменима на бескрайних просторах сибирского края.

В зимнее время основной повозкой были дровни. На них перевозили грузы: сено, дрова, строевой лес, снопы из кладей, навоз для удобрения пашни и многое другое. Дровни – это широкие, устойчивые, вместительные и грузоподъемные сани. При перевозке бревен на дровни клялись

Вязка снопов в совхозе «Северный пахарь», село Ярцево. Первая половина XX в.
Фотограф И. И. Балуев. КККМ НЕГ 3982. ГК № 15094444

Молотьба хлеба в деревне Воронинской. 1914 г.
Фотограф Ермолаев. КККМ НЕГ 6292. ГК № 20232361

Пашни деревни Кускун Манского района. 1931 г.

Фотограф А. С. Сыромятников. КККМ НЕГ 2820. ГК № 17803235

специальные колодки, а под вершинки бревен – сани-подсанки, соединенные с дровнями веревками.

Для перевозки более легкого груза и для езды использовались сани-розвальни. Изготавливались они таким образом. Из ровной, срубленной на возвышенности весной березы вытесывали брусья, отесывали с трех сторон, тщательно распаривали и выгибали на специальном приспособлении полозья. После высыхания в полозья врубались стойки-копылья и подкопыльники. Затем установленные параллельно полозья стягивались через копылья сырыми березовыми жердочками-вязками. Концы вязков стягивались ивовым прутком. На копылья и подкопыльники сверху врубалась нахлестка. Так же вязками стягивались передние выгнутые концы полозьев. С боков к саням крепились слегка согнутые «отводины». Завершала процесс изготовления саней-розвальней установка оглоблей и высокой спинки на задке саней.

Возок или выездные сани часто делали с облучком, с расписными спинками. Из тонких ивовых прутьев сплетали кошеву (кошевку). Непременным атрибутом саней и возков были «даха» («доха») и «полость» – специальный мешок из медвежьих или волчьих шкур для ног седока.

Летом коня запрягали в телегу. Одноколая телега – это двухколесная повозка, а двуколая – четырехколесная. У многих сибирских крестьян были дроги и тарантасы. Для перевозки летом длинных жердей и слег использовали передки телег или специальные «волоки». Копны на покосе свозили к «зароду» на волокушах или прямо по земле обвязанными веревками.

Традиционные установки картины мира обуславливали и правила формирования хозяйственно-жилой инфраструктуры крестьянского селения,

Плотина мельницы на реке Базаиха в районе Красноярска. 1934 г.

Фотограф Н. А. Ставровский. НЕГ 1526. ГК № 6264384

усадыбы и жилища. «Материальные формы народной культуры, в частности поселения, жилые и хозяйственные постройки, в народном менталитете имеют существенное значение», — отмечает сибирский этнограф В. А. Липинская²⁴. Поселение крестьян-старожилов Приенисейского края, усадьба, дом формировались как материальное воплощение отдельных сфер единого «освоенного» пространства. Все сферы имели четко выраженные границы. Так, селения по всему периметру огораживали «поскотинной». «Поскотина» в представлениях прагматичных сибиряков служила для предохранения посевов от потрав скота, но граница ее, как и «черта», продолжает фигурировать во многих обрядовых действиях²⁵. Однако «охранительной» границей «истинно освоенного» пространства является граница усадьбы — высокий «заплот» с крепкими высокими воротами. «Заплот» — прочный забор из горизонтально уложенных бревен, забранных концами в столбы, — не только выполнял функцию защиты «микромира», но и выделял границу «своего» пространства. Во многих случаях над воротами дополнительно прикреплялась икона-оберег. В особых случаях по внешнему периметру усадьбы протягивалась охранительная нить от савана «упокойника»²⁶.

Для обозначения защищенного «заплотом» пространства усадьбы применялся специфический термин «ограда». О первичности термина

²⁴ Липинская В. А. Местные особенности традиционных поселений, жилища, хозяйственных строений // Русские народные традиции и современность. М.: Наука, 1995. С. 174.

²⁵ Макаренко А. А. Сибирский народный календарь... С. 34.

²⁶ Этнография русского крестьянства Сибири: XVII — сер. XIX в. М., 1981. С. 116.

Крестьянские сани в деревне Ярки Пинчугской волости Енисейского уезда. 1911 г.

Фотограф А. П. Ермолаев. КККМ НЕГ 5272. ГК № 38263362

«ограда» в древнерусском языке IX–XIII вв. по отношению к термину «двор» свидетельствует ученый-филолог В. В. Колесов²⁷. Границей сферы дома на подворье признавалась первая ступенька крыльца, затем линия порога. На них, по поверьям, необходимо было «ступать правой ногой, дабы не нести зла левой ногой в свой дом»²⁸. Представление о ценности важнейшей освоенной территории, «микромира» подворья, подчеркивает сибирская поговорка: «Мертвый не без могилы, а живой не без подворья».

Во всех сферах в ходе обустройства «ограды» и жилых помещений традиционное сознание выделяло две половины – жилую и хозяйственную, духовную и материальную. Они были аналогичны тому, что духовным центром села и прихода-волости со времен принятия православия был храм. Общее же хозяйственное пространство за пределами церковной ограды включало территорию «улошную», огражденную по периметру селения поскотиной (в России именуемое околицей). На пространстве улиц и переулков хозяйственным центром считалась «ярморочная» (торговая) площадь рядом с церковной оградой.

²⁷ Термин используется и поныне. Повсеместно крестьяне Красноярского края говорят: «Из ограды вывез весь снег», «Амбар стоит в ограде» (Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. М., 1986. С. 87).

²⁸ Информатор Пружинина А. И. (1901–1988 гг.), с. Имисское Курагинского района Красноярского края. Полевые исследования 1982 г.

Ангарские телеги. 1911 г.

Фотограф А. П. Ермолаев. КККМ НЕГ 5275. ГК № 38263359

Итак, в обустройстве усадеб крестьян Енисейской губернии мы видим наличие двух пространств: «чистого» и «скотского» дворов. Отсюда в ограде было два двора: двор людской и двор «скотский». В жилище – материальное и духовное: изба (совр.: прихожая и кухня) и горница. В свою очередь, в избе – жилая половина и «куть» (ныне кухня). И даже в передней части дома, в избе, по древней общерусской традиции хозяйственным центром дома были печь и окоlopечное пространство. Одновременно печь выполняла функцию центра «второй веры», языческой, и поэтому все обрядовые действия, связанные с гаданиями, языческими ритуалами, «заветно» выполнялись в избе у печи. Роль особого духовного выполняли передний («красный») угол с «божницами» и иконами на ней. По обшесибирской традиции, перед иконами была «занавеска». Она не иконы прикрывала, а наоборот, верили сибиряки, «чтобы Бог не видел, если какие непотребства творятся».

Углы избы отражали в крестьянском сознании сакральное устройство мира. «Красный» («Божий») угол выполнял функцию восточного угла. Угол противоположный, за печью, «закутной», считался западным (закатным). Это был угол стариков, спавших на печи. Женским углом считался угол в «кути», «кутной» (по сторонам света – южный). Угол у двери назывался «сутки» и считался мужским (северным). Осью «мира-избы» была потолочная балка – «матица». «Матица дом вяжет», – говорили в Енисейской

губернии²⁹. Закладка под «матицу» в ее восточной части ладана, нескольких серебряных монет, шерсти и горсти зерна, чтобы в доме было свято, сухо, тепло и сытно, была важнейшим охранительным ритуалом в ходе строительства дома. Следующим ритуалом в процессе завершения «сотворения домашнего мира» было подвешивание горшка с кашей из пшеничного зерна на потолочной балке с последующим обрубанием веревки и совместной трапезой строителей³⁰.

Стереотипы последовательных правил и установки «заветных» действий сопровождали процесс возведения дома и в меньшей степени хозяйственных построек. Здесь переплелись и традиционные представления мифологического характера, и адаптированные к факторам среды рациональные навыки. Они наглядно подтверждают эволюционный характер взаимодействия адаптивных и адаптированных компонентов установок миропонимания. Для строительства дома лес сибиряки по традиции рубили только на «ущерб луны» в ноябре, по первому снегу. Сосну выбирали ровную, «со звонкой древесиной», со склона горы. Крестьяне учитывали, как падает дерево; если оно падало на север или зависало на другом череве, то считалось «нечистым», несущим зло в дом³¹. Традиционно учитывались общие типологические каноны строительства жилища в каждой местности. Выбор типа строений, техника строительства определялись, прежде всего, адаптированными традициями нейтрализации конкретных природно-климатических факторов.

Этнографы свидетельствуют и о высокой степени поэлементной эволюции адаптированного сибирского жилища и хозяйственных построек во взаимосвязи с эволюцией хозяйственной деятельности, образа жизни, представлений о социальном идеале старожильческой жизни. В течение XVII–XIX вв. происходило усложнение сибирского жилища от однокамерного в многокамерное, выделение функциональных частей, увеличение размеров жилища³². В притрактовой и южной части Енисейской губернии к середине XIX в. наиболее совершенным и приемлемым типом жилья в представлении «среднего» и «зажиточного» крестьянина становится «крестовый» дом. Это результат полной адаптации жилища к климатическим факторам Сибири при сохранении важнейших традиций русского деревянного зодчества. Одновременно «крестовик» отражал выраженное стремление крестьян-старожилов к высокому уровню материального благополучия.

В Енисейской губернии в «картине мира» крестьян сформировался новый образ «дома-мира» не под двускатной крышей, а под четырехскатной, шатровой. Так, в современном старожильческом с. Балахтон Козульского района в 2000 г. нами было подсчитано, что на участке улицы, возникшей в 1830–1860-х гг., из 81 дома 44 имеют и ныне четырехскатную крышу

²⁹ Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь... Т. 1. С. 58.

³⁰ Информатор-старожил с. Имисского Курагинского района Красноярского края Зыков И. Ф. (1919–1989 гг.). Полевые исследования 1980 г.

³¹ По данным старожила с. Имисского Курагинского района Бехтерева И. Д., 1983 г. (1898–1987 гг.).

³² Этнография русского крестьянства Сибири... С. 102–141.

Деревянные дома с воротами и заплотами. 1900–1920-е гг.

КККМ ПГС 3242/204. ГК № 19750587

(54,3%). Напомним, что в высказываниях старожилов Красноярского края до сих пор двускатная крыша именуется «как по-амбарному».

В представлении русских крестьян фронтон дома с «коньком», «причелинами» и «полотенцами» служил целям охранительной магии с небесными и солнечными («солярными») знаками³³. Охранительная деревянная резьба у «крестовика» с «причелин» перемещается под крышу дома в пояс с «небесной» символикой. Четырехскатная крыша, которую сверху «вяжет» небольшой «конек», символизирует четыре стороны света. «Солярные» знаки с «полотенец» перемещаются на карнизы наличников окон. Характер эволюции магических знаков сибирского дома требует специального исследования, поэтому ограничимся констатацией различия символики наличников окон «великорусского» и сибирского дома³⁴.

Таким образом, в установках стереотипов строительного искусства можно выделить обустройство старожилами сибирского дома согласно как прежним этническим установкам в материальной культуре, так и эволюционировавшим традициям, включавшим аспекты архаичной духовно-социальной мотивации. Показателем следования принятых внешних форм требованиям установок общинного сознания стали для старожилов наличие тесовой кровли (а не соломенной, как у «новосела»), деревянного

³³ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. С. 460–480.

³⁴ Для сравнения мы использовали следующие изображения: Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. С. 480–492; Черепанов В. Г. Деревянное кружево Красноярья. Красноярск, 1986.

Одноэтажный деревянный дом с воротами и заплотом. 1900–1920-е гг.
КККМ ПГС 3242/202. ГК № 19750442

пола в доме, ставней на окнах, створчатых оконных рам со стеклом, застланного плахами «чистого» двора, в «ограде» 1–2 амбаров, а за огородами на «задах» — бани³⁵.

Одним из наиболее важных признаков проживания на подворье старожильческой семьи для Енисейской губернии являлись высокие ворота в два полотна с двускатной кровлей. В результате полевых исследований, проведенных нами в с. Имисское Курагинского района Красноярского края в 1990–1993 гг., установлено, что из 373 крестьянских подворий 182 имели ворота «старожильческого» типа с двускатной кровлей (59,6%).

В культурологии под ценностной иерархией понимается «ощущение наличности некоторой упорядоченной системы представлений». При этом мы должны иметь в виду, что в иерархии ценностей для традиционного сознания «зачастую вещи не потому значимы, что полезны, но полезны, потому что значимы»³⁶. Новому отношению к роли «сотворенной» материальной среды в жизни человека как «полезной» соответствовали представления сибиряка об интерьере дома в середине XIX в.

Постараемся выявить подсознательное влияние архетипных образов на представления об объектах крестьянского дома в картине мира. Перечисление элементов домашнего мира в текстах источников в упорядоченной форме не может не отразить ощущение их значимости в сознании крестьян.

³⁵ Перечень составлен по данным информатора В. А. Аристова (рожд. 1927 г.). Полевые исследования 1983–1986 гг. (с. Балахтон Козульского района Красноярского края).

³⁶ Юдин А. В. Русская традиционная народная духовность. М., 1994. С. 45.

В качестве источников нами взяты оценочные описи личной собственности крестьян. Последовательное расположение материальных объектов дает свидетельство неосознаваемой иерархичности в системе значимости данных объектов для крестьянского мировидения. В системной таблице объектов усадьбы и дома нами выделено девять групп (уровней) ценностной иерархии. В составленной нами таблице сохранили последовательность перечисления однотипных объектов в источниках с их последующей систематизацией. Мы полагаем, что в оценочных описаниях объектов материального мира косвенно проявляется подтекст «значимости», а лишь затем — степень ее «полезности»³⁷.

I. Сакральные ценности	Икона
II. Опись строений	Изба, крытая тесом, сени, амбар, надворные строения, баня
III. Опись предметов и объектов дома	Стол, полати, печь, лавки, потолок и пол, деревянный сундук с пробоем из железа
IV. Продукты	Мука ржаная, зерно ржи
V. Вещи и одежда	Скатерть холщовая, шуба, шаровары бараньи, куртка баранья, куртка, крытая нанкой
VI. Конская упряжь	Хомуты, седелки, дуги, сани, телеги
VII. Железные вещи	Сошники, топор, литовка, серпы, ножи, ножницы, долото

Мы обращаем особое внимание на местоположение двух объектов: иконы и стола. Икона в картине мира, естественно, занимает особое место сакрального объекта без оценки ее стоимости в денежном выражении. Крестьяне Енисейской губернии, приобретая новую икону, говорили, что не купили ее, а выменяли. Стол в сознании русского человека занимал дуалистичное положение: как материальный объект он определялся «полезностью» и оценивался в денежной форме. Первостепенное положение стола во всех описях имущества дома заставляет вспомнить о «значимости» его в контексте выражения «стол-престол». Стол обретал сакральную значимость престола для «хлеба-соли» («Хлеб на стол, и стол — престол; на столе ни куска, и стол — доска»)³⁸.

В таблицу не включена группа VIII — домашняя утварь. Она представлена в следующей иерархии: 1. Клюка, ухват, заслонка. 2. Сельница, сито, квашня. 3. Ковш железный, чугунный горшок, поварешка. Предметы IX группы в источниках комплектуются в различных сочетаниях. В этом проявляется большая роль субъективной рациональной организации ценностной системы при снижении сакрального значения предметов.

³⁷ Данная таблица составлена на основе описей, выполненных крестьянами с оценкой имущества старожилов и поселенцев различных селений Заледеевской, Сухобузимской и Балахтинской волостей Енисейской губернии (1850–1865 гг.). См.: ГАКК. Ф. 546. Оп. 1. Д. 37. Л. 45; Ф. 546. Оп. 1. Д. 408. Л. 5.

³⁸ Информатор Пружинина А. И. (1901–1988 гг.), с. Имисское Курагинского района Красноярского края. Полевые исследования 1982 г.

Передний угол с иконами, лубочными и журнальными картинками в крестьянской избе в Канском уезде. 1902 г.

Фотограф Г. М. Ковтунов. КККМ НЕГ 4632. ГК № 38007700

Выраженное стремление к «новомодности в домашней обстановке» в сознании приенисейских старожилов может свидетельствовать о сочетании установок на зажиточность и соревновательность. Сибиряк-историк А. П. Щапов старательно перечислил повсеместно приобретаемые крестьянами предметы интерьера и быта: обои, зеркала, картины, часы, диваны, дорогая посуда³⁹. Он писал, что образ *достатка и благополучия* в материальной сфере крестьянина-старожила исходил из «осознания того, что он все может приобрести, были бы средства. Нет вещи, которая бы составляла недоступный и запретный предмет»⁴⁰.

Одним из важнейших элементов материальной культуры является характер традиционного питания, отражавший как адаптированный уклад жизни социума, культуру застолья и праздника, так и ценностные пристрастия к определенной пище. Источники достаточно полно представляют взаимосвязь представлений картины мира о результативности крестьянского труда, о характере и уровне питания в крестьянской семье с ритуальной и социальной символикой.

Губернатор А. П. Степанов оценил представления о структуре и характере питания крестьян-старожилов Енисейской губернии в 1820-х гг. в зависимости от состояния домохозяйства. В качестве оценки статуса домохозяйина в глазах окружающих он выделял «ежедневно белый хлеб (мягкое)

³⁹ Щапов А. П. Собрание сочинений. Дополнительный том. Иркутск, 1937. С. 147–148.

⁴⁰ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1892. С. 108.

Уголок крестьянского двора в селе Частоостровском. Август 1928 г.

Фотограф Б. И. Шангин. КККМ НЕГ 8663. ГК № 21662203

для бедняка, наличие ежедневных мясных блюд для середняка и обилие разнообразных блюд для зажиточного крестьянина». Преимуществом в питании сибиряка-старожила он считал «без исключения... ситный хлеб» (у крестьян Европейской России – хлеб решетный. – Б. А.) и следование правилам последовательности приема пищи на завтрак, в обед, в паужну, на ужин. В последней четверти XIX в. Н. М. Ядринцев отмечал, что уровень достатка позволял сибиряку питаться в течение дня по 5–7 раз⁴¹.

Об образе «должного» качественного и разнообразного питания в картине мира старожилов Красноярского округа писал декабрист А. П. Беляев. За предложение гостей оплатить за обед крестьяне-сибиряки обиделись: «У нас, слава Богу, есть чего подать». Если исходить из обратного предположения, то деньги потому даются человеку, что «по воле Бога у него самого нет чего подать». Тогда вполне наглядно раскрывается и загадка всеобщей щедрости сибиряков по отношению к нищим «от имени и по воле Бога».

Следовательно, нищих и гостей обильно одаривают в знак благодарности Богу за то, что «дал нам что подать» другим; плату же за «дар Божий» – грех с них брать. В словах крестьян мы можем выделить в процессе угощения гостя ряд уровней: выражение радушия, установку на демонстрацию уровня жизни и результатов своего труда и благодарности Богу за благополучие и «должное» благосостояние домохозяйства⁴².

⁴¹ Степанов А. П. Енисейская губерния. СПб., 1835.

⁴² Ядринцев Н. М. Сибирь как колония... С. 97.

Чаепитие в крестьянской семье.

КККМ

Пища, являясь объектом материальной культуры, неизбежно несла в себе печать представлений о ритуалах, лежащих в основе ее приготовления и потребления. Подобный образ сакрально-ценностного объекта мы нашли в представлениях о «творении» хлеба. В мировоззрении крестьян-старожилов «типологический сценарий сотворения мира» (космологический Миф) проигрывался ежедневно в ритуале выпечки хлеба. В нем участвовали сакральные элементы – огонь, зерно, вода. В соответствии с общерусскими этническими представлениями крестьяне говорили – не печь, а «творить» хлеб. В «картине мира» жителей Приангарья хлеб олицетворял живое существо: «Вечером коврига спит, ее нельзя резать». Поэтому непечатую ковригу хлеба можно было резать только с утра, с началом ежедневного цикла, прижимая к себе и с направлением движения ножа «на себя»⁴³.

Мы находим в картине мира и символическую аналогию: хлеб – это дом. При семейном разделе в Енисейской губернии наблюдалось вплоть до начала XX в. присутствие следующего древнего архетипного ритуала. На столе размещали ковригу хлеба, солонку и свечу. Вся семья некоторое время сидела молча. Затем отец отрезал ломоть хлеба, который сын брал с собой в свой дом. Женщины отделяли часть хлебного теста из семейной

⁴³ Цит. по: Город у Красного Яра (Первая половина XIX в.). Красноярск, 1989. С. 81–82.

«квашни»⁴⁴. В данном случае отрезанный ломоть хлеба выражал не только факт раздела хозяйства, но и ритуальное обеспечение процесса раздела совместного имущества, олицетворял отделившегося сына как «суть целого», семьи⁴⁵.

Связь материального мира и духовных представлений выразилась в адаптированных рациональных установках по его формированию и в обеспечении архетипными «созидательно-охранительными» действиями и символикой. Мы выделили и реконструировали представления об установках формирования материальной инфраструктуры, ее ценностные компоненты. В результате пришли к выводу о наличии и постоянном взаимодействии рациональных и сакральных компонентов в картине мира и установках действий в традиционном сознании крестьян-старожилов Сибири.

С одной стороны, адаптация проходила в условиях постоянных прагматичных инновационных приобретений. В результате напряженного труда в Сибири было создано адаптированное земледелие. Установки трудовой деятельности имели конечные цели достижения высокого качества жизни, свободы домохозяина в общине, приобретения права на определенные стереотипы поведения. В этом мы находим корни выраженной демонстрации качества жизни, благополучия, соревнования и нового социального идеала сибирского старожила.

Вместе с тем созидательная деятельность мотивировалась и сопровождалась «значимыми» архаичными установками, сохранившимися в ритуальной обрядности и символике. Установки этнических констант подсознательно оказывали влияние на формирование представлений о материальной инфраструктуре. В свою очередь, на основе рациональных представлений, жизненного опыта и традиций предков социализировались стереотипы трудовой деятельности и этика хозяйственной жизни, воспринимались новации. Трудовая деятельность сибирских крестьян была явлением традиционно-сакральным, направленным на неупорядоченное пространство, «неосвоенный» природный компонент. Общий процесс сценария «освоения мира» предполагал проигрывание частных процессов космогонии на основе архетипов славянской мифологии.

⁴⁴ О выраженном почтении к хлебу и сопоставлении его в подсознании с миром свидетельствует и то, что в Енисейской губернии говорили не «резать» хлеб, а «рушить» хлеб (мир).

⁴⁵ Сабурова Л. М. Быт и культура русского населения Приангарья (конец XIX – XX в.). Л., 1967. С. 158, 180. Ныне отголоски старинного русского ритуала отразились в видоизмененном значении в выражении «отрезанный ломоть».

ТРАДИЦИИ ДОМА

Культура сибирского домостроения

Важнейшим результатом освоения Сибири русскими в течение XVII – начала XX в. явилась системная адаптация традиционной материальной культуры к природно-климатическим факторам сурового края. Согласно статистическим данным, среднегодовые температуры Центральной Сибири (Томск, Красноярск, Иркутск) варьируются от +20 °С в июле до –19,5 °С в январе. Однако достаточно часто максимальные температуры (от +35 до –45 °С) могут длиться от нескольких дней до двух-трех недель и обеспечивают перепад от 50 до 80 °С между летом и зимой. Климат большей части Сибири выраженный резко континентальный, сухой. Осадки при этом выпадают неравномерно; основные (до 60–80 мм) – в конце весны и летом в виде дождя, до 17–20% годовой нормы в виде снега. Снежный покров удерживается с конца октября – начале ноября и до апреля (до 165–175 дней) толщиной покрова от 35–55 до 100–130 см. Дополнительно следует отметить ветра до 15–25 м/сек.¹

¹ Данный раздел очерка написан автором по результатам полевых исследований и практических экспериментов в старожильческих селениях ряда районов Красноярского края (Енисейской губернии) в 1971–1997 гг. Использованная литература: Научно-прикладной справочник по климату СССР. М., 1993; Ащепков Е. А. Русское народное зодчество в Восточной Сибири. Москва, 1953; Благинных Е. А. Архитектурно-градостроительное наследие Кемеровской области: XVII – первая половина XX в.: Автореф. дис. ... канд. архитектуры. Новосибирск, 2007; Крадин Н. П. Русское деревянное оборонное зодчество. М., 1988; Липинская В. А. Русское населе-

Выраженная экстремальность климатических факторов неизбежно должна была сказаться на особенностях формирования инфраструктуры русских селений Сибири, особенностях формирования сибирского деревянного зодчества. Резкий и высокоамплитудный перепад температур в течение года, значительные суточные колебания весной и осенью предъявляют особые требования к концепции типа жилища, конструкции, поэлементным связям, строительным материалам и системам жизнеобеспечения. Немаловажен также учет комплексной устойчивости всего усадебного комплекса старожилов к сумме факторов воздействия.

Развитие деревянной архитектуры Сибири дореволюционного времени освещают работы многих историков, архитекторов, культурологов и этнографов. Однако в историко-этнографических работах даются в основном общие характеристики итогов адаптации культуры русского населения в Сибири при неполном освещении поэлементных изменений в традициях деревянного зодчества.

В первоначальный период освоения сибирского края на большей территории господствовало одно-двухкамерное жилище (изба или сени-изба). Однако уже со второй половины XVIII в. в западносибирской и приенисейской деревне строились такие формы домов, как «пятистенки», «шестистенки» и «крестовики».

К середине XIX в. «пятистенки» связи «изба – сени – горница» и «крестовые» дома связи «сени – казенка – изба – горница» и связи «сени – изба – горница – спальня» становятся ведущими в наиболее развитых и зажиточных селениях южных волостей Приенисейского края.

«Крестовый» дом, или «крестовик», представлял собой значительных размеров помещение, разделенное внутри крестообразно двумя капитальными стенами. Крестовый дом имел и другие существенные особенности, характеризующие его как вершину строительного искусства сибирских старожилов.

Дом мог как располагаться на «подклете» («подклети»), в котором были подсобные помещения, кладовые, кухня, так и группироваться в сложный комплекс из ряда помещений одного уровня. В условиях изобилия строительного материала дом строили из сосны, реже из пихты и кедра. Чаше строили так: нижние ряды стен («венцы») складывали из лиственницы, пихты, жилую часть – из сосны, а отделку элементов дома – из кедра.

В суровых сибирских условиях наиболее приемлемой была техника рубки избы «в угол», то есть «в обло», «в чашу». При этом в бревнах выбирался полукруг, а концы бревен выступали за стены сруба. При такой рубке «с остатком» углы дома не промерзали даже в самые сильные, «в хлящие», морозы. При рубке в лапу – рубке без остатка в чистый угол, углы дома обшивались снаружи тесинами.

ние Алтайского края. Народные традиции в материальной культуре (XVIII–XX вв.). М.: Наука, 1987; Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в.: Историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, 1975; Шелегина О. Н. Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск: Наука, 1992.

При рубке дома в бревнах выбирались полукруглые пазы; бревна укладывались на мох, часто «в шип», «в шкант» (то есть соединялись в стене между собой специальными деревянными штифтами). Щели между бревнами тщательно конопатились и позднее замазывались глиной. Внутренняя стена дома также тщательно вытесывалась сначала топором, затем рубанком («стругом»). Перед рубкой предварительно бревна «выводились», то есть их после ошкуривания протесывали, добиваясь одного диаметра от комля до верхней части бревна. Общая высота дома равнялась 13–20 рядам – венцам бревен. «Подклеть» дома из 8–11 рядов бревен могла быть хозяйственным помещением, кухней или кладовой.

Возведенный на «подклети» дом обязательно имел подполье. Сама «подклеть» из 3–5 венцов могла служить его верхней частью. Подполье сибирского дома было весьма обширное и глубокое, если позволяли почвенные воды. Часто оно обшивалось доской. Фундамент дома учитывал местные особенности: наличие мерзлоты, близость и наличие камня, уровень вод, характер грунта и пр. Под нижний ряд стены чаще всего прокладывалось несколько слоев бересты.

В Сибири полы обязательно делали дощатыми, подчас «двойными». Полы настилали из расколотых повдоль бревен, протесанных и проструганных до 10–12 см досок-«тесаниц» («тесниц», «тесин»). Пилёный тес появился в Сибири во второй четверти XIX в. с появлением здесь пилы.

Потолки («подволоки») дома до конца XIX в. настилали из тонких, тщательно подогнанных бревен. Если для потолка применялись тесаные или пилёные доски, они могли располагаться «встык», заподлицо или

Улица в деревне
Абалаково. 1925 г.

Фотограф
А. Я. Тугаринов.
КККМ ОФ 10426/455

«в разбежку». Потолок в доме сверху (с «вышки») тщательно утеплялся глиной и/или землей, так как от этой работы зависело, «загонит ли тепло» в свой дом хозяин. Сени, но чаще всего «кладовки-казенки», строились без потолка.

Если еще в XVII–XVIII вв. наиболее распространенным способом двускатной кровли дома была кровля на «посомах» (на «самцах»), то есть на бревнах фронтонов, то с появлением «крестового» дома крыша становится четырехскатной. В качестве кровельного материала наряду с тесинами применяли «драницы», «дрань» (в ряде мест – «желобник»). Длина их доходила до двух метров. Топорный тес и драницы были весьма устойчивыми к воздействию осадков, долговечными. Пиленая же поверхность современной доски легко пропитывается влагой и быстро разрушается. Крытые дранью кровли встречались в Сибири вплоть до второй половины XX в. Соломенные кровли, повсеместно распространенные у великорусских крестьян даже среднего достатка, у сибиряков почти не встречались, разве что у переселенцев на первых порах. В начале XX в. у зажиточных крестьян и деревенских торговцев-«майданщиков» появляются крыши, покрытые железом.

Общая конструкция кровли – стропильная, четырехскатная («шатровая»). При этом стропила врубались на «связях». На верхние венцы укладывались бревна-подстропильники («переводины»), связанные крестобразно над потолком (на «вышке»). Стропила вверху сходились и заканчивались небольшим, до 1,5 м горизонтальным коньковым бревном – «князьцом».

Сени были с бревенчатым прирубом к дому или рубились цельно под единой крышей. В сени и дом вел вход через высокое просторное крыльцо, часто стоявшее на бревенчатом подрубке. С тыльной стороны дома был вход-спуск в холодное подполье-погреб под сенями для летнего хранения овощей.

Окна «крестового» дома были «колодными», «косящатыми», в которые в XIX в. вставляли двойные рамы со стеклами. На зимних оконных рамах часто изготавливали специальные желобки для сбора талой воды. С середины XIX в. широкое распространение приобрели рамы с отворяющимися в летнее время створками. Данное утепление позволяло доводить общее количество окон до 8–12. При этом простенки между окон были значительно уже, чем сами окна. Суровость климата определяла повышенную «любовь сибиряка к солнцу, к свету».

Снаружи окна обрамлялись массивными наличниками. На них навешивали на шарнирах ставни, которые являлись важнейшим отличительным признаком сибирского дома. Они служили первоначально для защиты окон от стрел и были массивными и одностворчатыми. Но впоследствии служили более для дополнительной защиты окон от мороза и стали уже двухстворчатыми и более легкими.

Дома строили из 80–100-летних деревьев хвойных пород, причем брали лишь их комлевую часть. Бревна выше комля, второго-третьего «порядка», шли на стропила, следи или строительство хозяйственных построек. Комлевое бревно обязательно «выводили» под один диаметр. Лес для этого брали «кондовый», выросший на высоком склоне горы, с мелкими и плотными годовыми кольцами.

Хвойный лес на строительство рубили поздней осенью или в начале зимы, с первыми морозами и первым снежком. Строевой лес рубили только на «старый месяц», затем «крыжевали», весной ошкуривали и оставляли в штабелях «вылеживаться» 1–2 года для просушки. Лишь затем деревья «выводили» и начинали рубить дом. Часто перед сушкой бревна вымачивали в воде для предохранения от гниения и трещин. При рубке стен бревна укладывали по сторонам света: внутрь дома обращали южную, более рыхлую, но теплую сторону дерева, а наружу – северную, плотную и «закаленную».

«Подушки» и косяки дверей и окон изготавливали из хорошо просушенной сосны или кедра. Они были несколько шире бревен стены, чтобы не затекала вода. В пазы косяков укладывали просушенный мох.

За типичный образец конструкции «крестового» дома («крестовика») нами было взято деревянное здание постройки 1902 года в с. Имисском бывшей Имисской волости Минусинского уезда (ныне Курагинского района Красноярского края).

Несмотря на солидный, более чем столетний срок существования, данный дом функционирует в настоящее время в превосходном виде. Общие размеры дома 8 × 8,8 × 3,2 м (без учета высоты «шатровой» крыши). Подполье дома общей глубиной (высотой) 2,2 м. Края крыши отдалены от стены более чем на 90 см. Крыша ныне покрыта шифером сверху по старой тесовой кровле. В начале данный дом был построен на каменном плиточном

Крестьянская изба в деревне Выдриной Канского уезда. 1911 г.

Фотограф А. П. Ермолаев. КККМ ОФ 10426/460

Крыльцо русской избы в деревне Балай. 1925 г.

Фотограф А. В. Кудрявцев. КККМ НЕГ 6316

ОЧЕРК ДЕВЯТЫЙ

фундаменте, но 20 лет назад под нижний ряд бревен был подведен бетонный фундамент. В январе 2007 г. нами были произведены частичные исследования в целях выявления взаимосвязи конструкции «крестового» дома, типа кровли и общей устойчивости к зимним погодным факторам в виде ряда замеров температуры воздуха в различных точках.

При проведении замера в 19 часов стандартный («спиртовый») термометр определил температуру наружного воздуха на расстоянии пяти метров от дома -28°C . Последующий замер, произведенный термометром вплотную у стены дома под ставнями, показал температуру наружного воздуха уже $-25,5^{\circ}\text{C}$ (разность температур составляла 3°C). Мы пришли к выводу, что восходящие конвекционные потоки более теплого воздуха вдоль стен способствуют сохранению тепла в помещении.

В неотопляемых холодных сенях температура воздуха была $-19,5^{\circ}\text{C}$ (разница температур $8,5^{\circ}\text{C}$). В «кладовке-казенке» $-18,5^{\circ}\text{C}$ (разница $9,5^{\circ}\text{C}$), над потолком под двойной тесовой и шиферной кровлей (по-сибирски, на «вышке») на уровне 1,6 м -15°C (разница температур 13°C). Мы считаем, что температура повышалась за счет того, что «шатровая» крыша, словно колпак, удерживает тепло над потолком. Во-вторых, на потолке наряду с дымовой трубой имеется горизонтальная кирпичная труба — «боро-вок», соединяющая на «вышке» дымоход «печки-голландки» в горнице с общим дымоходом русской печи.

Крестьянские дома в деревне Дрокиной возле Красноярска.

Фотограф Л. Ю. Воаго. КККМ НЕГ 1187

ТРАДИЦИИ ДОМА

Четырехскатная, «шатровая» крыша великолепно защищает дом от дождя, снега, ветра. Края крыши, почти на один метр выделяясь за стены дома, позволяют отводить в стороны дождевые струи.

Функционально обоснованная планировка пространства жилых помещений, отделка поверхности стен, разнообразие мебели и предметов утвари, широкое использование жирового освещения, чистота и порядок в домах — по этим характеристикам быт сибиряков-старожилов отличался от быта, сохраняющегося на родине их предков, в Европейской России.

Архитектура и обустройство крестьянского подворья

Жилые постройки сибирского крестьянина были лишь частью комплекса построек подворья, по-сибирски — «ограды». Домохозяйство — термин более широкого плана, чем подворье. Оно подразумевало собой все хозяйство старожила, включая дом и надворные постройки, дворы, огороды, загоны. Сюда включались и скот, домашняя птица, орудия труда,

инвентарь и запасы-припасы для поддержания жизни членов домохозяйства. В данном разделе речь пойдет об узком понимании подворья — как о комплексе сооружений, возведенном «в ограде» или принадлежащем домохозяевам².

Необходимо отметить, что в сибирских условиях сформировался замкнутый по периметру тип подворья. Высокая степень индивидуализации жизни сформировала замкнутый мир семьи как «мини-общества», со своими традициями-правилами, своей собственностью и правом полного распоряжения результатами труда. Данный «мир» имел четко выраженные границы с крепкими высокими ограждениями. Забор — по-сибирски «заплот» — представлял собой, чаще всего, ряд столбов с выбранными вертикальными пазами, забранными толстыми плахами-тесницами или тонкими слегка протесанными бревнами. Огороды, пригоны для скота могли огораживаться изгородью из жердей.

В комплексе строений важнейшее место занимали главные, парадные ворота усадьбы. Будучи олицетворением благополучия и достатка на подворье, ворота часто были краше и аккуратнее дома. Основной тип ворот в Енисейской губернии — высокие, с двухстворчатыми полотнами для прохода людей и въезда конных экипажей. Ворота часто сверху крылись двускатной крышей. Столбы ворот тщательно остругивались, иногда украшались резьбой. Полотна ворот могли быть из вертикальных тесин или забраны в «елочку». На столбе ворот обязательно крепилось кованое кольцо на металлической фигурной пластине — «жуковине». Ворота в скотский пригон или на «скотский двор» были ниже и проще.

Все подворье делилось на функциональные зоны: «чистый» двор, «скотский» двор, загоны, огород и др. Устройство дворов могло варьироваться в зависимости от природно-климатических условий региона Сибири, особенностей хозяйственной деятельности старожилов. Первоначально многие элементы усадьбы напоминали дворы Русского Севера, но впоследствии видоизменялись. Так, в монастырских документах XVII в. отмечалось, что в 25 дворах крестьян насчитывалось более 50 различных помещений, связанных с содержанием скота: «избы скотские», хлевы, «стаи конские», сенники, сараи, повети и др. (монастырь на р. Тасеева, притоке Ангары). Но еще не было деления подворья на отдельные части.

К XIX в. центром усадьбы становится «чистый» двор. Он чаще всего располагался с солнечной стороны дома, у парадных ворот. На этом дворе располагались дом, амбары, погреб, завозня и пр. На «скотском» (скотном) дворе размещались хлева, «стаи» для скота, конюшни, сенники и др. Сено могло храниться и на втором ярусе высокого навеса, на «повети», но чаще всего его наматывали на хлева и «стаи». Во многих районах сибирского края весь двор на зиму сверху крыли жердинами-слегами, опирающимися на вертикальные столбы с развилками, а сверху накрывали

² Данный раздел очерков выполнен на основе собранных автором материалов по итогам полевых исследований в старожильческих селениях современного Красноярского края в 1970–1990-х годах.

Зажиточный крестьянский дом в деревне Ловать Канского уезда. 1900-е гг.
Фотограф Г. М. Ковтунов. КККМ ОФ 10426/451. ГК № 9282183

Крестьянская усадьба в селе Анцирском. 1911 г.
Фотограф В. П. Ермолаев. КККМ НЕГ 9602. ГК № 24951327

сеном и соломой. Таким образом, весь двор полностью был закрыт от непогоды. «Сено намётывают на сей помост, а других сенников не имеет», — писалось в одной из корреспонденций из Сибири.

Строения как «чистого», так и «скотского» дворов располагались чаще всего по периметру усадьбы, непрерывно друг за другом. Тыльные стены строений чередовались со звеньями заплота. В качестве строений подворья выступали и многочисленные кладовые, пристройки-прирубы к дому, «стаям», амбару, различные навесы для инвентаря, тесин и бревен и пр. Так, с тыльной стороны крестового дома прорубался вход-спуск в отдельное подполье-погребок под домом, служившее для хранения картофеля в летнее время. Рядом к дому прирубалось небольшое помещение для домашней птицы. Тепла от стены дома было достаточно, чтобы куры и гуси легко переносили любые морозы.

Амбары (по-сибирски — «анбары») были нескольких типов. Они могли ставиться на камни и иметь земляные завалины, или возвышались на небольших вертикальных столбах, с «продувом» снизу. Такие амбары отличались сухостью и защищенностью от мышей. Амбары были одно- и двухэтажные, с галереей вдоль второго яруса, но в любом случае для амбара характерна значительно выступающая часть крыши со стороны двери. Вход при этом всегда делался с боковой стороны амбара. Амбар служил помещением для хранения хлебных и фуражных припасов, а также посевного зерна. Поэтому амбары рубились особенно тщательно, без малейших щелей, без утепления мхом. Особое внимание уделялось прочности и надежности крыши: ее часто делали двойной. Зерно хранилось в специальных отсеках (сусеках) специальной сибирской конструкции. Здесь же в амбарах стояли лари для муки и круп, деревянные кадки, мешки с льносеменем, хранились выделанные кожи, холсты, запасная одежда и пр.

Завозней называли помещение для хранения саней, телег, лошадиной упряжи. Завозня имела чаще всего широкие двустворчатые ворота и широкий помост-настил для въезда в нее.

Практически на каждом подворье сибиряка стояла «летняя куть» (летняя кухня, «временка») для приготовления пищи, нагрева большого количества воды и «пойла» для скота, варки «скотского хлёбова» и пр.

У многих крестьян-старожилов на усадьбе стояло теплое специально рубленое помещение для столярно-ремесленных работ (столярная, сапожная, пимокатная или бондарная мастерская). Над погребом надстраивали небольшое помещение, погребницу.

Дом и амбар строили из качественного «кондового» леса, то есть из смолистых, прямослойных, с плотной древесиной бревен. Хозяйственные и вспомогательные помещения могли возводиться и из «мендача» — менее качественного «бросового» леса. При этом «стай», хлевы, конюшни были как рубленные «в угол», так и «набранные» из горизонтальных бревен в столбы с пазами. Многие исследователи отмечали, что в Сибири было принято повсеместное содержание скота на открытом воздухе, под навесом и за стенами-ограждениями со стороны господствующих ветров. На навес наматывалось сено, которое сбрасывалось прямо под ноги

Амбар в деревне Кондратьевой на реке Чуне. 1916 г.

КККМ НЕГ 8250. ГК № 40955925

Двухэтажные избы в деревне Юрохты Пинчугской волости. 1911 г.

Фотограф А. П. Ермолаев. КККМ НЕГ 5297. ГК № 38263627

коровам. Ясли-кормушки появились на рубеже XIX–XX вв. под влиянием переселенцев. В средних и зажиточных хозяйствах не только помещения для скота, но и весь «скотский» двор застилался тесаными бревнами или плахами. Также застилали на «чистом» дворе плахами проходы-дорожки от ворот до крыльца дома и от дома до амбара.

Завершали вид крестьянского подворья поленицы дров, но рачительный хозяин строил для них специальный навес. Дров требовалось много, благо лес вокруг. Заготавливали по 20–25 кубических аршин, притом топором. Пила появилась в Сибири лишь в XIX в., а в ангарских деревнях — только во второй половине века, в 1860–1870-е гг. Дрова обязательно готовили с запасом, на два-три года вперед.

Особое значение для сибиряка имела баня. Строили ее как срубную, так и в виде землянки. Примечательно, что в XVII–XVIII вв. баню-землянку считали более «паркой». Ее вырывали на берегу реки, затем обшивали «тесинами» и накатывали потолок из нетолстых бревен. Как землянки, так и срубные бани часто имели земляную крышу. Топились бани «по-черному». Складывали печь-каменку, а над ней вешали котел. Воду грели также раскаленными камнями, в бочках. Банная утварь считалась «нечистой» и в других случаях не употреблялась. Чаще всего бани выносились за деревню — к реке, озеру.

На дальнем конце усадьбы находилась площадка для молодьбы хлебов — гумно, застланное тесаными плахами; на гумне стоял рубленый из бревен овин. В овине внизу делалась печка из камня или круглая площадка, обложенная камнем. Над топкой располагался настил второго яруса: здесь сушили снопы хлеба. Рачительные хозяева имели на подворье гуменник, в нем хранилась после обмолота мякина для скота. Гумно и овин чаще всего были общими для 3–5 хозяйств. В 1930-е гг., в связи с коллективизацией, гумна и овины исчезают из крестьянских хозяйств, размеры подворий резко уменьшаются. При этом значительно увеличиваются приусадебные огороды, так как овощи, картофель стали сажать не на пашне, а у дома. На усадьбах исчезают конюшни, а большие «стаи», в которых содержались до десятка и более голов скота, превращаются в современные «стайки»...

В крестьянском хозяйстве имелись постройки и вне пределов деревни. На дальней пашне возводились «пашенные» избушки, здесь же строили амбар, загон, конюшню. Часто займки и пашенные избушки давали начало новой деревне. На покосах по две-три недели жили в шалашах (в ряде мест их называют «балаганы») или даже в легких избушках из тонких бревен или толстых жердей.

Повсеместно на промысловых участках ставили зимовья, «станки», охотничьи избушки. Жили там недолго, в период охотничьего сезона, но в Сибири повсеместно народная этика предусматривала необходимость оставлять в избушке запас дров, немного продуктов, кресало — вдруг сюда забредет заблудившийся в лесу человек...

Таким образом, специфика строительства строений подворья идеально соответствовала особенностям природы, хозяйства, всего уклада жизни сибиряков с традициями порядка, чистоты, достатка.

Старинный тип крыльца в Кежемской волости и в Канском уезде, село Анцирское. 1912 г.

Фотограф А. П. Ермолаев. КККМ НЕГ 5313. ГК № 38263401

Старинный двухярусный амбар в селе Богучанском Пинчугской волости Енисейского уезда. 1912 г.

Фотограф А. П. Ермолаев. КККМ НЕГ 5308. ГК № 38263390

**Во дворе зажиточного ангарского крестьянина в селе Богучанском
Пинчугской волости Енисейского уезда. 1912 г.**

Фотограф А. П. Ермолаев. КККМ НЕГ 5302. ГК № 38263429

**Крытый двор в деревне Савиной Кежемской волости Енисейского уезда.
1922–1925 гг.**

Фотограф А. Я. Тугаринов. КККМ НЕГ 6451. ГК № 39041440

Одежда русских старожил

Наряду с трансформацией традиций домостроительства в XVII–XIX вв. в процессе системной адаптации не менее важные изменения претерпевают одежда русских старожил в их локальных вариантах приспособления к конкретным факторам среды³.

Русское старожиле население Сибири, включавшее потомков переселенцев различных районов и субэтнических групп Европейской России, принесло с собой традиционную одежду. Она определялась как общерусскими формами, так и особенностями видов и элементов одежды исходного района переселения. Применительно к российским сибирякам необходимо считать исходными как традиционные русские, так и национальные виды одежды различных этнических групп, исторически оказавшиеся в Сибири. Многие сохранялись или в неизменности, или в виде отдельных элементов и частей включалось в комплекс одежды сибиряков.

Одежда во все времена была важнейшим адаптивным элементом, наиболее успешно помогавшим осваиваться в новых условиях. В силу локальных условий природы, климата, этнических контактов «засельщиков» между собой и местным населением в Сибири образовались этнографически сложные комплексы одежды, обуви, головных уборов. Определенное влияние на данный процесс оказала территориальная отдаленность, замкнутость и взаимосвязь с сопредельными государствами.

Важно отметить, что из воздействующих факторов на первое место необходимо поставить природно-климатический; отсюда требования к одежде, обуви и головному убору в Сибири были высоки. Суровость климата предопределяла выбор теплой и при этом легкой одежды, не стеснявшей движений. Одежда должна была хорошо защищать человека от ветра, попадания снега за ворот, но при этом не вызывать усиленного потоотделения. Особое внимание сибиряки обращали на обувь и рукавицы. Очень рано у русских сибиряков появляется зимняя шапка с вислыми «ушами». Многообразие в одежде дополняется различными ее видами, связанными с профессиональной деятельностью сибиряков, например, «даха» («доха») – у ямщиков, «лузаны» – у охотников.

Высокий уровень жизни сибиряков, будь то горожане или крестьяне, свобода и самостоятельность определили рождение нового, необычного для рядового жителя Европейской России внешнего вида старожил.

³ Раздел очерка написан автором по результатам полевых исследований в старожильческой среде ряда районов Красноярского края в 1971–1997 гг. Использованная литература: Бережнова М. Л. *Костюм русских в Сибири в конце XIX – начале XX века* // <https://docs.yandex.ru/Berezhnova.pdt>; Евсеев В. Н., Макашева С. Ж. *Традиционная одежда русского старожильческого населения Обь-Иртышского Севера (вторая половина XIX – начало XX в.)* // *Человек и культура*. 2019. № 2. С. 63–72. См.: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28172; *Традиционная культура русских Западной Сибири XIX–XX вв. Очерки истории и быта: Колл. монография* / Отв. ред. М. Л. Бережнова. Омск: Наука, 2003; Фурсова Е. А. *Традиционная одежда русских крестьян-старожил Верхнего Приобья (конец XIX – начало XX в.)*. Серия: *Этнография Сибири*, Новосибирск, 1997; *Этнография русского крестьянства Сибири. XVII – середина XIX в.* / Отв. ред. В. А. Александров. М.: Наука, 1981.

В основе было функциональное деление на рабочую, повседневную и праздничную, обязательное наличие праздничной «покупной» одежды в большинстве своем, достаток, опрятность, чистота. Особенно это касалось сибирячек; они позволяли себе носить то, что обычно было достоянием горожанок «высоких» сословий Европейской России.

Будучи по сути консервативным элементом национальной культуры, одежда в Сибири во многом сохранила названия, технологию пошива и украшений, но многое со временем изменялось, заменялось на более рациональное. Так, при характеристике субэтноса казаков обращается особое внимание на их одежду, воинскую амуницию и выправку как на внешний отличительный признак. И сибирская одежда не менее влияла на облик, поведение, походку, самодостаточность старожила. В частности, применительно к зимней одежде сибиряки говорили: «Сибиряк не тот, кто мороза не боится, а кто [от] мороза умеет хорониться».

Мужская одежда состояла из рубахи и штанов-портов. В отдельных местах штаны назывались «чембары». Рубахи были длинными, до колен, и подвязывались поясом. При шитье рубахи бралось прямое полотно, перегибалось пополам, вырезался ворот. В верхней части рубахи с изнанки для прочности подшивали ткань — «подоплеку». С этой же целью под рукава подшивали «ластовицы». Затем по прямой кромке вшивались рукава, а от рукава до подола вшивалась прямая вставка. Боковая вставка делалась потому, что ширина «самотканого» полотна была недостаточна для рубахи на взрослого человека. Рубахи позднего времени уже шились без вставок.

Вырезные вороты были округлыми или прямоугольными; воротники появились только в последней четверти XIX в. Более ранними считаются вырезы ворота посередине груди, более поздними — сбоку. Ворот соединялся тесемками или металлическими застежками — «схватцами». Значительно позднее вошли в употребление бронзовые, медные, костяные пуговицы с «воздушными» петлями. Повседневные-праздничные рубахи часто украшались вышивками. Они были не только украшениями, но и магическим «оберегом» от зла, болезней, «нечистой силы». Украшения обычно располагались там, где открывался свободный доступ к телу: по подолам, рукавам и вороту. Наряду с вышивкой сибиряки применяли для обшивания повседневной одежды цветную кайму.

Мужские штаны — «порты» шились с поясом — «гашником», нешироким, чаще всего из «крашенины» — полосатой пестряди; иногда из простого белого грубого полотна из конопли-поскони. Зимние штаны шились из сукна, стеженного ветошью полотна, а иногда даже из овчины. Порты заправлялись в сапоги. По документам, в XVII–XIX вв. сапоги делили на телятинные, конинные, бараньи, сафьяновые. Были еще коты телятинные, конинные; башмаки телятинные, ичетоги кожаные, ступни и пр. Если для крестьян Европейской России основной обувью были лапти из лыка, конопли или бересты, то сибиряки носили кожаную и валяную обувь. Видов кожаной обуви было множество: неговани, бродни, чижы, бутылы, чарки (чирки), бахилы, торбоза (торбаса), поршни и пр. Самыми простыми по изготовлению и наиболее распространенными видами как

В деревне Ловать Канского уезда. Около 1905 г.

Фотограф Г. М. Ковтунов. КККМ НЕГ 4465. ГК № 38007768

мужской, так и женской обуви были чирки и поршни. Изготавливались они из цельного куска кожи, по верхней кромке был продет стяжной сыромятный ремешок.

В зависимости от времени года и характера работ на рубаху сверху надевали одежду из холста, сукна, овчины и т.д. В летнее время сибиряки носили «однорядки», то есть одежду из сермяжного сукна без подкладки – в один ряд. Кроме этого, перечислим: «охабень» – длинная, широкая, распашная и слегка раскошенная, с глубоким запахом, носимая с опояской одежда; «азям» – шился из верблюжьего сукна; «армяк» – верхняя одежда из толстого холста, понитчины; «ферязь» – в отличие от перечисленных видов одежды имела застежку, шилась из шерсти, сукна, хлопчатой ткани.

Во время летних работ в прохладную погоду или в ночное время мужчины чаще всего носили шабуры, камарники, зипуны, сермяги, полукафтаны и пр. Они были как из холста, так и из сукна, укороченные и более удобные в движении. При наступлении первых холодов надевали шойданики, теплушки, чекмени, куртачки («куртачок», «куртак» – от этого слова пошли ныне куртки) и др. Они шились из более толстого, часто домашнего сукна или сукна, крытого холстом. Повсеместно были распространены балахоны – одежда широкая, часто большого размера, надевавшаяся поверх всего в сырую и дождливую погоду. Шились балахоны из самого грубого плотного холста – «хряща».

С наступлением зимы мужчины носили разнообразную одежду из овчины, телятины, толстого сукна. Кафтаны, шубы, полушубки, тулупы были

Одежда русских старожилов Приенисейской Сибири XVII — начала XX в.

Ткани для шитья одежды:

кумач — хлопчатобумажная восточная гладкокрашенная ткань красного цвета;
киндяк — подобная же ткань, но синего, лимонного, кирпичного, зеленого цветов;
камка — шелковая однотонная легкая ткань из Персии или Италии;
объярь — плотная шелковая узоротканая ткань;
атлас — шелковая глянцевиная ткань, однотонная или с узором;
бархат — шелковая ткань, ворсистая с лицевой стороны;
бархат рытый — подобная же ткань, но с вытесненным узором по ворсу;
тафта — мягкая шелковая или полушелковая ткань.

Хлопчатобумажные ткани: бязь, бумазья, кисея, миткаль.

Крестьянские ткани — холсты различной выработки из льна, шерсти и волокон конопля: понитчина, сукно, шиптуха, яренга, пестрядь, посконь и др.

Верхняя одежда из ткани:

азям — праздничная мужская одежда из белого верблюжьего сукна. Азям из крестьянского полусукна служил повседневной одеждой;

бекеша — праздничная мужская одежда из плиса или сукна;

гостёва — праздничная мужская и женская одежда из сукна (XIX в.);

душегрейка — женская праздничная и повседневная одежда из сукна, нанки, шелка, стеженная ветошью;

епанча — праздничная мужская одежда из сукна;

епанечка — праздничная женская одежда из плиса или шерсти;

жакетка плюсова — праздничная женская одежда из стеженного плиса;

жилет — праздничная мужская одежда из нанки, плиса, шерсти;

запон — женский фартук с нагрудкой;

зилун — праздничная и повседневная мужская одежда из фабричного сукна или сукна крестьянского, катаного;

каботка — мужская и женская одежда из крашеного холста;

казакин — праздничная мужская одежда из фабричного сукна;

курма — праздничная и повседневная мужская и женская одежда из понитчины, китайки, плиса, стеженная ветошью;

куртачок — повседневная мужская и женская одежда из сукна на холщовой подкладке;

лабашка — праздничная мужская одежда из понитчины или верблюжьего сукна;

одевашка — повседневная одежда из холста;

салоп — праздничная женская одежда из атласа, канфы, стеженная ветошью;

тальяма — праздничная мужская одежда из сукна, распространенная в Приангарье;

телогрейка — повседневная женская одежда на подкладке, стеженная ветошью, шерстью;

халат — распространенная повсеместно в Сибири мужская одежда из холста; праздничный халат из кашемира, нанки, шелка, сукна;

шугай — повседневная женская одежда из крестьянского сукна.

Верхняя одежда меховая:

кафтан нагольный — т.е. не крытый холстом, дабой; мужская повседневная одежда;

кафтан крытый — праздничная мужская одежда; крыт дабой, холстом;

полушубок — нагольный и крытый;

тулуп — нагольный и крытый дабой или фабричным сукном;

безрукавка — праздничная женская одежда из беличьего меха, крытого штофом, плисом;

доха (даха) — повседневная и праздничная мужская одежда из шкур собак, диких коз;
дошка — повседневная и праздничная женская одежда из шкур собак, диких коз;
душегрейка — праздничная женская одежда из беличьего меха, крытая штофом;
епанча — праздничная женская одежда из беличьего меха, крытая шелком;
курма — женская одежда из беличьего меха, крытая шелком;
яга — повседневная или праздничная мужская одежда из козьего или оленьего меха.

Обувь кожаная:

аларчики (алачики) — мужские и женские праздничные мягкие сапоги с вышивкой;
башмаки козловые — женская повседневная обувь;
башмаки сафьяновые — мужская и женская праздничная обувь в XVII–XVIII вв.;
башмаки телятинные — повседневная мужская обувь;
бахилы — мужские повседневные мягкие сапоги;
ботинки — женская праздничная обувь (с середины XIX в.);
бродни — мужские повседневные мягкие сапоги;
вельверетки — праздничная женская короткая обувь;
ичиги, ичетоги — повседневные и праздничные мужские и женские мягкие сапоги из кожи и сафьяна с вышивкой;
калпники — праздничные женские сапоги из юфти, сафьяна с вышивкой;
коты — мужская и женская праздничная обувь из красной юфти;
коты конинные, телятинные — повседневная мужская и женская обувь;
лабуты — мужская повседневная обувь из лосиной замши;
лакомей — мужские и женские повседневные и праздничные сапоги из оленьей кожи;
обутки — мужская и женская повседневная короткая обувь; в Сибири — нарицательное название всякой повседневной короткой обуви;
сагоры — повседневные мужские мягкие сапоги;
сапоги-бизоны — мужские праздничные хромовые сапоги;
скуты — мужские повседневные сапоги с холщовыми голяшками;
ступни — мужская и женская повседневная короткая обувь;
уледы — мужские и женские мягкие сапоги для хождения на лыжах;
чибрики — женская повседневная короткая мягкая обувь;
чирки, черки — женская повседневная юфтевая короткая обувь.

Обувь меховая:

бокари — мужские и женские мягкие сапоги из оленьих камусов с кожаной подошвой;
волосняники — мужские промысловые сапоги из конского волоса;
дышики — мужские промысловые длинные, до паха, сапоги из козьего меха;
камысы — мужские промысловые сапоги из оленьих, гураньих камусов;
камчуры — мужские и женские промысловые короткие сапоги из камусов;
качутки — мужские и женские промысловые сапоги из лосиных, козьих, оленьих камусов, распространенные в Приангарье;
кысы — мужская и женская домашняя обувь из оленьих камусов;
пимы — домашняя обувь из оленьего меха;
торбаса, торбасы — мужские мягкие сапоги из оленьих шкур, украшены вышивкой;
унты — мужские повседневные и праздничные сапоги из собачьих шкур или камусов;
чижжи — мужские и женские праздничные сапоги из меха с шелковым вышитым верхом.

Обувь катаная, плетеная, вязаная. Чулки вязаные и меховые:

пимы, катанки, чёсанки — мужская и женская повседневная и праздничная обувь, катаная из овечьей шерсти;
кошомные чулки — повседневные шерстяные овечьи, мужские и женские;

чуни — мужская и женская рабочая летняя короткая обувь. Плетена из конопляных веревок. У переселенцев часто была повседневной обувью;

бакари — мужские промысловые суконные чулки;

вязанки — носки из шерсти;

голяшки — женские повседневные холщовые чулки;

карпетки — мужские повседневные пеньковые носки;

носки — мужские промысловые из конского волоса;

паголенки — женские летние повседневные чулки из холста;

трипотки — мужские повседневные вязаные чулки;

чулки русские — суконные, мужские и женские, повседневные и праздничные;

чулки пряжные — женские, вязанные из конопляных ниток;

букули — мужские и женские домашние носки из собачьей шерсти, а чаще из собачьей шкуры. Распространены в Приангарье;

накочутки — мужские и женские повседневные носки из собачьего меха или овчины;

пупыри — мужские и женские повседневные чулки из телячьей или овечьей шкуры;

лосинки — мужские и женские промысловые лосиные чулки.

Головные уборы женские и девичьи:

безумент — праздничные женский убор — сложенный платок;

капор — праздничный шелковый убор на меху;

кичка — женский повседневный и праздничный головной убор из холста с твердым каркасом (XVII–XVIII вв.);

кокетка — праздничный шелковый шейный платок; в XIX в. — девичья праздничная вышитая ситцевая косынка;

колпак белёвый — убор девичий праздничный, вязанный из льняных ниток;

косник — убор вязанный девичий праздничный;

красота — девичья обрядовая полоса шелка на каркасе, украшена бисером, позументом;

кругляш — женский повседневный и праздничный головной убор из шелка и ситца;

накосник — женский праздничный и повседневный головной убор из шелка на каркасе;

повязка — девичий убор: полоса ткани на каркасе, украшена бисером;

повойник — женский повседневный или праздничный убор из ситца и шелка;

назатыльник, подзатыльник — женский праздничный головной убор, шитый золотом и украшен жемчугом;

подбрусник — убор из холста, ситца, атласа, шелка, украшен одякуем;

подшалок — из гарусной шерсти, женский и девичий;

сборник — женский повседневный и праздничный убор из холста, ситца, шелка;

сетка — девичий повседневный головной убор, вязанный из цветных ниток;

сетка — от мошки, вязана из конского волоса;

чебак — женская повседневная и праздничная парчовая шапочка на меху;

шаль — из ситца, шелка, шерсти, праздничная и повседневная;

шапка — праздничная атласная или шелковая, шита золотом с бобровой опушкой.

Головные уборы мужские:

барлова — меховой повседневный убор;

шапка бобровая — из сукна и меха, праздничная;

гречевник — праздничный убор из катаной шерсти;

картуз — праздничный убор из сукна;

катанушка — повседневная и праздничная шерстяная шляпа;

кухтарница — промысловая шляпа, шапка катаная, с холщовой лопастью сзади;

папах — праздничный меховой убор;

самокатка — катаная праздничная и повседневная шляпа;
татарка — «четырёхклинка» тканевая, праздничная, подбита мехом, овчиной;
треух — повседневная шапка из сукна;
фуражка с кондырем — фуражка праздничная суконная, с козырьком;
чебан — повседневный и праздничный убор из сукна с меховой опушкой.

Рукавицы, перчатки:

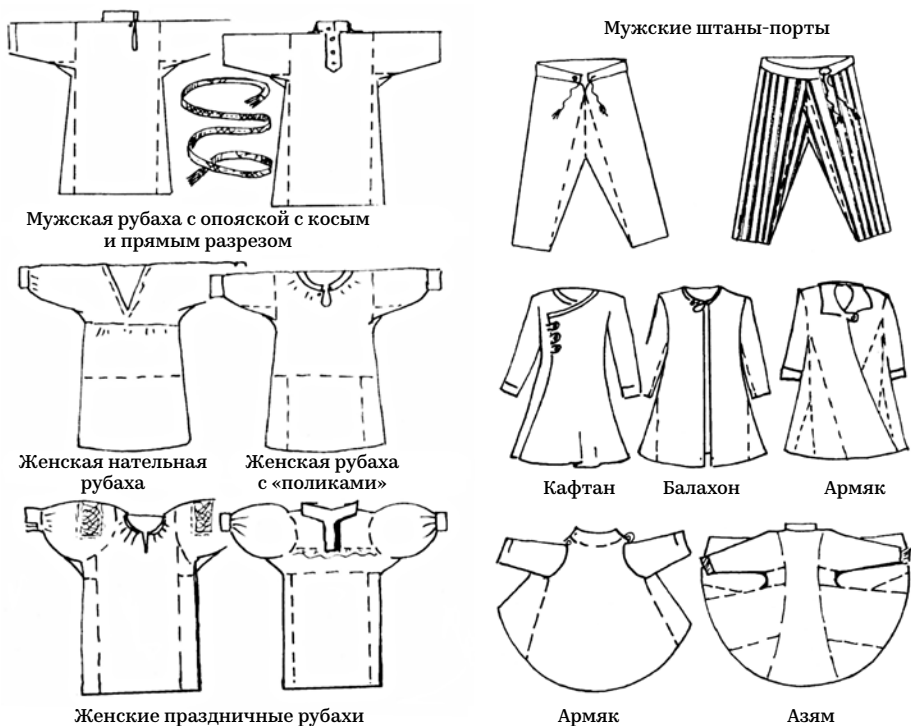
вареги — из шерсти, вязаные;
верхницы — из шерсти, вязаные;
верхоньки — из бараньих, лосиных, собачьих, изюбрьих шкур мехом наружу;
волосянки — вязаные, из конского волоса;
голщцы — кожаные рукавицы;
исподки — вязаные рукавицы, надевались под кожанки;
коколды — рукавицы мехом внутрь;
лохматки — рукавицы из шкур мехом наружу;
персцятки — перчатки, из пряжи льняной, хлопчатобумажной, из овечьей шерсти;
рукавицы вятские — вязаные из шерсти;
шубенки — рукавицы овчинные, мехом внутрь.

как «нагольные», так и «крытые». «Нагольными» называли шубы и кафтаны, не покрытые материалом. Кафтан, в отличие от других одежд, плотно прилегал к телу и имел расширяющийся подол. Зимние виды одежды имели большой ворот и большую длину. Многие носили в морозы «снизку» — сшитые вместе две верхние одежды.

Но все же наиболее оригинальной и теплой была «даха» (доха). Шилась она чаще всего из шкур собак или диких коз, длиной до пят и более, с объемным воротом, длинными рукавами и широким запахом. По документам XVIII–XIX вв., отмечены довольно редкие случаи гибели сибиряков от морозов в дороге во время «ямщины», в лесу на зимних работах. Это объясняется, естественно, тем, что старожилы-сибиряки тепло одевались, заранее просчитывали свои возможности в пути, думали о дополнительных гарантиях выживания в самых суровых условиях.

Особого описания требуют зимние сибирские валенки. Валенки из шерсти толстого вяления, по виду грубые и формой неказистые, назывались «пимы». Их надевали часто на двойные шерстяные носки с теплыми суконными штанами для поездок на покосы в саях-дровнях за сеном из зародов (кстати, воз сена на дровнях был объемом в три копны). Также в пимах вывозили со своей лесной деляны на тех же дровнях заготовленные еще весной дрова, высушенные за лето в поленницах. Пимы также надевали на зимнюю рыбную ловлю, на «ямщину» на тракте и другие работы.

Обычные, повседневные и разнообразные по фасону валенки называли в Приенисейской Сибири «катанками». Сибиряк зимой ходил в катанках с утра и до вечера в ограде, на улице, в общественных местах. Вследствие того, что подошва валенок быстро изнашивалась, их по 3–4 раза за время пользования подшивали. Особо рачительные крестьяне сразу подшивали или заказывали новые валенки. Пожилые старожилы носили катанки даже дома «для тепла и здоровья ног», часто с обрезанным верхом.

Мужская рубашка с опояской с косым и прямым разрезом

Мужские штаны-порты

Женская нательная рубашка

Женская рубашка с «поликами»

Кафтан

Балахон

Армяк

Женские праздничные рубашки

Армяк

Азям

Праздничные валенки катались лучшими мастерами из тонкой, самой мягкой белой шерсти. Чесанки часто носили украшенными цветных шитьем из нитей и бисера, с расчесанным или, наоборот, вспушенным гребнем или щеткой верхом. Естественно, в чесанках красовалась женская половина старожильческой общины.

Головные уборы сибиряков были также многообразны и рассчитаны как на «свою» погоду, время года, так и на определенные занятия или времяпровождение. Летом носили картузы, катанушки – шерстяные шляпы, малахай из сукна, самокатки – катаные из шерсти шляпы, татарки – четырехклинные тканевые шляпы, суконные фуражки и др. Зимой носили меховые головные уборы – барловы, бобровые шапки, малахай из меха, «монгольские» меховые шапки, папахи, татарки, прошитые мехом, треухи меховые, чебаны с меховой опушкой, шапки «стяжные» и «верверетовые».

Особенным видом головных уборов мужчин-сибиряков были колпак из оленьего меха, лесовица (лесовушка), накухтарница, нашейник. Данные уборы были более промысловыми, изготавливались из сукна, самокатаной шерсти, меха. Для защиты от снега сзади часто пришивали холщовую лопасть. Летом во время сенокоса мужчины повязывали головы платками или куском холста. Важнейшим элементом головного убора в Приенисейском крае были личинки-сетошники (маски и сетки из конского волоса и холста), служившие для защиты от мошки и комаров и носимые как мужчинами, так и женщинами и детьми. На Ангаре говорили, что здесь «человек как рождается в сетке, так в ней и помирает...».

ТРАДИЦИИ ДОМА

Сарафаны

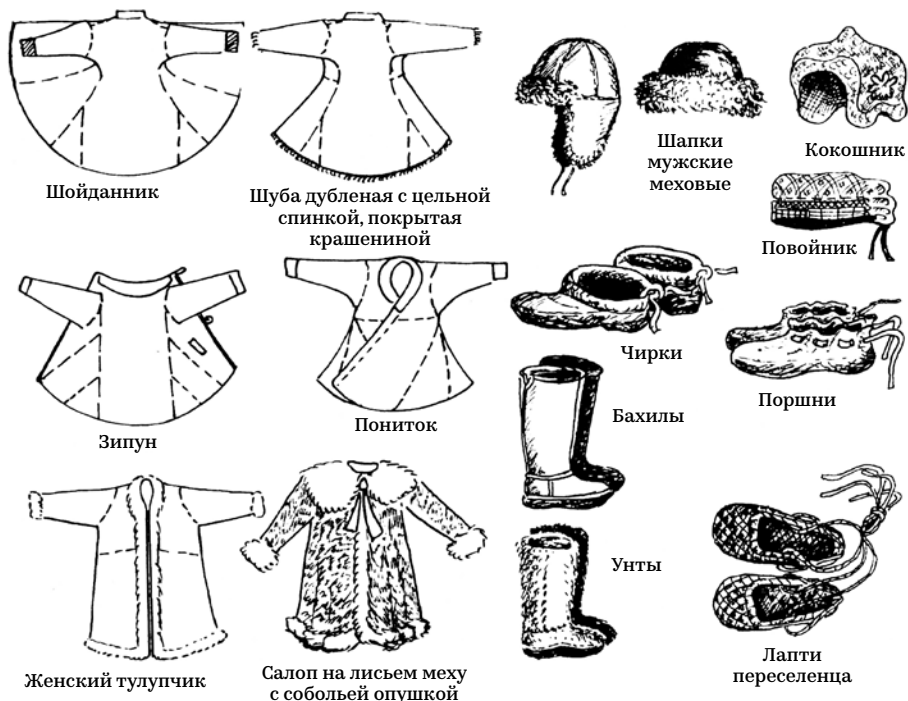

Женщины носили длинную рубаху. Рубаха повседневная была более простой, без лишних элементов, украшений и отделки. По вырезу горловины и по обшлагам рукавов рубаху украшали вышивкой.

Поверх рубахи надевали сарафан (термин «сарафан» появился на Руси в XIV в.). Были сарафаны двух типов: застегивающиеся сверху вниз спереди и сшитые с длинной полоской — украшением. Сарафаны украшались лентами, вышивкой, пояском, пуговицами. Иногда их шили из полотна различных цветов. Часто верхняя часть рубахи и сарафана шилась из тонкого привозного полотна, а нижняя — из дмотканого, более грубого и дешевого.

Поверх рубахи сибирячки надевали поневу — своеобразную юбку, состоящую из двух-трех полотен, не сшитых, а укрепленных на поясе. Общераспространенной была телогрея — длинная, распашная, с широкими косыми клиньями в подоле верхняя одежда. Телогрея имела длинные рукава и множество оловянных или медных пуговиц и, по всей видимости, произошла от распашного варианта старинного сарафана. Из-за довольно прохладного климата женщины носили поверх рубахи «душегрею» — короткую одежду на лямках, раскошенную, со складками. Вариантов кроя и цвета душегрей было великое множество.

На голову сибирячки чаще всего повязывали платки. При этом платки были как четырехугольные, так и треугольные: косынки из шелка или ситца, кокетки — шелковые шейные платки. Множество видов платков вязали из шерсти: файшонка — вязаная косынка, подшалок — платок

из «гарусной шерсти», шаль шейная шерстяная, шаль, шаленка и др. В зависимости от сезона шали и шаленки носили шерстяные, ситцевые, шелковые, холщовые. Платок часто повязывали, складывая его полосой: такие уборы назывались безументом или подвязальником.

Существовало и множество других уборов: калор — шелковый убор на меху, красота — полоса шелка на каркасе, кругляш, малахай — повседневная меховая шапка, наколка — убор из шелка на каркасе, чебак — парчовая шапочка на меху и др. Некоторые головные уборы вязались из нитей ажурной вязкой: колпак «белевый», сетка — убор из цветных ниток, назатыльник и др. По свидетельству Е. А. Авдеевой, многие сибирячки покрывали голову «наметкой» — куском полотна из дорогой завозной ткани, украшенной цветным шитьем. Девушки во многих местах носили праздничное украшение — «ленты», этот убор состоял из пучка 20–30 разноцветных лент.

Конечно, женщины в Сибири, придерживаясь традиций, принесенных в Сибирь, изредка носили и русские старинные головные уборы — кички, кокошники, повойники. Кички и кокошники надевались более на свадебные торжества, иногда по праздникам. Часто упоминаемые в документах XVIII–XVIII вв., к середине XIX в. они выходят из моды. Сохраняются повсеместно в повседневной носке только повойники — своеобразные чепцы из холста и шелка. Праздничные повойники шились из дорогой ткани и богато украшались.

Нельзя забывать, что женщина заплетала волосы в две косы и укладывала их на затылке. Невозможно было представить себе женщину без головного убора, с непокрытыми волосами – это считалось позором и верхом неприличия («распущенные волосы – распутная женщина»).

Как женщины, так и мужчины носили чулки суконные, шерстяные, сермяжные. В зимнее время не обходились без меховых чулок: «кулемишки» – чулки из собачьей шкуры, «лосинки» – промысловые лосиные чулки, «пупыри» – чулки из телячьей или овечьей шкуры.

В суровых условиях человек, конечно, не мог обойтись без рукавиц. Их было множество видов: вареги, верхницы, верхоньки, волосянки, вязанки, высподки, голицы, исподки, лохматей, шубенки. Шились и вязались рукавицы из шерсти, шкур лося, собаки, изюбря, конской кожи, овчины и т.д. Меховые рукавицы делались как мехом внутрь, так и наружу. Сибирские мастерицы искусно вязали из льняной, шерстяной и хлопчатой пряжи «перстятки», «персчатки».

На комплекс сибирской одежды оказали влияние заимствования из одежды местных народностей. На Севере русские носили одежду «гусь», подобную «малице»; на Колыме – «кухлянку» из меха оленя. Общераспространенными у сибиряков стали различные виды меховой обуви – «торбоза», «унты», тяжи, кожаные и меховые штаны, меховые шапки местного покроя. Охотники носили «лузаны», «камлеи», «камлейки».

Девушки
из зажиточной
старожильческой
семьи деревни
Енисейка Канского
уезда. 1911 г.

Фотограф
В. П. Ермолаев.
КККМ НЕГ 9597/2.
ГК № 24951746

Пожилые женщины в праздничной одежде в деревне Яркино на реке Чадобец 1911 г.

Фотограф
А. П. Ермолаев.
КККМ ОФ 10426/433.
ГК № 9282218

Все сибирское население без исключения – взрослые и дети, мужчины и женщины – носили валенки, по-сибирски – «пимы», «катанки».

Со второй половины XIX в. сибиряки-мужчины начинают носить рубахи-косоворотки, пиджаки, а в конце века женщины – «парочки» – юбки с кофтой, модные «калоши». А. П. Шапов писал: «Мода всецело господствует в Сибири и покоряет население. Пиджаки, жилеты, фуражки составляют принадлежность костюма сельской молодежи. Сибирский крестьянин никогда не знал лаптей, и сапоги для него – постоянная обувь. У женщин сарафан – рабочий костюм. А носят блузы и шерстяные платья, чулки, ботинки. Особый шик – лакированные галоши!»

Все без исключения современники отмечали, что в Сибири повсеместно употребляют для шитья одежды различные привозные ткани и покупают привозные одежды. Привозные ткани были из Бухары, Китая, Персии, из городов Европейской России. Еще в XVII в. в Тобольск завозили товары из 55 городов России! Наряду с тканями и готовой одеждой в Сибирь поступали и различные украшения.

Важное место в анализе одежды сибиряков занимает отношение к одежде рабочей и праздничной. Труд как начало, «творящее мир», подкреплялось традиционными правилами ношения специальной рабочей одежды, в большинстве случаев «домодельной». Изготовленная из своего

сырья, своими руками, одежда была частью ритуальности, обеспечивающей достижение высоких результатов в труде. «Священность» домотканой одежды подтверждается традицией старожилов Приенисейского края одевать в XIX в. умершего человека в «смертную» одежду только из льна и конопли («поскони»).

Праздничная одежда, наоборот, отражала степень пользования результатами труда, наличие средств на приобретение покупных вещей. Это выражалось в приобретении дорогостоящей и оригинальной одежды. Для изготовления выходной одежды, головных уборов, поясов сибиряками употреблялись в основном ткани фабричного производства.

Традиции питания русских сибиряков

С началом вхождения и освоения сибирских регионов в составе России, все четыре столетия ее истории русское население живет в условиях климатогеографического стресса, который влияет на состояние всех органов и систем организма. И это даже в условиях многопоколенной адаптации, согласно выводам современных медицинских и диетологических исследований. Трудом и опытом многих поколений старожилам удалось приобрести навыки компенсации факторов среды за счет изменений и новаций в структуре и рационе питания⁴.

Для начала отметим ряд особенностей традиционного питания автохтонов Сибири как сплава ответа на вызовы природы, истории, биологии и культуры. Ввиду необходимости адаптации организма человека основное место занимает мясная и рыбная (белковая) пища. Характерными элементами местного питания были подкисшая, «с душком» еда; мясо и рыба, пересыпанные смесью трав и лишайников; потребление огромного количества жира. Из-за особенностей пищеварения многих сибирских этносов «прокислая» пища в суровых условиях способствует быстрому ее усвоению. Также многие народы Сибири (за исключением народов тюркской группы) не могут употреблять в пищу коровье молоко.

С процессами освоения и адаптации в Сибири связаны изменения в традиционном хлебно-мучном питании русских переселенцев и старожилов. Поначалу они испытывали серьезные трудности в обеспечении

⁴ Данный раздел очерка написан автором по результатам полевых исследований в старожильской среде ряда районов Красноярского края в 1971–1997 гг. Использованная литература: Блощицына М. В. Культура питания русских Верхнего Приобья и Саяно-Алтая в конце XIX–XX вв.: локальные варианты и их трансформация: Автореф. дис. ... канд. исторических наук. Новосибирск, 2008; Липинская В. А. Пища русских сибиряков // Этнография русского крестьянства Сибири. XVII – середина XIX в. М.: Наука, 1981; Сабурова Л. М. Культура и быт русского населения Приангарья (конец XIX – XX в.). Л.: Наука, 1967; Турбин С. И. Старожил. Страна изгнания и исчезнувшие люди: Сибирские очерки. СПб., 1872; Шелегина О. Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири. М., 2001; Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры / Под ред. Ю. В. Бромлея. М.: Наука, 1987.

себя хлебом. Вплоть до последней четверти XVII в. Сибирь осваивалась на основе хлебных поставок в край из Центральной России и Урала. К тому же основной целью государства на новых территориях было ее пушно-промысловое освоение, поэтому собственное земледельческое освоение отставало. Но постепенно своя продовольственная база была налажена. Для Приенисейского края важнейшую роль сыграло начало земледельческого освоения южных районов в 1710–1740 гг. Но и в XIX в. рыба по-прежнему оставалась важнейшим продуктом питания старожилов.

Первопроходцы сибирского края, промысловики и казаки, испытывали серьезные трудности ввиду нехватки хлеба в дополнительной ориентации питания на продукты охоты и рыболовства. Так, в северных областях русские первопроходцы вынуждены были выпекать лепешки из толченой сухой рыбы и икры, а основным продуктом стала рыба. Технология заготовки рыбы и ее переработки была перенята у местного населения (юкола – вяленая рыба, порса – сушеная мелкая рыба, юрок – вяленая без костей). Основным способом заготовки рыбы была засолка. Рыбу потрошили, пластали и, не снимая чешуи, солили на месте промысла, зимой замораживали. Так, М. Ф. Кривошапкин писал в 1857 г., что в г. Енисейске в зимние месяцы повсеместно «на берегу Енисея рыба сложена в поленицы без всякого присмотра».

Добывали рыбу в огромном количестве. Только на Ангаре по «ямам» в середине XIX в. ежегодно вылавливали по 2,5 тыс. пудов! Получил в Сибири широкое распространение и рыбий жир, почти не употреблявшийся в Европейской России. Готовили его, перетапливая в котлах куски рыбы с малым содержанием воды. Особенно хорошим считался рыбий жир при выпечке пирогов. И по настоящее время рыба остается традиционным для Сибири продуктом питания; до сих пор в старожильческих селениях ни один праздничный стол не обходится без рыбного пирога и других рыбных блюд.

Старожилы и русские переселенцы активно включали в свой рацион и другие дары сибирской природы. Повсеместно употребляли в пищу дикий лук-бодун, чеснок, сарану, кипрей, колбу, черемшу. Варили щи из травы, похожей на ревеня и называвшейся здесь русскими «капустою», или из травы, которую называли «борщ». Конечно, существенную роль в питании играли продукты охоты: так, в документах XVII–XIX вв. упоминаются медвежати́на, оленина, сохати́на, зайчати́на, куропатки, рябчики, гуси и т.д.

По мере развития собственного земледелия основным продуктом питания русских старожилов вновь становится ржаной хлеб. Его пекли из кислого теста, которое в специальной деревянной посуде («квашонка», «дежа») заквашивали чаще всего остатками теста от предыдущей выпечки. Заквашивали, конечно, и дрожжами, пивной или квасной гущей. В ржаной хлеб иногда добавляли ячменную (ячную) муку. В зависимости от сорта муки хлеб делился на ситный и решетный. Пекли хлеб на чисто выметенном поду русской печи в виде круглых ковриг. В неурожайные годы в хлеб добавляли молотую сарану, дикую гречиху («кандык»), а на Севере – рыбную муку и даже мох. Кроме ржи, яровой и озимой, выращивали ячмень, овес, гречу, горох, полбу. Все эти культуры шли

Хлеб и традиции питания русских старожилов

И. Г. Гмелин: «Зерно здесь очень дешево, а также быки и свиньи. Река богата рыбой. Осетры жирны, так что в котлах, где их варят, стоит жир в палец толщиной. Дичь: лоси, олени, косули, зайцы и т.д., из птиц — фазаны, куропатки, лебеди, дикие гуси, аисты — все это стоит дешевле говядины». (Из описания рынка в г. Тобольске в XVIII в.)

С. П. Крашенинников: «Отправляясь зимой за соболями, промысловики берут на человека по 30 пудов ржаной и 1 пуду пшеничной муки, а квашню несут с собой или делают на месте. А если закваска и гуща переведется, то многие зазнаются и умирают, понеже пресные хлеба есть принуждены бывают. Хранят закваску в специальном берестяном сосуде — „бурде“, которую очень берегут, потому что весь их харч в хлебе и квасе состоит».

А. П. Степанов: «У всех без исключения крестьянин Енисейской губернии хлеб употребляется ситный. У бедных белый хлеб бывает всякое воскресенье, всякий праздник, рыба 3–4 раза в неделю, щи забеляются сметаной, каша ячная с молоком. У крестьян среднего достатка щи с мясом каждый день, жидкая овсяная каша с молоком или саломата с маслом; иногда баранина жареная, несколько раз в неделю рыба. По праздникам увеличивают свой стол студнем и блинчиками или вафлями. Стол богатого — из подобных же припасов, но в большем количестве, он имеет всегда 4 блюда и мягкие (т.е. белый хлеб) всякий день, и пироги с рыбой, и рыба знаменитее. Сушеную клубнику и землянику едят разваренную с медом».

А. П. Беляев: «Хозяйева, простые крестьяне-сибиряки, очень радушно нас приняли; такие же опрятные хозяйюшки накрыли тотчас на стол и поставили кушанья. Каково же было наше удивление, когда этих кушаний — похлебок, говядины, каши, жареной дичи, пирожных колечек с вареньем — оказалось до шести блюд; превосходный пенный квас нам подали в стеклянных зеленых кувшинах работы Коновалова, а когда мы уходили и хотели заплатить за обед, то хозяйева обиделись, сказав: „Что это вы, господа? У нас, слава Богу, есть что подать“. Таким образом, иные условия жизни, достаток, зажиточность, обеспеченность давали возможность старожилам-сибирякам жить сытой жизнью, что поддерживало их здоровье, работоспособность, выносливость».

С. И. Турбин: «Когда я и ямщик вошли в избу, хозяйева уже сидели за столом и хлебали щи... В сибирских щах, кроме воды, мяса, соли и толстой крупы, нет никаких примесей. Класть капусту, лук и вообще какую бы то ни было зелень считается совершенно ненужным. За щами последовал студень, к которому подали незнакомую нашему (т.е. великорусскому) престолярью горчицу, разведенную квасом. Далее явился не то чтобы вареный и не то чтобы жареный, а скорее пареный поросенок, слегка просоленный и очень жирный. Четвертым блюдом был открытый пирог (растягай) с просоленной шужкой. В пироге ели только начинку; края и сподку есть не принято. Наконец, явилось что-то вроде оладьев с творогом, жаренных в коровьем масле. Хлеб исключительно пшеничный... Квас, и даже очень хороший, в Сибири можно найти в каждом порядочно построенном доме. Где пекут хлеб из ржаной муки, там ее всегда сеют на сито. Употреблять решето считается предосудительным.

— Мы, слава Богу, не свиньи! — говорят сибиряки. За решетный хлеб много достается новоселам, имеющим к нему сильное пристрастие».

для приготовления муки и дальнейшего использования в пищу в разных кушаньях. Так, из ржи и ячменя, предварительно прорастив его, делали солод, а затем варили пиво. Из пшеницы пекли калачи, тертые и крупчатые (мука крупчатая – «только из самой доброй пшеницы», мука высшего сорта).

Излюбленными сибирскими кушаньями считались пироги – их в Сибири пекли более пятидесяти видов. Пироги могли быть подовые из кислого теста (на поду печи) и пряженные (жареные) из кислого или пресного теста. Пироги начинялись рыбой, ягодой, мясом, овощами, творогом, капустой, яйцами, черемухой (как рыбные, так и пироги с черемухой были особо любимы сибиряками), начинкой из другого теста и т.д. Разнообразие видов выпечек и пирогов позволяло разнообразить стол и в «скоромные», и в постные дни.

Основой пирога был «сочень»: если его начиняли сверху (творогом, овощами, черемухой), заливали сметаной, то получались «шаньги». «Сгибни» – пироги с начинкой, защищенные по краям. Распространены были и «стружени» («хворост») – жаренные в масле витые фигурки из пресного теста. Пироги подавали и как отдельное блюдо, и как «прикуски» к чаю, и как добавку к горячим жидким блюдам, притом к каждому – особые. К щам из свежей капусты – пирог с гречневой кашей; к кислым щам – с соленой рыбой; к лапше – пирог с мясом; к ухе – пирог с морковью.

Повсеместно выпекали блины как из кислого, так и из пресного теста, оладьи, пшеничные и просынные, овсяные и гречневые, тонкие и с припеком.

Блюда традиционной сибирской кухни

Блины сибирские. Гречневую муку смешать с пшеничной, развести молоком. Добавить яиц, масло топленое, дрожжи, соль, сахар. Приготовить дрожжевое тесто, развести его до нужной густоты жидкими сливками. Выпекать блины на сковороде на углях печи.

Сибирские пельмени. Слегка заморозить одинаковые по весу куски мяса свиного, говяжьего, дичину и сало. Затем мясо и сало вместе как можно мельче изрубить сечкой в корыте с луком, чесноком, постоянно помешивая. Изрубленную массу хорошо промять толкушкой, посолить, поперчить, заправить молоком или жидкими свежими сливками. Фарш еще раз хорошо промять и перемешать. Замесить крутое тесто и дать ему отстояться. Пельмени лепить маленькие, в «один прикус».

Саламат. Гречневую муку поджарить на сковороде с добавлением сливочного масла. Заварить кипятком или кипящим молоком. Добавить мелко шинкованный лук, мелко нарезанное сало, соль. Хорошо размешать, накрыть крышкой и, укутав полотенцем горшок, упарить некоторое время на скамье. Отсудив, разрезать на порции и подать к столу, полив каждую порцию маслом, подливом (соусом).

Горошница. Горох смолоть в гороховую муку, заварить кипятком и подержать на «водяной бане». Остудив, разрезать на прямоугольные пластинки. Залить горошницу внутренним рыбным жиром, вытопленным из красной ангарской рыбы.

Пирог сибирский рыбный. На раскатанный пласт дрожжевого теста выложить слойми вареный рис или пшено с луком (лук можно обжарить). Затем выложить рыбу, цельную или нарезанную кусочками, без костей. Снова положить рис с луком и покрыть начинку другим слоем теста, защипнуть. Пирог проколоть ножом для выхода пара. Пирог можно сделать из цельного пласта теста и с крупной рыбой, защипнув края теста и придав форму лодочки.

Чаепитие в семье крестьянина Шеходанова деревни Есаулово. 1928 г.

Фотограф Б. И. Шангин. КККМ НЕГ 8829/2. ГК № 15743882

Огромным спросом в Сибири пользовались «сковороды блинные разных размеров», — отмечается в таможенных сибирских книгах XVII в. Из цельных и дробленых зерен варили каши — как повседневные, так и для ритуальных целей, «кутью»; из хлебного «жита» делали различные напитки. Особенно полюбился сибирякам саломат: он был на каждом праздничном столе. Из муки готовили жидкие блюда — болтушки, затирки, и густые — каши, саломат, кулагу, запаривая их в русской печи. Любимы были толокно, овсяной кисель, кисель из запаренного жидкого ржаного теста («бурдук»).

Необходимо остановиться и на мясной пище: она для Сибири была неизмеримо важнее, чем для Европейской России. Там мясные блюда были скорее праздничной пищей, здесь же — повседневной. Это было связано не только с повсеместным развитием животноводства, но и с жизненной потребностью в мясной пище в условиях сурового климата.

Академик И. Г. Гмелин, путешествуя по Сибири в 40-е гг. XVIII в., отмечал, что «съестные припасы очень дешевы, рыба превосходная, мясо и дичь — в изобилии». Мясо в пищу шло свежее — «свежина», соленое — «солонина» и вяленое — «провислое». Зимой мясо окунали в воду, давали ему обледенеть и складывали в кадки, засыпав снегом. Мясо отваривали, тушили, жарили, запекали в тесте или большими кусками в русской печи. Мясные блюда были разнообразны: студень, холодное из языков, ушей и губ, свиные окорока, похлебки с мясом, мясные щи, жаркое из мяса, из мяса и овощей, «курник» и др.

Блюда традиционной сибирской кухни

Кисель овсяной. Очищенный овес залить водой и оставить на сутки. Воду слить в отдельную посуду. Вымоченный овес хорошо отжать. В полученную жидкость добавить соль и варить на огне, помешивая, до густоты. Добавить кипяченое молоко или сливки. Перемешать. В кисель можно добавить немного масла. В зависимости от густоты кисель подают жидким или нарезают на куски, запивают молоком или простоквашей.

Бурдук. Оставить часть теста от хлеба. Тесто залить водой и оставить на некоторое время, предварительно хорошо размешав. Когда появится осадок, воду сверху слить. Так повторить дважды. Осадок в Сибири называли «ил». Полученный «ил» залить крутым кипятком или кипящим молоком — получится густой, очень вкусный кисель — бурдук.

Варево. Это своеобразный полуфабрикат для «похлебки» на покосе, в лесу, в дороге. Для приготовления варева на сковороде жарили в жире или масле овощи, рубленое мясо, лук. Затем всыпали, помешивая, максимальное количество предварительно прожаренной на другой сковороде муки. Из густой массы катали шарики и подсушивали в печи. Хранить их можно было в прохладном сухом месте. При приготовлении «похлебки» достаточно было опустить шарики в кипяток и прокипятить. Получалось очень калорийное сытное блюдо быстрого приготовления.

Однако любимым традиционным блюдом сибиряков считались и ныне считаются пельмени. Н. М. Ядринцев писал об этом так: «Пельмени поглощаются в невероятном количестве. Мясо доступно крестьянину». Пельмени лепили всей семьей. Мужчины обычно рубили мясо в корытцах, женщины месили тесто, дети раскатывали его, а лепили — вместе. Затем их сушили в печи или замораживали и хранили в ларях. (Считается, что слово «пельмень» произошло от пермяцкого «пельнянь» и затем было принесено в Сибирь.) Пельмени ели с маслом, со сметаной, уксусом.

Многие блюда скромного и постного стола ели и запивали квасом, пивом. Так, квасом заливали тертую редьку, пареные овощи, протертые ягоды, подсоленный лук, студень. Наряду с квасом в Сибири был широко распространен чай. Чай поставлялся из Средней Азии и из Китая. В основном сибиряки пользовались «кирпичным» чаем. Так, в Восточной Сибири из него варили различные напитки: «затуран» с добавлением соли, молока и пережаренной в масле муки, с добавлением толченых зерен пшеницы. Особенно сибиряки любили пить чай с молоком.

А. П. Степанов, первый губернатор Енисейской губернии, писал: «Во всякой деревне можно отыскать самовары. Большая часть крестьян пьет чай через сахар (с прикуской)». А Н. М. Ядринцев отмечал, что «сибирский чай всегда сопровождается „прикусками“, пирогами и прочим». Традиционные для Сибири были «ягодные водицы», настои на смородинном листе, травах, медовые напитки. Чисто сибирским старинным напитком было «кедровое молочко», приготовленное из толченого кедрового ореха.

Развивалось в Сибири и огородничество, что позволяло использовать в пищу традиционные русские овощи. На весь год крестьяне и горожане выращивали и запасали морковь, брюкву, свеклу, редьку, капусту, горох, огурцы, тыкву, лук, чеснок. Из пряностей сеяли мак, мяту, шалфей, анис. Особо значимым для сибиряков стал картофель, здесь его начали сажать в первой половине XIX в., но в «Топографическом описании...»

отмечается, что картофель выращивался в Тобольском уезде уже в конце XVIII в.

Репу крестьяне добавляли в кашу, парили в печи, начиняли ею пироги, пареную и печеную ели с суслом. Капусту на зиму солили или квасили как шинкованную, так и кочанами, цельную. Картофель варили, добавляли в овощные и крупяные супы, в щи или использовали в вареном виде как приправу к блюдам. Очень редко картофель жарили с маслом или салом. Из гороха готовились похлебки для постной трапезы. Местами сибиряки занимались бахчеводством. В Минусинском уезде повсеместно крестьяне выращивали дыни и арбузы.

На всю зиму повсеместно запасали кедровый орех. Кедровники были одними из самых ценных общинных угодий. Из кедрового ореха отжимали масло, а главное — орехи были неизменным угощением на вечерках и посиделках. Масло отжимали большей частью из конопля, а также из льна.

Из молочных блюд более всего использовали творог, сметану, сыры. Сыры делали из творога, добавляя яйца и выдерживая под гнетом. Но нужно отметить, что сибирские коровы были малопродуктивны и давали в среднем по 3–4 кринки молока. Зимой молоко замораживали в «круги», их удобно было хранить или брать в дорогу. Иногда перед замораживанием молоко смешивали с сырыми яйцами.

На столе сибиряка стояли и заготовленные впрок грибы, ягоды. Грибы отваривали, солили, жарили. Любопытно отметить, что во многих местах под понятия «грибы» попадали только грузди или белые грибы. Грибы использовали и как начинку для пирогов. Ягоды — смородину, малину, клубнику, землянику, жимолость, черемуху, чернику — ели свежими, сушили впрок, добавляли в мучные блюда. Повсеместно сушеную черемуху молили в муку и добавляли в выпечку или использовали для варки киселя. Особое место занимала в питании сибиряков брусника.

Таким образом, питание в Сибири было эклектичным, сочетало русские традиции с новыми видами пищи и традициями сибирских народностей. Многие сибирские блюда и способы их приготовления распространились впоследствии по всей России. Важнейшим условием ежедневного приема пищи по христианскому обычаю было соблюдение традиций застолья. В начале и по завершении завтрака, обеда, ужина читалась молитва...

ТРУД СИБИРЯКА В КРУГЕ ГОДА

Преобразование пространства присваивающего типа жизнедеятельности на территории «русской Сибири» означало создание «кормящего ландшафта» производящего типа. Возникновение городов и селений, формирование развитой сети сухопутных путей сообщения, создание устойчивого адаптированного земледелия потребовало не только физических усилий. Освоение края связано с процессом творчества: для земледельца стало отказом от слепого воспроизводства привычной системы земледелия в новых краях. Изменения носили выраженный психологический контекст: труд приобретал в сознании тройное значение: с одной стороны, был инструментом преобразования природной среды, с другой — сам стал объектом преобразования в ходе приспособления к факторам края. В-третьих, человек ежегодно через микроизменения под воздействием трудовой деятельности адаптировался в сибиряка. Отсюда труд можно считать фактором формирования социума¹.

¹ Данный очерк написан автором по результатам полевых исследований и многочисленных контактов, бесед и записей воспоминаний старожилов в селениях ряда районов Красноярского края в 1971–1997 гг. (Кн.: Андусев Б. Е. Сибирское краеведение. Красноярск, 2006. Глава VII. С. 152–182.). Корреляция материалов осуществлялась на основе источников ГАКК и литературы по проблемам очерка: Авдеева Е. А. Записки и замечания о Сибири. М., 1837; Арефьев В. А. В низовьях Ангары // Сибирский сборник. Иркутск, 1901. Вып. 1; Быт и культура русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1971; Зверев В. А. Дети — отцам замена. Воспроизводство сельского населения Сибири во второй половине XIX — начале XX в. Новосибирск, 1993; Капустин С. П. Хозяйственный быт сибирского крестьянина // Литературный сборник. СПб., 1885; Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865. Кн. 1–2; Макаренко А. А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. СПб., 1913; Миненко Н. А. Живая старина: будни и праздники сибирской деревни в XVIII — первой половине XIX века. Новосибирск, 1989; Русские Сибири: культура,

Труд был условием благополучия и достатка в мире старожил. Труд обеспечивал право на увеселения, праздники, занимал ведущие позиции как мера оценки личности в старожильческом социуме. «Зарывной, успешный труд есть условие доброй славы... Мужичу об чем больше думать, как не о пашне, не о работе, а робить, а пашню пахать, чтобы быть сытым со всем своим семейством», — писал А. П. Щапов об ангарских крестьянах. В мирских характеристиках труд предстает мерилем «правильности» жизни старожил, качественных характеристик личности: «усердный робить», «в хлебопашестве искусный», «хлебопашеством занимается успешно».

Зафиксированные в источниках «захватное» землевладение, купля-продажа пашенной земли, споры о правах на «очерченные» участки показывают наличие в сознании старожил ценности индивидуальной собственности и труда. Неудивительно, отметили мы выше, что в сибирских условиях все формы собственности носили трудовой характер: «захватная» возделанная пашня, расчищенная покосная земля, пашня, сдаваемая в аренду. Только личным трудом можно было приобрести право собственности на новую освоенную пашню с правом свободного распоряжения не землею, но вложенным трудом. Ограничений, по данным этнографа А. А. Савельева, в таежных районах не было вплоть до начала XX в.: «Скуль надо (земли), стуль можешь разчертить».

Характер труда зависел от природно-географических условий проживания людей, сезонного характера занятий. Для глухих таежных пространств главным был промысловый, охотничий; для прибрежных селений пойм северных сибирских рек труд рыбака-промысловика был не менее значимым. Охота и рыбная ловля для ангарских крестьян имели настолько значимую ценность, что с наступлением сезона осенней охоты или ловли рыбы в «ямах» они все уходили на «промысел». Для старожил селений на великом Сибирском тракте первостепенную роль занимала профессиональная «ямщина», «гоньба». Все же следует подчеркнуть, что вплоть до приполярной тундры ведущие позиции занимал летний труд земледельца. Поэтому заниматься в летнюю пору охотой, рыбной ловлей, ямщиной не позволял себе ни один «природный» землепашец. Выход был в том, что круг хозяйственной жизни сопровождался выходом на ведущие позиции одного из видов труда в зависимости от времени года.

Для сибиряков было характерно преимущество труда в личном домохозяйстве перед трудом общественным. Волостные старшины постоянно обращались к енисейскому губернатору с просьбой об отпуске в период уборки урожая. Даже едва наметившаяся угроза домохозяйству заставляла крестьянина отказываться от общественной должности по причине «расстраивающегося» хозяйства. Поэтому согласиться на «властные должности» решался только тот, кто «может исполнять должность без утруждения своего хозяйства».

традиции, обряды. Новосибирск, 1988; *Сабурова Л. М.* Быт и культура русского населения Приангарья (конец XIX–XX в.). Л., 1967; *Степанов А. П.* Енисейская губерния. Ч. 1–2. СПб., 1835; Этнография русского крестьянства Сибири: XVII – середина XIX в. М., 1981.

В условиях высокой результативности сибирского труда традиционное российское неприятие «стяжательства», «скопидомства», богатства в ментальной картине мира изменило свою полярность. Бытовавшее в этническом сознании негативное отношение к зажиточности меняется, и даже богатство становится мерой «угодности Богу». Будучи основой ментальности, стремление к зажиточности большинством современников часто рисовалось как негативная привычка сибиряка к «корысти, приобретению, наживе». Однако зажиточность здесь не имела ограничений в возможностях «исполнения идеала» трудом хлебопашца и членов его семьи. В Балахтинской волости в 1872 г. по распоряжению волостного правления по селениям волости составлялись списки крестьян, «наиболее отличившихся в занятии хлебопашеством». В с. Балахтинском отмечено 64 хозяйства с пашней более 10 десятин общим числом мужчин-хлебопашцев 157 человек, обрабатывавших 1074 десятины пашни.

В начале XX в. резко углубляется выраженная противоположность в представлениях социального идеала в сознании старожилов и переселенцев. Массовый поток «столыпинских» переселенцев сформировал иное ментальное поле в общинах переселенческих поселков Сибири. В отличие от середняков-«самоходов» XIX в., стремившихся влиться в старожильческое сообщество по правилам сибиряков, новоселы-«лапотощники» часто воспроизводили свой миропорядок: «Точно на короткий срок и в чужое жилье попал в свою лачугу новосел. И нет у него ни времени, ни возможности навести порядок».

Основным инструментом формирования социального идеала зажиточного сибиряка был только личный труд крестьян. О чем писал аналитик сибирской жизни С. П. Капустин: «Переселенец из России, приходя сюда, остается доволен, хвалит новое место и пишет своим, чтоб ехали в эту благодатную страну. Но это не значит, что, придя сюда, добыл средства к жизни без напряженного труда. Это значит только то, что здесь есть возможность приложить привычный труд, притом труд действительно на самого себя, труд, дающий хорошие результаты».

Труд, дающий высокие результаты в течение круглого года. Содержание трудовой повседневности старожилов основывалось на традициях, передаче хозяйственного опыта отцами и дедами, правилами, принятыми жителями конкретных селений. Не менее важную роль играли неписанные правила крестьянской этики, нормы обычного права, обычаи и ритуалы, со старины сопровождавшие земледельческий круг работ от посева до уборки урожая, хозяйственные работы на подворье.

Условия крестьянского труда определялись кругом годового календаря природных сезонов: зимы, весны, лета и осени. На цикл природного календаря накладывались народный сельскохозяйственный, православный и языческий календари. Природно-климатический фактор выработал рациональные сроки и приемы обработки земли, посева, ухода за растениями, уборки урожая и хранения выращенного. Для Сибири крайне важны были приемы и технологии нейтрализации природно-климатических рисков.

Фрагмент экспозиции Красноярского музея, посвященной рыболовному промыслу. 1922 г.

Фотограф А. В. Кудрявцев. КККМ ОФ 10426/145. ГК № 9282089

Проводник геологической партии охотник С. Шайбин демонстрирует стрельбу из кремневого ружья. 1907 г.

Фотограф Волков. КККМ НЕГ 9626. ГК № 24951774

Охотники из деревни Пьянково. 1925 г.

Фотограф А. Я. Тугаринов. КККМ НЕГ 7612. ГК № 40196536

В зависимости от времени года, локальных особенностей региона земледелия зависели традиции воспроизводства адаптированного уклада в организации трудовой повседневности. Обычный распорядок дня сибиряка невозможно представить стандартно даже для отдельного уезда и тем более для сибирской губернии. Например, на территории Енисейской губернии были резко отличающиеся своеобразием Туруханского края, Енисейского уезда, Приангарья, притрактовых волостей от Ачинского до Канского уезда. Крайней степенью разнообразия отличались степные, таежные и предгорные волости Минусинского уезда. Поэтому мы можем дать лишь общие описания труда и быта сибирских крестьян в зависимости от времени года, отдельно для его четырех сезонов годичного круга.

Весна: круг работ и крестьянских забот старожиллов Сибири

Сложно найти исходную неделю или даже месяц начала весны: на юге она может начаться в первой трети марта, а в северных селениях только в конце апреля. Естественно, признаки начала весны были общие... Однако, по общему мнению жителей православной Сибири, началом весны считался день Алексея Теплого, 17 марта по старому, Юлианскому календарю (ныне это 30 марта по новому Григорианскому календарю). Считалось, что именно с этого дня в Сибири начинается настоящая весна. В народе говорили, что «Алексей зиму-зимскую на нет сводит», «На Алексея выверни оглобли из саней, покинь сани, снаряжай телегу», «На Алексея тепло-на юге доставай улы».

Ярко начинало пригревать солнце, начинало капать с крыш, и приходили весенние заботы сибирского крестьянина. Пока не растаял снег, вывозили

на лошадях из зародов с покосов последние запасы сена. Ремонтировали хозяйственный инвентарь, телеги, плуги, бороны, проверяли и чинили лошадиную сбрую. Из погребов и ямы выносили картофель, перебирали для посадки и расстилали в помещении для проращивания. На берегу еще покрытой льдом реки конопатили и смолили лодки. В крестьянских хозяйствах завершался отел коров. Завершали и обмолот хлеба. Причем во многих селениях Енисейской губернии устраивали праздник окончания молотбы — «имянины овина». Оставив снопов 100 необмолоченными, крестьянин приглашал гостей и, совместно закончив работу, устраивал праздничную «гулянку» с обильным угощением и катанием на конях с колокольчиками. Женщины по потемневшему насту белили холсты.

В приангарских селениях была распространена в это время охота на лося «по насту». Твердая корка весеннего снега выдерживала человека и собаку, а сохатый проваливался, ранил ноги. Преследование продолжалось по 50–70 верст, пока охотник на лыжах и собака не загоняли лося. Способ, конечно, был хищническим, вследствие чего к концу XIX в. дичи и зверя в тайге стало заметно меньше.

Едва сходил снег, во многих местах начинали заготавливать дрова на следующую зиму. Крестьянин с сыновьями уезжали на несколько дней на лесную деляну и жили в шалаше, топором, вручную, заготавливая при этом десятка три кубических аршина дров. «Зимнее тепло» доставалось большим напряжением сил и здоровья.

Под яровые посевы землю пахали в конце апреля, а сев обычно начинали 1 мая по старому стилю (14 мая — по новому стилю) — в день Еремея Запрягальника. День выезда на пашню определялся по десяткам примет. «Сев хлеба — не простое дело, а об нем вся молитва Богу», — говорили сибиряки. Накануне мужчины обязательно мылись в бане, надевали чистую одежду. Утром вся семья собиралась за столом. Ставили хлеб с солью, зажигали перед иконой восковую свечу и молились. Затем старший в семье,

Старинный способ уборки сена в сибирских условиях

Скошенную траву в условиях постоянного ненастья или непостоянства погоды можно эффективно высушить следующим способом. Всю скошенную за день траву вечером складывают в небольшие «копицы». За ночь они согреваются, сено в них распаривается. Днем сено необходимо разбросать для просушки. Даже если день выдался пасмурным, то при небольшом ветерке влага выпаривается. К ночи подсушенное сено опять складывают в «копички», но уже побольше, в которых сено может выстаиваться два-три дня без подпревания. Затем достаточно еще раз взрыхлить на ветру или в промежутки солнечной погоды. Напоследок высушенное таким способом сено складывается в стога со «стожаром» — толстым вертикальным шестом.

Считалось, что при данном способе сушки парообразная вода быстро испаряется всего за несколько часов. Стебли сена в «волглом» состоянии размягчались, и после суточного согревания в «копице» вода быстро улетучивалась, а сами стебли сохранялись мягкими. За два-три дня высушенное сено оставалось совершенно зеленым по цвету, не крошилось и не прело до зимы, полностью поедалось скотом.

Русское сельское хозяйство. Общеполезный календарь за 1895 г.

Крестьянин Дмитрий Федорович Брюханов за сохой-рогалохой, деревня Гавриловская Пинчугской волости. 1908 г.

Фотограф Н. В. Благовещенский. КККМ НЕГ 9607

«большак», благословлял всех отправляющихся на сев. Поцеловавшись, отправлялись на пашню. Землю в Сибири было принято готовить тщательно: пахали поле дважды и даже трижды. Она была 1–2 раза вспахана осенью. Сейчас первым делом проводили ритуальную борозду – зачин. Сеяли рожь и пшеницу, затем овес и ячмень. Считалось обязательным выжигание старой травы и стерни перед пахотой – это называлось «пускать палы». Часто выжигали и покосы.

Еще в XVIII в. с «палами» пытались бороться. Вот строки из документа: «Понеже ныне около боров и протчих лесов по степям снега уже сошли, и по обыкновенном здешнего народа вертопрашестве от запаления пашен и покосов подлежит немалая опасность... Следить, чтобы покосов сенных и пашен без необходимой надобности не опаливать».

На одной лошади можно было вспахать до полдесятины мягкой пашни. Для вспашки 12–16 дес. пашни требовалось не менее 5–6 лошадей при трех-четырех работниках. Сеяли вручную, как под плуг, так и под борону. На одну десятину разбрасывали по 12–15 пудов зерна. На заделку семян уходило от 1 до 2 дней на одну десятину. На бороньбе в день на одной лошади обрабатывали до 1 десятины пашни. За день можно было засеять на одной лошади 3 осьмины овса, 2,5 осьмины ячменя или 2 осьмины пшеницы (2 осьмины – полдесятины пашни).

После сева обязательно мылись в бане. «Мужик отпаривается, а конь отстаивается», – говорили сибиряки.

Типы ангарского скота: крестьянская лошадь. 1911 г.

Фотограф В. А. Ермолаев. КККМ НЕГ 5847. ГК № 38498793

Крестьянские дети близ деревни Акульчет. 1911 г.

Фотограф В. А. Ермолаев. КККМ НЕГ 6289. ГК № 20232036

Женщины примерно в то же время высевали семена овощей в рассадники, которые загодя сложили мужчины. Рассадниками в Сибири называли парники — сложенные из навоза грядки с высокими бортами, закрывавшиеся на ночь тряпками или старыми шубами. Все работы в огороде выполнялись женщинами. Сибиряки считали, что все посаженное руками мужчины на огороде не уродится.

Картофель в Енисейской губернии сажали на пашне под «сабань», руками, на свежей отдохнувшей пашне. В среднем хозяин сажал до трех загонов на пашне. Один загон — участок 5 на 40 сажен. На загон уходило по 5–6 ведер картофеля. Посадочный материал брали крупный и делили его, разрезая на 2–5 частей с ростками. Урожай «сам 10–12» считался плохим, средним — урожай «сам-20», а хорошим «сам 40–45».

В конце апреля — начале мая на Ангаре и Енисее наступал период охоты на водоплавающую дичь. На этот «несерьезный» промысел выходила молодежь. Цены 1900–1901 гг. на дичь в Енисейской губернии были следующие: гусь — 30 копеек, глухарь — 25–30 копеек, тетерев — 12–15 копеек, рябчик — 5–6 копеек.

Вскоре после ледохода продолжался недолгий период рыбной ловли неводами или «мордами». Одновременно важнейшим весенним занятием сибиряков был сбор черемши — первого средства от цинги. Собирали ее главным образом в праздничный день, когда было грех выполнять иную работу, набирали мешками: ее квасили, солили, употребляли свежей. В это же время в лесу собирали листовенничную серу.

Еще не сошел снег, а на первую траву выгоняли скот. Пастуха обычно нанимали сообща, «краем» или улицей. Вокруг селения весной подновляли поскотину. А в конце мая начинался период, весьма неприятный для скотины, — массовый лет гнуса. Каких только ухищрений не придумали сибиряки в разных районах своих для предохранения скота от мошки, овода и слепня! Себя сибиряки от гнуса спасали, как писали современники, так: «Из конского волоса ткнут личины... от мошки, комара, шьют комарники» — рубахи без нагрудного разреза, мажутся дегтем. Именно весна являлась временем смолокурения, выгонки дегтя из бересты в специальных ямах. Бересты немало заготавливали и для изготовления туесов, на коробицы, на крыши строений.

Быстро и незаметно в трудах и заботах весна плавно переходила в лето.

Лето в круге работ и крестьянских забот старожильческой Сибири

Как и в Европейской России, так и в Сибири лето начиналось в день православной Троицы. Существовало негласное правило: до Троицы надо отсеяться.

Троица празднуется через 50 дней после Пасхи и всегда приходится на воскресенье; самая ранняя Троица бывает 10 мая по старому, или 23 мая по новому стилю, а самая поздняя — 13 июня по старому, 26 июня по новому

Пасека в окрестностях Абаканского железодобывающего завода. 1907 г.

Фотограф Волков. ККМ НЕГ 9627. ГК № 24949609

**Песок Зверевский,
рыбак Краснопеов
с нельмой. 1927 г.**

Фотограф П. В. Тюрин.
ККМ НЕГ 434.

ГК № 6058247

стилю. Только, казалось, самое трудное позади — сев, как тут же нужно запрягать лошадей и выезжать на перепашку прошлогодней «жнивьи». И, главное, поднимать «залог» и «залежи». В условиях залежно-паровой системы земледелия пашня давала неплохой урожай в течение 4–7 лет. При простом севообороте чередовали: *пар — яровая пшеница — рожь — пар — овес* и т.д., при сложном: *пар — рожь — пар — рожь — яровая пшеница — пар*. Далее пашня не обрабатывалась в течение 18–20 лет. Признаками «отдохнувшей» пашни были деревья толщиной с «человеческую руку», цветение лютиков и др. Затем следовал «первый подъем» — залог: верхний слой перепашанной земли в первый год сгнивал. На второй год пашня могла «родить», но считалось, что земля еще «кислая» и посевы больше дадут солом, чем зерно. На третий год сеяли пшеницу, овес, на четвертый — рожь и т.д. Постоянная смена пашенных земель не требовала удобрения навозом, и вплоть до начала XX в. агротехнические приемы мало изменялись.

Лето в Сибири непродолжительное, но это самое напряженное время во всем цикле работ земледельца. Пашня зеленеет не только всходами, но и сорной травой. Женщины выходили на прополку хлебов. Для прополки одной десятины посевов двум женщинам нужно было четыре дня работы. Мужчины продолжали готовить землю под будущие посевы.

Своих забот сибиряку предостаточно, а тут еще в это время губернские и уездные власти ежегодно организовывали «выгонки на мосты и дороги, на тракты», на ремонтные работы в порядке отработки повинностей.

Подходила пора сенокоса, и сибиряки в «охотку» выезжали на покосы. Накануне во всех селениях стоял стук-перестук молоточков: отбивались косы. Одновременно крестьяне на сходах окончательно определялись с сенокосными угодьями. В разных районах сибирского края по-разному устанавливалась система сенокосения. Во многих и многих селениях покосы были семейные, переходящие по наследству. Совместно расчищались не только пашни, но и покосы, а чаще через несколько лет начинали выкашивать использованные пашни. Это же могло быть с займочными землями и займищами. Подобные покосы чаще всего были разбросаны клочками по лесу, иногда в 5–6 местах.

Историк А. П. Шапов: «В самый разгар жнитва я не только во всех речах, но и во всех неустанно-деятельных хлопотах и в самих лицах крестьян замечал полнейшую, вседушевнейшую озабоченность полевыми работами».

Г. Н. Потанин (Алтай, 1850-е гг.): «Особого совершенства этот крестьянин достигал на жнивье, где результат труда его облекался в отточенную форму, доставлявшую эстетическое удовольствие ему самому и зрителям: он прекрасно вязал снопы, прочно и красиво, и никто не мог лучше его завершить стога. Пашню Петра Петровича тотчас было отличить по красоте конических суслонов, которая зависит от пропорциональной завязки верхнего снопа, опрокинутого вниз колосьями и служащего суслону крышей; если перевязка его сделана слишком далеко от жнива, суслон выйдет большеголовый, если слишком близко — наоборот. Петр Петрович удачно избегал обоих недостатков. И шейки всех суслонов приходились у него на одной высоте».

**Жатва серпом
близ деревни
Серебряковой.
Август 1928 г.**

Фотограф Б. И. Шангин.
КККМ НЕГ 8614.
ГК № 21662238

В других общинах было принято ежегодно устраивать переделы покосных земель долями с учетом нескольких показателей для крестьянских хозяйств. Одновременно община выделяла часть покосной земли для занятия их на сезон желающими: так, в Западной Сибири в определенный день «на равных основаниях» устраивался состязательный «бег на гриву». И в первом, и во втором случаях исконно существовало и существует донныне правило «первого закоса». Если на занятой поляне или выделенном покосе хозяин делал лишь небольшой прокос, то в случае занятия покоса другим человеком и выкашивания его сметанные стога забирал истинный хозяин.

На покос домохозяин с сыновьями уезжал обычно на неделю-две: жили здесь в «балагане» — шалаше, косили, «пока роса» — в утреннее время и от полдника до ночи. В жаркие дневные часы или отдыхали, или, между делом, «сочили» березник, готовили на зиму веники для бани и пр. По мере высыхания валков сена к общему труду подключались женщины и подростки: переворачивали валки, сушили сено, сгребали и ставили в копны. Впрочем, в различных районах Сибири заготавливали сено по-разному, в зависимости от климатических и ландшафтных условий. Крестьянская мудрость тонко учитывала степень трудовых усилий, возможность вывоза сена на подворье, климат.

В северных селениях сено сушили на «вешалах» и сразу вывозили по поветям, а в центральных и южных — ставили «зароды» («зарот», «зарод») в десятки копен или стога в 12–15 копен со стожарами — березовыми жердями по центру стога. Мётка сена всегда была артельным делом. Трудились весело, с азартом, одеваясь, как писали, «по-праздничному». Такой совместный труд был особенно приятен сельской молодежи.

Крестьянин Девятов Ф. Ф. (1870–1880-е гг.): «Средняя крестьянская семья в Минусинском округе обыкновенно состоит из домохозяина-работника, его [жены], отца-старика и старухи-матери, сына-подростка от 12 до 16 лет, двух дочерей малолетних и, наконец, маленького ребенка. Семья эта круглый год занята работой. Такая семья, имея 8 рабочих коней, 2 сохи, 5–6 борон, может засеять 12 десятин. На покос она выпускает 4 косы, на жнитво 5 серпов. При таком хозяйстве представляется возможным содержать до 20 голов рогатого скота, коней, кобыл и молодяжнины-подростков, всего 15 голов; овец до 20–30 голов и свиней 5. Гуси, утки, куры — это неотъемлемая принадлежность такого хозяйства. Засевается 6 десятин рожью и ярицей, 3 десятины овсом, 2 десятины пшеницею; а ячменем, гречеею, просом, горохом, коноплею, всем вместе — 1 десятина. Картофель и репа сеются в особых местах. В годы среднего урожая весь сбор с 3 десятин ржи, с 2 десятин овса, с 1 десятины пшеницы идет на домашнее потребление. В продажу идет хлеб с 3 десятин ржи, с 1 десятины овса и с 1 десятины пшеницы. Все другие произведения хозяйства, как-то: скотское и баранье мясо, свинина, птица, молоко, масло, шерсть, перья и прочее — все это идет на собственное потребление в форме пищи или одежды... В лавках крестьяне забирают разные товары по счету и платят продуктами хозяйства, хлебом, скотом. Телеги, сани, дуги, сохи, бороны и все нужные орудия сельского хозяйства крестьяне делают сами. Стол, кровать, простой диван и стулья делаются многими у себя дома — своими руками.

...Этим выражается почти весь годовой кругооборот трудовой крестьянской жизни. Источником ее является рабочая сила. Прибывает в семье рабочая сила, прибывает и увеличивается разработка земли; увеличивается посев хлеба, скотоводство».

Девятов Ф. Ф. Хозяйственный быт сибирского крестьянина // Литературный сборник. Приложение к газете «Восточное обозрение». СПб., 1885. С. 310–315.

Было бы только «вёдро» (жаркий солнечный день). В период сенокоса часто устраивали помочи, нанимали поденных работников. Косили сена по многу; так, А. А. Макаренко писал, что на Ангаре ставили от 100 до 800 копен сена, накашивали от 400 до 300 пудов. Но, несмотря на это, крестьяне жаловались, что «сена едва хватает на зимнее прокормление скота».

Начиная с июля (по старому стилю) сибиряки также продолжали делать «рощисти» (рочисти), «двоили» и «троили» пары (перепаживали на второй и третий раз пашню), пасынковали табак. Летняя пора приносила с собой столько забот, что рабочий день продолжался по 16–18 часов в сутки, и это в невыносимой жаре, задыхаясь под головной сеткой, защищающей лицо от укусов мошки, комара, в условиях значительной отдаленности пашен и покосов от дома.

Почти одновременно или сразу вслед за сенокосом начиналась жатва озимых хлебов. Сначала жали ячмень, затем овес, но главной культурой была рожь. Впрочем, уже в XIX в. сибирские крестьяне стали отказываться от преимущественного посева озимых хлебов и переходить на яровые, которые реже давали неурожай из-за климатических условий.

Убирали хлеб серпом или косою. Женщины жали серпом в день по 50–70 снопов хлебов средней урожайности. Одну десятину ржи можно было сжать вдвоем за 8 дней. Косой мужчина мог выкосить 1 десятину за 2 дня. Сжатый хлеб вязали в снопы, затем девять снопов ставили колосьями вверх, вплотную друг к другу, а десятый сноп надевался сверху колосьями

Женщина-рыбак на шитике с сетью-окуневкой на реке Чуне. 1938 г.

Фотограф В. С. Кузьмин. КККМ НЕГ 3719. ГК № 15094429

Облава на медведя в районе села Бахта. 1925 г.

Фотограф П. В. Тюрин. КККМ НЕГ 342

ОЧЕРК ДЕСЯТЫЙ

вниз. Этот «шалаш» назывался суслоном. Из каждого суслона в среднем намолачивали до пуда и более зерна. Рожь дозревала в суслонах, а затем снопы складывали в стога клады здесь же на поле. Конечно, даже в мыслях крестьяне не могли себе представить, чтобы хлеб мог быть кем-либо похищен. В ряде районов Сибири сжатую рожь вывозили сразу и складывали в клады на гумне. За один день двое работников-крестьян могли на двух лошадях за 3–4 версты вывезти и сложить до 300 снопов ржи.

Рабочий день в летнюю пору начинался в 3–4 часа утра: отец, глава семьи 70–80 лет, будил свою «артель». Женщины начинали варить завтрак, доить коров. Тут же готовились к выезду на работу: наливали квас в лагуны, кислое молоко в туюски, в турсуки и битки накладывали шаньги, пироги. В холщовые мешки складывали иную снедь. Молодежь ловила лошадей (по-сибирски — «имала»), их запрягали, укладывали в телеги серпы, косы, вилы, грабли, обеденные припасы. Сам старик на пашню или покос обычно уже не ехал, но придирчиво проверял, как запрягли телеги, все ли взяли, давал последние наставления и т.п. Вдвойне хлопот и работы в доме было при организации помочи: чем обильнее и лучше «угощали» помочан, тем уважительнее отзывались о хозяине, тем лучше она удавалась.

ТРУД СИБИРЯКА В КРУГЕ ГОДА

Для посева ржи на следующий год уже была приготовлена озимая пашня. Время торопило, посеять нужно было в 3–4 дня. Считалось, что лучшее время для сева озимых хлебов – краткий период «лета крылатых мурашей» (муравьев).

Не менее значимым для сибирячек было теребление и выстилка льна и конопли на поле. До поздней осени «посконь» мокла под утренними росами и слегка подсыхала днем под нежаркими лучами осеннего солнца. Но нужно отметить, что во всей Сибири преимущественно растили коноплю.

В летнюю и раннюю осеннюю пору собирали грибы («губы»). Грибами считались грузди, белые, рыжики, маслята, лисички. В отдельных местах под грибами подразумевались только грузди, более ничего на зиму не заготавливали. Повсеместно собирали традиционные для данной местности ягоды. Кроме этих работ, за лето нужно было вырастить молодняк скота, всей домашней «живности», сделать ремонт дома и построек, ремонт печи, подготовить к зиме погреб, просушить одежду, сундуки, наготовить топленого масла и многое другое.

**Группа загонщиков
и охотников после
загона. 1910–1916 гг.**

Фотограф А. А. Яковлев.
КККМ НЕГ 5168.

ГК № 38061482

В качестве специфических летних забот приведем серьезную проблему приангарских и енисейских деревень. В каждом хозяйстве было до десятка и более охотничьих собак. В летнюю пору повсеместно случались происшествия, когда собаки загрызали десятки овец. Поэтому в 20-х числах апреля ежегодно сходы принимали строгое решение о привязи собак на все лето. Но часто собаки срывались с цепи и тогда... Поэтому, из приговоров по Пинчугской волости за 1891 г.: «23 овцы заедены собаками. Всякую вольную собаку стрелять. А с виновных взыскать по 1 рублю за овцу». Или: «Взыскать 33 рубля с ответчиков за 33 овцы, потравленных собаками несмотря на приговор о собаках в летнее время».

Жатва пшеницы и ржи яровой и озимой затягивалась, бывало, до самого праздника Покрова 1 октября (14 октября по новому стилю). Забот и работ летом было невпроворот, но все делалось быстро, аккуратно, основательно. Таков был сибирский крестьянин.

Осень в круге работ и крестьянских забот старожильческой Сибири

Традиционно началом осени считался день Семена Летопроводца 1 сентября по старому, или 14 сентября по новому стилю. Однако границей между летом и осенью было короткое, в 1–2 недели «бабье лето» — короткий период возврата теплой летней погоды в начале осени.

Во многих более северных районах в конце лета — начале осени шел интенсивный сбор черники и брусники. На общественные брусничники выезжали согласно общей договоренности, так же, как и на клюквенные болота. Несомненно, сибиряк не мог представить зиму и без кедрового ореха. Кедровники защищались традициями и общинным правом — в них запрещалась рубка деревьев, запрещалась заготовка ореха посторонними. День выезда в кедровники определялся заранее, оговаривалось количество сборщиков от семьи, количество заготавливаемого ореха.

Продолжалась жатва хлебов. Одновременно копали картофель, убирали овощи. Еще до окончания жатвы во многих местах, в частности в Приангарье, наступал сезон рыбной ловли. На реке старики и молодежь устраивали переметы и самоловы. Жили здесь же, в шалашах. «Лучили» темными ночами острогой рыбу. Массовый лов шел в «ямах» на Ангаре, примерно в десяти местах. Здесь собирались рыбаки из разных деревень, иногда по 700 лодок в одну «яму».

В промысловых районах со дня Покрова начиналась пора охоты. Селения пустели после праздника, почти все мужчины уходили в лес. У крестьян были в лесу свои «ухожья» (угодья), все — за 40–150 верст от селения. Переходили «ухожья» в семьях из поколения в поколение. Охотиться на чужом участке не позволялось. Припасы для охоты брали в лавках в кредит. Порох, дробь и иные припасы, продукты везли в лес на лошадях. Груз достигал веса в 5–7 пудов. На промысел провожали торжественно: пили чай, затем, помолчав, вставали, молились с поклонами, старшие в семье

благословляли охотника. С поцелуями и плачем провожали за деревню, ведь охотник мог и не вернуться живым с промысла...

На охотничьем участке стояла избушка с нарами и «каменной» (печью), топившейся по-черному. В избушке жили по 2–5 человек. Варили чай, готовили ужин по очереди. Питались вместе, «артельно». Одевались в теплую, удобную, приспособленную для охоты одежду. Например, к шапке сзади пришивали холщовую тряпку – лузан, чтобы снег не попадал за воротник.

В конце XIX – начале XX в. порох стоил примерно 60–70 копеек за фунт, свинец – 15 копеек за фунт, пистоны – 15 копеек за сотню, винтовка стоила около 6–9 рублей, дробовое ружье – 5–9 рублей.

Сибиряки добывали различную дичь: соболей, белок, медведей, хорьков, горностаев, росомах, волков, лисиц, лосей, оленей, маралов. Кроме ружейной охоты, использовались ловушки, петли, ловчие ямы и пр.

Возвращались охотники в ноябре, уставшие и «закопченные», но с добычей. Пушнину сдавали как в лавку, так и приезжему скупщику, часто себе в убыток. По несколько дней в честь возвращения с охоты в деревнях Приангарья продолжались «гулянки».

С началом первых серьезных заморозков рубили капусту совместно всей семьей или устраивая помочи – «капустники»; женщины совместно чистили ее, шинковали, солили. Заканчивали вспашку зяби. Поднимали на просушку и вывозили коноплю и лен. Далее лен сушили, трепали, мяли и чесали, затем из «поскони» пряли пряжу на «вечерках» и «беседах» («моты мотали – дни коротали»).

Если подсчитать общие затраты труда на сельскохозяйственные работы, то в среднем они были следующими для членов семьи:

мужской труд – 48 ½ дня на одного мужчину;

женский труд – 13 ½ дня на одну женщину;

детский труд – 9 ½ дня на одного подростка.

Необходимо отметить, что в начале XX в. все большее распространение начинает приобретать удобрение пашни навозом. Связано это с «утеснением» земельного владения и резким ограничением в «перелог» пашни. Поэтому крестьяне вынуждены были переходить на трехполье с удобрением пара. Несмотря на унавоживание земли, урожаи стали стремительно падать. Для получения навоза на одну десятину требовалось, чтобы в хозяйстве было две лошади, три коровы, три овцы. На десятину пашни необходимо было вывезти не менее 120–200 телег-двуколок. За день на поле, расположенное за 3–4 версты, делали в среднем по восемь ездов. Отсюда, для удобрения одной десятины требовалось до 20 человеко-дней.

Заканчивалась осень, и после дня Покрова 1 октября по-старому (или 14 октября по новому стилю) начинался период осенне-зимних праздников, спадало трудовое напряжение. Поэтому сибиряк с особым удовольствием ждал приближения зимы...

Зима в круге работ и крестьянских забот старожильской Сибири

Естественно, зима начиналась с выпадения первого постоянного снега. Однако в народном календаре русских сибиряков началом проводов осени и встречи зимы был Иванов день. Это 19 октября по старому Юлианскому, или 1 ноября по новому Гигорианскому календарю. Обычно после дня Покрова погода становилась неустойчивой. «Покров землю кроет», — говорили сибиряки. Это и начало зимы, и начало расчета пастухов, сезонных работников, начало молодежных «вечерок», и, конечно, череды свадеб как в селах, так и в городах.

Сибирские реки быстро покрывались сплошным месивом мелкого льда и снега — «шугой» (в ряде мест, по-сибирски, — «салом»). С замерзанием льда и поверхности земли начиналась пора молотбы. В Сибири хлеб молотили даже в лютые морозы, часто на выровненном льду. Обмолоченный хлеб сдавали в счет податей, засыпали в общественный «магазин», заполняли суеки своих амбаров, везли на продажу в город или продавали скупщикам для вывоза на прииски.

С первыми морозами и снегом крестьяне начинали повсеместно вывозить с займок и займищ снопы из хлебных кладей, высохшие за лето в лесных делянах дрова, сено из зародов. В среднем за один раз на санях вывозилось по три копны (три копны — один «воз»).

В конце октября, с устойчивыми морозами, начинали резать скот. Многочисленные данные свидетельствуют о высоких требованиях к человеку, к его умениям и навыкам, но никогда в Сибири не осуждали за неумение «резать скотину»; в каждом селении были свои «профессионалы» этого дела, которые по приглашению помогали хозяину.

В это же время «общества» начинали отряжать крестьян с лошадьми на «гоньбу» — отработку ямщицкой повинности на тракт. Крестьянин основательно собирался на 3–4 недели: брал с собой собачью «доху», медвежью или волчью «полость» в кошеву, смену теплой одежды, маленькую дорожную икону святого Николая, теплую попону-накидку для лошади и мешок овса, и, конечно, мешок замороженных пельменей.

Долгими зимними днями и вечерами крестьянин столярничал, занимался посильным ремеслом, ремонтировал орудия труда и инвентарь, выполнял текущие работы на подворье. После напряженного летнего труда продолжительный отдых был необходим как человеку, так и лошадям.

Зима — время праздников, «гулеваний» и «гулянок», молодежных «вечерок» и «посидёнок» взрослых людей, учебы крестьянских детей в школе. В это время повсеместно устраивались съезжие праздники, ярмарки («ярманки»), по деревням ездили мелкие торговцы, устраивая меновую торговлю. Крестьяне запасались всем необходимым, от гвоздей до модной праздничной одежды и обуви.

Идет зима, крестьянин работает на подворье, готовится к новому циклу сельскохозяйственных работ, веселится на свадьбах и праздничных застольях. Жизнь продолжается...

Промысловые собаки ангарского охотника, село Богучанское. 1911 г.

Фотограф А. П. Ермолаев. КККМ НЕГ 4543. ГК № 38007685

Лабаз при промысловой избушке близ села Богучанского. 1911 г.

Фотограф А. П. Ермолаев. КККМ НЕГ 4542. ГК № 38007712

Очерк одиннадцатый

СИБИРЯК В КРУГЕ ЖИЗНИ, ТРАДИЦИЙ, ОБЫЧАЕВ

Традиция – социальное и культурное наследие, передающееся от поколения к поколению и воспроизводящееся в обществе, семье, в сознании и поведении личности в течение длительного времени. В качестве традиций выступают предания и мифы, культурные образцы, нормы обычного права, ценности, идеи, обычаи, обряды, трудовые и бытовые навыки¹.

¹ Данный очерк написан автором по результатам полевых исследований и многочисленных контактов, бесед и записей воспоминаний старожилов в селениях ряда районов Красноярского края в 1971–1997 гг. (Кн.: Андусев Б. Е. Сибирское краеведение. Красноярск, 2006. Глава V. С. 105–118; Глава VII. С. 171–174; Глава IX. С. 226–238.) Корреляция материалов осуществлялась на основе источников ГАКК и литературы по проблемам очерка: Авдеева Е. А. Записки и замечания о Сибири. М., 1837; Арефьев В. А. В низовьях Ангары // Сибирский сборник. Иркутск, 1901. Вып. 1; Быт и культура русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1971; Зверев В. А. Дети – отцам замена. Воспроизводство сельского населения Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск, 1993; Капустин С. П. Хозяйственный быт сибирского крестьянина // Литературный сборник. СПб., 1885; Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865. Кн. 1–2; Макаренко А. А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. СПб., 1913; Миненко Н. А. Живая старина: будни и праздники сибирской деревни в XVIII – первой половине XIX века. Новосибирск, 1989; Русские Сибири: культура, традиции, обряды. Новосибирск, 1988; Сабурова Л. М. Быт и культура русского населения Приангарья (конец XIX – XX в.). Л., 1967; Степанов А. П. Енисейская губерния. Ч. 1–2. СПб., 1835; Этнография русского крестьянства Сибири: XVII – середина XIX в. М., 1981.

Содержательно близкое понятие «обычай» – способ поведения, который воспроизводится в обществе и семье и привычный всем в данном социуме.

Уклад жизни – это образ жизни человека, соответствующий традициям окружающей этнической и социальной среды.

Обряды, ритуалы – упорядоченные действия, направленные на обеспечение благополучия, выживание; это магические способы воспроизводства циклов жизни человека (рождение, свадьба, смерть, похороны, поминки); магические способы взаимодействия с высшими силами и субъектами мифологии.

Семья и семейные традиции – это основа жизненного круга человека, трудового и досугово-праздничного, духовного уклада, рождения и воспитания детей. Ведь именно в семье закладываются основы общественных традиций, установок поведения, межличностных отношений. Набор определенных правил и привычек, которые часто выполняются неосознанно, уходят своими корнями в период формирования этноса. Соблюдение обычаев предков порождает устойчивые традиции, сопровождается накоплением в обществе и «картине мира» отдельных людей мировоззренческих и духовно-нравственных ценностей.

Семейные традиции – повторяющиеся совместные действия, понятные окружающим, обычаи, передающиеся в семье из поколения в поколение.

Со времен зарождения социума и семьи возникла традиционная иерархия. Это мужчина – глава семьи, труженик и отец детей; женщина – мать детей и воспитатель, хозяйка дома и «кормилица»; дети – продолжатели рода и семьи, гаранты материального содержания и благополучия родителей, восприемники культурных традиций.

Процессы освоения сибирских земель и этапы формирования постоянного населения тесно связаны с процессом складывания семейного уклада жизни у новоселов Сибири. На интенсивность, на складывание того или иного типа семьи влиял целый ряд причин: исторических, географических, этнографических, экономических.

Общественный традиции и семейные обычаи сложились в Древней Руси с формированием русского этноса. Процессы расширения территории государства, освоения новых земель, воспроизводство и адаптация материальной и духовной культуры вновь и вновь «проигрывали» архаику зарождения этноса и семьи. В Сибири процесс воспроизводства традиционной культуры был крайне болезнен и максимально нацелен на выживание ввиду остро экстремальных факторов среды. Мы проследили выше многие адаптационные процессы в хозяйственной и общественной жизни. К наиболее проблемным следует отнести воспроизводство семьи и семейных традиций в их локальных вариациях огромного края. Первоначально в сибирском крае не было условий для жизни устойчивой и обустроенной семейными отношениями. Быстрое продвижение на восток казаков и служилых людей, артелей промысловиков, правительственные переводы «служивых», ссылка и миграции «гулящих» людей – все это было представлено мужчинами-одиночками. Да и «немирная» обстановка первого столетия не способствовала обзаведению семьей. Например,

в Нерчинском остроге первоначально все служилые люди были одиночками, за исключением воеводы Пашкова и его сына.

В данной связи любопытен документ — челобитная из Енисейска, направленная в Москву в 1630 г.: «Вели, государь, нам прислать гулящих женочек, на ком жениться, а без женишек, государь, нам быть никак не мочно». Вскоре последовал указ царя Михаила Федоровича: «В которых городах объявятся гулящие женки и девки, тех отсылать в Енисейск». Самое примечательное, что бывшие «гулящие женки и девки» прожили здесь свою жизнь в роли добропорядочных жен и матерей. По мере укрепления положения русских в Сибири они начали перевозить сюда своих «домочадиц», ездили в «Россию» за женами, вывозили родственниц и «бесхозных девиц».

В связи с нехваткой женщин часты были браки с представительницами местных народов — по согласию, даже с купленными или с теми, кого «умыкнули». Однако подобные смешанные браки были более характерны для северных и восточных окраин страны.

Начало реального и устойчивого процесса формирования семей у русских было тесно связано с земельным освоением сибирского края. Если в 1669 г. семейные крестьяне составляли в Енисейском уезде 56,6%, то в 1680 г. численность их возросла до 67,6%. Новые переселения в Сибирь, внутренняя миграция крестьянского населения совершались уже в основном не «одиночками», но более семьями. Во второй половине XVIII в. соотношение мужчин и женщин становится равным, но еще непрочным. Постоянная отправка в Сибирь военнопленных, ссыльных, поселенцев, «штрафных чинов» увеличивала количество мужчин: только с 1816 по 1854 г. сюда было переселено 119 тыс. одиноких мужчин.

Складывающиеся семьи сибиряков по форме первоначально были «малой семьей», состоящей из родителей с малолетними детьми или без детей. В конце 80-х гг. XVII в. в Енисейском уезде в семьях было 1–3 лица мужского пола. Так как семьи складывались в достаточно зрелом возрасте, количество детей было минимальным. Это крайне затрудняло разработку пашни, ведение и расширение хозяйства.

В первые два-три столетия сибирской истории старожилы и переселенцы жили неразделенными семьями. Прадеды, деды, дети, внуки проживали на общем подворье, вели общее хозяйство, решали проблемы и семейные вопросы коллективно. Если в такой большой неразделенной

Иностранцы о семье сибиряков

«Прием был сделан самый радушный... Войдя в избу, встретили там старика, который показался образцом патриархов. Длинные седые волосы серебряного оттенка и такая же борода... почти покрывала всю грудь старика. Белый зипун перетянут был красным поясом, а голубого цвета шаровары заткнуты были в сапоги, доходившие до половины икр. Такою же чистенькою и опрятненькою показалась хозяйка, наблюдавшая такую же чистоплотность и порядок во всем домашнем быте. Костюм ее состоял из красного пестрого платья и белого платка, которым была повязана голова».

Аткинсон Т. У. Путешествие по Сибири. — СПб., 1865.

Семья туруханского крестьянина. 1900-е гг.

Фотограф священник Попов. КККМ НЕГ 4453. ГК № 36117361

семье главой был старший в роду дед или отец, то называлась семья «отцовская», если далее проживали вместе семьи братьев или родственников, то семья «братская» («брацкая»). К 20-м гг. XVIII в. в Енисейском уезде половину составляли неразделенные «старожилые семьи», второе и третье поколение которых родилось и выросло здесь. Из них до 43,7% были семьи с 4–6, а 19% — с 7–10 мужчинами. Некоторые семьи имели численность до 30 человек! Неразделенность семей в значительной степени зависела и от повинностей, налагавшихся на семью в целом, например, государственной пашни, составлявшей до $\frac{1}{5}$ части возделанной семьей земли.

Главой семьи был отец — «большак», в женской половине — мать («большуха»). Права, обязанности членов семьи были регламентированы согласно традициям древнего обычного права. Так, например, в судебном иске жителя Балахтинской волости Василия Евдокимова Бутенко говорится, что «много сварливости перенес за свою жизнь... от отца, но терпел потому, что он как родитель имел на это право». Мы видим здесь осознанно выраженное понимание сыном, что патриархальные отношения не просто допускали, но устанавливали полную власть отца семейства над своими «домочадцами». При этом в сознании крестьянских детей данная власть считалась естественной, не воспринималась как насилие.

В 1760-е гг. государева пашня была отменена, сибирских крестьян перевели на повинности в денежной форме с лиц мужского пола. Система рекрутских наборов заставляла общину выделять рекрутов из больших семей. Обработка освоенных земель требовала к этому времени меньших

Жизнь в повседневности традиционного Иркутска

«Жители Иркутска почти все бреют бороду и стригут волосы, не носят русских кафтанов, и даже черный народ носит летом халаты, а зимою тулупы, крытые китайкою или нанкою; летом круглые шляпы и картузы, а зимою шапки и меховые картузы. Отличительный наряд женщин низших сословий — покрывало, которое они называют накидкою. Прежде все купчихи носили юбки и кофты, а на головах платки. Ныне все молодые женщины, купчихи одеваются точно так же, как и в столице.

Иркутск можно почесть средоточием и складочным местом сибирской торговли. Из России идут для Кяхты сукна, мерлушки, кошка, немецкие бобры, корсак, юфть, сафьян, козел; также изделия наших фабрик: затрапез, плис, зеркала, красные кораллы, которые китайцы и русские купцы называют маржан. Из пушных товаров, которые доставляет Сибирь, промениваются китайцам белка, лисица, низкие по сорту соболи, хорьки; бобры и выдры идут через Американскую компанию. От китайцев получается чай разных сортов, как-то: байховый, черный, сквозник, цветочный разных сортов, зеленый и кирпичный, сахар-леденец, часть китайки, дабы, канчи, фанзы, чанчи, флер, не большое количество фарфора и деревянной крытой лаком посуды, разные сухие фрукты, виноград, плоды...

Народ привык к этому порядку вещей; например, в Иркутске нет мучных лавок; всякий покупает в торговые дни на рынке муку пшеничную, крупу, овес; многие заготавливают все это на года, кто не в состоянии — те покупают понемногу. Лет тридцать назад в Иркутске вели жизнь патриархальную. Хозяйки сами занимались хозяйством: в семьях, где жили женатые братья, невестки ходили поочередно в кухню смотреть за приготовлением кушанья, а девицы разливали чай. В достаточных домах все заготавливалось впрок, годовое.

Лет сорок назад все дома строились самым старинным манером. Обыкновенно двор обносили высоким забором, что в Иркутске называют заплот; большие ворота были заперты засовом и отпирались только для проезда экипажей; для пешеходов была сделана калитка, у калитки задвижка, к которой привязывался ремешок. Передний двор вымощен бывал досками. Дома были высокие и строились в два жилья: вверху горницы, а нижнюю половину занимала кухня, которую называют там подклет, и кладовая, по-тамошнему — подвал. В иных домах были мезонины, которые называют в Иркутске чердак; они были по большей части холодные. Горницы разделялись сенями на две половины; их обыкновенно называли задняя и передняя; передняя на улицу, а задняя во двор. Из сеней входили прямо в горницу. Там на правой стороне изразчатая печь с вычурами. В переднем углу ставили образа; перед образами висели лампы с восковыми свечами. Комната обыкновенно разделялась надвое; за перегородкой была спальня и стоял шкаф с посудой. В задних комнатах помещались дети; иногда старики хозяева уступали переднюю горницу женатым сыновьям, а сами жили в задней.

Жизнь была так же патриархальна, как и убранство комнат. В простые дни, вставши до света, разумеется, зимой, все пили чай; мужчины зимой с рассветом, если семейство было большое. После этого в купеческих семействах одни оставались дома, а другие шли в гостинный двор; но прежде завтракали, потому что редко приходили зимой обедать, а если и приходили, то поздно. Обед в простые дни, когда случалось много дела, был в два часа; после обеда опять занимались всякий своим делом; часа в четыре пили чай, а часов в восемь или девять ужинали. После ужина женщины и особенно девицы сидели и шили. Где в семействе было несколько девиц и женщин, там все шили сами белье, платье и разные домашние мелочи. Девицы особенно занимались разными рукоделиями: вышивками шелками, золотом, фольгой, в тамбур и гладью, вышивали разными узорами полотенцы; но главное занятие было хозяйство.

Каждое воскресенье ходили к заутрене и к обедне. Обед в праздники был рано. После обеда старики отдыхали, а люди молодые ехали кататься или в гости. Именины праздновали в Иркутске обыкновенно вот каким образом: утром пекли множество пирогов, сдобных, из простого теста, с вареньем, изюмом, черносливом, винными ягодами, с пшеном сарачински, капустой, морковью и другими начинками. Пироги рассылались к родственникам по три и по четыре пирога; где были маленькие дети, то клали маленькие пироги по числу детей. Разносили и развозили их женщины. Вечером, когда приезжали гости, подавали вина, потом кофе (хотя и не вовремя) и чай; к чаю подавали женщинам каждой тарелку с разным пирожным. В комнате, где сидели гости, стоял стол, уставленный вареньями и фруктами; мужчинам подавали после чаю вина и пунш. Они говорили о торговле, о вновь полученных известиях, о том, что пишут в газетах, которые многими получают. Иногда вечер оканчивался танцами и ужином... »

Авдеева Е. А. Записки и замечания о Сибири: [с] приложением старинных русских песен / соч. ...ы...ой [Е. А. Авдеевой]. — Москва, 1837.

затрат труда. Поэтому начинается долгий вековой процесс раздела больших старожильческих семей на малые, меньшие по численности, чем раньше.

При разделе семьи сыновья получали равные доли. Определенная доля выделялась дочерям. Незаконнорожденные, приемные дети имели равные права со всеми. Но в источниках присутствует и прямая оценка личности человека по трудовым критериям, учитываемая в ходе разделов и наследования имущества. В судебном разбирательстве по наследственному делу в Богучанской волости выборные признали «наследовать имущество сыну К., так как он в труде заслужил право достойного домохозяина, а его братья М. и П. шлялись по разным селениям как бездомные». Все же мы вынуждены отметить, что вплоть до 1920-х гг. были нередки неразделенные семьи у зажиточных крестьян Енисейской губернии.

В процессе формирования новых семей в старожильческих селениях было характерно согласование интересов родителей и детей. Молодых в Сибири «по обычаю не неволили», отмечал знаток сибирского быта этнограф Н. С. Щукин.

Большинство браков заключалось в пределах своей волости. Традиционными в Енисейской губернии были «союзы» жителей двух-трех деревень, которые «роднились» десятилетиями и даже 2–3 столетиями (с. Тасеево — с. Абан в Канском уезде). Большинство старожильческих родов начинались от одного или группы общих предков. Например, в Приангарье и поныне наиболее распространенные фамилии идут от первых засельщиков казаков, охотников-промысловиков и крестьян (Чащины, Потылицины, Патрушевы, Брюхановы, Черкашины, Литвиновы, Лалетины, Юшковы, Туровы, Привалихины и т.д.).

Со временем изменялся и возраст лиц, вступающих в брак. Если в XVII — первой половине XVIII в. большинство мужчин женились в возрасте около 35 лет, то впоследствии их брачный возраст снизился до 16–17 лет. Девушек старались отдать замуж как можно позже, например, в Приангарье часты были браки, в которых невесты были старше женихов. Определенным показателем трудолюбия невесты и зажиточности ее семьи считалось

приданое. Так, по источникам, крестьянка старожильского селения Кежемской волости Енисейской губернии выходя замуж обычно имела следующее приданое: несколько ситцевых платьев, рубах и юбок, пару-другую платков и шалей, рабочие и выходные фартуки, кокетку, серебряные украшения. Обязательно с собой в дом мужа было принято принести до 30–40 аршин натканного своими руками холста, набор кухонного инвентаря и посуды.

Как и везде в России, брак освящался в церкви по православному обряду. Но в Сибири были нередки и браки невенчаные, особенно у старообрядцев. Отмечалось, что разводы у сибиряков крайне редки. В новый брак могли вступать после смерти одного из супругов.

Для Сибири характерна была высокая рождаемость. По подсчетам В. В. Воробьева, она была значительно выше, чем в Европейской России: если там прирост составлял 7,6, то по Енисейской губернии — 15,9, а по г. Красноярску — 19,4! Здесь рождаемость была близка к естественному биологическому максимуму рождаемости. Дети и подростки составляли до 40% населения. Довольно высока была численность лиц преклонного возраста. В Восточной Сибири численность русского населения в 1710 г. составляла 135 тыс. человек. Источники свидетельствуют, что здесь проживали 145 мужчин и 87 женщин от 90 до 100 лет. Старше 100 лет было, соответственно, 15 и 16 человек.

Термин родства	Категория родственных связей
Свекр и свекровь	Родители мужа, «большак» и «большуха» в доме
Тесть и теща	Родители жены
Сват, сватья	Родители супругов по отношению к друг другу
Сноха	Жена сына по отношению к свекру (для матери мужа она невестка)
Невестка	Жена сына для его матери или по отношению ко всем родственникам мужа
Зять	Муж дочери, сестры, золовки
Свояки	Мужья сестер по отношению друг к другу
Своячницы, сношеницы	Жены братьев по отношению друг к другу
Деверь	Брат мужа
Золовка	Сестра мужа
Шурин	Родной брат жены
Ятровь (ятровица)	Сестра жены
Кум и кума	Крестные отец и мать к родителям окрещенного и друг к другу
Крестник	Крестный сын
Побратим	Названный брат
Сродные братья	В Сибири: братья двоюродные, троюродные и т.д.
Сводные братья	Родные дети мужа и жены, сведенные вместе в новой семье
Единокровные братья	Родные сыновья одного отца и разных матерей
Единоутробные братья	Родные сыновья матери от разных отцов

Брачная пара без детей не считалась полноценной и поэтому относилась к семьям, «обиженным Богом». В качестве психологической уставки на количество детей можно привести поговорки: «Семеро по лавкам...», «Семья – семь я» и др. Поэтому наблюдалось повсеместно стремление взять на воспитание сироту или ребенка из многодетной семьи.

Исключительно важную роль в Сибири играли родственные отношения. Даже в третьем-пятом поколении потомки продолжали поддерживать тесные связи, помогать друг другу. Это обуславливалось традициями «помочей», совместного подъема пашни, общими праздниками. Родственники встречались в «съезжие праздники, на свадьбах, крестинах, „проводинах“ в „рекруты“, а впоследствии – при призывах в армию. Родственники собирались вместе провожать в последний путь усопшего...»

Как и в Центральной России, в Сибири семейные связи были кровные, по родству и кумовству. Для обозначения родственных связей здесь использовались традиционные термины (см. таблицу на стр. 254).

Женщины в семейной иерархии

Традиционное общество отличалось выраженной иерархичностью своих членов. Социальный статус отдельных категорий личности при этом мог зависеть от особенностей традиций, социальной значимости человека. Совместный общепользовательный труд членов старожильческой семьи был основой благополучия крестьянского хозяйства. Глава семьи – мужчина – прежде всего обеспечивал экономическое благополучие и «крепость» подворья, полные закрома хлеба в амбаре, корма и уход за домашней живностью. Мужской труд считался издревле основным и наиболее трудоемким. Но для благополучия семьи нужно было постоянно готовить пищу, стирать одежду, ткать холсты и шить, прясть и вязать «носильные» вещи, домовничать и доить коров, ухаживать за посадками в огороде и обихаживать ребятишек, выполнять десятки иных дел. Поэтому женский труд, во-первых, органично сопоставим с мужским, и во-вторых, необходим для жизни и продолжения рода. В старой деревне только вдовый мужчина мог выйти с подойником к корове, а женщина брала топор и рубила «стаюшку» только от безысходности положения. Разделение труда с сохранением гармонии его – это прежде всего нравственная сторона крестьянского хозяйства.

В «кодексах поведения» данных сообществ особое место занимали традиционные установки принятия решений по отношению к женщине. Источники свидетельствуют, что «сибирские женщины были менее зависимы» как в личном, так и в экономическом положении. Еще в первой половине XVIII в. ученый-путешественник Д. Г. Мессершмидт, описывая нравы жителей Красноярска, уважительно отметил, что в течение двух дней комендант Д. Шетнев в честь именин жены созывал большой званный обед «и велел приглашать всех хромых, кривых, слепых – всех, кто только хотел прийти».

Отношение к женщине в сибирском обществе закреплялось установками общественного сознания по принятию мер к тем, кто нарушает общепринятые нормы. Так, красноярский купец Степан Семенов Худоногов из-за жестокого обращения с женой был принужден в 1784 г. к подписке и обязательству, чтобы «свою жену без всяких ее вин не бить и не увечить; и любить оную свою жену Веру Петрову, как закон велит». В 1855 г. подобную же подписку перед «обществом» в целях защиты чести и достоинства жены дал старожил-крестьянин д. Заледеевской Красноярского округа Дмитрий Васильев Горбачев: «Я, Горбачев, обязуюсь жизнь вести благопристойную женатому человеку и жене своей Варваре напрасно обид никаких не причинять».

В повседневном поведении сибирская женщина руководствовалась установками обычного права, общественным мнением, собственными оценками допустимого поступка. Важное место занимало словесное оформление норм поведения. Дети с раннего возраста усваивали сотни выражений, слов, поговорок и присказок, правил поведения. Каждое действие четко было связано с определенными выражениями и афоризмами. Лучшими женщинами считались трудолюбивые («усердные робить»), опрятные («обиходные»), быстрые («шустрые»), «огневые») и в домашних делах чистоплотные («чистотки»). В семье мужа невестке требовалось «почитать мужа, свекра и свекровь, не лениться работать, жить честно...».

Наиболее порицаемым считалось нескромное, «разбитное» («размашистое»), грубое поведение. Такую женщину в Енисейской губернии называли «халдой». Не было принято, чтобы женщина громко и «бестолково» кричала («хайлала»), была «болтушкой» («балаболкой», «тараторкой»), бранилась («лаялась»), ворчала («бухтела»), была всегда всем недовольной («фырчала»).

Судьба сибирячки, ее жизненный путь определялись, главным образом, определенной функцией работницы. Не зря традиционно считалось: жениться — значит взять в дом новую пару рабочих рук. Высокая самооценка работницы и вклад в «достаточность» хозяйства наделяли женщину высоким экономическим статусом. Поэтому статус женщины-работницы тесно переплетался со статусом женщины как личности. Хотя в целом, от природы, женщина занимала ведомое за мужчиной место, ее положение компенсировалось социальными правами: правом выбора, традициями обычного права, определенной свободой. Сибирячки обладали правом собственности: женщины имели право содержать на подворье личный мелкий скот или птицу для последующей продажи, сами расходовали деньги, заработанные на поденных работах. Все женщины в доме имели деньги на мелкие повседневные расходы (на покупку украшений, нарядов).

При разделе хозяйства в Енисейской губернии было принято, что не только сыновья, но и вдовы и даже бездетные вдовы имели право на свой пай, зависевший от того, сколько лет женщина прожила в семье мужа.

Женский труд и трудовые взаимоотношения были основаны на системе иерархии. В «женской половине» дома главой была жена главы дома: старшая женщина, бабушка, мать. Однако по мере обзаведения сыновей

Крестьянская семья. 1927 г.

Фотограф И. И. Юшков. КККМ НЕГ 12814. ГК № 27759528

своими семьями функции главы женской половины — «большухи» — переходили к жене старшего сына. В случае продолжительной отлучки хозяина дома «большуха» имела полную дееспособность на продаваемый скот, на распределение доходов. Она могла даже участвовать в сходах.

В большинстве сибирских селений было принято делить труд на отдельные составляющие и чередовать тяжелый и легкий труд. Одна из невесток варила и стряпала, другая варила мыло и изготавливала сальные свечи или выделывала спички-«серянки», третья могла в это время печь хлебы, четвертая ухаживала за скотом и т.д.

В неразделенных семьях из 8–16 человек практичнее и сподручнее было варить пищу в одной из изб на общем подворье в больших котлах, питаться вместе или разносить пищу по домам. Занятия менялись по договоренности, чаще всего через неделю. Так, в с. Тасеево, по описаниям середины XIX в., чередование легкого и тяжелого труда было следующим: выпечка хлеба — уход за скотом — «домовничание» — варка пищи — доение коров и т.д. Заметим, что «домовничание», то есть мелкие повседневные заботы по поддержанию чистоты и порядка в доме, считалось отдыхом от других работ. Свекровь-бабушка при этом обычно ухаживала за детьми. Если она уже была в годах, то этим занималась одна из невесток.

Суровые условия сибирской жизни предусматривали и совместные работы, когда не было деления труда на мужской и женский. Это прежде всего относилось к полевым работам, покосу. Женщина-сибирячка не хуже мужчины могла косить косой и работать вилами или управляться

с лошадью. Но истинно женскими и традиционными занятиями были выращивание и обработка льна или конопли («поскони»). Эти технические культуры требовали не менее 15 отдельных операций и работ, прежде чем будет выткано полотно. Причем большинство их были не только трудоемкими, но и выполнялись в летнюю жару или, наоборот, в период осенних заморозков.

С наступлением зимы женщины трудились не меньше, чем летом. С осени начиналась пора заготовки овощей впрок. Долгими осенне-зимними вечерами на «вечерках» или «посиденках» девушки и женщины пряли пряжу. С началом Великого поста наступало «ткацкое» время. Ручное тканье было сопряжено с художественным мастерством. Тонкая пряжа шла на холсты для белья, рубашек, полотенец. Из более грубой пряжи ткали рядна на рукавицы, портянки, мешки. Ткали полотно, но каждая женщина демонстрировала свое мастерство: при необходимости любая из них могла выткать «узорницу», «строчи» или «продольницу» — ткани со сложным узором.

Каждая женщина не только должна была «обрядить» себя, мужа и членов семьи, но и наткать определенное количество холста на общие нужды. Холст шел на мешки для зерна и муки, для оплаты труда кузнеца или мельника, для покупки посуды у гончара, купли-обмена в деревенской лавке. Самым несерьезным видом ткачества считалось тканье половиков и «дорожек» для горницы. Необходимо отметить, что сибирячки любили ткать цветное полотно. Для этого предварительно окрашивали пряжу природными красителями. Ткали в «клеточку», в «полосочку», в «узор». Особого творчества требовало тканье цветных украшений для мужских и женских рубах, поясов и кушаков. На свадьбу девушка готовила для жениха узорчатый пояс с вытканными словами-пожеланиями и именем суженого.

С малых лет девочку обучали умению шить, вязать, ткать и вышивать. Сибирячки отличались и умениями вышивать полотенца, рубахи, платки, кисеты, накидки, холщовые штаны — «чембары» и др. Многие мастерицы умели крючком вязать кружева для украшения скатертей, полотенец, накидок. Из овечьей, собачьей и коровьей шерсти вязали на спицах рукавицы, носки, чулки, шали, платки. Многие вещи в Сибири вязали из конского волоса. С юного возраста девочке внушалось, что женская судьба связана с естественными для любой женщины умениями и работами.

Особенно примечательно то, что девочку в семье учили всем премудростям женского труда: ткать, прясть, доить корову, шить, выполнять иную работу «по хозяйству», но мать никогда не учила приготовлению пищи, выпечке хлеба, не допускала ее до замужества для работы «в кути». Специфика выпечки хлебов, приготовления пищи, варки различных блюд, выпечка пирогов считались основными традициями данного дома. Поэтому будущая невеста не должна была «традициев родительского дома нести в свой дом». Считалось, что до замужества дочери временно гостят в материнском доме, чтобы обрести «свой мужнин дом». После свадьбы «молодуху» в первый год ее жизни в своем доме (то есть в доме мужа) не «обряжали» на общие работы. Свекровь ставила ее рядом

Группа женщин-крестьянок деревни Коркино. 1920-е гг.

КККМ НЕГ 8480. ГК № 21345198

с собой в «кути» и учила всем премудростям – традициям дома. Спустя 20 лет бывшая «молодуха», теперь уже свекровь, сама была хранительницей традиций своего дома и учила всему жену своего сына...

В преддверии старости, готовясь к «смертному часу», сибирячки сами выполняли последнюю, наиважнейшую работу – ткали и шили себе «смертное», одежду в последний путь.

Воспитание детей в кругу традиций

В ряду ценностей сибиряков не последнее место занимала система воспитания подрастающего поколения. Народная педагогика была средством воспроизводства традиционного общества, его нравственных норм и носителей их. Воспитание ребенка включало в себя три основные составляющие: общественное воспитание, семейно-родственное воспитание и самовоспитание. Несмотря на повторы в наших очерках, мы вновь и вновь с гордостью повторяем в назидание молодежи перечень позитивных достижений «как должно» жить сибиряку от юности к зрелости: «К двадцати годам не умен, к тридцати не женат, к сорока не богат – всю жизнь так».

Деревенские ребята в селе Богучанском, Пинчугская волость, Енисейский уезд. 1911 г.

Фотограф Ермолаев.
КККМ НЕГ 4678.
ГК № 38007751

С первых минут жизни, с момента рождения, считалось обязательным дать нравственное напутствие. «Не будь крикливым, не будь ревливым, будь уемным, будь угонным, не будь жадным, будь аушным», – приговаривала бабка-повитуха над ребенком. Немаловажная роль отводилась в первый год жизни физическому воспитанию, сохранению здоровья. Ребенку «вправляли» врожденные вывихи, «правили головку», «вправляли грыжу», с первых дней закаливали. М. Ф. Кривошапкин писал, что 3–5-летние ребятишки «барахтаются» даже в сильный мороз в снегу и, «выбегая босыми на снег, не простужаются». Особую роль в оздоровлении детей играла баня: «Сибиряки парятся так жарко, что, вышед из бани, падают в снег или идут в прорубь, невзирая на трескучий мороз».

Воспитанием в семье традиционно занимались дедушка и бабушка: они были менее других заняты крестьянским трудом. В системе воспитания важным было ровное, без унижения и оскорбления, отношение к детям. Часто малыша бабушка шутливо именовала по имени-отчеству, спрашивала совета, беседовала с ним на серьезные темы. Одновременно

Дети за игрой в бабки. 1932 г.

КККМ НЕГ 9998. ГК № 42693478

считалось, что родители еще «не созрели для роли воспитателей». Все дети большой неразделенной семьи воспитывались вместе, старшие одновременно участвовали в воспитании младших. Важнейшее место занимало трудовое и нравственное воспитание. Именно трудовые и нравственные качества являлись главными достоинствами сибиряков.

Подрастая, ребенок незаметно овладевал традиционным набором умений и навыков, соответствующих его возрасту, силам, здоровью. Так детям прививались серьезность, чувство ответственности. Мальчики с 6–7 лет ухаживали за домашней птицей, вместе с бабушкой и дедушкой следили за порядком в доме и на подворье. В этом возрасте мальчики и девочки воспитывались еще вместе, и не было различия в их занятиях и мелких поручениях. С 9 лет мальчики стерегли лошадей, пригоняли с речки гусей, загоняли во двор возвращавшийся с пастбища скот. Им поручались и более серьезные работы на подворье. Они начинали принимать деятельное участие в работах отца, постигать азы мужских умений и навыков. Огромную роль в этом возрасте играло знакомство с лесом, тайгой: дети собирали ягоды, грибы, учились распознавать травы, ловить рыбу.

С 11 лет мальчики умели ездить верхом на лошади, работали на бороновке во время сева. «Свой бороноволок дороже чужого работника», – с гордостью говорили родители о сыне, и ребенок чувствовал свою значимость для семьи. Мальчики перенимали плотничьи, сапожные, земледельческие навыки. С 14 лет подростки («рошша» – называли ребят подросткового возраста на Ангаре) учились пахать, работали на покосе, самостоятельно водили лошадей в «луга», «ночное».

С 17 лет юноша выполнял все виды сельских работ: косил сено, ставил копны, пахал на пашне, полностью управлялся с конем, с упряжью. Он получал свой земельный надел — 15 десятин — и совместно с родственниками разрабатывал пашню. Он становился «женихом» и мог участвовать в сходах. И только с 18–19 лет юношу допускали до самых тяжелых работ, но при этом берегли от «надсады». В этом возрасте он являлся полноценным работником в хозяйстве.

У девочек и девушек были свои знания, умения и навыки работы. К 11 годам девочки должны были уметь обрабатывать пряжу, пряхть на прялке и самопрялке, выполнять все посильные виды женской работы по дому и на подворье. К 14 годам девочки умели вышивать, вымачивать холсты, шить рубахи. Они уже доили коров, ухаживали за скотом. Участвовали с матерью и старшими сестрами в прополке, учились жать серпом и вязать снопы.

К 15 годам ткали на «кроснах», начинали готовить приданое для будущей свадьбы. С 16 лет девушки участвовали во всех работах на покосе, на жнитве, полностью обрабатывали лен, коноплю. К 17–18 годам девушка становилась полноправной работницей в доме. Она выполняла все работы на поле, знала все сорта холста, шитье одежды. Еще раз напоминаем, что варить и печь в своем доме девушку старались не учить: она должна не нести «традиции родительского дома в свой дом».

«Усердный робить» с детства, сибиряк оценивал человека по его нравственному облику. Поговорка-афоризм «Воровать — стыд и грех, и судить будут» на первое место ставит не юридические запреты, а нравственные — «стыд и грех». «Бери лошадь от природы, а невесту от дома, от роду», — внушалось мальчику с детства. И еще: «Гульба да игра не ведут до добра», а если «не послушался отца-матери, послушайся теперь барабанной шкуры; не хотел шить золотом, теперь бей камни молотом». Иными словами, непослушание ведет к преступлению и каторге.

Воспитание и самовоспитание детей шло в процессе совместного времяпрепровождения, проживания детских традиций, обыгрывания многих сторон «взрослой» жизни. Здесь были свои запреты, ограничения. Чтобы не прослыть «неумехой», «бессовестной», «непутевым», «ябедой» или «хлюздой» и не быть изгнанным из игр, дети должны были следовать высоким этико-нравственным нормам.

«Общество» зорко следило за поведением детей, подавало пример традиционного поведения и спрашивало за нарушения по всей строгости. Любой взрослый человек, а тем более пожилой, мог сделать замечание, пожурить за проступок; об этом сразу же становилось известно родителям. Семья, не желая падения своего авторитета в обществе, за проказы сына строго его наказывала — честь рода ставилась на первое место. «Не позорь рода-племени своего, предков своих», — внушалось с раннего детства. Именно по роду, по семье оценивали молодых, выбирали спутника жизни. Когда повзрослевшим юноше и девушке подходило время создания семьи, то уже в целом было ясно, какого жениха или невесту выбрать, с кем идти под венец.

Свадебная обрядность в культуре старожиллов

В условиях монотонности, упорядоченности крестьянской жизни и отдаленности от центральных районов свадьба, как и подобные события, превращалась в яркое театрализованное представление, драматизированный обряд, венчающий важнейший выбор в жизни молодых людей. Обряд российской свадьбы, родившийся в глубокой древности, был принесен в Сибирь, но, сохраняя главные сюжетные и структурные компоненты, претерпел определенные изменения.

Молодежь в Сибири, более свободная по духу и нравам, имела возможность свободного выбора спутника жизни. Важнейшим условием создания семьи являлась хозяйственная целесообразность. Исследователи отмечали, что, по документам XVIII – начала XIX в., невесты часто были старше женихов: семья старалась «заполучить» в дом прежде всего работницу.

В Енисейской губернии в ряде мест был распространен обычай формального похищения невесты. М. Ф. Кривошапкин, описывая этот обычай, замечает, что, договорившись по согласию, жених «похищал» невесту. Мать невесты вопрошала при этом: «Как в глаза людям смотреть? В чужой дом, поди, дочь отдаю. Своими руками отдать, что ли? У нас ей хуже живется?» После «похищения», правда, невеста возвращалась (обряд соблюден), а затем начинался ритуал сватовства.

Сватунья от имени жениха шла сватать невесту. Сватать мог и сватовщик. На первой ступеньке крыльца сватунья говорила: «Как твердо и крепко стоит нога моя, так будет крепко и твердо слово мое. Чтоб что я думаю, то и исполнилось». Становились на ступеньку только правой ногой. Пройдя в избу, сватунья садилась под матицу, на скамью. «Под матицу не сядешь – в новой семье связи не будет», – говорили в Сибири. Матица дом вяжет, и скамья при этом должна быть продольная, а не поперечная матице, иначе жизнь поперек пойдет!

Сватунья сначала заводила разговор «ни о чем», а потом сообщала: «Я к вам пришла не пировать, не столовать, а с добрым делом, со сватаньем! У вас невеста, а у меня – жених. Станемте-ка родство заводить!»

Отец отправлял мать за загородку, в кузь к невесте – дело-то девичье. Невеста в Сибири была вольна выбирать, могла и отказать. Отец в таком случае говорил: «Молода ведь, хочет побыть в девках, отцу-матери поработать, ума-разума накопить». Или мог сказать: «Ждите до проку (то есть через год)». В случае согласия сватунье передавался платок невесты. Все «переговоры» вел отец невесты.

Затем назначался особый день рукобития. В этот день отец, мать жениха и сватунья шли в дом невесты. «Удостоверялись», что невеста именно та, что нужна их сыну, и скрепляли рукобитием важное событие. Это был старинный обычай народной «скрепы» серьезного дела. Отцы били по рукам. «Господи, благослови, в добрый час». Молились. Отец благословлял невесту. Затем пили по рюмочке «разъездной», а невеста с подругами проводила ночь «в рыданиях и причитаниях» – пели песни «с упреками и слезами», за то, что «отдают в чужой дом».

На смотренье, через сутки, встречались «впервые» невеста с женихом. Здесь были родные, крестные родители, приглашали: «Беседовать просим». На столе вино, лакомства. «Вот, смотрите нашего жениха, а нам покажите-ка невесту свою», — говорила крестная мать. Невеста и жених становились на одну половицу под руку, ближе к образам жених, а к двери — невеста, затем происходило обручение с поцелуем, обмен кольцами. Важен был обряд с платком, когда невеста, жених, отцы их брались за четыре угла платка, а затем невеста и жених переплетались углами и целовались. После этого все садились за столы; угощениями и лакомствами обносили всех — взамен гости клали деньги. Жених на тарелке дарил подарок невесте, та принимала с поцелуем.

Невеста провожала жениха на крыльце дома. Все уезжали. Молодежь оставалась у невесты, затем жених возвращался один, и начиналось веселье: песни, игры, угощения. Песни в этот раз пели более веселые. В них — примирение с новой жизнью, описание будущей жизни невесты в доме жениха и др. Веселье продолжалось допоздна.

Следующим этапом была вечеринка, или «девичник». В этот день невеста с подругами шла в баню, ей расплетали косу. Возобновлялись слезы. В бане невесту накрывали платком, затем наряжали, вели в дом. На украшенном возке приезжал разряженный жених с целой свитой друзей. Он торжествует! Один из родственников невесты, «зватай», приглашает всех в дом. Входят сватуныя, затем жених, потом все остальные. После приглашения садятся за столы: допоздна поют песни, угощаются, общаются, ведут разговоры о свадьбе...

После рукобития и до свадьбы назначались должностные лица свадьбы. Обряд предполагал следующих: для жениха и невесты — благословленные отец и мать (крестные родители), со стороны невесты — две свахи, одна постельница (чаще всего ею была повитуха), один продавец косы, один «заобразник» (мальчик с иконой-«образом») и двое бояр. Со стороны жениха — один тысяцкий, один дружка (знаток всех обрядов, управитель свадьбы), одна подружка, две свахи, четыре боярина.

Завершает ритуал бракосочетания день свадьбы. Действие продолжается в этот день с восхода солнца и до «за-полночи». Дружка жениха разряжен: через плечо у него празднично вышитое полотенце, пояс нарядный с висящими на нем платочками, в руках — плеть. Он ранним утром навещает невесту. «Как спалось? Как здоровье?» — спрашивается от имени жениха. Вторым приездом дружка везет подарки от жениха. «Повелел князь наш передать», — говорит. Дарили обычно платки цветные, шубу соболью, наряд подвенечный, зеркало подставное и др. «Приглашать ли князя ко красну крыльцу?» — спрашивал дружка, и разговор шел о дальнейших действиях в этот день. Младший брат невесты везет приданое: перину, подушки, одеяло, полог, различное шитое и натканное в сундуке. Едет он с образом и со свечой. С ним на санях сидит «приданка», повитуха-постельница. Она едет готовить в подклети или другом месте брачную постель. Следуют угощения, взаимные одаривания платочками.

А в доме невесты праздничное оживление. Готовят невесту к венцу; она одевается перед зеркалом с рыданиями, «прощается» с подругами.

Свадьба в Старом Туруханске. 1910-е гг.

Фотограф А. Я. Тугаринов. КККМ НЕГ 4780. ГК № 38061731

Молодые с родителями, Канский уезд. Начало XX века.

Фотограф В. П. Ермолаев. КККМ НЕГ 9674. ГК № 24950776

Этнографический вечер в Красноярском краеведческом музее.
Сценка из ангарской свадьбы. 31 марта 1913 г.

КККМ НЭГ 5165. ГК № 38061414

Затем все садятся за стол. Рядом с невестой ее младший брат – продавец косы. Жених уже уведомлен о готовности в доме невесты.

Проехав по всем улицам деревни, к дому невесты подкатывает свадебный поезд – процессия. Традиционны возгласы: «А тот ли это дом?», «Открывайте ворота!» Но это только за откуп: нужно выложить «гривну золотую» за ключ от ворот. Въезжают во двор. Здесь свахи обмениваются пивом и далее следует ритуал ввода «во дом, во палаты». Младшему брату невесты нужно «золоту гривну на поднос выложить – русу косу невестину выкупить». Ударяет плетью – «Мало!», требует еще денег. Наконец, «косник» доволен полученной суммой. Сваха слегка расплетает косу невесте. Все вместе садятся за стол. На нем всевозможные кушанья. Жених и невеста не имеют права пить на свадьбе: слегка пригубливают вино. Следуют три перемены блюд. Перед родителями невесты ставят гуся, которого по обряду они должны съесть вдвоем. Гусь символизировал нравственную чистоту и непорочность невесты.

Идет взаимное одаривание подарками с прибаутками и тостами за молодых. Наконец собираются ехать в церковь. Родители невесты благословляют молодых. Следуют три глубоких поклона. Все рассаживаются в сани. Впереди поезда мальчик-«заобразник» держит в руках Образ Благословенный. Дружка держит его за руку и с «приговором» три раза обводит поезд, процессия трогается к храму. Веселье, песни, прибаутки! По традиции у всех головы не прикрыты шапками. Лошади и дуги саней украшены лентами, колокольчиками, шаркунчиками. Кругом стреляют из ружей. Встречные поздравляют молодых.

В церкви «таинство освящения брака и молитва за благополучие ея» по православному обряду дополнялись чисто сибирским обычаем, когда на полу храма расстилался платок и молодые становились на него, жених правой ногой, а невеста – левой. При этом считалось счастливым поверьем, если невеста во время венчания сжимает в левой руке корочку хлеба – значит, жизнь пройдет в довольствии.

Далее свадьба перемещается в дом жениха. Подъезжают к дому, а дружка громко объявляет: «Прибыл наш князь новобрачный, с молодой княгиней и со всем полком, честным поездом на широкий двор. Приказал объявить, что он под злат венец встал и Закон Божий на голову получил! Извольте встречать с радостью!»

Встречают хлебом-солью, молятся, садятся за стол. Начинается свадебный пир. Первая чарка вина наливается жениху, он передает ее отцу. «Ну, сынок, с законным браком», – поздравляет отец. Для жениха и невесты ставится одна тарелка на двоих. Гости едят, выпивают, молодых поздравляют, непрерывно подаются угощения, лучшие кушанья. Блеснуть поварским искусством считалось делом чести. После третьей перемены блюд молодых выводили из-за стола. Далее следовал ритуал переплетения косы. Невесту накрывали платком, и свахи невесты и жениха, с песнями расплетая девичью косу, заплетали ее в две, укладывали их на голове в новом виде, затем надевали на голову кокошник или повойничек. Все присутствующие гости подхватывали песню о косе. Родителям наливались полные чарки, и те еще раз поздравляли «дитятей с законным браком» и благословляли на «подклеть».

Повитуха-постельница торжественно отмыкала помещение, первым входил «заобразник» с иконой, следом свахи, молодые. Молодых оставляли, дружка уходил последним, унося свечи. А в светлице продолжался «пир горой» с шутками-прибаутками, песнями...

Утром в дом молодого мужа собирался весь вчерашний поезд, все гости. Молодых отправляли в баню, затем обряжали, и далее шло представление родителям. Невеста показывала свое шитье родителям мужа, свекровь придиричиво оценивала мастерство. Потом молодые ехали в дом тещи и тещи – приглашали на пир. К обеду, наконец, все гости были в сборе. Все рассаживались по своим местам. На почетном месте сидели ее и его родители, крестные, родственники, а молодая угождала им, ухаживала, накрывала и подавала на столы, старалась показать, какая она проворная хозяйка. Часто проходили и шуточные «испытания» жениха на мастерство, например, вытесать клин на камне или насадить топор на топориче.

Пир продолжался до ночи, часто он длился не один день. Продолжался уже без особой обрядности. Но дружка, друзья молодых вносили импровизированные дополнения, розыгрыши, шутки: не зря свадьба считалась целым представлением. Веселись, народ!

Свадьбы часто накладывались одна на другую, шли чередом, и вся деревня практически значительную часть зимнего времени, отдыхая от трудов праведных, становилась участницей свадебного обряда, яркого самодетельного народного действия.

Обряды и ритуалы «на рождение младенца»

По описаниям, в Сибири было принято рождение младенца сопровождать определенными обрядами. Когда новорожденного мыли, то в воду клали серебряные деньги, которые брала потом себе бабка-повитуха. В отличие от «российских» обычаев («беречь дитя от зглазу»), о рождении извещали всех родственников, родителей, близких друзей: они приходили и приезжали навестить родительницу, при этом каждый одаривал новорожденного серебряными деньгами, которые клали под подушку матери ребенка или новорожденного.

Родительницу непременно, если позволяло здоровье, водили в баню через день. Сибиряки говаривали: «Банька – вторая мать». После бани поили взваром из ягод, из слабого пива с изюмом, черносливом, имбирем. Кормили родительницу кашей из цельного пшена с изюмом.

Этнографы отмечали, что в Сибири редко когда младенцев долго кормили молоком матери, чаще через 3–4 месяца начинали кормить коровьим молоком. Молоко давали младенцу, вливая его в рожок. Малыш подрастал, качаясь в колыбели – «зыбке», сплетенной из сосновых дранок на черемуховой дужке. Зыбка подвешивалась на кожаном ремешке к гибкому «очепу» – березовой жерди, продетой в потолочное кольцо. Зыбка сверху

Крестьянки
с грудными детьми
на руках. 1920-е гг.

КККМ НЕГ 8484.

ГК № 21345224

Крестьянская семья. 1910-е гг.

Фотограф
В. П. Ермолаев.
КККМ НЕГ 6288.
ГК № 20231960

накрывалась специальной накидкой – «шатром». Она была тем «малым миром», из которого младенец шагал в жизнь...

Древний языческий обряд «размывания рук» исполняли на девятый день рождения ребенка по всей России. В Сибири он был таким: принесли кружку чистой воды, в которую предварительно на ночь клали серебряные деньги. Родительница поливала три раза бабке-повитухе воду на руки, а та ей обратно. Потом повитуху одаривали 15–20 руб. денег, несколькими фунтами хорошего масла и фунтом чая и несколькими аршинами полотна или холста.

Данный обряд должен был символизировать передачу ответственности за дальнейшую жизнь младенца от повитухи к матери. Одновременно вода выполняла очистительную функцию и символизировала промежуточный этап прихода младенца в этот мир.

Ребенок родился. Растет. Подходит время обязательного для русских крещенья по православным канонам. Великое таинство крещения было важнейшим условием приобщения к Богу. Согласно христианской традиции при крещении ребенок нарекался преимущественно именем святого дня крещенья (или святого дня рождения). Этот святой становился его небесным заступником и покровителем на всю жизнь. Крещение

ребенка совершалось по вере восприемников, становящихся «крестными, духовными родителями» новокрещенного (крещаемого).

На крестины с утра в доме родителей ребенка собирались родственники, близкие друзья семьи, обязательно – «названные родители» (кум и кума), бабка-повитуха. Стол застилался новой белой скатертью, на нее ставили хлеб-соль. На лавку под иконы стелили шубу мехом вверх и укладывали младенца. Затем повитуха брала его и передавала куме, затем все шли в церковь для выполнения обряда крещения.

По окончании общепринятого в России православного обряда крещения ритуал с шубой повторялся. Крестная мать брала ребенка с шубы и передавала родной матери со словами: «Зовут вот (имя). С днем ангела тебя (имя), с новым счастьем. Дай Господь доброго здоровья на многие лета, а вас с сыном (дочерью) с радостью теперича». После общей молитвы родители приглашали «угощаться». Все поздравляли друг друга: отца – с «наследником», кума и куму – с «крестником», дядю – с «племянником», родителей – с сыном, бабушку – с внуком.

На «крестины» готовили кашу из «сарочинского» пшена, сваренную на молоке, а в постные дни – на воде. Кашу посыпали сверху сахаром. Всем собравшимся на крестины подносили вино, а затем кашу. По этому случаю в Сибири бытовала поговорка: «Я у него на крестинах кашу ел».

Повивальной бабке, которая считалась особо почетной гостьей, на кашу клали немного серебряных денег. Куму и куме дарили полотенца, полотенно. Если ребенок был в семье первым («первородным»), то часто, подшучивая над отцом малыша, старались подсунуть ему ложку каши с солью и перцем. При этом говорили, что отец должен разделить страдания матери. Бывало и так, что бабушка специально обливала свой фартук вином – по поверью, внук быстрее начнет ходить. Далее год за годом ребенок рос «в круге жизни», по пути своих прадедов, дедов и родителей...

От рождения до ухода из жизни, год за годом, изменения, потери и приобретения этап за этапом приближали смерть физическую, но не смерть духовную. Нашими предками уход из жизни воспринимался в смыслах традиционной философии мудрости. По старине считалось, что «смерть» – это «смена мерности». Мерность – точка зрения, мышления. Перед страхом смерти древние породили мечту о бессмертной душе человека, обретающей вечную жизнь. Прагматичная точка зрения гласит, что человек умирает физически, но не умирает социально, духовно: остается в своих делах, детях, результатах творчества, памяти людей. Достоинно умереть в глубокой старости означает то же, что и жизнь прожить «достоинно в чести и уважении общества».

Смерть и прощание с усопшим

Жизненный путь человека завершается смертью, и к ней сибиряки относились уважительно, мудро и спокойно. Величайшим благом было умереть, не намаявшись самому и не доставив маеты и страданий родным

и близким. Обычно, вступая в преклонные годы, люди заранее готовились «к своему уходу». Женщины шили «смертные одеяния» непременно иглой с нитью «от себя». В Сибири было принято, чтобы «смертное» шилось только из холста и не было покупным. Обувь покойника называлась «калишки», «босовики» и шилась из 2–3 слоев плотного белого холста. Мужчины заранее готовили материал для домовины-гроба; считалось естественным, если крестьянин сам любовно и аккуратно мастерилил себе домовину. И стояла она потом на амбаре или под крышей сарая «до востребования» многие годы.

Как и везде на Руси, умершего человека – «грешно тело» – обмывали и одевали в чистые, желательны новые одежды. Омовение умершего рассматривалось как очистительный обряд и совершалось строго в бане, а на «упокойника» было принято поливать только «через руку, оборотя кулак пальцами кверху». «Смертное мыло, обмылок» приобретало магические свойства для отдельных ритуалов. Омовение ни в коем случае не должны были совершать родственники. Затем покойника одевали в «смертное».

«Обряженного» покойника укладывали в горнице на широкую скамью в «красном углу» головой к «божнице». Скамья украшалась ковром, вышитым полотном, кисеей. Пол устилали еловыми или, чаще, пихтовыми «лапками»-веточками. Икону в Сибири было принято ставить не на грудь усопшему, а в голове. Покойника прикрывали полотном, парчою. На столик или полку в изголовье обязательно ставили чашку с водой. «Чтобы душа смогла умыться», – говорили знающие люди. Свечку ставили в соуд с зерном. В гроб стелили кудель и веничные листья.

У тела дни и ночи непременно сидели дети, внуки, близкие усопшего. Обряд обмывания, прощания сопровождался причетами, причитаниями, рыданиями, плачем, приговорами. В семье покойника все женщины повязывали голову черным платком, а незамужние девушки под платком дополнительно распускали по плечам волосы.

К усопшему ходили все, знакомые, чужие, обязательно съезжались из окрестных селений даже самые дальние родственники. Все выражали чувство сострадания, соболезнования близким, соблюдали традиционное приличие. Современники отмечали, что в Сибири прощаться приходит множество чужих, посторонних людей, приходят, чтобы «посмотреть, как одет, какую парчою покрыт, плачут ли родные». Всякому входящему в дом подавали рюмку водки или стакан чаю. Все трое суток, пока покойник лежал дома, ворота обязательно оставляли открытыми. Несколько человек обслуживали приходящих, помогали раздеться, подавали с утра до вечера чай, грели самовар, а один из них подавал милостыню нищим.

В традиционной похоронной обрядности старой Сибири важное место занимали старинные причеты. Печальная песня-плач служила средством психологической разрядки в страшном горе. Долгие длинные причитания безутешных вдов, матерей, родных складывались с древности в прощальные песнопения: горестные, торжественные и строгие, берущие за душу. Лишь однажды услышанная мной песня-плач запомнилась на всю жизнь...

Этнограф и заток старой Сибири Мария Васильевна Красноженова записала в начале XX в. в селениях Енисейской губернии плачи во время прощания с умершими:

Плач матери по умершей дочери

Ой, да ты моя доченька!
Ой, да ты моя милая!
Где ты, моя красавица?
Куда ты делась, пташечка?
Да за што же ты на меня обиделась?
Да за што же ты рассердилась?
Ой, да зачем ты меня покинула,
Сироту-то меня горе-горькую.
К кому я теперь пойду?
Кому печаль мою расскажу?
Ой, да ты моя доченька...

Плач жены по умершему мужу

На кого же ты нас оставил, сокол ты наш ясный?
Отлетаешь ты от нас в дальнюю сторонушку,
ничего ты не ведаешь,
не чувствуешь, как мы здесь, горькие,
в слезах убиваемся!
Не воротись ты к нам к горе-горьким,
не поглядишь ты больше
на нашу жизнь несчастную.
Не придешь-то ты больше на пиры и беседушки,
не взглянешь-то ты больше на свои поля-на колосыньки,
на свою на скотинку на сиротскую,
не войдешь-то ты больше в свою избу теплую...
Избрал-то ты себе холодное гнездышко...
...Соберутся-то у нас сейчас гости званые,
гости званые-приглашенные,
не на радость-то они соберутся к нам,
а на слезы-то, да на сетованья,
все родны наши, все знакомые...

Хоронили покойника на третий день. Только перед выносом из дома покойника укладывали со скамьи в гроб-«домовину». «Вязки» от рук и ног покойника клали в гроб с левой стороны. Из дома гроб выносили на руках, а особо чтимого несли на руках до «могилок». После выноса тела тут же переворачивали скамью, а в передний угол, где лежал усопший, клали камень — «серовик», верили — «покойника в этом доме больше в ближайшее

Обрядовая культура старожилов Иркутска

«При рождении младенцев были обряды следующие: в то время, когда новорожденного мыли, клали в воду серебряные или золотые деньги, которые брала бабка. Между тем извещали родных, и они приезжали навестить родильницу. Каждый посетитель или посетительница привозили серебряные деньги, иногда ассигнации, а у бедных медные деньги, которые и клали под подушку родильнице или ребенку. В крестины по окончании духовного обряда был обед, ужин или закуска; но во всяком случае подавали кашу из сарачинского пшена, вареную на молоке, а в пост — на воде. Сначала подносили вина, а потом кашу; и от этого есть пословица: я у него на крестинах кашу ел. На кашу повивальной бабке клали деньги. Если дитя было перворожденное, то часто, подшучивая над отцом, старались приготовить ему ложку каши с солью и с перцем и говорили, что он должен разделить страдания матери».

Описывая, как умею, разные обряды, наконец, я приступаю к тому неизбежному к концу жизни обряду... я говорю о похоронах и опишу, как они отправляются в домах достаточных. Известно, что у бедных бывает то же самое, только в малом виде. По окончании религиозных обрядов умершего кладут на стол, который убирают полотном или кисеей и черными лентами, ставят подсвечники, пол устилают ельником, этим северным кипарисом. Дети и ближние родственники бывают попеременно при теле усопшего. Прежде жена и дочери непременно должны были сидеть при теле усопшего и причитать со слезами, высчитывая все добрые качества его. Если кто не соблюдал этого, то говорили, что рады и не жалеют о смерти его; надобно было, если нет слез, закрыть глаза платком, положить голову на стол, где лежит покойник, и приговаривать. У девиц при смерти отца или матери распускали волосы по плечам, завязывали голову черным платком. Даже при этом случае видно гостеприимство сибиряков: к покойнику ходили все знакомые, многие и чужие; знакомые из приличия, а посторонние — посмотреть, как одет, какую парчю покрыт и плачут ли родные; но всякому приходящему подавали рюмку вина и чаю. Для того приставлены были особые люди, и под их надзором самовары кипели с утра до вечера. Один из верных людей подавал милостыню; рассылали по возможности подаяния по монастырям, богадельням, в острог и в больницу; служили два раза в день панихиду. Между тем приготавливались к похоронам, которые обыкновенно бывали в третий день.

В Иркутске нет готовых гробов и нет людей, которые бы делали из этого промысел; траура не отпускают напрокат, и даже всех покойников носят на носилках, покрытых сукном или ковром. Гроб заколачивают на кладбище. В этот день большой обед, который называют горячим. Кроме священников и причетников приглашаются на него родственники и знакомые; кому угодно из посторонних, всякий может прийти и обедать: никому не отказывают. Траур носят ближние родные целый год».

Авдеева Е. А. Записки и замечания о Сибири: [с] приложением старинных русских песен / соч. ...ы...ой [Е. А. Авдеевой]. — Москва, 1837.

время не будет». Камень лежал шесть недель. Сразу после выноса тела в доме мыли полы, а ворота дома сразу закрывались.

Шествие на «могилки» строилось определенным образом: впереди шел человек с иконой, за ним священник, потом несли крышку, покрытую ковром, затем гроб, обшитый бархатом или атласом (красной тканью). Если позволяло состояние, гроб накрывали парчой. Нужно отметить, что в Европейской России, в отличие от Сибири, гроб обычно не обшивался тканью. Умершего отпевали в церкви, а затем несли на кладбище.

Вдова крестьянина
Низовского
общества
Дудинского участка
Туруханского
края Лукерия
Панова с ребенком.
Около 1905 г.
Фотограф священник
Попов. КККМ НЕГ 4441.
ГК № 36117366

В могилу гроб опускали на холсте, который затем делился пришедшим нищим. По старинному полуязыческому обряду в Сибири священник-батюшка первым бросал на крышку гроба горсть земли, затем все пришедшие на кладбище бросали по три горсти: «Царствия Небесного; пусть земля будет пухом». На крест по обычаю повязывали холщовое полотенце. По завершении обряда погребения служили панихиду, раздавали милостыню нищим, одаривали всех платочками или полотенцами и возвращались домой.

Далее в доме покойного проходил обряд поминок, «горячий обед». Сюда мог прийти любой, никому не отказывали. А все, кто был на кладбище во время похорон, обязаны были прийти. Величайшим «грехом» сибиряки считали говорить об умершем «худое». Поминать начинали с кутьи или меда. Потом подавались кушанья «во множестве». Перемен блюд было много, но обязательны были блины. Если покойника хоронили в «постный день», то подавали холодную рыбу, рыбный студень, похлебку, пряженники, каши и разные кисели. В «скоромные дни» подавали на столы холодное мясо, студень мясной, студень рыбный, разнообразные каши и кисели, молоко. Поминки обязательно сопровождалась разнообразием подаваемых каш. Перед каждой переменной блюд молились Богу и желали усопшему «Царства Божьего». Подача на стол киселя, часто со сливками, означала завершение «горячего обеда».

В Енисейской губернии был еще ряд общепринятых обрядовых действий на похоронах. Многие старушки завещали похоронить себя в венчальных платьях. Покойника хоронили опоясанного поясом. К внешнему углу дома умершего сразу после смерти прикрепляли маленький лоскуток из белой ткани, чтобы «душа могла в 40 дней прилетать к дому и вытирать слезы». У покойника ни в коем случае нельзя было стричь ногти и волосы. После похорон одежда усопшего раздавалась друзьям и близким. Покупались также новые платья и дарились для поминовения.

Этнографами отмечается, что нигде более в России не существовало обряда посещения кладбища на второй день. Сибиряки же на второй день обязательно шли на «могилки», причем только близкие родственники, «спрашивали у захороненного, как первая ночь прошла». «Ничто, самое удивительное, не удержит их от поездки на могилу: ни проливной дождь, ни метель, ни сильный мороз». Данный обряд второго дня «посещения усопшего» сохраняется и поныне...

По православному обряду лишались церковного отпевания и даже погребения на общем кладбище лица, сознательно лишившие себя жизни – самоубийцы. Это считалось величайшим грехом. К таковым относили и погибших участников «разбойного нападения» – преступников.

Те, кто был на «горячем обеде», в течение шести недель по 1–2 раза в день били поклоны покойнику. В домах многих зажиточных крестьян в течение 40 дней после похорон родного человека кормили всех проходящих нищих. На 9-й день поминали умершего только близкие родственники, а на 40-й день устраивался «званный обед». Во многих селениях на Ангаре было принято помянуть в 6, 9, 20, 40-й дни. Повсеместно в Сибири поминали в день именин и в годовщину смерти. В течение года близкие родственники носили траур.

В годовщину смерти также подавались традиционные перемены блюд: холодная рыба, рыбный студень, кутья пшеничная, кутья черемуховая, пирог рыбный, блины, пряженка, кисель. Все ритуальные каши и в дни поминок, и по иному поводу готовились из цельных немолотых зерен.

«Родителей своих, ушедшего из жизни, почитали и вспоминали по всяко поводу. Мысленно разговаривали с ними, делились новостями, рассказывали о своих семейных, спрашивали совета, как поступить...»

Поминальная Радоница, или «Ихна родительска Паска»

Следующая после Пасхальной недели Фомина неделя была для сибирских старожилов одной из наиболее важных в обрядово-ритуальном цикле. Во вторник на Фоминой неделе отмечали Родительский день. Сибиряки называли его «Ихна родительска Паска».

Накануне «родительской пасхи» все обязательно мылись в бане, несмотря на то что был понедельник. Вечером, после того как все члены семьи помоются, в баню приносили определенный набор белья, вещей,

мыло для умерших предков. Ставили шайку, наливали туда воду, раскладывали на скамьях вещи и уходили, оставив слегка приоткрытой дверь. Никто из живых не имел права после этого идти туда, это считалось величайшим грехом. А чтобы души предков помылись в своих банях, вечером в понедельник открывали ворота кладбища (в остальные дни они оставались закрытыми).

В Родительский день вставали до рассвета. Родня, члены семьи шли с кутьей в церковь, где служилась панихида и поминались умершие, другие оставались дома и готовили обильный обед.

После службы в церкви сибиряки посещали «могилки». В нарядных одеждах все жители селения сходились вместе, поминали умерших кутьей, яйцами, блинами, прикусками. «На могилках старожилы в этот день „христосуются“ с родителями: ставят кутью, раскрашенные яйца, поминают вином, затем приглашают помянуть встретившихся близких, соседей, односельчан. Многие берут на могилки самовар. Бывает и такое, что приносят вина: пьют сами и угощают „родителёв“, выливая из рюмки вино на могилу. Степенно посидят, помянут и уходят», — писал об этом обряде в конце XIX в. этнограф В. С. Арефьев.

По возвращении с кладбища крестьяне накрывали дома столы, выставляли обильные кушанья, в несколько рюмок наливали вино и накрывали их кусочками хлеба. Затем открывалось окно, через подоконник на улицу свешивалось полотенце — «дорожка» для душ умерших предков. Все домашние, родственники и приглашенные покидали комнату и выходили в переднюю избу или во двор, предварительно помолившись с поклонами перед иконой в переднем углу. Старожилы верили, что души умерших предков в это время пируют, общаются за накрытым столом. Считалось, что обильно накрытые столы доставляют им радость и показывают степень уважения и почитания их живущими. По прошествии некоторого времени все возвращались за столы и с молитвой приступали к поминальному обеду.

Не только в «Родительску Паску», но и повседневно старожил общался с предками, обращался за советом, мысленно разговаривал с ними о делах и проблемах, в сознании предки оставались частью этого мира.

Обобщая сказанное, мы видим, что традиции народной культуры вплетены во все этапы и мгновения жизни человека, в межпоколенной преемственности, находят свое выражение в укладе жизни, обычаях, нормах поведения в семье и обществе. Передаваясь из поколения в поколение, обряды, ритуалы, «правила предков» помогали торжественно отметить наиболее важные события своей жизни от рождения до ухода из жизни.

Обычай «круга жизни» уходит корнями в глубокую старину и крепко связаны с праздниками традиционными, в круге православного и народного языческого календаря. Торжествами и приуроченными обрядами народ встречал весну, лето, осень, зиму, заботясь об бурожае, благополучии рода. В центре русской культуры стояла преемственность христианских праздников от Рождества Христова и вновь до следующего Рождества.

Радоница на Троицком кладбище в Красноярске. 1924 г.

Фотограф А. В. Кудрявцев. КККМ НЕГ 6277. ГК № 20231403

Нищие на Троицком кладбище в Красноярске. 28 апреля 1925 г.

Фотограф А. В. Кудрявцев. КККМ НЕГ 6260. ГК № 20231391

СИБИРЯК ПРАВОСЛАВНЫЙ И/ИЛИ ЯЗЫЧНИК

Под воздействием конкретных факторов и объектов реального мира в ментальности этноса и его отдельных локальных групп формируется субъективная картина мира. Образ мира, с одной стороны, сформирован рациональными познаниями материального мира, с другой – все, что было рядом, что окружало человека традиционного времени, было упорядочено в иерархии «добра и зла». Каждый человек, предмет или объект мира был «свой» или «чужой» в спектре позитивных, нейтральных или враждебных качеств и свойств. Конкретные основания элементов культурных традиций зависели от личного опыта, но в наибольшей степени от советов и заветов дедов и отцов. Перечить обычаям, оценкам и нормам осмысления мира и стереотипам поведения в природной среде, общине, семье не было приятно.

Мировоззренческие ценности культуры, предоставлявшие социуму «возможность определить себя в мире и дать ему адекватный для жизни образ реального мира и поведения в нем», составляют «центральную зону» картины мира. Ядро «центральной зоны» включает коренные верования народа, социальные убеждения, идеалы, склонности, интересы и другие установки, отличающие «своих» от «других». Идентификация – это осознание человеком своей принадлежности к этносу, субэтносу, малой социальной или культурной группе. Важнейшим отличительным критерием этнической идентификации является осознание принадлежности человека и социума к своей религиозной конфессии. Это есть конфессиональная идентичность, построенная на представлениях о себе и мире посредством религиозных принципов, учений и взглядов.

В процессе реконструкции содержания картины мира мы отдаем себе отчет, что практически бессмысленно выстроить строго последовательную, восходящую цепочку объектов реального мира в субъективном отражении. Основные постулаты исторической этнологии свидетельствуют, что под ценностной иерархией понимается не сам факт наличия ее, а передающееся веками в поколениях «ощущение наличия <...> упорядоченной системы представлений» о мире и о себе в структуре окружающего мира¹. Базовым центром и инструментом упорядочивания ценностей служит религиозное мировоззрение. Конечно, мы здесь говорим о «картине мира» предков, так как ныне систематизация культурного, этического и эстетического видения «мира и себя в нем» оформлено более в постулатах идеологии общества.

В старой русской этнической культуре стержнем «центральной зоны» являлась христианская православная религия. С крещением Руси православная религия выполняла функцию идеологического обеспечения становления и укрепления государственности. Православная религиозность на уровне «центральной зоны» культуры существенно влияла на формирование единого самосознания и идентификации русского этноса. Православная церковь принимала активное участие в колонизационном освоении сопредельных территорий в XVI–XVIII вв., в том числе и сибирских земель. Естественно, что в центре сознания русских сибиряков православие являлось основным компонентом адаптивных традиций. Не случайно источники свидетельствуют, что в историческом времени считать себя «русским человеком» было равноценно осознавать «православным». Лучшими во всех качествах православных христиан Сибири следует считать старообрядцев. Старообрядчество имело для освоенной территории особое физическое и символическое значение для формирования «сибирского человека» и черт «сибирского характера».

Церковная реформа патриарха Никона 1653–1656 гг. разрушила былую целостность русской православной церкви, внесла конфликт в общество и потрясения в традиционную культуру². Защитники старой веры, не принявшие Никона, считали своим долгом защитить суть православия, самобытность православной культуры, свой образ мыслей и уклад жизни. Против последователей «старой веры» многие века шла жестокая, часто кровавая борьба. Их правовое положение было намного хуже положения представителей других религиозных конфессий России. Однако преследования и устремления властей и официальной церкви уничтожить даже идею старообрядчества, наоборот, сплотили последователей этой веры, обострили в них черты рационального здравомыслия, трудолюбия, предприимчивости, настойчивости.

С течением времени большая часть старообрядцев или путем добровольного ухода, или через ссылку оказалась в Сибири. Труд и настойчивость

¹ Лурье С. В. Историческая этнология... С. 223.

² Данный раздел очерка выполнен на материалах публикации наиболее профессионального исследователя истории и культуры старообрядцев. См.: Болонев Ф. Ф. Старообрядцы Сибири в панораме веков. <https://altaistarover.ru/articles/history/398-starobryadcy-sibiri>.

в соединении с морально-этическими нормами коллективной жизни единоверцев способствовали выживанию и демографическому благополучию. В Сибири старообрядцев стали называть староверами. Особое качество довольствоваться малым и даже в невыносимых условиях, выработанное в гонениях, позволило староверам создавать селения – «островки благополучия». В Сибири старообрядцы построили тысячи больших торговых сел и малых затерянных деревень, где жили по традициям предков общиной.

Особая роль их в зарождении с начала XVIII в. товарно-денежных отношений. Писатель И. А. Гончаров писал о живущих на сибирских трактах так: «Русские все старообрядцы, все переселенцы из-за Байкала. Не веришь, что едешь по Якутской области, – так оживлены поля хлебами, ячменем, даже мы видели вершок пшеницы, но ржи нет». Старообрядцы юга Сибири стали здесь лучшими земледельцами, оказавшими огромное влияние на развитие земледелия. «Семейские» Забайкалья стали первыми в Сибири применять при пахоте плуг – более совершенное орудие для вспашки поля. «При освоении Амура основные поставки хлеба шли от забайкальских старообрядцев», – писали современники. Староверы основали и развили сибирское пасечное пчеловодство. Мед из Бухтарминской долины славился на всю Сибирь своими превосходными качествами. Его закупали купцы и местные скупщики и отправляли на Ирбитскую и Нижегородскую ярмарки.

Значительная часть российского капитала XIX в. находилась в руках старообрядцев – до 70%. Среди них крупные династии промышленников и торговцев. Они внесли большой вклад в освоение труднодоступных территорий, особенно в горах Алтая, степях и горах Забайкалья, в омской, енисейской и ленской тайге. По изысканиям этнографа Ф. Ф. Болонева, в начале XX в. старообрядцы составляли 4,15% всего населения Сибири. «Наибольший их процент падает на Амурскую область – 11,89%, в Забайкалье их было 5,14, в Томской губернии – 5,14, Тобольской – 5,04%».

Староверов, которые пришли в Сибирь с р. Керженец Нижегородской губернии, в Сибири называли «кержаки». Поселившиеся в Горном Алтае в бассейне р. Бухтармы получили название «каменщики», «бухтарминцы». Старообрядцы из Польши и Белоруссии были переселены на Алтай и стали называться «поляками», а в Забайкалье они получили этноним «семейские старообрядцы», так как были выведены «ис поляков» целыми семьями. По изысканиям Ф. Ф. Болонева: «Локальные группы староверов были согласия поповцев и беспоповцев, особенные толки по отношению к проведению обрядов причащения, миропомазания, крещения, брака. Переселенцев живет по одной, по две, по три семьи. Женщины красивы, высокие ростом, стройны и с приятными чертами лица».

В освоении Сибири старообрядцы играли немаловажную роль. В местах компактного проживания старообрядцы сохраняли и продолжают ныне сохранять веру, уклад жизни, традиции. Экскурсно обобщим особенности субэтнического характера старожилов – старообрядцев. Сразу подчеркнем, что старожильческие качества духовности, нравственности и высокой морали в среде староверов были возведены в состояние

Семья старовера Зайкова. Деревня Выезжий лог. 1913 г.

Фотограф А. Я. Тугаринов. КККМ НЕГ 7149. ГК № 39177323

абсолютных ценностей. Вера в Бога, библейские заповеди учили отношениям к людям, природе, к труду. В ведении хозяйства, образе жизни, патриархальном укладе, обрядах и обычаях сохранились русские национальные традиции.

Быт старообрядцев тесно связан с их образом жизни. Основное направление в хозяйстве — земледельческо-промысловое. Добывающими промыслами были охота и рыболовство. Было развито мелкое кустарное производство, которое представлено прядением и ткачеством, кожевенным и гончарным производством, плетением корзин, изготовлением берестяной, деревянной посуды.

Семейный уклад был направлен на формирование черт трудолюбия, терпения, уважения старших. Именно отношение к труду было главным в мировосприятии староверов. Каждый дом был обязательно огорожен, имел свой двор с различными хозяйственными постройками. Дворы были как крытые одно-двухэтажные, так и открытые и крытые частично. Здесь были утепленные постройки для молодняка, разный хозяйственный инвентарь.

Высокий уровень жизни был обеспечен и ухоженным домом со шкафами, кроватями со спальными принадлежностями, столами и стульями, предметами для освещения. Особое место в доме занимал богатый красный угол. Божница обязательно должна находиться в юго-восточном углу. В каждом доме многовековые иконы, старинные книги, лестовки — четки при чтении молитв.

Богатой у старообрядцев была хозяйственно-бытовая утварь для выпечки и хранения хлеба; столовая посуда, утварь для приготовления пищи в печи; для переработки и хранения зерна; для сбора грибов и ягод. Посуда в основном была деревянная и фабричного производства – фарфоровые чашки, металлические вилки. Староверы к посуде относились очень щепетильно, не позволяли есть из нее «мирским» людям.

Везде у староверов господствовал культ чистоты, не было обмана и воровства. Все дела и помыслы староверов направлены к одной цели – сохранить те общественные отношения, которые существовали до утверждения крепостного права в России, сохранить старину – национальную одежду, обычаи и обряды, старую веру. Но не только в прошлое были обращены помыслы староверов. Они внесли большой вклад в развитие торговли и промышленности. Для православных староверов, для всех русских старожиллов Сибири символы веры, обряды, молитвы и ритуалы в содержании этнических констант были важными «условиями преодоления зла». Они служили психологической опорой бытия в трудностях и лишениях, в горе и радостях, помогали регулировать социальные отношения, сохранять нравственную «совестливость».

Именно слабостью позиций церкви и веры в Сибири XVI–XVII вв. объясняли многие авторы «дикие» и «разгульные» нравы первых «засельщиков» края. Поэтому обеспечение социальной и психологической адаптации во всей полноте в жизни и сознании сибиряков не представлялось возможным без формирования церковной приходской структуры на осваиваемых землях.

Источники достаточно широко освещают инициативную роль общин в принятии решений о строительстве церквей, о выделении пашенной и покосной земли церковному причту³. Понимая благотворность влияния веры на моральную поддержку людей вдали от прежних родных мест, на нравственное воспитание молодежи, население острогов и сельских селений возводило православные храмы. Сибиряки осознавали необходимость церкви в духовной сфере и практике повседневности, в выполнении социальной функции: в крещении младенцев, отпевании умерших, венчании новобрачных, обрядах освящения, нейтрализации «сил зла» чужой среды. Православные сибиряки нуждались в выполняемых священниками обрядах, связанных с сельскохозяйственными работами, в освящении построенных зданий, в повышении грамотности и культурного уровня населения. Будучи верующими, сибирские старожилы относили веру, которая была критерием оценивания, к важнейшим качествам православных сообщинников. Вопрос об истинности веры в человеке в основном находим в отзывах о священниках своих приходов или при избрании крестьян на общественные должности при храмах. Так, избрание на сходе общины церковным старостой крестьянина Сергия Каллистратова Полежаева в с. Петропавловском Балахтинской волости оговаривалось рядом позитивных для данной кандидатуры качеств: «От роду 45 лет, на исповеди и у святого причастия бывает, поведения весьма хорошего,

³ Крестьянство Сибири... С. 460.

Православная Россия. «Во имя Отца и Сына и Святого Духа...»

Славословие Пресвятой Троице: «Слава Отцу и Сыну, и Святому Духу, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь».

Молитва Господня: «Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе. Хлеб наш насущный дай нам на сей день, и прости нам грехи наши, как и мы прощаем грехи наши, как и мы прощаем должникам нашим, и не введи нас в искушение, но избави нас от лукавого. Ибо Твое есть царство и сила, и слава во веки. Аминь».

Молитва перед учением: «Преблагий Господи! Пошли нам Благодать Духа Твоего Святого, которая дарует и укрепляет наши душевные силы, чтобы, слушая внимательно учение, преподаваемое нам, возросли мы для прославления Тебя, нашего Творца, родителям же нашим на утешение, Церкви и Отечеству на пользу».

Молитва после учения: «Благодарим тебя, Создатель, что удостоил нас Своей благодати, чтобы мы охотно учились, благослови наших родителей, учителей, указывающих нам путь к добру, и даруй нам здоровье и бодрость продолжать учение».

Молитва за родителей: «Спаси, Господи, и помилуй родителей моих, братьев и сестер, родных моих и всех ближних к роду моему, и даруй им всякое земное благополучие и небесное спасение».

под судом и штрафах не был, имеет полное крестьянское домообзаводство и обязанность отнести может с пользой для церкви»⁴.

В системе ценностей картины мира крестьян-старожилов специфически представлены в качестве сакральных объектов реликвии православной веры. В центре мировоззрения крестьян находился Бог, но своеобразие понимания Его сибиряками отражалось в терминологии. Образ Бога в Сибири олицетворялся иконой, а иконостас (киот) называли «божницей». «Богом» здесь называли и святого Николая («сибирский Бог»). В описях предметов личной собственности, неизменно занимая первую строчку описей, присутствовала икона. Но в системе ценностей в сознании крестьян она оценивалась особым образом. Так, в описи имущества поселенца д. Воробинной Сухобузимской волости Венедикта Пятибратова комиссия из крестьян-старожилов выделила следующие объекты с оценкой стоимости:

«Образ Угодника Николая Чудотворца ...

Имба 2-саженная, рубленая из соснового лесу, ветхая... 8 руб.

В ней стол деревянный... 5 коп.

Муки ржаной 5 пудов... 75 коп.», и т.д.

Мы видим, что при общей оценке имущества поселенца в 14 рублей икона, будучи включенной в опись, никоим образом не оценена в денежном выражении⁵. Опись наглядно отражает представление о том, что икона, в отличие от материальных предметов, относилась к сфере

⁴ ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 671. Л. 13.

⁵ ГАКК. Ф. 546. Оп. 1. Д. 37. Л. 45.

духовных реликвий. Не случайно приобретение на ярмарке иконы оформлялось словом «мена».

Храмовые праздники, молебны, крестные ходы, исполнение треб давали существенный заряд православной религиозности крестьян, особенно в среде молодежи. В дни великих религиозных праздников посещение храмов верующими резко возрастало. Современники подчеркивали воспитательное значение религиозной литературы, в первую очередь нравственно-этических сюжетов «священного писания»⁶. В рождественские дни «Славление Христа», по свидетельству П. А. Словцова, в сибирских селениях тесно увязывалось с благотворительностью и помощью «хворым хозяевам из скудных семей»⁷.

Система представлений о характере взаимоотношений крестьян-старожилов и священников строилась в основном на уровне согласования прагматичных интересов. Это касалось, прежде всего, оценки содержания причта — «хлебной руги» и пашенной земли в обмен на уровень «желаемого» крестьянами исполнения православных обрядов⁸. В случае принуждения членов «общества» со стороны священников по «должному исполнению крестьянами треб» (согласно канонам православия) крестьянами на сходах принимались решения об «урезании ружного зерна»⁹. Поэтому власти постоянно внушали священникам мысль «не обострять отношений, так как лучшей и наиболее действенной мерой... было бы удовлетворение причтов на их взаимном согласовании с населением»¹⁰.

Однако, согласно выводам историка Н. А. Миненко, «наблюдатели отмечали, что со временем развлекательная сторона» обрядности «все более оттесняла религиозную на второй план»¹¹. Проведенные исследования свидетельствуют, что «в первом земледельческом районе Сибири, Тобольском», церковная сеть была значительно гуще, чем в районах «новой колонизации»¹².

В чем же могла быть причина территориального и психологического ослабления былой русской религиозности на осваиваемых землях? Мы объясняем это усилением противоречий с каждым десятилетием сибирской истории между ценностями свободы личности сибиряка и попытками церкви наладить административный контроль на территории приходов. Архивные данные доказательно свидетельствуют о стабильном снижении позиции церкви в структуре ценностей сознания крестьянского населения. На рубеже XIX–XX вв. резко участились жалобы на крестьян «о крайне неисправной уплате руги [общинные выплаты хлебом духовенству]»¹³.

⁶ ККМ. ОФ 7886/231. Парфентьев И. Ф. (1781–1892 гг.). Воспоминания. Л. 98.

⁷ Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886. Кн. 2. С. 283.

⁸ ГАКК. Ф. 284. Оп. 1. Д. 29. Л. 1–3.

⁹ ГАКК. Ф. 284. Оп. 1. Д. 187. Л. 12.

¹⁰ ГАКК. Ф. 595. Оп. 53. Д. 578. Л. 3.

¹¹ Миненко Н. А. Культура русских крестьян Зауралья. XVIII — первая половина XIX в. М.: Наука, 1991. С. 178–179.

¹² Крестьянство Сибири... С. 462.

¹³ ГАКК. Ф. 595. Оп. 53. Д. 578. Л. 2.

Старинная часовня на кладбище села Кежемского, построена во второй половине XVIII века. 1911 г.

Фотограф А. П. Ермолаев. КККМ ОФ 10426/367. ГК № 9282164

Сибирский крестьянин предпочитал строить отношения с церковью, как и во всех остальных сферах жизни, на условиях рациональной, «договорной» организации религиозно-духовной жизни. Эволюция позиций церкви в системе общественных ценностей свидетельствовала об иных, чем в Европейской России, оценках рациональной необходимости количества храмов. Если вспомним, что основное население восточных регионов формировалось за счет внутренней миграции из Западной Сибири потомков первых «засельщиков», то в этом мы видим и немаловажное свидетельство ослабления религиозности в «картине мира» старожилов.

Общие процессы психологической адаптации и изменения сознания русского населения Сибири вносили корректировку в представления о «должной» религиозности. Даже священники периода XVII–XVIII вв. начинают подходить к вопросу веры с прагматичных позиций. О доходах сибирских священников, значительно превышавших доходы «российских священников», подробно писал Г. Н. Потанин¹⁴. Под церковными храмами в Сибири «часто располагались торговые лавки, которые служителями церкви сдавались в аренду»¹⁵. В начале XIX в. степень ослабления религиозности приенисейских крестьян можно оценивать по исполнению ими публичных церковных обязанностей. В частности, анализ

¹⁴ Потанин Г. Н. Из записной книжки сибиряка // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1986. Т. 7. С. 207–210.

¹⁵ История Сибири. Т. 2. Л., 1968. С. 173.

источников показал, что за 1804 г. по Заледеевской волости священники выявили до 72% домохозяев, на которых поступила жалоба о «постоянной неявке на исповеди»¹⁶. Продолжительность неявки на исповеди крестьянами старожильческих селений в первой половине XIX в. достигала 3–5 лет. И во второй половине XIX в. церковная переписка с тревогой отмечала тенденцию к «упадку веры у прихожан» православных приходов Енисейской епархии¹⁷. Архивные источники подтверждают убежденность старожилов в возможности работы на «помочах» в праздничные дни: для них «это богоугодное дело». Это же касалось и запретов работы в дни весенне-летней страды. Наши информаторы, старожилы селений Красноярского края, во второй половине XX в. воспроизводили правоту дедов и отцов: «Бог уважает и прощает трудолюбивых и не любит ленивых. Что работаем в праздники, прощает и нас». Не могу не вспомнить в этой связи старейшего жителя с. Имисское Курагинского района Степана Ивановича Рыбакова, который и внушал мне приведенные слова: «Бог прощает трудолюбивых...» В праздник Святой Троицы в 1981 г. мы весь день перекрывали крышу амбара на его подворье. Никогда не забуду мудрые рассказы о трудолюбии старожилов, мысли-обоснования «праведности труда» нашего соседа по покосу в 1960–1970-х гг. Феклиста Семеновича Пружинина, наши долгие беседы о сибирской старине в шалаше — балагане в «покосные ночи».

Постоянное стремление к обоснованию «своего» понимания символов православия мы видим и в своеобразии молитв, часто не соответствовавших официальным канонам с конкретными «обращениями к Богу». Так, в одном из наиболее характерных обращений — «Молитве сибиряка», выделены для исполнения наиболее актуальные для сибиряка ценности мира и пожелания:

Благослови, Господь, мои страданья...
 Сподобь меня вкусить плодов приятных
 Моих стремлений и трудов с честью согласных.
 Пошли мне дух трудолюбия и чести,
 Дух покоя, мира, совести душевной!
 Да бежит меня дух коварной лести
 С его соблазнами и участью плачевной!¹⁸

Здесь вновь видна особая связь практического сознания сибирского старожила с Богом в «рационализации» молитв в виде обращений-диалогов. Исследования свидетельствуют, что большая часть молитв была связана с посевом хлебов, уборкой урожая, «оберегами» от града, засухи, болезней¹⁹. Проявлениями специфического отношения к православным заветам служили представления сибирских крестьян о соблюдении постов. Так, сибиряки не считали «рыбу за мясо» и в постные дни готовили

¹⁶ ГАКК. Ф. 609. Оп. 1. Д. 369. Л. 1–12 и др.

¹⁷ ГАКК. Ф. 284. Оп. 2. Д. 319. Л. 31; Д. 386. Л. 1–7 и др.

¹⁸ Сибирский архив. 1913. № 1. С. 3.

¹⁹ Макаренко А. А. Сибирский народный календарь... С. 73.

Писатель В. Г. Распутин: «Старообрядцы... Изначально и томительно влек к старообрядчеству интерес народоведческий: старообрядцы... в Западной Сибири — кержаки, в Прибайкалье — семейские, в Забайкалье — поляки... старообрядцы веками оберегали душеспасительный семейный и родовой домострой, и сквозь три столетия, не расплескав на ухабах и колдобинах, в исконной красе и мудрости донесли до минувшего века исконную и украсную русскую речь, многоголосое древнее пение, обычаи, обряды, искусное ремесло. Старообрядчество консервативно хранило испоконную народную культуру, крепко держась старославянских корней, как хранило и православную от ветхих времен, а посему всю русскую народную и религиозную этику до раскола можно считать старообрядческой. А выразился мой интерес к старообрядчеству в изучении семейских обрядов и обычаев, в фольклорно-этнографической экспедиции по семейским селам Забайкалья и творчески воплотился в очерковых и сказовых сочинениях: повесть „Не родит сокола сова“, рассказ „Купель“, очерки „Родова“, „Мать-сыра-земля“, „Творение русского духа. О трилогии Владимира Личутина «Раскол», „Слово о величии и скорби. О родове, судьбе и творчестве писателя Глеба Пакулова“».

Распутин В. Г. Россия: дни и времена. Иркутск, 1993. С. 176.

рыбные пельмени. Наоборот, проявления максимальной религиозности показывали забайкальские «семейские» старообрядцы: «Но приходит пост Великий. Бывало, всё повымоют, кадушки повышоркают, всё повысушат, чтоб уж ничего скоромного не было — запаха не было. И вот, бывало, какой-то бурдук сладят, какую-то ботвинию сладят, с картошкой натолкут, и едят. Даже грудной, если грудь сосёт, — ему на Великий пост не дают грудь»²⁰.

Современные этнографы пытаются вникнуть в понимание ситуации возникших в ментальности старожилов противоречий по вопросу о вере и прагматичных решений. Например, важной проблемой для выживания в экстремальном климате Сибири была задача восполнения затрат энергии в «постные дни». Этнограф Ф. Ф. Болонев свидетельствует о реальной ситуации 1970-х гг. в лесу при заготовке дров: «Верующий старообрядец на костре стал поджаривать кусок сала весом граммов в 250. День был постный, шел Успенский пост. Я спросил: „Кажется, пост идет, сало не едят?“ Он хмыкнул: „На картошке тут не наработаешь!“»²¹

В последней четверти XIX в. архимандрит Макарий, сопоставляя степень религиозности в традиционном сознании переселенцев и крестьян-старожилов Томской губернии, подчеркивал: «Переселенцы встречают Владыку хлебом... коленнопреклоненными. Сибиряки же этого не делают. Вообще сибиряки, взросшие на воле и вдали церковного влияния, отличаются по сравнению с переселенцами наименьшею покорностью церкви и пастырям». Возмутило владыку и то, что во время его приезда в старожильческое селение «нехорошо многие крестьяне сделали, ушедши до обедни за ягодами»²². Крестьянские дети старожильческих селений

²⁰ См.: <http://moloko.ruspole.info/node/9661>. Байбородин А. Очерк о забайкальском старообрядчестве // Байбородин А. Сокровища Сибири. М.: Вече, 2018.

²¹ Русские Сибири: культура, обычаи, обряды... С. 30.

²² Наши деревенские будни // Сибирский сборник. Вып. 1. Иркутск, 1900. С. 39.

«молитв твердо и в порядке не знают, крестное знамение и поклоны полагают не вполне правильно», отмечал он²³.

В конце XIX в. о крестьянах-старожилах Приангарья говорилось: «Здесьнее население особой религиозностью не отличается. О сущности христианства имеют превратное и неопределенное представление. Молитв, за исключением нескольких, не знают вовсе...»²⁴ Крестьянин-старожил Пинчугской волости Енисейского уезда сравнил степень религиозности русских переселенцев и старожилов следующими словами: «Рассейский народ молитвенный. А мы, челдоны, их (молитвы) не знам. В нашей семье семь человек, а Иван один только знат „Отче“ и „Богородицу“»²⁵.

Православная вера служила и важнейшим «условием» этнической идентификации сибирских крестьян. По-прежнему понятие «православный» в картине мира старожилов было неразрывно сопряжено с понятием «русский». Однако, как мы отмечали выше, культура русского населения сибирского края во многом развивалась под воздействием древних дохристианских адаптентов. Поэтому простое перечисление фактов о сравнительно невысоком уровне «должной» религиозности крестьян-сибиряков не дает ответа на ряд существенных вопросов. Чем компенсировалось в сознании крестьян-старожилов как членов сообщества традиционного типа значительное ослабление позиций православия в условиях адаптации к новому миру? Связано ли изменение отношения к христианской вере с необходимостью «человеку возможности» по-иному «определить себя в мире» и дать ему иной «образ мира, в котором он мог бы действовать»? В чем христианский образ мира не соответствовал целям адаптации? Как адаптированные верования в комплексе представлений переструктурировали иерархию ценностей под воздействием факторов изменившегося «реального мира»? Как в связи со сменой привычного природного и социального окружения изменились объекты прежней веры?

Еще в 1860-х гг. енисейский врач и этнограф М. Ф. Кривошапкин писал о «слиянии чувств и убеждений и языческих, и христианских» у крестьян Енисейского округа²⁶. В наше время историк Б. А. Рыбаков сделал вывод о том, что в истории России, «несмотря на тысячелетнее господство государственной православной церкви, языческие воззрения были народной верой»²⁷. В фундаментальном исследовании «Крестьянство Сибири в эпоху феодализма» говорится о том, что в Сибири «язычество... вопреки мнению официальной церкви, считалось в народной среде православием»²⁸. Таким образом, с различных позиций делается вывод о наличии в мировоззрении сибирских крестьян-старожилов двухкомпонентной

²³ Наши деревенские будни // Сибирский сборник. Вып. 1. Иркутск, 1900. С. 89.

²⁴ Там же. С. 41.

²⁵ Савельев А. А. Записи примет, обычаев, поверий, ритуалов крестьян-старожилов Пинчугской волости Енисейского уезда Енисейской губернии (начало XX в.). Фольклор Приангарья начала XX века // Живая старина: Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. 2000. № 2. С. 45–46.

²⁶ Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь... С. 46.

²⁷ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 782.

²⁸ Крестьянство Сибири... С. 461.

Сектанты-хлысты в деревне Селиваниха.

1900–1910-е гг.

Фотограф
священник Попов.
КККМ НЕГ 4460.
ГК № 36116961

«народной веры», двоеверия. Поэтому встает вопрос о превалирующем компоненте веры. Следовательно, для ясного понимания соотношения компонентов православной и «народной» веры в картине мира крестьян-старожилов необходимо проследить проявления язычества в различных ситуациях в сочетании с «должной» религиозностью. Во-вторых, важно выяснить, не произошла ли замена христианского содержания элементами языческой «народной веры» при сохранении «оболочки» (формы) христианской веры?

Если исходить из нашей гипотезы о возрождении «типологического сценария» формирования освоенного мира, то вполне естественно использование сознанием русских сибиряков древнего мифологического инструментария как для выживания, для объяснения бытия, так и для формирования адаптированной культуры. Поэтому представления, детерминированные условиями жизни с подсознательным обращением к древнейшим верованиям, выстраивали приемлемые варианты установок действий русских сибиряков, в том числе по отношению к образу Иисуса Христа. Для приенисейских крестьян в день Пасхи запретно было бросать мусор и выплескивать воду за окно: считалось, что «Христос по улицам ходит». В Приангарье было записано и такое поверье, что после Пасхи до Троицы (!) «нельзя в окно ничего выбрасывать — там стоит

Этнограф Ф. Ф. Болонев об одежде староверов

Костюм женщины сохраняется издавна. На голове кичка, сшитая из стеганой материи; имеет вид шляпы без полей, более высокой спереди и несколько понижающейся к затылку. Носят кички и без бисера. Сарафан цветной, яркого цвета, с большими резкими цветными узорами. Внизу сарафана нашита цветная полоска, резко отличающаяся по цвету от сарафана. Сарафан опоясывается самотканым поясом. Фартук цветной покрывает переднюю часть сарафана и доходит до половины груди. Шнуром он держится на шее, а на талии он скрепляется также шнуром или тесьмой. Бусы украшают грудь. Шнурок с крестом надет также поверх рубахи. Крест всегда запрятан под фартук. На ногах сапоги с широкими подборами. Смотря по погоде, надевают курмушку или халатик, который набрасывается на плечи или надет „нараспашку“. В теплую погоду вместо халатика покрываются длинным платком. На пальцах носят кольца.

Рубаха мужчины обычная великорусская. Обычно рубаха и штаны шьются из покупной материи. Но носят рубахи и из самотканого холста, окрашенного в синюю краску. Из такого же холста шьют и штаны. Покрой у штанов широкий, с напуском. На ногах обычно ичиги, иногда сапоги. На голове носят небольшую валяную шляпу. На рубаху, смотря по погоде, надевают поддевку или курму. Молодежь не строго держится старого покроя платья: носит пиджаки, картузы. Когда идут в церковь или в моленную, надевают обязательно халат. В халате стоят в церкви и старики, и парни, и ребятишки.

См.: Болонев Ф. Ф. Старообрядцы Сибири... / <https://altaistarover.ru/articles/history/398-starobryadcy-sibiri>

Христос, штоб не ушибить ево»²⁹. Если на «гулянке» наступал момент выхода поведения гостей за границы «приличия», хозяин обязан был встать и закрыть «занавески» иконы: «Чтобы Христос не видел непотребное». Одновременно понятие «Бог» приобрело неоднозначное содержание: современники отмечали, что в качестве «сибирского Бога» почитались икона святого Николая Чудотворца или Иннокентия Иркутского.

Как в Европейской России, так и в Сибири в общественном сознании поддерживался запрет на различные работы в Ильин день, на Благовещенье. Но подкреплялась норма поведения древнейшим поверьем: «Робить грех, Илья убьет»³⁰. Таким образом, наряду с отмеченными выше фактами идентификации Христа Спасителя и святых в «образах» икон (икона – Бог – божица) налицо стремление к материализации образов и установок языческого поведения в границах православия.

Обязательным для приенисейских крестьян считалось ношение нательного креста, но при посещении бани или ворожке крест непременно снимали. Оставляя на ночь в кринке молоко, крестьянка обязательно поверх тряпицы укладывала крестом две палочки: «Крест на крест, чтоб черт не влез»³¹. В случае болезни минусинские крестьяне привязывали к кресту свернутую бумажку с «заговором». Обращение к православным «символам веры» выделяло прагматичный характер рациональных

²⁹ Макаренко А. А. Сибирский народный календарь... С. 167; Савельев А. А. Записи примет, обычаев, поверий, ритуалов крестьян-старожилов Пинчугской волости... С. 45–46.

³⁰ Макаренко А. А. Сибирский народный календарь... С. 97.

³¹ Полевые исследования автора 1983 г. Информаторы крестьянки с. Имисского Курагинского района Баландина М. Д. (1906–1991 гг.) и Вьюжанина Е. И. (1912–1989 гг.).

материализовавшихся образов, отразившийся в молитвах: «Осподе Иусе, как железо крепко, так было бы у меня в доме крепко. Аминь».

В картине мира крестьян православная охранительная магия служила и условием благополучия домашнего скота. Весной после Пасхи, выгоняя скот на волю, требовалось выполнить ряд действий. Старший член семьи выходил во двор и там обмазывал смолой наподобие креста двери хлебов, стоек и ворот, произнося при этом молитву. Вдоль ворот, через которые выпускались коровы, с молитвой и полупоклонами на земле расстился пояс, снимаемый с себя. Затем, став перед воротами, хозяин «три раз» перегородит (перекрестит) их... все коровы [идут] одна за другой, переступая пояс, который расстилается для того, чтоб они знали свой дом, свои ворота. А хозяин вслед за уходящими коровами шепчет: «Христос с вами, Христос с вами!» — и крестит одну за другой³². «Отпускаю скотиночку, спасает ее, сохраняет ее матушка Пресвята Богородица, идет провожатой...» Выражения «как месяц полный», «как железо крепко», «как матушка печка стоит», обязательно присутствующие в молитвах при обращении к Спасителю или Богородице, явно приняты из древних языческих заговоров³³.

Одновременно с «язычиванием» знаковых символов православия отмечается наличие возрожденных обрядовых действий дохристианского периода. Например, по этнографическим опросам алтайских крестьян, «кержаки выдалбливали домовину (гроб) из пихты или ели». Покойника обмывали «мокрыми пучками льна», «волосы расчесывали щепкой. Потом все это бросали в воду». Отмечалось наличие «древнего обычая связывать ноги покойнику, чтобы он не мог выйти из могилы и увести с собой» кого-либо из живых³⁴. Однако мертвого нужно «уважить», чтобы не беспокоил живых. Следует постелить в гроб «кудель, а иногда даже чистое льняное волокно, чтоб ему помягче лежалось в земле»³⁵. Все элементы приведенных обычаев доказывают возвращение древнейших архаических представлений славян о ритуальных сакральных предметах природного происхождения и «опасности мертвеца». Термин «голбец», означавший в VIII–XII вв. домик-надстройку над могилой на кладбище, в Приенисейском крае применялся для наименования короба с крышкой

³² Савельев А. А. Записи примет, обычаев, поверий, ритуалов крестьян-старожилов Пинчугской волости. С. 45–46.

³³ Виноградов Г. Поверья и обряды крестьян-сибиряков // Сибирский архив. Иркутск, 1915. Кн. 3. С. 120.

³⁴ Явнова Л. А. Взаимосвязь календарной и семейной обрядности старожилов Алтая (на примере похоронной обрядности) // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы научно-практической конференции. Вып. 4. Барнаул, БГПУ, 2001. С. 130–131. Употребление ритуального термина «домовина» зафиксировано на всей территории Сибири. Так, слово «гроб» не применялось во многих селениях Минусинского уезда. Подобная архаизация ритуальных объектов свидетельствует о возвращении представлений и символики языческого времени о «жизни» мертвых в нижнем мире. (Кержаки — старожилы-старообрядцы, выходцы из селений по р. Керженец. — Б. А.).

³⁵ Савельев А. А. Записи примет, обычаев, поверий, ритуалов крестьян-старожилов Пинчугской волости... С. 45–46.

для спуска в подполье³⁶. Архаичный образ «нижнего мира» совместился с представлениями о подполье³⁷.

Это касалось и представлений о жертвоприношениях субъектам «народной веры». Женщины ангарских селений выходили на берег с началом ледохода и «бросали в реку куски хлеба, чтобы ее, матушку-Ангару, пронесло бы лехко». Неслучайно поэтому после вскрытия реки ангарчане спешили умыться свежей водой – считали, что река здоровья прибавит³⁸. Подтверждаются факты подношений и на примере выстраивания сибиряками договорных отношений с «домовым», именуемым по-сибирски «хозяином»³⁹. Развернутое описание особенностей этих «взаимовыгодных» отношений оставил иркутский этнограф Г. Виноградов⁴⁰. Крестьяне-старожила Восточной Сибири, чтобы «получить расположение Хозяина, оказывали ему почести, делились с ним хлебом-солью». Домового «кормили» первыми хлебцами нового урожая, приговаривая: «Хозяин и хозяйюшка, вот вам хлеб и соль. Я вас люблю, и вы меня любите... И скота моего любите... попойте, покормите, по шерсточке погладьте, почешите...»⁴¹ Обычай угощения домового передавался по наследству в минусинских селениях вплоть до 30-х гг. XX в.⁴²

Праздники и полупраздники Енисейской губернии мотивировались в сознании их участников ярко выраженными языческими установками: православная обрядовость во многом замещалась массовыми полуязыческими «гулеваниями», сопровождавшимися обращением к сакральным объектам – солнцу, огню, воде. Праздник в сознании крестьян был малым «циклом», вмещавшим в содержание «большой цикл мироздания». Любой праздник обязательно начинался накануне с закатом солнца и заканчивался также с закатом солнца. Архетипные элементы традиционной духовности наиболее полно воплощались в обрядовом содержании сибирских праздников, что возвращало праздникам первоначальный смысл. Российский историк И. И. Костомаров отмечал в 1850-х гг., что «в старину существовал обычай христосоваться с мертвыми» в день Святой Пасхи.

³⁶ См.: Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1984. С. 108–109; Этнография русского крестьянства Сибири... С. 76.

³⁷ Вплоть до XX в. у крестьян Минусинского уезда бытовал обычай класть в подполье на специальную полочку половой балки или в выдолбленную нишу по праздникам для «богатства и благополучия» печенье домовому и «волоснику» («Велесу»? – Б. А.). Свидетельство старожила с. Имисского Курагинского района Бехтерева И. Д. (1898–1987 гг.).

³⁸ Макаренко А. А. Сибирский народный календарь... С. 47; Савельев А. А. Записи примет, обычаев, поверий, ритуалов крестьян-старожилов Пинчугской волости... С. 45–46.

³⁹ В Минусинском уезде существовал обычай «договора». Например, гость, прежде чем заночевать в чужом доме, должен был обязательно обратиться к домовому этого дома со словами: «Хозяин-хозяйюшка, пустите ночь заночевать – не век вековать. Я к вам с добром, и вы также» (Полевые исследования автора 1979 г.; информатор Рыбакова М. П. (1905–1985 гг.).

⁴⁰ Виноградов Г. Поверья и обряды крестьян-сибиряков // Сибирский архив. Иркутск, 1915. Кн. 3. С. 111–122.

⁴¹ ККМ. ОФ 7886/112. Л. 54.

⁴² Полевые исследования автора 1983 г., информаторы Рыбакова М. П. (1905–1985 гг.), Баландина М. Д. (1906–1991 гг.) и др. (с. Имисское Курагинского района).

Курорт на озере
Шира. Старик –
юродивый,
крестьянин
из деревни
Потехиной
Минусинского
уезда. 1913 г.

Фотограф Ермолаев.
КККМ ОФ 10426/181.
ГК № 9282120

«Ходили на могилы родителей и восклицали: „Христос воскрес!“ И бросали яйцо на могилу»⁴³. Идентичные обычаи сохранились в Приенисейском крае в XIX в. Например, в Приангарье в XIX – начале XX в. общерусский день поминовения предков – Радоница – назывался «Ихна родительска Паска». В этот день, посещая могилы родителей, первым делом «извещали умерших родителей – Христос воскрес!» и оставляли на могиле крашенные яйца и «стряпушки»⁴⁴. Подобное «возвращение» связано с особенностью празднования православного праздника Троицы на сибирской земле. Еще в XIII–XIV вв. на Руси исчезает обычай посещения в этот день могил умерших предков⁴⁵. Однако мы имеем наглядный пример возрождения в XVIII–XIX вв. обычая в Сибири и сохранения его по сей день с ритуалами Родительского дня.

«Проигрывание древнего сценария» в Сибири подтверждается в воскресении древнеславянского характера празднеств, подобно осуждаемым

⁴³ Костомаров Н. И., Забелин И. Е. О жизни, быте и нравах русского народа. М.: Просвещение, 1996. С. 120; Юдин А. В. Русская традиционная народная духовность. М., 1994. С. 167.

⁴⁴ Цит. по: Волошина Т. А., Астапов С. Н. Языческая мифология славян. Ростов-на-Дону, 1996. С. 234.

⁴⁵ Макаренко А. А. Сибирский народный календарь... С. 172–173.

Стоглавом XVI в. «Русальи о Иванове дни и в вечернии Рождества Христова и в навечерии Богоявления Господня. Сходятся народи — мужи и жены и девици на ночное плещевание и бесчинный говор, на бесовские песни и плясания и на богомерзкие дела. И бывает отрокам осквернение и девкам разтление»⁴⁶. В Сибири возродились и сохранялись в XIX в. рождественские «бесовские плясания и творения», массовые «ряжения», «ночные плещевания и богомерзкие дела с растлениями» в «свальную ночь» на Ивана Купалу. Возвратная эволюция к архаичным обрядам в праздновании Ивана Купалы в условиях Сибири проявляется и в том, что возродился содержательный элемент очистительной магии — летнее «водосвятие» (всеобщее обливание водой)⁴⁷.

В период от Рождества до Крещенья, в «Страшные дни», наиболее характерным проявлением языческого начала в мировоззрении сибирских старожилов было обращение к гаданиям и «машкарованиям». Древние представления о временном торжестве сил «Хаоса», «нечистой силы» воплотились в массовые сценки в масках и «вечерки с игришками»⁴⁸. «Машкарованные в трескучий мороз бегают из избы в избу, где их принимают, и, изменяя голос, и походку, и манеры, стараются насмешить хозяев и остаться неузнанными, хотя последнее удается редко», — отмечает Н. А. Миненко⁴⁹. Среди стереотипных обрядовых действий выделялись хождения со звездой и пение «Виноградья», детские «посевания», занятия ворожкой, конские бега на «бегунцах», принятие мер против «шишкунов», массовые «машкарования» с «бесовскими игришками»⁵⁰. Но данные обряды можно интерпретировать как форму сознательного допущения в мир «злых» сил и проигрывание борьбы с ними. Данные архаичные обряды закрепляли психологическую уверенность победы человека в случае реального покушения «нечистой силы» на созданный в Сибири миропорядок. Однако согласование язычества с православием в картине мира составляло верующих умываться освященной водой в день Крещенья и купаться в проруби — «Ярдани», чтобы смыть «грехи» язычества.

Рождественские, «святочные» вечера в установках сознания воспринимались как самое веселое время по окончании трудового года. В связи с этим в традиционной картине мира сибиряков происходило переструктурирование ценностной иерархичности праздников. Если в Европейской России православное население первостепенно чтит Пасху, то в Сибири «Пасха отмечалась в большинстве районов довольно скромно». Напротив, Рождество и Святки воспринимались старожилами как

⁴⁶ Поэтому представляется бесполезной ежегодная борьба властей и милиции в городах и селениях современного Красноярского края с обычаем всеобщего обливания «очистительной» водой 7 июля, в день Ивана Купалы. Одновременно нас возмущает стремление властей предрержащих вытравить из сознания одно из самых естественно традиционных и немногих из сохранившихся в крае проявлений духовной культуры старожильской Сибири.

⁴⁷ Макаренко А. А. Сибирский народный календарь... С. 172–173.

⁴⁸ Там же. С. 26–34.

⁴⁹ Миненко Н. А. Экологические знания и опыт природопользования... С. 135.

⁵⁰ Макаренко А. А. Сибирский народный календарь... С. 34–36, 131–134.

Церковно-археологический отдел Красноярского краеведческого музея. 1913 г.
Фотограф В. П. Ермолаев. КККМ НЕГ 5351. ГК № 19797284

самые «разгульные» и почитаемые праздники православного календаря. В середине XIX в. М. Ф. Кривошапкин констатировал, что в Енисейской губернии «в Рождество даже древние старушки выскребались с печи и веселились вместе со всеми»⁵¹. «К этому времени старожил заканчивал молотьбу и успевал распорядиться своим хлебом: частично продавал его, покупал необходимые товары и уплачивал подати за вторую половину года. Словом, к Святкам крестьянин успел закончить свои важные дела; теперь ему можно немножко отдохнуть от трудов, можно повеселиться», – подчеркивал Н. А. Костров. Он оставил наиболее красочное описание «святочных» вечеров в Минусинском округе Енисейской губернии⁵².

Особую роль в новогодние дни приобретала вера в приметы: «На Новый год надеть хорошую одежду – будешь хорошо одеваться круглый год»; «Если приготовить много перемен вкусных еств, то сытно будешь есть весь год»; «Деньги в Новый год нельзя в долг давать – недостаток будет». Наряду с традиционными русскими гаданиями девушек на «суженого-ряженого» в Енисейской губернии были распространены гадания на «жизнь и смерть» накануне Крещенья (Богоявления). Вторично в течение

⁵¹ Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь... Т. 1. С. 40–45.

⁵² Костров Н. Святки в Минусинском округе Енисейской губернии // Записки Сибирского отдела РГО. СПб., 1858. Кн. 5. С. 26–33.

года гадания на «жизнь и судьбу» девушки устраивали на Семик и Троицу, опуская березовые венки на воду. В качестве распространенных гаданий М. Ф. Кривошапкин приводит пример взвешивания первых трех куриных яиц для определения сроков сева крестьянами Енисейского округа⁵³.

Христианским святым предписывалось параллельно исполнение функций языческих божеств (например: Велес – Власий, Перун – Георгий Победоносец и др.). Архаичные представления о «злых» духах отразились в образе Касьяна (день Касьяна – високосный день, 29 февраля. – Б. А.): «На что Касьян взглянет, то и вянет. Хорошо, что Касьян бывает в Высокос, а то от него и житья бы не было никому на свете...»⁵⁴

В верованиях старожилов немаловажное место занимали различные типы ворожб, заговоров, колдовства. О серьезном влиянии магии на людей и скот в представлениях крестьян Приангарья свидетельствуют ряд документов. Это обращения в волостные суды с исками по поводу «порчи» жителей-старожилов со стороны «чужих» или даже «колдунов и ворожей односельчан». По этим данным наиболее подверженными «порче» были женщины, дети (особенно новорожденные) и домашний скот. Выборные суды из крестьян после разбирательств в традициях «обычного права» чаще всего признали отказать в иске с сомнениями в достоверности «за неимением доказательства» и принуждением замирения, иногда с рекомендацией взаимного «сурьезного разговора и объяснения»⁵⁵. Лишь единственное устное свидетельство наших полевых исследований дает нам вариант жесткого решения. По воспоминаниям, были даны «доказательства» смерти младенца от «заговоренного настоя трав», вследствие чего одинокую травницу-знахарку общественный суд потребовал выселить за пределы своей Балахтонской волости Ачинского уезда. При этом информатор- «старожилка» добавила, что «колдунья» была из переселенно- «соломенного края» в нашем старожильческом селении⁵⁶.

В период Великого поста, на «страстной неделе» в Великий четверг, продельвалась целая череда священнодействий выраженного языческого характера. На стол в переднем углу выкладывали ковригу хлеба и соль, а под стол бросали смолу и пепел. На лавке размещали ружье, «чтобы метко стреляло»; игральные карты – «чтобы выигрывали». В печи готовили важнейшее магическое и лечебное средство – «четвергову соль»⁵⁷.

Наиболее выраженное восприятие мира как арены борьбы добра и зла нашло отражение в образе праздника «Масленки». Сибирские крестьяне воспринимали его как конец годичного цикла. Следовательно, в конце цикла – года был реален приход «конца мира». Сюжет проигрывался с вторжением в миропорядок сил Хаоса в виде «Масленки в лохмотьях» в сопровождении эскорта из «чертей и шишкунов», многочисленных

⁵³ Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь... Т. 1. С. 37.

⁵⁴ Макаренко А. А. Сибирский народный календарь... С. 21.

⁵⁵ ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 2. Л. 47.

⁵⁶ Со слов Ф. И. Первушиной, старожила с. Балахтон Козульского района. Полевые исследования 1984 г.

⁵⁷ Виноградов Г. Поверья и обряды крестьян-сибиряков // Сибирский архив. Иркутск, 1915. Кн. 3. С. 120.

Стретенская церковь в селе Иланском Канского уезда. 1905 г.

Фотограф Г. М. Ковтунов. КККМ НЕГ 4534. ГК № 38007532

ряженных. Знаковый для сибиряков обычай взятия снежного городка мы также интерпретируем в контексте проигрывания «архаичного сценария». Образ снежной крепости, по многим свидетельствам приенисейских старожилов, позитивен. Защитникам следовало не только удержать крепость, но и защитить некий символ в виде древка с флагом, бунчука. Осаждающая сторона представляла собой конных (одновременно как память о конных киргизах, осаждавших остроги), налетавших с криками, со свистом и пр.

В представлениях субъективной картины мира ежегодно на «Масленку» «проигрывался сценарий умирания-воскресания всего сущего». Массовые катания с горок-«катушек» на коровьих шкурах были одним из главных обрядов Масленицы. Многократное повторение скатывания из верхнего мира на шкуре (корова, шкура – знаковые элементы Велеса) в мир Велеса (нижний мир) – это фактор моральной подготовки к смерти⁵⁸. Не менее знаковыми для моральной подготовки к концу мира были взаимные посещения родственников («тещины» блины, «золовкины» посиделки и пр.). Обрядовые действия еще не были полной гарантией сохранения мира. Современники отмечали, что в последний день праздника, в «Прощеное воскресенье, плач и рыдания стоят на сибирской земле; все

⁵⁸ Юдин А. В. Русская традиционная духовность. С. 147; Макаренко А. А. Сибирский народный календарь... С. 47.

просят прощения и прощаются, — словно конец света грядет»⁵⁹. Наряду с «прощениями» с живыми было общепринято посещать «могилки», чтобы «попроситься с родителями»⁶⁰.

В языческих сценариях мировосприятия знаковым являлся образ и установки празднования Ивана Купалы. Как и во всей России, здесь было принято жечь костры, прыгать через огонь, устраивать коллективные купанья, искать цветков папоротника. В Енисейской губернии накануне праздника Ивана Купалы была распространено выполнение архаичного славянского ритуала «добывания нового огня древними способами» и сохранения его в течение года⁶¹. Подобные утрачиваемые к XVIII–XIX вв. архетипы Б. А. Рыбаков относил к древнейшему культу «Сварожьего огня»⁶². В «Иванову ночь» в селениях жгли очистительные костры и вращали животворящие «огненные колеса». Наутро в «Иванов день» целебной росой промывали глаза, одновременно ее собирали для лечения болезней в специальную посуду⁶³.

Этнограф А. А. Макаренко в начале XX в. представил праздники, обычаи и обряды ангарских старожилов в развернутом описании сибирского народного календаря⁶⁴. Систематизация приведенных данных позволила составить таблицу, раскрывающую взаимосвязь православных, языческих и «досуговых» элементов в оценке праздничных дней народного календаря.

Праздничных дней, всего	41	100%
Великие праздники	7	17%
Полупраздники	14	34%
Съезжие праздники	26	63,4%
Дней с варкой и крашением яиц	10	24,3%
Дни с языческими обрядами	17	41,5%
Дни с «машкарованием»	5	12%

Согласно данным А. А. Макаренко, из 130 «гулевых», праздничных дней 41 считались настоящими праздниками. В то же время только 7 из них были в Сибири «великими», нерабочими, со всеми обрядово-ритуальными атрибутами православия (17%). Полупраздниками считались относительно соблюдаемые местные сельские праздники. Съезжие праздники, будучи «храмовыми», выполняли функцию общения и «разгульного веселья». Более всего в Приангарье сохранялось праздников с языческими

⁵⁹ Макаренко А. А. Сибирский народный календарь... С. 48; Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ. Т. 1. С. 49.

⁶⁰ Явнова Л. А. Взаимосвязь календарной и семейной обрядности старожилов Алтая (на примере похоронной обрядности) // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Мат. науч.-практич. конф. Вып. 4. Барнаул: БГПУ, 2001. С. 132.

⁶¹ Макаренко А. А. Сибирский народный календарь... С. 63.

⁶² Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. С. 32–34.

⁶³ Явнова Л. А. Взаимосвязь календарной и семейной обрядности старожилов Алтая... С. 63.

⁶⁴ Макаренко А. А. Сибирский народный календарь... СПб., 1913.

Город Туруханск, собор Спаса Преображения, колокольня и Благовещенская церковь. Начало XX в.

Фотограф Попов. КККМ НЕГ 4592. ГК № 38007565

обрядами (от 12 до 41%). Все приведенные данные свидетельствуют о выраженном языческо-православном содержании «центральной зоны» модели мира крестьян-старожилов.

Выводы Б. А. Рыбакова свидетельствуют, что в русской духовной истории X–XIII вв. шел процесс «не смены устаревшего новым», «а наслаивание нового на трансформируемое старое». Произошло наслаивание нового, православного, на старое, языческое мировоззрение⁶⁵.

Проведя анализ представлений и установок «центральной зоны» ментальности приенисейских старожилов, отмечаем, что архаичные верования в традициях народной культуры не исчезли. В XVII–XIX вв. происходил обратный процесс реструктурирования ценностей «центральной зоны» картины мира. Следовательно, взаиморасположение двух «слоев старых и новых» верований было не в пользу последних.

В качестве условий успешной психологической адаптации архаичное, языческое наслонилось на трансформирующиеся православные воззрения. Следовательно, в системе основных ценностей православное перемещалось в разряд элементов «частично старого». Во время общения и бесед пожилые старожилы с. Имисского Курагинского района Красноярского края постоянно обращали наше внимание на необходимость почитания обыденных элементов «общепринятого» поведения. Это были стереотипы–свойства как откровенно языческого типа, так и абсолютно рациональные, но те и другие – необходимые, строго последовательные и поэлементно «должно предписанные». Исследователи религиозных верований старожилов констатировали, что «сибиряки в массе своей не видели разницы между заговором и молитвой. И то и другое для них было

⁶⁵ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. С. 754–756.

ОЧЕРК ДВЕНАДЦАТЫЙ

одинаково „святые слова“»⁶⁶. «Веди себя как положено, и все будет у тебя ладиться, и достаток будет, и никакой черт не страшен [будет]»,⁶⁷ – советовала А. И. Пружинина (то есть выполняй все «заветно»).

В процессе адаптации и взаимодействия с «нестандартными» факторами среды в качестве «условий» борьбы с «хаосом» («злом») древние

⁶⁶ Цит. по: Миненко Н. А. Культура русских крестьян Зауралья. XVIII – первая половина XIX в. М.: Наука, 1991. С. 187.

⁶⁷ К наиболее строгим правилам относились такие: нельзя ни в коем случае столб вкапывать в землю и доску на забор прибивать «вверх ногами», хлеб нельзя на стол класть вниз «горбушкой», зачерпывать воду ковшом следует «на себя», одиноко стоящее дерево следует обходить справа, также справа следует садиться на телегу, при зевании – перекрестить рот и пр.

поверья, обряды, ритуалы, заговоры служили целям «о-свое-ния» Сибири. Следовательно, психологическая адаптация — это результат адекватного согласования целей дохристианского «архаичного сценария создания мира» и формирования «своего» миропорядка на новых территориях.

В воззрениях крестьян-сибиряков проявились древнейшие мифологические сюжеты, замена содержания православных символов веры на языческие, переплетение языческо-православных ритуальных действий. Это позволяет сделать вывод о формировании целостной системы двухкомпонентной «народной веры» с иным соотношением языческих и христианских образов и символов и их влиянием на миропонимание. Новый миропорядок, созданный в процессе преобразования мира Хаоса, требовал проигрывания защитных ритуалов в целях психологического закрепления преобразований сибиряков.

Таким образом, нам было необходимо выяснить степень религиозности сознания русских сибиряков. Выяснить, различались ли представления о материальных и иррациональных объектах мира? Как действовал старожил при взаимодействии с субъектами иррационального мира? Как адаптация в Сибири привела к востребованности архаичного восприятия мира с его наслаиванием на содержание символов православной веры? Но это не было хаотическим смешением иррационального и рационального. Адекватное взаимодействие с окружающим миром происходило на уровне последовательного или совмещенного обращения к древней магии и к православным обрядам. Даже если в обрядовых действиях происходило наложение языческих и православных представлений, последовательные переходы от одной «веры» к другой происходили динамично в зависимости от конкретных потребностей. Единство, взаимосвязь чувственного и рационального определяло, помимо всего прочего, динамику мотивации поведения личности, выступало своеобразным «компасом» социальной направленности человека, непрерывной адаптации к изменениям в мире.

Воскресенский собор в Красноярске. 9 июля 1907 г.

Фотограф Л. Ю. Вонаго. КККМ. ОФ 6980/1037/19

Очерк тринадцатый

ГОВОР И ФОЛЬКЛОР РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ СИБИРИ

«Чалдонская речь»

И известного ученого, исследователя сибирского края П. А. Ровинского спросил однажды забайкальский старожил: «Чево это такое. Вы не знаете самых обыкновенных русских слов, адали иностранец?» «Чалдон» поразился, что «человек из России» не знает «самых обыкновенных русских слов». Итогом исследований П. А. Ровинского стали «Замечания и словарь сибирского наречия», опубликованные в Известиях Сибирского отделения РГО в 1873 г. О сибирском говоре сказано следующее: «Сибирское наречие произошло от северорусского, но двухсотлетняя разъединенность, совершенно иные условия исторические... дали направление оригинальное. Говор Восточной Сибири имеет особую фонетику, много своеобразных грамматических форм. Словарь насчитывает более 3 000 местных слов, не известных в общем русском языке».

Но еще в первой половине XIX в. А. П. Степанов, первый енисейский губернатор, писал о старожилах, что «выговор их нежнее, и в разговорах более учтивости... Крестьянка говорит своей подруге „Вы“. Обращаются: „Здравствуй, часом братан!“» На вежливость в обращении и особенность говора сибиряков обращали внимание и другие исследователи, например, после чихания в сторону сибиряки-забайкальцы говорят: «Салфет вашей милости!» Чихавший благодарит: «Красота вашей милости!»

Необходимо подчеркнуть, что единого говора для всей Сибири не существовало, в каждой местности бытовали свои особенности. Однако сибиряк сибиряка понимал легко, ведь многие слова и целые выражения служили для общения «своих». Слова местного происхождения обозначали большинство орудий труда и предметов быта, пород скота и объектов крестьянского подворья, дней прошедших и предстоящих. Многие изначально «великорусские» слова видоизменялись. Приенисейские сибиряки часто заменяли одни буквы другими, «выбрасывали» отдельные звуки при произношении. Например: восподин — господин, гумага — бумага, знат — знает, играм — играем, гулям — гуляем; или «щ» на «шш» — чашша, шшавель, шшиколда.

Многие слова употреблялись с окончанием -чи: помогчи, легчи, волокчи, пекчи, секчи, берегчи; и с добавлением -ка: на-ка, возми-ка, нету-ка, выйди-ка, найди-ка и др. Отбрасывались окончания: проста, высоко дерево, ровна дорожка, бела шуба и др. Многие слова появились в прошлом вследствие «грубого», сурового образа жизни: реветь — кричать; зобать, хлебать — есть; зубатить — грубить; чубурыхнуть — упасть и пр. В условиях выраженного индивидуализма и высмеивания пороков были естественны слова хайлать — бестолково кричать; хаять — оговаривать; хнюкать — плакать; чмутить — сплетничать и пр. Особую роль в словообразовании старожильческого говора сыграли слова, словосочетания и произношение жителей северных губерний Европейской России.

Словарь старинного быта

Алтарь — главная часть христианского храма, где совершается богослужение.

Амбар (сиб. *анбар*) — отдельное строение из бревен без утепления мхом на крестьянском дворе для хранения зерна, муки, круп и иных припасов.

Антресоль — верхний этаж с низкими потолками в противоположность комнатам с высокими потолками главного этажа. Здания подобного типа были характерны для старого Красноярска конца XVIII — первой половины XIX в.

Бадья — деревянное ведро на цепи или канате, служащее для поднятия воды из колодца.

Башлык — головной убор в виде колпака, закрывающего всю голову до плеч для защиты от ветра, дождя и снега.

Божница — полка или шкафчик, где стоят иконы.

Борона — орудие крестьянского труда для обработки почвы после вспашки, состоящее из решетки из деревянных брусьев, в перекрестиях которых крепятся деревянные или железные зубья.

Братина — род старинного сосуда без ручки для питья вина вкруговую.

Буфет — специальный шкаф в кути крестьянского дома для хранения посуды.

Валёк — слегка изогнутый деревянный брусочек с ручкой, которым при стирке «выбивают» из ткани грязную воду.

Веретено — суживающаяся к концам палочка с утолщением на одном конце, вращая которую, свивали нить и при прядении наматывали нити.

Взвар — напиток из фруктов с добавлением меда, пряностей, пшена, имеет сладко-горьковатый вкус.

Вилы — сельскохозяйственное орудие, в Сибири преимущественно деревянное, из рукояти с расходящимися тремя «ветвями-рогами» под острым углом. По назначению и длине «черенка» вилы делились на ручные, полустоговые и стоговые.

Вожжи — длинные поводья в комплекте сбруи, с помощью которых управляют лошадью.

Волоковое окно — маленькое окно без рам, которое в старину в избе «заволакивалось» бычьим пузырем или слюдой. В XIX — первой половине XX в. волоковые окна сохранялись в бане «по-черному» для выхода дыма, с топкой без трубы, и «заволакивались» специальной доской в полозках.

Волосник — женский домашний головной убор, шапочка, под которую убирали волосы.

Гадание — старинный народный обряд предсказания судьбы, потенциального «суженого», выбор через него варианта действия человеком в традиционное время.

Горбуша — плоская коса без ребра по грани с короткой, слегка изогнутой рукоятью, применялась на покосах, где было много пней, кочек, камней. Косили ею взмахами как справа налево, так сразу и слева направо переверотом лезвия.

Горница (от «горний» — верхний) — «чистое» парадное, гостевое помещение с отдельной печью-голландкой в старинном крестьянском доме.

Грабли — деревянное сельскохозяйственное орудие, применяемое на покосах и состоящее из длинной ручки и перекладки с зубьями.

Гумно — открытое место рядом с овинком для обмолота зерна цепями или мологьягами из расстеленных снопов.

Дожинок — последний сноп, который оставляют в поле после жатвы.

Дровни — крестьянские сани, в отличие от саней-розвальней изготовлены из более массивных деревянных брусьев с подбитыми железом полозьями для перевозки дров, строевого леса и других грузов.

Душегрея — традиционная для Сибири короткая женская одежда без рукавов до талии для ношения в прохладную погоду. Обычно шилась из овчины, войлока или стяженная из нескольких слоев холста.

Ендова — сосуд округлой формы с носиком для подачи вина на стол.

Жернова — большие круглые каменные плиты, вращая которые, получают из зерен муку.

Зипун — крестьянский узкий кафтан с длинными рукавами, без воротника, длиной до колен для повседневного ношения в теплое время года.

Изба — рубленое жилое крестьянское помещение (клеть) с печью.

Изразец — расписная керамическая плитка для облицовки печей.

Иконостас — в Православной церкви: стена с иконами, отделяющая алтарь от средней части храма. В крестьянском доме то же «божница» — полка с иконами в «переднем» углу.

Именины – день имени святого, в который крестили новорожденного и давали данное имя святого ребенку.

Каганец – глиняная плошка с фитилем и маслом, в XVIII–XIX вв. использовавшаяся для освещения помещений.

Кадило – предмет церковной утвари, подвешенный на цепочках металлический сосуд для курения ладана перед иконами в «переднем» углу крестьянского дома.

Кадка – емкость из деревянных дощечек – клепок, стянутых обручами для заготовки впрок солений, квашений, мочений, использовалась также для кваса, воды, для хранения муки, крупы. Кадки изготавливались из древесины лиственных деревьев: осины, липы, дуба; обручи – из ветвей ивы, сирени, черемухи, орешника.

Каменка – печь в «черной» бане, сложенная из камней без глиняного раствора. Дым выходил в помещение бани и далее наружу через волоковое окно.

Камзол – мужская одежда зажиточного человека с длинными узкими рукавами, длиной до колен, без обшлаг, характерна для XVII–XVIII вв.

Каравай – ритуальное кушанье, большой круглый праздничный хлеб из пшеничной муки, символизирующий солнце, для свадебного обряда.

Квашня – деревянная кадушка для замешивания теста.

Кутузка, чижовка, «холодная» – одиночная комната для отбывания наказания, чаще всего неотопливаемая или без печи, примыкавшая к административному помещению.

Кафтан – верхняя мужская длиннополая одежда с маленьким воротником или без него.

Кибитка – крытая повозка для поездки по Сибирскому тракту и перевозки вещей.

Кика (кичка) – старинный русский головной убор замужней женщины в форме круглой шапочки из холста или бархата, украшенной жемчугом, бисером или нарядным шитьем.

Клеть – старинное название холодной жилой половины дома, соединенной с теплой избой сенями; сруб под кровлей без печи.

Ковш – посуда, широкий открытый сосуд с ручкой в форме птицы.

Козырь – стоячий, твердый, богато украшенный воротник, пристегивался к кафтану; «козырять» значило «важничать».

Кокошник – старинный женский головной убор замужней женщины, состоящий из высокой жесткой основы.

Кондырь – твердый козырек фуражки, картуза.

Колотушка – специальная деревянная палка сторожей с привязанными к ней на веревке шариками.

Колядки – рождественские обрядовые песни у славянских народов, которые сопровождали традиционный обряд – колядование, и в которых прославляли хозяина дома.

Коляска – открытый экипаж с откидным верхом для поездок по Сибирскому тракту летом.

Конёк – специальное бревно на крыше дома, удерживающее верхние концы кровельного материала и препятствующее проникновению воды на чердак. Спереди украшался резным изображением головы лошади.

Коник – неподвижная, врезанная в стену лавка у противоположной красному углу стены при входе в дом; мужской угол со скамьей с подголовником в виде конской головы.

Коромысло – в крестьянском быту: деревянное, изогнутое на уровне шеи приспособление для ношения ведер с водой.

Корчага – большой старинный сосуд для хранения вина.

Косящатое окно – большое окно в старинном доме с косяками и рамами.

Кочерга – приспособление для выгребания углей из печи в виде железной палки с загнутым расплюснутым плоским концом.

Кресало, огниво – приспособление для получения огня ударом о кремнь, представляет собой металлическую пластинку овальной формы с несомкнутыми концами, которые отогнуты внутрь или наружу так, что образуются колечки – «усики».

Крещенье, Богоявление, Водосвятие – в Сибири единое общее сокращенное название христианского праздника Крещения Иисуса Христа.

Кросно (кросны) – деревянный ткацкий стан, на котором женщины ткали полотно.

Крынка – высокий сосуд с широким горлом и расширенным туловом для хранения молочных продуктов.

Кубок – старинная массивная рюмка для вина на высокой ножке.

Куть (кут) – в Сибири так называли кухню. Это угол около устья печи, то есть женский угол. Здесь хозяйка готовила пищу, здесь же был шкаф для хранения кухонной посуды – посудник.

Кутья – обрядовое старинное русское кушанье из овса, ячменя, позже риса, пшеница с медом и изюмом.

Кушак – широкий матерчатый пояс длиной несколько метров, надевавшийся поверх мужского кафтана, полущубка, шубы или дохи.

Лавки – места для сиденья и спанья вдоль стен и врубленные в них вкруговую от входа. Скамья (скамейка) приставная к столу на четырех ножках. Лавки и скамьи покрывали полотном или тканью «дорожками». На лавку имели право садиться только старшие в семье или именитые гости старшего возраста. Молодежь размещалась на приставных скамьях.

Ладан – ароматическая смола, собираемая с надрезов коры ладанного дерева. При сжигании дает ароматический дым с приятным запахом.

Лампада – небольшая емкость с маслом и фитилем. Ее зажигают перед иконами в церкви или доме.

Лапти – традиционная российская крестьянская плетеная обувь. В Сибири – обувь переселенцев в начальный период проживания на новом месте. Отношение к лаптям здесь было негативное (переселенец – «лапотошник»).

Ластовицы – куски материи, вшитые в проймы рубахи под мышками для впитывания пота, влаги в летний период.

Латки – род старинной кухонной утвари, большие глиняные (позднее металлические) сковороды.

Литовка – коса позднего времени, орудие труда для костьбы травы на покосе. Имеет длинное древко, к которому крепится короткая поперечная рукоять. Косят литовкой в одну сторону справа налево. Лезвие

Приметы и поверья сибирских старожилов

Старик-хозяин ладит «вентерь» (вентель) «на весну рыбу идти промушлять». Чтобы пройти в избу, приходится перешагнуть через разложенную по полу рыболовную снасть. «Не, паря, этова не надо; никовда не надо. Не шагай через. Через это рыба в него не пойдет. Испортить вентерь можно».

При первом весеннем лове <...> первую же пойманную более или менее крупную рыбу бьют палкой и при этом приговаривают, ударяя по рыбе: «Попала, да не та, посылай мать да отца, бабушку да дедушку».

Желательно в день посева украсть у кого-нибудь что-нибудь, хотя бы, например, серянку [спичку], — урожай и сев будут удачны. Во время посадки [клубней] картофеля нельзя его есть, а то крот будет их уносить и портить.

О природных явлениях

«Как же, как же, паря, это верно — пожар от грозы, это уж как не „Божья милость“. Так и говорят — „гореть Божею милостью“. Нет, водой тушить такой пожар никак нельзя. Потом уж разгрести [золу] можно».

При граде и при грозе выбрасывают на улицу через окошко (д. Ярки) или через ворота (с. Богучаны, д. Карабула) лопату, которой садят хлеб в печь <...> или печную клюку, чтоб скорее прекратилось то и другое. Весной при вскрытии реки все спешат умыться свежей водой — чтоб здоровым быть.

косы-литовки имеет жесткое ребро. Лезвие косы вначале отбивается узкой тонкой полосой, затем точится точильным бруском.

Литургия (греч. — общее дело) — главное богослужение христианской церкви.

Лохань — род широкой невысокой бочки для мытья в бане, сужающейся кверху, или банное, выдолбленное из дерева, корыто. На скотном дворе крестьянского подворья лохань служила и для поения домашнего скота.

Люлька, зыбка, «качалка» — подвесная к потолку на потолочной балке-матице, на конце длинной березовой жерди — очепа, кровать из рамы с полотном или плетенный из лыка короб для новорожденного ребенка.

Масленица — праздник проводов зимы и встречи весны, приуроченный к неделе перед Великим постом.

Матица — центральная балка потолка избы, на которой крепились все потолочные брусья, балки, доски потолочного перекрытия. Матица имела и сакральное значение в системе ценностей («матица дом вяжет»), служила выполнению ряда ритуально-магических действий; была границей пространства «божьего» и пространства печи и «домового».

Мякина, костра — отходы при обмолоте и очистке зерна хлебных злаков, зернобобовых культур и льна: семенные пленки, колосья, перебитые зерна, которые в запаренном виде идут на корм животным.

Обет — обещание, зарок, которые дает монах, а в обыденной жизни верующий человек.

Овин — специальное рубленое из бревен помещение для сушки снопов за пределами крестьянской усадьбы.

Оглобли — часть упряжи лошади, деревянные жерди, соединяющие хомут и телегу.

Опашень — широкая верхняя мужская и женская старинная одежда с длинными рукавами, разрезом спереди и большим количеством пуговиц.

Опечек, или *опечеье*, — деревянный фундамент печи, который стоит на земле под полом, иногда выше пола.

Отруби — отходы от помола зерновых культур — истертые оболочки зерна, остатки некачественной муки, которые идут на корм скоту.

Парадный двор, «чистый двор» — в Сибири пространство во дворе («в ограде») от ворот усадьбы до входа в дом. Здесь размещались завозня, амбар, погреб с «погребницей», летняя кухня — «временка». Для хождения все строения обязательно соединялись дощатыми тротуарами.

Пасха (сиб. *Паска*) — 1) главный христианский праздник, установленный в честь чудесного воскресения Иисуса Христа, распятого на кресте; 2) название обрядовой еды на Руси, по форме напоминающей пирамиду, и приготовленной из сладкого творога, масла, яиц и изюма.

Плуг — пахотное орудие, необходимой частью которого являлся резак — нож. Плуг отрезал пласт земли и переворачивал его. Применялся на плодородных степных почвах, где требуется глубокая вспашка земли.

Понёва — крестьянская женская шерстяная юбочная одежда, которая закреплялась на поясе.

Поршень — старинная русская обувь типа туфель без подметки и каблука. Изготавливалась из цельного куска кожи.

Припечек, *голбец* — дощатый короб с крышкой-дверью между стеной со стороны входа и печью для восхождения на печь или спуска в подполье.

Прялка — старинное приспособление для прядения нитей из шерсти, льна или поскони, состоящее из лопасти, тонкой ножки и донца, на которое садятся.

Под — плоская часть топки печи, где раскладывают огонь, ставят горшки и пекут хлебы.

Подворье (сиб. *ограда*) — старинное название пространства, огороженного заплотом крестьянского двора с домом и со всеми строениями.

О домашних животных

Бывает, что собака теряет аппетит. В д. Пинчуге, чтоб она ела, рубят ей кончик хвоста, а в с. Богучанах надевают ей на шею ободок из черемухового прутика, обмазанного дегтем, или же просто «дехтяну веревочку».

Коров выпускают на волю вскоре после Пасхи. Старший член семьи выходит во двор и там обмазывает смолой наподобие креста двери хлевов, стоек и ворот, произнося при этом молитву. Вдоль тех ворот, через которые выпускаются коровы, на земле он расстилает поясок, снимаемый с себя. Положив поясок и снова сотворив молитву, он делает несколько полупоклонов. Затем, став перед воротами, он «три раз» перегородит (перекрестит) их. Тогда хозяйка [берет] в руки ковригу хлеба, выходит за ворота и, отламывая кусок за куском, манит корову — «тпруси, тпруси, молена, тпруси, Ивановна, тпруси» и т.д. Мимо идущей корове она дает кусок хлеба. Так переходят все коровы одна за другой, переступая поясок, который расстилается для того, чтоб они знали свой дом, свои ворота. А хозяин вслед за уходящими коровами шепчет: «Христос с вами, Христос с вами!» — и крестит одну за другой. День этот считается полупраздником и в течение его не полагается ругаться.

При постройке нового дома

При выборе места постройки кидают жеребий. Хозяйка из ржаной муки печет три небольших «колобушка» хлебца. Эти последние выпекаются раньше всей остальной стряпни. На следующий день, до восхода солнца, хозяин берет эти хлебцы и кладет их за пазуху, предварительно подпоясавшись. Придя на намеченное место, хозяин <...> читает молитву; затем распоясывается и следит за количеством выпавших из-за пазухи хлебцев. Если выпадут все три хлебца, место считается удачным и счастливым для поселения; если два выпадут — то «так-сяк», а один — вовсе плохо — селиться не следует. Когда поднимают «матицу» на только что возведенные стены строящегося дома, то поступают так. На «матицу», которая одним концом лежит на стене, кладут ковригу хлеба, немного соли и иконку; все привязывают к матице новым рукотерником [полотенцем]. По поднятии матицы остаток дня считается праздничным. В старину при постройке избы под окладку [нижний венец бревенчатых стен] всегда клали деньги в небольшом количестве, а под матню [матицу] третью часть того, что кладут под окладку. В жилом доме нельзя прорубать окно или дверь — хозяин умрет или будет вообще крупная потеря.

Подворотня — широкая доска, закрывающая щель между воротами и землей.

Подклет (то, что под клетью) — нижняя часть старинного дома, обычно использовалась как хозяйственное помещение, куть (кухня) или кладовая.

Пойло — смесь специально приготовленных в печи крошева (мелко порубленные листья капусты, свеклы и т.п.), мякины, отрубей, остатков пищи, которые шли на корм скоту.

Полавочки — покрывала для лавок.

Половошники — полки под потолком, на которых располагалась крестьянская утварь.

Полати — дощатый настил для спанья между печкой и боковой стеной крестьянской избы, под потолком над дверью.

Половицы — настил пола в крестьянском доме сибиряка из тесаных половинок бревен вдоль избы от двери к передним окнам.

Полок — специальные полати или высокие лавки у потолка в бане, на которых парятся.

Послушник — человек, который поступил в монастырь для подготовки к принятию монашества. Сам период пребывания в монастыре до этого события называется послушанием.

Пост — время покаяния христиан в грехах, ежедневных молений и воздержания от пищи животного происхождения.

Поставец — 1) открытые полки для посуды; 2) род посуды для меда в виде закрытой деревянной или глиняной чаши; 3) небольшой сундучок для мелких предметов, стоящий на полке в шкафу или на столе.

Пуховик, перина пуховая — очень мягкий большой матрац, набитый перьевым пухом домашней или дикой птицы.

Расстегай — пирог с открытой начинкой. Существует две версии происхождения названия этого пирога: от слов «растягивать» (при их приготовлении тесто сильно растягивали) и «расстегнутый», то есть открытый.

Рождество Христово – один из главных христианских праздников, рождение Иисуса Христа Девой Марией. Отмечается 25 декабря по ст. стилю (7 января по нов. стилю).

Розвальни – низкие, расширяющиеся от передка деревянные сани без спинки и сиденья, оснащенные в Сибири плетеной из прутьев утепленной кошевой (кошевкой).

Рубель – массивный брусок длиной около 60 см, слегка изогнутый, с зубцами на рабочей плоскости и ручкой. Ткань катали рубелем по столу, и она разглаживалась.

Рукомойник – старинное приспособление для умывания в виде широкого кувшина с «носиком». Подвешивался над тазом для слива воды.

Рушник – старинное название полотенца, обычно с вышивкой.

Ряженые (сиб. *машкарованнные*) – переодетые в маскарадные костюмы, шубы и различные маски участники старинного святочного обряда в период от Рождества до Крещенья («страшные» и «страстные» дни).

Ряса – повседневное одеяние монаха или священника, длинная приаталенная одежда с широкими рукавами.

Самовар – род старинной утвари для кипячения воды, металлический бочонок с краном и внутренней топкой. На трактовых станциях были самовары объемом до 3–4 ведер воды.

Светец – металлический подсвечник, в который вставлялась лучина. Под светцом всегда ставили ящик с песком, чтобы не было пожара.

Свод – верхняя полукруглая (сводчатая) часть русской печи.

Святки – 12 праздничных дней между праздниками Рождества Христова и Крещения, установленные Православной церковью. В это время было принято колядовать и гадать.

Святцы – церковная книга, которая содержит календарь с полным перечнем праздников и святых по дням, в которые отмечается их память.

Сени – в крестьянском доме – «сенцы», неотопливаемое помещение, своеобразный тамбур, из которого имелись вход в дом и выход на улицу. С магией связано правило: дверь в сени из дома и с улицы с крыльца открывались внутрь в пространстве сеней.

Сермяга – грубое домотканое неокрашенное и неотбеленное сукно серого или бурого цвета, а также кафтан из него. В Сибири в основном изготавливали из волокна обработанной конопли, «поскони». Отсюда подобная одежда – «посконная».

Серп – сильно изогнутая полукруглая железная пластинка, сужающаяся к концу. На его внутренней кромке имеются зубья, а на противоположный конец насаживается ручка.

Скобель – плоская, неширокая, слегка изогнутая пластинка с лезвием на рабочей части и двумя рабочими рукоятками.

Скоромный стол – мясо-яично-молочный стол, который запрещен во время поста.

Слобода – район города, жители которого были наделены временными «свободами» в уплате налогов и отбывании повинностей. Как правило, ее население занималось одной профессией.

В семейном быту

Невеста идет под венец — должна под левую пятку класть серебряную монету — в замужестве в деньгах нуждаться не будет.

Во время болезни нельзя снимать ту рубаху, в которой заболел, иначе болезнь не скоро пройдет.

Умершему кладут в гроб кудель, а иногда даже чистое льняное волокно, чтоб ему помягче лежалось в земле.

Религиозность и церковные праздники

Вечером накануне праздников нельзя мести избу и выбрасывать сор из нее. Не будет богатства у хозяев.

Нельзя растягиваться на лавке ногами к божнице — Бог силу отберет.

Всякий праздник обязательно начинается накануне с закатом солнца и кончается также с закатом солнца. Канун праздника называется «вечерей».

Соха — основное пахотное орудие на Руси, состоящее из толстой длинной слегка выгнутой деревянной доски с раздвоением внизу, на которое насаживаются железные сошники.

Судная лавка в кути (кухне) шла от печи до передней стены дома. Эта лавка была выше остальных. Под ней были раздвижные дверцы или занавеска, за которыми располагались полки с посудой.

Сусек — деревянный ящик в кладовой для хранения зерна.

Тесло — топор со слегка изогнутой рабочей частью и лезвием, перпендикулярным топорщику.

Трактир — старинное название столовой, небольшого ресторана в городе, волостном селе, на станции Сибирского тракта, где кормили с подачей спиртных напитков.

Трепало — орудие труда в виде большого широкого деревянного ножа с ручкой для обработки стеблей льна или конопли от твердых частей стебля.

Троица — народное название праздника Пятидесятницы — дня Святой Троицы (на 50-й день после Пасхи).

Тюес — специальная посуда, в Сибири чаще всего изготовленная из цельно снятой бересты в виде емкости с крышкой для хранения жидкостей и пищевых продуктов.

Узда, уздечка — часть сбруи лошади (удила с поводьями), надеваемая ей на голову.

Устье, или чело — лицевая часть печи, где находится отверстие для топки.

Уха, ушное, «хлёбово» — старинное название любого супа или жидких блюд.

Ухват — железная дужка в виде рогов коровы по диаметру печных чугунов на длинной деревянной ручке. Ухват — это «рогатое» полукруглое приспособление для того, чтобы ставить горшки в печку. Низ горшка, или чугунка, входил между рогами ухвата.

Ушат — невысокое деревянное ведро, на верхнем крае которого имеются два ушка с дырочками.

Фарфор – вид керамических изделий из глины с различными примесями, обожженной при высокой температуре, с белым, звонким, просвечивающим в тонком слое черепком.

Фаянс – вид керамики, изделия из обожженной глины, имеющие мелкопористый, обычно белый, непрозрачный черепок, который покрывается глазурью.

Фелонь, риза – часть облачения священника, надеваемая поверх других одежд, широкое одеяние без рукавов с отверстием в центре для головы. Передний его край вырезан дугой от середины груди до низа.

Ферязь – мужское долгополое верхнее платье с длинными, свисающими до земли рукавами, спереди на застежках.

Флигель (нем. «крыло») – боковая пристройка или здание, примыкающее к главному жилому дому или стоящее вблизи него и связанное с ним функционально.

Фронтон – завершение фасада дома с двумя скатами по бокам и карнизом снизу.

Хлебная лопата – специальный кухонный инструмент для помещения хлебного теста в печь и выемки готового караваля хлеба из пода печи. Это широкая деревянная лопата на длинном черенке, изготовленная из целого липового, осинового ствола дерева. Долгие годы семья в Сибири бережно хранила хлебную лопату из липы, привезенную «из Рассеи», как память о предках и прежней «малой родине».

Хомут – часть упряжи лошади, состоящая из двух подвижных деревянных клещевин, обшитых кожей и подбитых войлоком. Надевается лошади на шею.

Хоровод – род старинного народного русского танца, исполнители бегут за руки и с пением ходят по кругу.

Царские врата – двустворчатая резная деревянная дверь в центральной части иконостаса православного храма, через которую могут проходить только священник или дьякон.

Цеп – сельскохозяйственное орудие для молотьбы, состоящее из длинной, в рост человека, рукояти и короткой, 50–70 см длиной, весом до двух килограммов рабочей части, представляющей собой короткую тяжелую палку, соединенную с рукоятью ремнем.

Чапельник, сковородник – насаженная на деревянную рукоять железная полоса с высеченным и отогнутым языком. С его помощью доставали из печи сковороды.

Часослов – сборник молитв и песнопений для ежедневных церковных служб – часов (отсюда и название).

Чугун, чугунок – чугунный горшок для приготовления пищи в русской печи с широким туловом, «плечами» и зауженной цилиндрической нижней частью.

Шайка – небольшая деревянная емкость с ручкой. В Сибири чаще всего так называли лохань для помывки в бане.

Шесток – 1) площадка перед входом в топку русской печи, куда ставили печные горшки; 2) так в Сибири называли жерди в стайке или в пригоне, на которые усаживались на ночь куры.

Хлеб — всему голова!

«Э! Паря, ты не тово, от моёво куска не откусывай и из чашки из моёй не пей. Изурочишь, поди, паря. Мою всю силу через рот возьмешь. Обессилишь меня».

Хлеб отрезанной стороной или отломанной следует класть внутрь стола. Так же точно нельзя класть ковригу или калач вверх «исподней» [нижней] коркой. В первом случае будет мало хлеба, а во втором — на том свете [черти] будут держать вверх ногами.

При дележе в семье [семейном разделе] старший режет ковригу ржаного хлеба на дольки по числу делящихся или имеющих в семье мужиков. Отделяющийся берет свою часть и отходит от стола. Бабы разливают квашню и уносят свои части.

В старину был обычай не рушить вечером непечатую ковригу хлеба. Говорили, что «коврига спит».

Хлеб нельзя тыкать вилкой — на том свете [черти] самого на вилах будут поднимать.

Экипаж — 1) легковая повозка; 2) вереница карет, повозок, колясок с людьми и имуществом.

Ясли — ящик для корма в хлеву.

Ямщик (от «яма» — станция, куда поставляли лошадей) — служилые из крестьян или посадских людей, который занимались «ямщиной», «извозом», перевозкой почты, грузов, пассажиров на большом Сибирском или малых, местных трактах.

Сибирские афоризмы: пословицы и поговорки

Чалдоны — крылечки скоблены.

Русь навалила — весь наш край задавила.

Родная деревня краше Москвы.

На чужой стороне и весна не красна.

В Сибири 100 рублей не деньги, 100 верст не расстояние.

Человека убить — дальше Сибири не быть.

Сибирь — золотое дно.

Поселенец — что младенец. На что взглянет, то и стянет.

Золото веско, а верху тянет.

Драчливый петух жирен не бывает.

Накормишь калачом — не бей в спину кирпичом.

Мужик робит не покладая рук, пока Бог не пошлет по душу.

Правду блюсти по совести.

Горькому Кузеньке — горькие песни.

Это не в селе, а в себе.

Порука — наука.

Хитер: первый тащит мясо из горшка.

При худе-то худо, а без худа и того хуже.

Осудила чурка палку.

Кто на приисках не бывал — горя не видал.

У него правды, как у змеи ног, не найдешь.

Чудно дядино гумно: семь лет урожая нет, а мыши водятся.
В копнах — не сено, в долгах — не деньги, в гребях — не хлеб.
Кыска скребет на свой хребет.
Кто любит кислое да соленое, а кто — красное да зеленое.
Стужа да нужда, нет ее хуже.
Што город — то Бог, што деревня — то черт.
Съел не худа, всего полпуда, осталось фунтов семь — завтра съем.
Митяй сидя спит и лежа работает.
То, что грязно изнутри, не сделаешь чистым снаружи.
Только курица от себя гребет.
Отсеки ту руку, которая к себе не гребет.
Гнилой веревкой лошадь не ловят.
Была бы пища — мыши найдутся.
Пустая дума — лишняя тяжесть.
Как ручки сделают, так и плечики износят.

Приметы и поверья сибиряков-старожилов

Тесто не месят, а Хлеб Творят.
Вечером коврига спит, ее нельзя резать.
Из новой муки в первый раз нельзя печь хлеб, а нужно печь ситники, иначе хлеб не будет родиться.
Когда ешь, то нужно облизывать ложку, а то жених или невеста рябые будут.
На квашню нельзя садиться — обжора будешь.
На ушат нельзя садиться — пьяница будешь.
У кого пальцы длинны — невеста маленькая будет.
Кто на кошку наступил — жениться захотел.
Если корова понюхает дойник, то парное молоко станет кислым; если же дать понюхать этот подойник быку, то этим дело поправится.
Нельзя сор на ноги мести — свекровь лихая будет.
Чтобы девушке уметь тонко прясть, нужно жилы есть.
Девушке нужно есть селезенку — косы хорошие будут.
Парню нельзя есть селезенку — верхом не будет уметь ездить.
Засуха бывает оттого, что кем-то оставлены в овине необмолоченные снопы.
Если в реку ранней весной бросить кусочки хлеба, то ее, матушку, пронесет ото льда легко.

Частушки жителей Енисейской губернии начала XX века

Ты, извозчик, подай клячу,
Увези меня на Качу.
Милай мой по Каче плавал,
Утонул, паршивый дьявол.

Как на Каче грязь и тина,
Там девчонки, как картина.
Как на Каче грязь и кочки –
Там девчонки, как цветочки.

Как батойские ребята,
Одним словом – молодцы,
Ногой топнут, брюки лопнут,
Все заплатки отлетят.

Не хочу я первачу,
Хочу второго сорта.
Я чалдона не люблю,
Посылаю к черту.

Милый мой такой баской
Из деревни из Гарской.
Из деревни из Гарской
Истомил меня тоской.

Пароход баржу везет –
Баржа семечки грызет.
Стою плачу у телеги –
Слезы льются колесом.

Красноярск – город славный,
На реке стоит большой;
В нем живет народ богатый,
Настоящий, продубной.

Из Маганска девки модны –
По три дня сидят голодны,
Золотые серьги носят,
Под окошком хлеба просят.

Не ходила, не пойду
В лес я за грибами –
Напугал меня чалдон
Синими штанами.

Золото мое колечко
Хуже оловянного,
Надоели мне чалдоны
Хуже окаянного.

Милый мой, пойдем домой,
Пойдем, моя кровиночка.
Тебя угонят в Порт-Артур –
Останусь сиротиночка!

Рыбочка на вилочке –
Миленок на займочке.
Миленок на займочке,
Шьет милой ботиночки.

Краткий словарь говоров старожилов Приенисейской Сибири

ажно – между тем, как
азойно – тяжело
азям – армяк из шерсти
айдате-ка – пойдем
анбар – амбар
анадысь – тогда
арясина – тонкая жердь, дубина
артачиться – противиться
бадажок – палка для ходьбы

багрецовый – красный
базанить – кричать, реветь
балаган – шалаш
балда – колотушка
баской – красивый
бастрык – гнет на возу сена
бахолы – сапоги
баять – говорить
беремя – охалка
благодать – изобилие
блажной – неугомонный
блудить – плутать
божья дуга – радуга
ботало – «колоколец» у коровы
ботать – без толку говорить
брешить – лгать
брыла – губы у человека (насмешл.)
бузыгать – пьянствовать
бус – мелкий дождь
булькаться – играть с водой
бунчать – бормотать
бузанить – есть жадно, неопратно
быговать – вымерзать (быгать)
быструха – энергичная женщина
важня – амбар с сеновалом
валандаться – мешкать
варево – припас для кушанья
варнак – преступник, каторжный
веньгать – плакать
весноватый – рябой
ветляность – общее: приветливость, обходительность и разговорчивость
ветляной человек – живой и разговорчивый, приветливый
взаболъ – в самом деле
веснусь – прошедшей весной
витушка – крендель
вица – прут, розга
водиться – ухаживать за детьми
волгнуть – впитывать влагу
волокчи – тащить
вопить – кричать
выдувка – углубление в снегу у корня дерева
выжига – пропащий человек, все промотавший, способный на всякую пакость
вытараска – пучеглазый
вышка – потолок, чердак дома
вытник – бездельник
галдить – шуметь

галиться — издеваться, смеяться
галицы — рукавицы
галяма — неповоротливый человек
гаркать — звать
глезкий — скользкий
глубник — запад
глыза — куча, глыба
годить — ждать
гом(а)нить — успокаивать
гомоюн — старательный по хозяйству и в семье мужик
горлопан (горлан) — крикливый, шумливый человек, старающийся взять криком
губы — грибы
губник — пирог с грибами
гузно — мешок
гундеть — грубо кричать
даха — шуба из меха козы
денной — пройдоха
дивильце — маленькое зеркальце
докука — просьба
домовина — гроб
допережь — сперва
дородно — много
доспеть — сделать
досыть — довольно
дошлый — хитрый, умный, доходящий до всего своим умом. Высшая степень умного человека
дрынношшепина — худая длинная девушка, женщина
дурничка — глупость, невежество, необразованность, дурные привычки
дуйка — снег с ветром
душной — запашистый
евон чё — вот что...
едрёный — свежий
еман — козел
енчить — плакать
ерепеня — сварливый человек
ерастаться — браниться
ертачиться — упорствовать
ечесливый — вежливый человек
жаркой — оранжевый
жаровый — поджарый, сухощавый
жбан — деревянная кружка
желубить — очищать
жирник — светильник
жила — скупой, скряга
жировать — жить в довольствии
журба — сварливый

забереги – окраины льда у берега
заворот – поворот реки
завчера – третьего дня
зараз – тотчас
зарот (зарод) – стог сена
заутро – завтра
зенки – глаза
затуран – мука, поджаренная в масле
зехло – широкое горло
зимусь – прошедшей зимой
зоский – твердый, крепкий
зыркать, зырить – смотреть
зюзя – пьяницы
изгаляться – делать неприятности
имальцы – жмурки
илимка – лодка
исполох – испуг
исправный – зажиточный
истоплё – количество дров, чтобы истопить печку один раз
истошник – прилежный в труде
итить – идти
ичиги – легкие сапоги
кабатуха – толстая рубаха
кавкать – кашлять
калтаны – летние соболя
канючить – хныкать
катушка – ледяная горка
кладушка – курица-несушка
клевить – доводить до слез
комель – нижний конец дерева
кондырь – козырек
кондовый – стойкий, прочный
кортом – наём
корысть – жажда наживы, жадность к деньгам
корыстный – дрянной человек
култук – плечо
кулявый – хромой
кремлина – твердая древесины
куржак – хлопья снега от пара
курья – узкая протока
кухта – снег на деревьях
кыска – кошка
лабаз – постройка на деревянных столбах-сваях
лагун – кадка с двойным дном
лаяться – браниться
легчи – лечь
лекотать – говорить

лежни – бревна под полом
липуха – роса
лог – долина
лонись – прошлого года
Лось – созвездие Большой Медведицы
лытка – бедренная кость
лэхма – неряшливая, лохматая
ляскать – говорить ненужное
маганый – белокурый
макушка – вершина горы
марево – жар в воздухе
марудный – медленный
мендач – слабый лес
мизгирь – паук
молосный – скромный
могутный – мощный, крепкий человек
могутной хозяин – экономически сильный, исправный, независимый
морговать – брезговать
морочный – пасмурный
мураш – муравей
мухлевать – обманывать
на прок – на будущий год
наскаружник – насмешник
не вдолги – вскоре
не помргуйте – не побрезгуйте
норки – ноздри
ночь – в прошлую ночь
нету-ка – нет
нюня – плаксивый человек
нюхлый – болезненный, слабый
обабок – гриб подберезовик
обиход – забота, уход, чистота
обиходный – опрятный
обоконье – нижний косяк у окна
обутки – башмаки, обувь
огневой – бойкий, горячий
околеть – окоченеть
обиход – опрятность, благоустройство
обиходка – чистоplotная хозяйка
осенесь – прошлой осенью
остожье – изгородь у стога
охреть – грязный, нечистоplotный
очесливый – вежливый, услужливый
очеп – шест для колыбели
очурайся – опомнись
падера – первый снежок
падь – горный разлом

пал – выжег травы
паскаружник – насмешник
паужина – вечерний обед
паут – овод
поганка – ядовитый гриб
потачить – баловать
послухмянный – послушный, покорный
постать – часть деляны, мера площади
пурга – метель
путем – так должно быть
разе – разве
релка – гряда, возвышенность
робить – работать
рябина – веснушки
рясный – ягодный, обильный
свирепый – серьезный
сегодня – в этом году
силком – насильно
скоком – бегом
слега – придавливающее бревно
стегно – бедро
стибрить – украсть
строганина – стружка мерзлой рыбы
сунтурить – болтать вздор
стуживо – мороз с туманом
с устатку – усталость после работы
тамотка – там
таперича – теперь, тут
тараторка – болтунья
типушки – цыплята
тошнехонько – горько
тундук – непонятливый человек
турить – гнать
тутомный – местный
тюрючок – катушка ниток
углан – застенчивый человек
урсливый – капризный
утартать – унести, утащить
уторкаться – угомониться, уснуть
ухряпаться – устать, надорваться
учуять – услышать
ушкан – заяц
ушлый – сообразительный, обучающийся на ошибках других людей
фарт – удача
фашонка – траурная косынка
ферт – важно напыщенный человек
фря – особа спесивая, задирающая нос

фурыть – кидать, швыряться
фьпиться – сердиться
хайка – телега
характерный – сердитый
хайло (зелло) – широкое горло
халыстнуть – ударить с размаху
халява – нечистоплотная женщина
хаять – ругать почем зря
хиус – северный сырой ветер
хмарно – пасмурно
ходок – легкая телега, выезд
хлопуша – лгун
хлюздить – фальшивить, не признавать правила
худоумный – глупый
хнюня – плакса
циркать – доить корову
цыпки – заветерья кожи на руках
чесанки – валенки из мягкой шерсти
чага – нарост на березе
чалбыш – «худой» вид осетра
чембары – холщовые штаны, порты
чистотка – чистоплотная женщина
чищина – прут без коры
шабалы – старые вещи
шабарать – шуршать
шаньга – ватрушка с творогом
шлындать – бесцельно бродить
шипшишник – шиповник
эвонде-ка – вот где
юлить – хитрить, изворачиваться
язевый лоб – дурак
ярый – бойкий
ятровь(ица) – сестра жены

О РЕМЕСЛЕ ИСТОРИКА

Трудная, но крайне важная работа по изучению сознания людей прошлых эпох, реконструкция мыслей, образов, представлений об окружающем мире, о себе и других, о труде и досуге, праздниках и обыденной повседневности, о «добре и зле», о Боге и совести, о смысле жизни – все это волнует и мотивирует на исследования ученых практически всех гуманитарных наук. От былых событий и людей прошлого остались следы их не вымышленного, но реального существования на бумаге в письменных текстах, в предметах жизнедеятельности и памятниках культуры. Да, есть еще и остаточные отрывистые живые воспоминания их далеких потомков, но они имеют свойство обрастать поздними мифами, «придумками», искажениями и современными представлениями ныне живущих.

За три-четыре века нашей сибирской истории в архивах скопились и хранятся миллионы древних и старинных деловых документов, приказов и распоряжений, ответов и отписок, писем, обращений и просьб, проверок и ревизий... В архивных фондах церковей сохранились метрические книги с записями о рождениях, браке и детях, о смерти предков и новых рожденных в их семьях детей и внуков... Конечно, в старинных архивных текстах можно найти попытки описания жизни современников и наиболее значимых событий: это летописи, личные записки и семейные хроники, воспоминания и дневники. До обидного мало таких живых источников о жизни и людях прошлого: редко кто был грамотным, в сравнении с трудом в хозяйстве и домашними заботами вести записи считалось «никчемной» тратой времени... К тому же практически никто не задумывался о сохранении «правды своей жизни» для внуков и правнуков.

Все же есть в обществе те, кто просто описывает события текущей жизни, оценивает дела и свершения с позиций своих представлений

и ценностей. Есть и люди, профессионально занимающиеся изучением своего общества, своего государства, истории страны в прошлом и настоящем.

Это все уже не источники прошлого, но литература о прошлом. Поэтому всю литературу можно разделить на две категории: работы конкретно-описательного и научно-исследовательского характера. И здесь я вынужден остановиться и горестно вздохнуть: всех текстов – и архивных, и литературных, с описаниями «человека сибирского» в прошлом, его мыслей, чаяний, мечтаний и оценок различных сторон окружающей жизни и поступков людей можно пересчитать по пальцам.

Конечно, есть достаточно много таких текстов, в которых говорится о проявлениях сознания в труде и бытовой повседневности, о поведении в семье и «на людях», о проступках и преступлениях, о судебных разбирательствах и наказаниях, «как принято в этом обществе». Поэтому изучение прошлого представляется сплошь и рядом практически детективным расследованием, чтением текстов с попыткой «проникнуть в сознание» и понять, как думал, как принимал решения, как трудился, отдыхал и выстраивал отношения с реальными людьми, с миром духов и мифических существ человек.

Еще раз повторю, прошлое можно познать только по следам, что оставили предки, по источникам архивов и на основе литературных и научных трудов исследователей – предшественников.

Поэтому без детального изучения литературы по проблемам адаптации человека в Сибири, становления здесь самосознания у первых «засельщиков» и поздних старожилов, изучения культурных традиций было бы невозможно провести реконструкцию жизни и сознания сибиряков. И только на основе собственной работы, изучения «изнутри» жизни и культуры старожилов своих селений детства, юности и зрелых лет, на основе овладения «ремеслом историка», с помощью методов, работок и трудов психологов, этнологов, социологов, культурологов стало возможным на междисциплинарном уровне написать и представить вам данную книгу очерков о Сибири, сибиряках, их традиционном сознании и этническом (национальном) характере.

Попробуем обобщить в кратком изложении историю познания «феномена российского сибиряка» прошлых веков, его мыслительных, оценочных, душевных и поведенческих черт личности нашими предшественниками, учеными XVIII – первой половины XX в. и коллегами – современниками.

В историческом и междисциплинарном изучении сибирских крестьян, культуры и элементов сознания и характера выделяются дореволюционный, советский и постсоветский периоды.

В работах дореволюционного времени содержатся описания уклада жизни и культуры русских сибиряков-старожилов, даются меткие психологические характеристики. Однако большинство сочинений XVIII – начала XX в. не были научными и не опирались на научные методы познания, лишь давали часто без всякой системы неупорядоченную информацию с простыми описаниями труда, быта, традиций и поведения крестьян-старожилов. Описания в этих работах во многом носят иллюстративный

характер и по отношению к документальным источникам являются второстепенными, добавочными. Мы называем книги и тексты, написанные и изданные в XVIII, в XIX, в начале XX в., опубликованными источниками, конкретизирующими, уточняющими и дополняющими документы архивов¹.

Начиная с первой системной работы по истории Сибири – Г. Ф. Миллера, внимание авторов сосредоточилось на освещении административно-политических, военных, социальных, экономических вопросов². Однако все работы в той или иной мере касались описания быта, культуры, нравов и обычаев, этнического образа русских старожилов края. Крайне интересны для нас высказывания путешественников и ученых XVIII в. о русских жителях Приенисейского края (И. Г. Гмелин, Д. Г. Мессершмидт, С. П. Крашенинников). Они первыми подметили и описали особенности физического облика, самосознания и психологии, традиций и обрядов русских сибиряков. Крайне интересны данные 40-х гг. XVIII в. о повседневном поведении горожан, выделявшие специфику и культурную самобытность «старожилого» населения Приенисейского края спустя 100–120 лет после основания Красноярска.

В первой половине XIX в. увидели свет книги с ярко выраженными субъективными оценками местных сибирских авторов. В данном ряду видное место занимает книга А. П. Степанова «Енисейская губерния» в двух частях. Будучи первым губернатором Енисейской губернии, он основательно, объективно и непредвзято осветил многие аспекты жизни русского населения. Несмотря на описательный характер работы, автору удалось обобщить специфические черты в образе сибирских крестьян и их культуре³. Одним из первых он выделил в печатном труде понятие «сибирские старожилы» применительно к енисейским крестьянам, с описанием уклада жизни, особенностей говора, привычек поведения в семье и обществе. Книга получила высочайшую оценку как в русском обществе, так и была отмечена и поощрена российским императором Николаем I.

В первой половине XIX в. важнейшую работу по описанию процессов освоения Сибири во взаимосвязи с хозяйственно-культурной адаптацией русского населения провел историк П. А. Слозцов. Результаты своей работы он представил в книге «Историческое обозрение Сибири»⁴. Ярко выраженный местный патриотизм автора отразился в возвеличивании отдельных позитивных черт характера сибиряков, поданных в описании повседневного поведения крестьян-старожилов.

Любопытное и оригинальное описание этнографических особенностей культуры старожильского населения Восточной Сибири, повседневного

¹ Данная историография включает несколько десятков книг и публикаций таких авторов, как П. Слозцов, Н. Пестов, А. Степанов, Е. Авдеева, М. Кривошапкин, С. Турбин, Г. Потанин, Н. Ядринцев, А. Кауфман, В. Ватин, А. Макаренко, А. Пыпин и многие другие. Учитывая, что в них нет анализа проблем традиционного сознания сибиряков и присутствует широкое описание вторичных проявлений сознания и миропонимания старожилов, многие работы дореволюционного периода используются нами в качестве источников.

² Мирзоев В. Г. Историография Сибири (домарксистский период). М., 1970. С. 109–123; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. М. – Л., 1941.

³ Степанов А. П. Енисейская губерния. Ч. 1–2. СПб., 1835.

⁴ Слозцов П. А. Историческое обозрение Сибири. Кн. 1–2. СПб., 1886.

поведения русских сибиряков дала писательница-краевед Е. А. Авдеева в своих «Записках и замечаниях о Сибири»⁵. Она не только показала глубокое знание реалий сибирской жизни, но и попыталась выделить духовные корни традиций, обрядов, повседневного поведения жителей Восточной Сибири. Одной из первых она собрала в книге словарь местного сибирского говора.

Значительный след в описании своеобразия и разнообразия психологических типов русского населения сибирского края оставили ссыльные участники восстания дворян-декабристов. Будучи наказанными судом на каторгу, высылку на поселение в различные регионы Сибири, они представили в своих сочинениях развернутую и подробную во всех мелочах и фактах картину жизни русских сибиряков. Проживая в среде крестьян-старожилов, сибирских чиновников и интеллигенции, они смогли выявить общие и особенные черты культурного своеобразия русских различных регионов Сибири. Наиболее проницательные описания жизни и быта, культуры, характеристики представителей различных слоев общества мы находим в опубликованных записках Н. В. Басаргина, Г. С. Батенькова, А. П. Беляева, А. Е. Розена, М. А. Бестужева, П. Е. Анненковой, Н. Д. Фонвизиной.

Прекрасные в своей проницательности и глубине осмысления выводы оставил по пребыванию в сибирском крае в ссылке будущий писатель Ф. М. Достоевский. В его «Записках из мертвого дома» есть такие поистине поэтические строки: «Люди живут простые, нелиберальные; порядки старые, крепкие, веками освященные. <...> Климат превосходный; есть много замечательно богатых и хлебосольных купцов; много чрезвычайно достаточных инородцев. Урожай бывает в иных местах сам-пятнадцать... Вообще земля благословенная. Надо только уметь ею пользоваться». В Сибири умеют ею пользоваться».

Далее во второй половине XIX в. на огромной территории Сибири выросла целая плеяда высокообразованных и талантливых писателей, публицистов, журналистов и общественных деятелей, родившихся и трудившихся во благо «малой родины». Будучи урожденными знатоками сибирского края, они обращаются к непосредственному живому описанию культурно-бытового уклада русских сибиряков «изнутри», представляют в своих трудах различные аспекты культуры, традиций и обычаев.

Впервые элементы исследования психологических характеристик русских старожилов Сибири были широко представлены в работах уроженца Приангарья, видного историка А. П. Щапова. Он показал решающую роль народной колонизации в истории Сибири, попытался установить взаимосвязь окружающих факторов и эволюции традиционной культуры русского этноса. В его работах представлены комплексные материалы по истории, этнографии, антропологии, географии. На основе развернутого детального описания особенностей психологии и образа жизни сибиряков А. П. Щапов даже выделил старожильческое население в «особую русско-сибирскую народность». Позицию историка поддержали видные публицисты и общественные деятели второй половины XIX в.

⁵ Авдеева Е. А. Записки и замечания о Сибири. М., 1837.

Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев, которые также преувеличивали фактор полиэтнического синтеза в генезисе старожильского населения Сибири⁶.

Ошибочное преувеличение факторов этнического смешения аборигенов и русских в трудах вышеназванных авторов не было поддержано большинством ученых. Последующими поколениями историков негативно оценивалась масштабность метисации русского населения Сибири и трансформации русской культуры. В итоге отвергалась сама постановка вопроса об этнической специфичности русских старожилов.

Творчество авторов второй половины XIX в., крайне недружелюбно и с антипатией описывавших черты индивидуализма, жестокости, корысти, жадности и накопительства у крестьян-старожилов, представлено статьями и очерками ссыльных революционеров (Н. М. Астырев и др.). Данная позиция была оценена Н. М. Ядринцевым в качестве «высокомерных предрассудков в творчестве туристов и поверхностных наблюдателей» сибирской жизни. Однако мы считаем негативные оценки сибирских крестьян достаточно объективными. Мы учитываем противоречия между «желаемыми» представлениями революционеров-народников и реалиями пореформенного времени. Более того, многие негативные черты сибирских крестьян, по их мнению, были результатом «испорченности» рыночными отношениями.

Оцененные с позиций революционных народников, данные черты можно признать одновременно как признаки ценностной индивидуальности членов сибирской общины. Именно включенность в товарно-денежные отношения в связи с бумом золотодобычи в Приенисейском крае позволила крестьянам достаточно быстро адаптироваться к системным рыночным модернизациям конца XIX – начала XX в. Описания проявлений скрытности, корысти, скупости и накопительства для нас являются убедительным подтверждением наличия ценностей индивидуализма, социального идеала зажиточности в сознании крестьян-старожилов⁷.

Вторую группу публицистов и бытописателей составляли в основном представители местной интеллигенции Сибири, приводящие разноречивые, но более позитивные черты характера сибирских крестьян. Крайне доброжелательно описаны старожилы в произведениях енисейского врача и этнографа М. Ф. Кривошапкина, краеведа Г. Пейзына, сибирского поэта И. Ф. Федорова-Омулевского, публициста С. И. Турбина, этнографа и литератора Н. С. Щукина. Многие из авторов данного периода описывали жизнь крестьян Енисейской губернии. Так, историк Н. Н. Козьмин на основании обобщения социально-культурных характеристик старожилов Енисейской губернии сделал заключение о том, что «этнографический тип сибиряка складывается уже в середине XVIII века».

Член ИРГО Н. В. Латкин в своей книге «Красноярский округ Енисейской губернии» довольно объективно описал черты характера крестьян-старожилов в их эволюции в течение XIX в. во взаимосвязи с социально-экономическими факторами. Он не только рассмотрел последствия

⁶ Шапов А. П. Собрание сочинений. Т. 3. Иркутск, 1937.

⁷ Латкин Н. В. Красноярский округ Енисейской губернии. СПб., 1890.

адаптации русских людей в Сибири, но и попытался проанализировать истоки традиционной культуры крестьян Енисейской губернии⁸. Этнограф А. А. Макаренко представил в комплексе цикл хозяйственной и культурной жизни крестьян-старожилов Приангарья в течение календарного года, выделяя специфические духовно-психологические установки традиций и обрядности сибиряков⁹.

Однако в подавляющем большинстве работ не были раскрыты истоки психологической мотивации поведения, верований, установок формирования уклада жизни, обрядов крестьян-старожилов. Лишь отдельные авторы сумели целостно описать внешние проявления социально-психологических особенностей сознания русских сибиряков, выявить отличия сибирских крестьян от «великороссов» в ценностных оценках и самоидентификации. Для нас крайне важно, что историк П. М. Головачев в книге «Сибирь: Природа. Люди. Жизнь» ввел понятие «сибирский характер» и описал характер сибиряков-старожилов в одноименном разделе. П. М. Головачев сделал вывод, что «старожильческое население Сибири» под воздействием «географических и исторических причин приобрело стойкие особенности в характере, в умственном складе и даже во внешнем облике»¹⁰. Вместе с тем, поставив вопрос о сибирском характере, он, как и другие авторы того периода, не пошел дальше констатации явления и нескольких иллюстративных фактов. В работе отсутствует дефиниция понятия «этнический характер». Мы не находим ни анализа «географических и исторических причин» эволюции русского сибирского населения, ни развернутых характеристик особенностей «нравственного и умственного склада» старожилов. Но следует особо подчеркнуть, что все авторы второй половины XIX в. принимают как естественный факт наличия у русских сибиряков черт специфического самосознания.

Выдающийся вклад в разработку общих теоретических положений по истории освоения восточных территорий Российского государства внесли историки В. О. Ключевский и М. К. Любавский. Наряду с историческими и социально-политическими условиями учеными были проанализированы природно-географические факторы колонизации Сибири. В частности, они обратили пристальное внимание на аспекты адаптации русского этноса к новым климатическим условиям¹¹. В. О. Ключевский одним из первых в своем курсе лекций по российской истории выделил аспекты влияния географических факторов на формирование мировоззрения, привычек в характере русского этноса.

В связи с постановкой вопроса о специфике самосознания сибирских старожилов и междисциплинарным характером нашей работы будет уместно кратко осветить степень исследованности проблем русского

⁸ Макаренко А. А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. СПб., 1913 и др.

⁹ Головачев П. Сибирь: Природа. Люди. Жизнь. М., 1902. С. 142–145.

¹⁰ Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. 1. Курс русской истории. Ч. 1. М., 1987; Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб.: Лань, 2000.

¹¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. С. 91–262.

этнического самосознания. Вопросы генезиса и развития этнического самосознания русских изучены весьма фрагментарно. В XIX – начале XX в. в данной области работали историки, писатели и публицисты В. О. Ключевский, А. С. Пушкин, В. С. Соловьев, А. С. Хомяков, П. Я. Чаадаев. Н. Я. Данилевский на конкретном материале российской истории исследовал взаимосвязь исторических процессов, факторов этнического самосознания и эволюции культурных традиций¹². Он ввел в научный оборот понятие «культурно-исторический тип» в контексте изучения системных характеристик истории, культуры, сознания этносов.

Различные подходы к понятию «национальное самосознание», их дефиниции, взаимосвязь с иной научной проблематикой изучались скорее в связи с идеологией общественно-политических движений. Так, юрист и социолог В. В. Ивановский считал, что «национальное самосознание... есть приобщение каждого гражданина в духовном смысле к своей нации». Он впервые предложил структурировать элементы содержания данного понятия. Впервые представил этническое самосознание как «совокупности сознательных и бессознательных элементов», как феномен массового сознания профессор Варшавского университета П. И. Ковалевский¹³.

В советский период работы по истории и этнографии Сибири обрели серьезную источниковую базу с постановкой и решением научных проблем, существенно расширили тематику проблем, углубили изучение вопросов регионального и тематического направлений. Так, новое и глубокое осмысление прошлого края по вопросам нашего исследования мы находим в трудах С. В. Бахрушина. Наряду с разработкой исторических проблем он анализирует обширный материал по социальной психологии, поведенческим мотивам сибиряков в освещаемых событиях, исследует взаимное психологическое обогащение русских людей и аборигенов края¹⁴. Ученым доказана ведущая роль северорусского переселенческого элемента в формировании потомственного населения Приенисейского края в XVII – начале XVIII в.

В 1920-х – первой половине 1930-х гг. резко усилился интерес к истории и культуре русского населения Сибири. Данное направление разрабатывалось, в первую очередь, историками-краеведами и этнографами в ходе полевых экспедиций в регионах с преобладающим старожильческим населением. Так, в нашем крае значительная работа была проделана этнографом М. В. Красноженовой. Однако далее сбора вещественных и письменных источников и описания сохранившихся традиций крестьян-старожил работа не продвинулась. Во многом это произошло вследствие разгрома исторического краеведения в 1930-е гг. Видное место в плане нашей работы занимает незаконченная «Сибирская энциклопедия», включавшая статьи по разнообразным аспектам материальной и духовной культуры, традиций и обрядов крестьян-старожил.

¹² Филиппов В. Р. Из истории изучения русского национального самосознания // Советская этнография. 1991. № 1. С. 25–33.

¹³ Там же.

¹⁴ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. IV. М., 1955.

В 1940–1960-е годы значительный прогресс в историографии Сибири наметился в изучении становления и развития сибирского земледелия. Советский историк В. И. Шунков¹⁵ и его последователи обратили пристальное внимание на историю крестьянства как основного ядра старожильческого населения. Одновременно они исследовали качественные особенности сибирского земледелия, адаптированного к местным условиям. Нам представляется важным исследование хронологических и территориальных границ формирования основных земледельческих районов Сибири. Именно пять регионов первоначального сибирского земледелия заложили основы будущего административного, культурно-этнографического своеобразия наиболее значимых групп старожильческого социума.

К достижениям этого периода необходимо отнести становление монографического принципа изучения отдельных проблем крупных регионов Сибири. Впервые было доказано, что в Енисейском уезде земледелие стало ведущей отраслью хозяйства еще во второй половине XVII в. Был сделан вывод, что наряду с экономическими последствиями данного процесса в Приенисейском крае во втором-третьем поколениях сформировалось «старожилое» крестьянство, адаптированное к суровым условиям таежного края. Затем, в начале XVIII в., в ходе внутренней миграции выходцы из северных районов продолжают освоение южных и притрактных районов Приенисейского края. Однако вопрос об исследовании процессов и итогов психологической адаптации крестьян-старожилых Сибири и Приенисейского края историками «школы Шункова» не ставился.

Среди исследований по истории комплексного земледельческого освоения территории Восточной Сибири наиболее значимой считается работа В. Н. Шерстобоева «Илимская пашня»¹⁶. Для последующих поколений сибиреведов незаменимы работы историков В. А. Александрова, В. В. Воробьева и А. Д. Колесникова, выполненные в 1960–1970-х гг., по исследованию демографических и хронологических этапов формирования старожильческого населения Сибири¹⁷. Выводы данных исследователей позволили уточнить хронологические рамки оформления потомственного крестьянского старожильческого населения как целостной социально-экономической единицы русского этноса. Поэтому мы относим время завершения психологической адаптации и формирования нового традиционного сознания в границах Сибири ко второй половине XVIII в.

В ходе дальнейшего изучения культуры сибирского крестьянства потребовалось более тесное сотрудничество историков и этнографов. Выраженное социокультурное звучание приобрели работы 1960-х – конца 1980-х гг. В изучение итогов колонизации, развития сельского хозяйства и рынка Восточной Сибири определенный вклад внес Ю. В. Кожухов. В свою работу он, в частности, включил вопросы культуры и быта крестьян

¹⁵ Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М., 1956; Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 1–2. Иркутск, 1949.

¹⁶ Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 1–2. Иркутск, 1949.

¹⁷ Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы). Новосибирск, 1975; Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. Омск, 1973.

Енисейской губернии¹⁸. Этнографические особенности быта и культуры русского населения Приангарья наиболее системно были исследованы в одноименной работе Л. М. Сабуровой¹⁹. Колоссальных результатов в изучении вопросов культуры русского населения Сибири достигли историки М. М. Громько, В. А. Зверев, А. Н. Копылов, А. А. Люцидарская, Н. А. Миненко, Е. И. Соловьева и др. Глубоко и всесторонне ими были проанализированы особенности юридических обычаев, трудовых традиций, норм общинных отношений, семьи и брака старожилов. Несмотря на то что ученые непосредственно не обращались к теме традиционного сознания старожилов, в их работах рассматриваются практически все компоненты стереотипных проявлений миропонимания и психики сибиряков. К глубокому сожалению, подавляющее большинство работ данного периода написано на материалах Западной Сибири и Зауралья²⁰.

В условиях господства идеологических установок для работ советского периода по истории и этнографии характерна общая концепция этнической целостности русского населения России. Естественно, вышеперечисленные авторы не могли открыто поставить вопрос об этносоциальной идентификации сибирских крестьян. Однако примечательно, что в работах западносибирских ученых объективная специфичность сибирского этнографического материала входила в открытое психологическое противоречие с формальными выводами.

В этот период коллективными усилиями ученых историков и этнографов был создан ряд трудов по истории сибирской общины, исследованию в них культурно-бытовых процессов. Всесторонне анализировались проявления традиционного сознания в материальной и духовной культуре²¹. Занимаясь психологическими аспектами культуры старообрядцев, Ф. Ф. Болонев описал характер сибиряков. Работы этнографа Ф. Ф. Болонева во многом предвосхищают сегодняшний день. В небольшой работе (написанной еще в 1979 г. и опубликованной в 1988 г.) содержится развернутая характеристика сибирского старожила: «Сибиряку свойственны „широкая душа, бескорыстное гостеприимство, беззаветная храбрость, любовь к Родине, гордая независимость характера, вольнолюбие...“»²². Подробно цитируя высказывание автора,

¹⁸ Кожухов Ю. В. Русские крестьяне Восточной Сибири в первой половине XIX века (1800–1861 гг.). Л.: Издательство ЛГУ, 1967.

¹⁹ Сабурова Л. М. Культура и быт русского населения Приангарья. Л., 1975.

²⁰ Громько М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975; Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX века). Новосибирск, 1979; Люцидарская А. А. К вопросу об исторической психологии межэтнических контактов в Сибири в XVIII в. // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. Новосибирск, 1985. С. 153–173; Зверев В. А. Изменения образа жизни крестьянства в ходе земледельческого освоения Сибири. Новосибирск, 1985; Копылов А. Н. Очерки культурной жизни Сибири XVIII – нач. XIX в. Новосибирск, 1974; и др.

²¹ Крестьянская община в Сибири XVII – начала XIX в. Новосибирск, 1977; Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII – начала XX в. Новосибирск, 1985; Этнография русского крестьянства Сибири: XVII – середина XIX в. М., 1981.

²² Болонев Ф. Ф. Из опыта этнографического изучения русского населения Сибири // Русские Сибири: культура, традиции, обряды. Новосибирск, 1988. С. 19.

мы позволили себе предложить уточненное видение психологической мотивации как указанных, так и иных черт характера сибиряка-старожила.

Неоценимый вклад в разработку проблематики приенисейского крестьянства внесли красноярские ученые. Широкому кругу вопросов взаимодействия старожилов и переселенцев, с развернутым сопоставлением укладов их жизни, была посвящена работа В. А. Степынина «Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма»²³. В указанной работе представлены развернутые социально-психологические характеристики образа жизни и культурных традиций русских переселенцев второй половины XIX – начала XX в., позволяющие на этом фоне зримо высветить ценностные черты культуры старожилов. Ряд природно-социальных факторов воздействия на первых «засельщиков» края и их роль в генезисе потомственного старожильского населения обобщены в работах красноярского историка П. Н. Павлова²⁴.

Кропотливые и глубокие исследования по истории поэтапного освоения территории Приенисейского края преимущественно представителями старожильского населения Енисейского уезда в XVII–XVIII вв. провел историк Г. Ф. Быконя²⁵. Именно статистические данные и выводы работ данного автора во многом позволили нам определить нижнюю хронологическую границу нашего исследования. Г. Ф. Быконя доказал, что в 60–80-х гг. XVIII в. завершается заселение и земледельческое освоение южных и приречных районов Приенисейского края русскими крестьянами, представленными преимущественно потомственными старожилами Сибири.

Комплексное обобщение экономических, политических и социальных процессов XVII – начала XX в. было сделано в фундаментальных трудах «История Сибири» и «Крестьянство Сибири в эпоху феодализма»²⁶. Однако даже в последней работе, в разделе «Духовная жизнь крестьян», несмотря на заявленную формулировку, полностью отсутствует анализ духовных, этнопсихологических характеристик сознания крестьян-старожилов Сибири. Среди академических работ обобщающего характера по этнографии наиболее полными в освещении специфических культурно-бытовых особенностей старожилов Енисейской губернии и Сибири в целом являются издания Сибирского отделения АН СССР и института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая²⁷. Так, в работе коллектива

²³ Степынин В. А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962.

²⁴ Павлов П. Н. Географическое размещение русского населения в Енисейском крае в эпоху феодализма (XVII – первая половина XVIII в.) // Красноярский край. Материалы по географии. Красноярск, 1965; Он же. Промысловая колонизация Сибири в XVII – начале XVIII в. Красноярск, 1974; и др.

²⁵ Быконя Г. Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск, 1981.

²⁶ История Сибири. Т. 1–3. Л., 1968; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982.

²⁷ История Сибири. Т. 1–5. Л., 1968; Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). М., 1973; Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982; Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в. Новосибирск, 1977; Русские старожилы Сибири. Историко-антропологический очерк. М., 1973.

авторов «Русские старожилы Сибири» подробно проанализированы физические, соматические, изосерологические изменения, зафиксированные у старожилков-сибиряков различных регионов в XX в. Комплексные исследования начала 1960-х гг. признали наличие приспособительной изменчивости старожилков, визуально описанной в работах XIX в. Авторы исследования впервые в советской науке охарактеризовали русских старожилков как «особую сибирскую ветвь русского народа» (выделено авт. — Б. А.). Данный вывод сделан на основе тщательного изучения физико-антропологических признаков у представителей различных этнографических групп Сибири²⁸.

Однако, несмотря на отдельные выводы, общей тенденцией в исторических и этнографических работах советского периода было то, что все высказывания дореволюционных авторов об этнической специфичности сибирских старожилков подвергались критике. Постоянно подчеркивалось единство и общность культуры, мировоззрения, верований, традиций сибирского населения в рамках общероссийской культуры. Отсутствовали развернутые исследования о системной трансформации компонентов адаптивной культуры русского этноса в сибирских условиях. Недостаточно были разработаны проблемы влияния комплексных воздействующих факторов на материальные аспекты жизнедеятельности русского старожильческого социума в Сибири. Но наиболее неизученными по-прежнему оставались вопросы влияния воздействующих факторов на психологию русского населения Сибири и психологической адаптации как первых «засельщиков», так и переселенцев и ссыльнопоселенцев.

Разработку проблем генезиса и эволюции русского этнического самосознания в советский период продолжили историки, этнографы, философы, социологи А. В. Буганов, М. М. Громыко, Ю. В. Бромлей, Д. С. Лихачев, К. В. Чистов²⁹. В их работах исследовалась роль самосознания в периоды становления государственности, борьбы за национальную независимость, в этнической культуре.

Еще в середине 1960-х гг. историк Б. Ф. Поршнев попытался впервые обосновать логическую взаимосвязь психологических стереотипов в поведении индивида и всего социума³⁰. Ныне идеи Б. Ф. Поршнева развиты в исследованиях по исторической антропологии на стыке истории, психологии и культурологии. Ученые начинают изучать влияние чувств, эмоций, привычек, ценностных установок, симпатий и антипатий, верований на поведение человека, социальных групп. По мере осмысления роли человеческого сознания в качестве реального «локомотива истории» обоснование логики исторических событий приобретает большую глубину. Именно это позволяло говорить о начале формирования «субъектной» интерпретации в советской историографии.

Исследования историков в 1950–1970-х гг. существенно подкрепляли и развивали научные выводы советских психологов. В СССР сложилась

²⁸ Русские старожилы Сибири... С. 5–6, 156–172.

²⁹ Филиппов В. Р. Из истории изучения русского национального самосознания // Советская этнография. 1991. № 1. С. 25–33.

³⁰ Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1966.

научная школа по изучению внутренних механизмов целеполагания в сознании человека. Выдающуюся роль сыграли исследования психолога Д. Н. Узнадзе в области мотивации и установок действий и поступков³¹.

Важное место в разработке проблем исторической психологии и этнических традиций занимали дискуссии видных этнографов, историков, психологов на страницах журнала «Советская этнография» в 1981 и 1983 гг. Наиболее плодотворными были споры по теме «Узловые проблемы теории культурной традиции». Многие авторы публикаций вышли на уровень теоретического осмысления проблем этнопсихологических исследований. Ученые всесторонне проанализировали роль традиций как универсального механизма стабилизации общественной жизни. Они показали диалектику единства общих и особенных черт традиционной культуры, обсудили проблему социализации традиций во взаимодействии с инновациями. Впервые был поставлен вопрос о системных междисциплинарных исследованиях обычаев и традиций локальных культур. В порядке углубления научных интересов состоялся оживленный обмен мнениями и по вопросу о взаимосвязи традиций, национальной (этнической) психологии и влиянии культурной среды на психику человека. Ученый А. Ф. Дашдамиров в своем докладе в Институте этнографии АН СССР впервые представил четкую структуру и анализ образующих элементов национальной [этнической] психологии. Наряду с социально-идеологическими аспектами сознания впервые полноправно были представлены компоненты чувств, переживаний, этнически выраженные, своеобразные реакции людей. Но в условиях господства формационного подхода к проблематике исследований в области социальной, этнической и исторической психологии смелые и оригинальные мысли и выводы ученых не получили дальнейшего развития³².

В работах историков постсоветского периода продолжилось углубленное изучение культурно-бытового уклада крестьян-старожилов Сибири. По-прежнему ведущие позиции в культурно-этнографической сфере продолжают занимать ученые Западной Сибири. К проблемам, затрагивающим научные сферы истории, этнологии, антропологии, обратились в последние годы М. Л. Бережнова, Е. А. Ерохина, В. А. Зверев, А. Ю. Майничева, Т. С. Мамсик, Н. А. Миненко, И. В. Октябрьская, Д. Я. Резун, Е. И. Соловьева, Е. А. Умбражко, Е. Ф. Фурсова и другие ученые. В Новосибирском педагогическом университете продолжается значимая для всего сибирского региона научная деятельность В. А. Зверева по изучению воспроизводства традиционной

³¹ Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М., 1967.

³² Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 78–96. В обсуждении статьи Э. С. Маркаряна приняли участие ученые С. А. Арутюнов, К. С. Сарингулян, И. А. Барсеян, С. А. Токарев, К. В. Чистов и др.; Там же. С. 97–115; Начало дискуссии положено статьей А. Ф. Дашдамирова «К методологии исследования национально-психологических проблем» (Советская этнография. 1983. № 2. С. 62–74). В обсуждении статьи приняли участие этнографы и психологи В. И. Козлов, А. А. Леонтьев, С. А. Арутюнов, И. М. Кузнецов, Ю. В. Бромлей, И. С. Кон, Г. В. Старовойтова (Советская этнография. 1983. № 2. С. 74–87; 1983. № 3. С. 67–85).

культуры и народной педагогики в среде старожильческого населения³³. Под руководством видных ученых М. А. Демина и Т. К. Щегловой в стенах Барнаульского педагогического университета плодотворно работает уникальная лаборатория исторического краеведения и изучения прошлого методами «устной истории». Воспитана плеяда молодых исследователей. Изучение календарной обрядности старожилов Западной Сибири проводится в течение многих лет омскими учеными М. А. Жигуновой и Т. Н. Золотовой. Исследованиями подтверждается северорусское происхождение праздничной обрядности в старожильческих селениях с консервацией архаических традиций. Этническую самоидентификацию и этногрупповую принадлежность крестьян Западной Сибири изучает М. Л. Бережнова³⁴.

В последние годы издано множество учебников по истории Сибири и его регионов. К числу новационных изданий относится учебное пособие по истории Сибири в трех частях, вышедшее в Новосибирске. Несмотря на то что данный учебник написан для учащихся, в нем совершен определенный прорыв в постановке новых подходов, в оценках событий сибирской истории. Для нас важно, что авторы учебника В. А. Зверев, В. А. Зуев и Ф. С. Кузнецова включили в него достаточно дискуссионный раздел о «русско-сибирской народности». Учебный материал рассматривается в историографическом аспекте работ сибирских ученых XIX – начала XX в. Считаем своевременным публичное признание авторами учебника целесообразности продолжения дискуссии об этнокультурной идентификации русских старожилов. Ими высказано достаточно спорное мнение о принадлежности русских старожилов Сибири к нескольким субэтносам и «множествам этнографических групп»³⁵.

Необходимо отметить появление исследований по истории и культуре старожилов XVII – начала XX в., в частности, работу А. А. Люцдарской³⁶. Комплексный характер носит историко-этнографическая работа В. М. Кимеева «Касьминские чалдоны», посвященная изучению быта и культуры локальной группы русских старожилов современной Кемеровской области³⁷. Работы новосибирского историка и этнографа О. Н. Шелегиной посвящены исследованию культуры русских сибиряков в контексте

³³ Зверев В. А. Дети – отцам замена. Воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.). Новосибирск, НГПИ, 1993; Красен человек учением: Материалы о воспитании и образовании детей в селениях Сибири (конец XIX – начало XX в.) / Под ред. В. А. Зверева. Новосибирск: НГПУ, 1995; и др.

³⁴ Жигунова М. А., Золотова Т. Н. Традиционная обрядовая культура русских Западной Сибири // Народная культура Сибири: Уч. пособие. Омск: СФ РИК, 2002. Ч. 1; Жигунова М. А. Русские // Народы Западной и Средней Сибири: Культура и этнические процессы. Новосибирск: Наука, 2002; Золотова Т. Н. Русские календарные праздники в Западной Сибири (конец XIX – XX в.). Омск: Издатель-Полиграфист, 2002; и др.

³⁵ Зверев В. А., Зуев А. С., Кузнецова Ф. С. История Сибири. Ч. II. Сибирь в составе Российской империи. Новосибирск, 1999.

³⁶ Люцдарская А. А. Старожилы Сибири: историко-этнографические очерки. XVII – начало XVIII в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1997.

³⁷ Кимеев В. М. Касьминские чалдоны. Быт и культура русских старожилов Касьминской волости. Кемерово: Кузбассугольиздат, 1997.

культурной адаптации в процессе освоения новых территорий³⁸. В концептуальном и содержательном плане они достаточно близки направлениям наших исследований.

Вопросам начала социально-экономической модернизации на территории Енисейской губернии в пореформенный период посвящена работа красноярского историка В. И. Федоровой. Автором скрупулезно рассмотрен вопрос о высокой степени адаптированности сибирского земледелия к факторам среды. Исследованы проблемы формирования модернизационных факторов последней четверти XIX в., влияния их на хозяйственную деятельность и культуру крестьян-старожилов Енисейской губернии³⁹. Изучению культуры и быта крестьян-старожилов Хакасско-Минусинской котловины посвящена кандидатская диссертация историка и этнографа из Абакана А. А. Верника⁴⁰.

Одновременно с новосибирцами в 1999 г. в первом издании учебного пособия «Сибирское краеведение» общность старожилов Сибири была представлена в качестве целостного субэтноса, включавшего множество старожильческих конвуксий. Во второе издание учебника (2003 г.) был введен специальный раздел «Сибирский субэтнос», включающий материал о процессах адаптации и анализ ментальности русских старожилов. Выводы и содержание раздела включают в себя результаты специального исследования по проблеме реконструкции традиционного сознания локальной группы крестьян-старожилов Приенисейского края. В полном объеме результаты исследования культуры и традиционного сознания крестьян-старожилов были представлены позднее в специальной монографии в 2004 г.⁴¹

В разработке проблем традиционной культуры современного русского старожильского населения Красноярского края наиболее последовательны ученые-филологи КГПУ. В течение многих десятилетий в ходе полевых исследований они занимаются изучением фольклора, декоративно-прикладного искусства, говора старожилов различных районов Красноярского края⁴². Исследования ученых-филологов 1990-х гг. позво-

³⁸ Шелегина О. Н. Культура русских сибиряков в XVIII – первой половине XIX в. как результат адаптации в условиях освоения новых территорий (к постановке проблемы) // Культурное наследие Азиатской России. Материалы I Сибиро-Уральского исторического конгресса (25–27 ноября 1997 г., г. Тобольск). Тобольск, 1997. С. 84–85; Шелегина О. Н. Адаптация русского населения в условиях освоения Сибири: Социокультурные аспекты: Уч. пособие. Вып. 1–2. М.: Логос, 2001.

³⁹ Федорова В. И. Очерки социально-экономического развития Енисейской губернии в пореформенный период. Красноярск: РИО КГПУ, 1999. С. 28–47.

⁴⁰ Верник А. А. Культурно-бытовой уклад русского сельского старожильского населения Хакасско-Минусинского края (вторая половина XVIII – начало XX в.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2000.

⁴¹ Андюсов Б. Е. Сибирское краеведение: Уч. пособие для учащихся и студентов. Красноярск: Амальгама, 1999. 186 с.; 2-е изд., перераб. и доп. Красноярск: КГПУ, 2003.

⁴² См. например: Белоусова Г. Г. Из истории заселения Кежемского района Красноярского края // Материалы и исследования по сибирской диалектологии. Красноярск, 1973; Она же. Этнографические материалы Приангарья как источник региональной лексикографии // Социально-культурные процессы в советской Сибири: тезисы

ляют утверждать, что вплоть до конца XX в. в селениях Красноярского края сохранились специфичное мышление и говор потомственных русских старожилов Сибири.

В последнее десятилетие российские ученые обратились к задачам формирования школы исторической антропологии и этнопсихологических исследований. Еще во второй половине 1980-х гг. видный историк и этнограф А. Я. Гуревич высказал основополагающее замечание: «Важнейшей категорией современной исторической антропологии является, на наш взгляд, именно социально-культурное мотивированное поведение людей. Материальные факторы их жизни сами по себе еще не дают разгадки их поступков, ибо поведение людей никогда не бывает, и не может быть, автоматическим»⁴³. Поэтому одной из важнейших тенденций развития научной мысли явилась разработка смежных направлений в междисциплинарных областях. На этой основе в последнее десятилетие зародились множественные дисциплины в смежных областях гуманитарных наук: историческая этнология, историческая психология, историческая антропология и другие.

Обращение российских ученых к изучению сферы сознания в истории позволило расширить комплексное изучение исторических, этнических, культурных, антропологических аспектов российской цивилизации как целостного явления. Осознанное вовлечение исследователя в мотивационные, познавательные, эмоциональные процессы на фоне исторических событий позволяет глубже анализировать причинно-следственные связи, ценностно-смысловую значимость деятельности субъектов истории. В противном случае неизбежен откат к превалированию роли абстрактных характеристик безликих масс и классов.

Научное исследование структурных компонентов этнического самосознания началось только в последнее десятилетие. В 1990-е гг. был опубликован ряд работ, базирующихся на общих принципах методологии истории, этнологии, психологии, социологии. Наибольший интерес в данных областях представили работы Е. Ю. Бобровой, А. О. Бороноева, А. А. Деркача, В. А. Шкуратова, Я. В. Чеснова, Т. Г. Стефаненко⁴⁴.

На рубеже 1990-х гг. российские ученые-гуманитарии как к абсолютно новому в отечественной науке обратились к понятию «менталитет» («ментальность»). Данное понятие впервые позволило комплексно ввести в состав предмета исследования сознательное и бессознательное,

докладов. Омск, 1985; *Словарь русских говоров северных районов Красноярского края* / Под ред. Г. Г. Белоусовой. Красноярск, 1992; *Словарь рыбаков и охотников северного Приангарья* / Сост. В. И. Петрович. Красноярск, 1994.

⁴³ Гуревич А. Я. М. Блок и «Апология истории» // Блок Марк. *Апология истории или ремесло историка*. М., 1986. С. 229–230.

⁴⁴ Боброва Е. Ю. *Основы исторической психологии*. СПб., 1997; Бороноев А. О. *Основы этнической психологии*. СПб., 1991; Деркач А. А. *Этнопсихология*. М., 1992. Т. 1–2; Лурье С. В. *Историческая этнология: Уч. пособие для вузов*. М.: Аспект Пресс, 1998; Шкуратов В. А. *Историческая психология*. М.: Смысл, 1997; Чеснов Я. В. *Лекции по исторической этнологии*. М., 1998; Кукушкин В. С., Столяренко Л. Д. *Этнопсихология и этнопсихология*. Ростов-на-Дону, 2000; Стефаненко Т. Г. *Этнопсихология: Учебник для вузов*. М.: Аспект-Пресс, 2003.

субъективные установки стереотипов поведения, мировоззренческие представления, чувства и побуждения субъектов исторической эпохи. Признанными авторитетами нового направления в отечественной исторической науке стали ученые А. Я. Гуревич, И. Г. Дубов, Л. В. Милов, А. П. Огурцов, И. К. Пантин, О. Г. Почепцов, Л. Н. Пушкарев, В. М. Хачатурян, А. С. Ходонов⁴⁵. Авторы исследований разрабатывают как общие методологические основы изучения менталитета в истории России, так и истоки этнопсихологической мотивации деятельности субъектов исторических событий.

Среди ученых нет еще массового осознанного понимания актуальности ментальных исследований. Не решена проблема междисциплинарного согласования методологии ментальных исследований, оформления единого понятийного аппарата. В качестве идентичных некорректно употребляются понятия «менталитет» и «ментальность», «общественное сознание», «миропонимание», «национальный характер». Многие гуманитарии считают идентичными как дефиниции понятий, так и содержание компонентов ментальности, национального самосознания, традиционного сознания. В зависимости от узкодисциплинарных подходов под менталитетом часто подразумевается способ мышления, этнический образ, самосознание, стереотипы поведения, поступки людей и т.д.

В последние годы проблемы ментальности, национального самосознания и национальной идентичности русского народа обсуждались на различных научных конференциях. Заметное место в спектре научных исследований занимает изучение менталитета в контексте исторических процессов. В 1993 г. на заседании круглого стола в редакции журнала «Вопросы философии» проблемы периодизации истории России рассматривалась с позиций «истории смены менталитетов». В 1994 г. опубликована статья историка В. Н. Разгона о менталитете сибирского купечества XVIII – первой половины XIX в.⁴⁶ Ряд публикаций посвящался менталитету казачества. В эти же годы вышло несколько наших публикаций по отдельным аспектам ментальности крестьян-старожилов Сибири. В опоре на разработанные аспекты методологии мы обратились к более узкой проблеме реконструкции традиционного сознания локальной группы

⁴⁵ Гуревич А. Я. Историческая наука и историческая антропология // Вопросы философии. 1988. № 1; Он же. Европейское средневековье и современность // Европейский альманах: История. Традиции. Культура. М., 1990; Пушкарев Л. Н. Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. 1995. № 3. С. 158–166; Ходонов А. С. История традиционного сознания в современной французской историографии // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 21. Томск, 1994. С. 21–34; Огурцов А. П. Трудности анализа традиционного сознания // Вопросы философии. 1994. № 1; Пантин И. К. Российская ментальность // Вопросы философии. 1994. № 1; Дубов И. Г. Феномен менталитета // Вопросы психологии. 1993. № 5; Почепцов О. Г. Языковая ментальность // Вопросы языкознания. 1990. № 6; Милов Л. В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 76–87.

⁴⁶ Материалы научных конференций в г. Москве в 1993 и 1994 гг., в г. Орле в 1998 г., в г. Красноярске в 1998 и 1999 гг.; Разгон В. Н. Менталитет сибирского купечества в XVIII – первой половине XIX в. // Предпринимательство в Сибири. Барнаул, 1994.

ОЧЕРК ЧЕТЫРНАДАТЫЙ

русских крестьян-старожилов Приенисейского края (Енисейской губернии) 60-х гг. XVIII – 90-х гг. XIX в.⁴⁷ Существенное влияние на работу оказали междисциплинарные методологические приемы исследований этнолога С. В. Лурье (при разработке ключевых положений научной гипотезы), психолога Д. Н. Узнадзе, историков Б. Ф. Поршнева, В. А. Шкуратова, Е. С. Сеньявской (по теоретическим и прикладным вопросам исторической психологии)⁴⁸. Осмысление ментальных черт русских старожилов методами С. В. Лурье позволило сделать инновационный вывод о совмещении

⁴⁷ Андюсов Б. Е. Традиционное сознание крестьян-старожилов Приенисейской Сибири 60-х гг. XVIII – 90-х гг. XIX в.: опыт реконструкции. Красноярск, 2004. Мы сознательно употребляем понятие «ментальность» при обращении к системным поликомпонентным характеристикам сознания крестьян-старожилов.

⁴⁸ Лурье С. В. Историческая этнология: Уч. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 1998; Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1966; Он же. История и психология. М., 1971; Сеньявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999; Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М., 1967.

ценностей западной и восточной цивилизаций в ядре картины мира русских старожилов Сибири. Сибиряк — это человек с ярко выраженным духовно-нравственным рационально-прагматичным характером. В процессе адаптации во взаимодействии с природно-климатическими и социокультурными факторами сформировался сибиряк рационального западного ментального типа. Русская этническая духовно-нравственная культура (душа, духовность) родила сибирский субэтнический характер.

Подводя итоги, мы вынуждены констатировать, что и по сей день проблемы традиционного сознания, ментальности, сибирского характера не нашли должного отражения в работах историков, культурологов, этнологов. Несмотря на обилие частных работ, вопрос упирается в незавершенность разработки теории и методологии ментальных исследований в исторической науке, что снижает их качество и результативность. Мы пришли к выводу о том, что в ближайшем будущем важнейшей проблемой исторического сибиреведения станет глобальная системная реконструкция ментальности русских старожилов Сибири.

**Группа крестьян в деревне
Выдриной на реке Чуне. 1911 г.**

Фотограф А. П. Ермолаев. КККМ

ОФ 10426/361. ГК № 9282208

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дорогой друг, вот и завершаются наши очерки о Сибири и сибиряках, «стариках» наших, «зарывных в трудах», «правильных по жизни» в мыслях и поступках, со сложным и противоречивым в оценках сибирским характером. Много лет – всю сознательную жизнь, а может, и неосознаваемо с детских лет – мне выпала честь идти непроторенной тропой исторической этнопсихологии. Пока еще не дорогой, но тропой междисциплинарной науки в наложении истории, этнологии, психологии. Науки, появившейся на свет благодаря во многом трудам доктора исторических наук *Светланы Владимировны Лурье*, ушедшей из жизни в 2021 году в городе высокой науки, Санкт-Петербурге. Светлая память учителю, коллеге и единомышленнику...

Погружение в опыт междисциплинарной реконструкции сознания человека прошлых веков доказывает, что мысль, духовные ценности и поступки представляют собой устойчивый «нематериальный базис» истории, культуры, традиций любой общности. В наших научных изысканиях были впервые подняты проблемы психологической адаптации русского населения к факторам окружающей среды Сибири и, взаимно, адаптации сибирского края к традиционной этнической культуре русских и многих десятков народов нашей Евразийской России. Мы ставили задачу выявить роль и значение психологических факторов и оснований в становлении сибирского земледелия; адаптированных к вызовам Сибири социальных отношений «нероссийского» типа, в формировании духовной культуры полиэтнического населения во главе с русскими сибиряками. Важной задачей стало введение в историческое исследование термина «сибирский характер» и единого проблемного поля истории, этнологии, психологии. Ибо, как говорили классики «новой исторической науки», нет проблемы – нет науки. Для этого мы предложили в качестве базовой следующую дефиницию термина: сибирский характер – это исторически сложившаяся

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

совокупность *устойчивых психологических черт, ценностей и традиций, темперамента* представителей сибирского субэтнуса, определяющих *манеру их поведения и типичный образ действий* и проявляющихся в их отношении к окружающему миру *стереотипах* поведения в социуме. Исследования выполнены благодаря научно обоснованной и осмысленной дефиниции ключевого понятия «традиционное сознание» и поэтапному анализу его компонентов.

Постановка вопроса о технологии реконструкции субэтнического характера старожилов-сибиряков заставила обосновать историчность междисциплинарного исследования. Исторически этнокультурные и психоментальные понятия шли во взаимосвязи двух динамичных событий в истории русского народа – процессов обживания славянами Восточно-Европейской равнины в VII–XIII вв. и освоения Сибири в XVII–XVIII вв. Технология освоения сибирского края была основана на «проигрывании» истории на опыте культурных традиций, заложенных на территории Восточной Европы «по старым сценариям» VII–XII вв. Историческая реконструкция была выполнена в синтезе совокупных неосознаваемых представлений и архетипов «этнических констант» и ускоренной рационализации сознания в установках прагматичного поведения сибирских старожилов. В процессе комплексной адаптации сознания русских сформировалась новая ментальность сибиряков, влиявшая на труд, повседневную жизнь и культуру субъектов истории.

Изучение динамики формирования потомственного старожильского населения в течение XVIII в. позволило нам сделать вывод о правомерности выделения 60-х гг. XVIII в. в качестве нижней границы исследования. Именно в 1760-х гг. в Центральной Сибири закончилось формирование костяка русского старожильского населения, составлявшего 75% от общего числа учтенного населения.

Под действием факторов «новозанятого края» в течение XVII–XVIII вв. проходил процесс *взаимного приспособления* социума русских крестьян и среды, результатом которого стало формирование нового «месторазвития» новой идентичности и самосознания старожилов. Традиционное сознание субъектов освоения Сибири содержало совокупность ценностей «картины мира», адаптированных традиций обычного права, материальной и духовной культуры. При этом адаптация приняла для сибиряков непрекращающийся процесс выработки ответов на вызовы: сначала природно-климатические и этнокультурные, позднее постоянных потоков «российской» культуры ссыльных, переселенцев от «самоходов» до «столыпинских» и, наконец, – вызовов капиталистической модернизации.

Общность процессуальных характеристик взаимодействия компонентов этнического сознания и окружающей среды позволила доказать, что наиболее архаичные традиции и достижения культуры, несколько столетий назад служившие условием освоения новых земель, были востребованы в Сибири. Процесс адаптации и формирования сибирского «месторазвития» проходил в поле оппозиции архетипных образов «добра» и «зла». Этнические константы в традициях материальной и духовной культуры позволяли анализировать незнакомые объекты, нейтрализовать

экстремальные факторы среды и формировать адекватные стереотипы поведения. При этом все физические, материальные действия даже по отношению к мифологическим, иррациональным объектам носили выраженный рациональный характер.

Это коренным образом отличает традиционную русскую этническую и адаптированную старожильческую ментальность.

Благодаря отработанному механизму повторяемости «типологически сходных культурно-исторических ситуаций» русским людям в Сибири удалось сохранить и развить старинные этнические традиции, фольклор, обычаи и обряды. В первую очередь, здесь потребовались архаичные сюжеты древних мифов, проигрывавшиеся по «близким сценариям». Они формировали установки «чертежа» при захватном землепользовании, взгляд на собственность, ежегодное проигрывание «конца мира» и его спасения, отход к превалированию первенства личности перед «обществом». Взаимосообразные процессы усиления отдельного домохозяйства, индивидуализма и ослабления роли условий защиты своего мира со стороны общинной формы социального структурирования приводили к переоценке роли личности, семьи и общины в картине мира. Если в российской общине община служила условием благополучия семьи, то в сибирской, наоборот, от степени зажиточности и стабильности большой крестьянской семьи зависело благополучие, социальный мир и согласие в общине.

Община служила в системе ценностей условием защищенности от вмешательства извне, регулятором взаимоотношений и гарантом сохранения традиций обычного права. «Общество» социализировало в последующих поколениях адаптированную культуру, систему ценностей своего мира.

В русле сценария «освоения» для крестьянского сознания домохозяйство становилось показателем способности человека обустроить «свой» мир. Поэтому труд в картине мира возвращался к древней сакральной функции творения мира. В процессе взаимной адаптации произошла переоценка русских традиций земледелия. Материальное производство и объекты созданного мира – цикл сельскохозяйственных работ, дом, подворье, предметы интерьера – все насыщалось символикой, истинное значение которой выходило за пределы реальности сознания. Так как по-прежнему в традиционном сознании крестьян *ритуал порождал* технологию труда, то наиболее сакральными являлись процессы пахоты деревянным «сабаном» и ручного сева вплоть до 1920-х гг. Архаичная установка сознания на сферичность мира обуславливала специфику защиты «своих миров»: человека, жилища, дворов на усадьбе, хозяйственно-жилой инфраструктуры селения в границах «поскотины» и общинных земель по «граням». Рядом были еще «верхний и нижний миры», «мир предков», «домового» и др. Мы выяснили, что взаимоотношения «миров» также имели архаичные основания, но организованы по правилам вполне рациональных установок действий.

Новый образ труда, следование традициям хозяйствования и строгим предписаниям ритуалов порождали высокую результативность земледелия. Это, в свою очередь, трансформировало и закрепило в системе ценностей социальный идеал зажиточности, скупости, рациональной

организации образа жизни в границах «своего мира». В сибирских условиях русские люди получили возможность реализовать социальный идеал благополучия на основе свободного труда. Зажиточность в «обществах» приветствовалась: она была одним из социализирующих факторов и критерием оценки личности. Важную роль играла постоянная демонстрация результатов хозяйствования, материального благополучия, своей социальной значимости. Поэтому такие внешние оценки черт характера сибирских крестьян, как накопительство, скупость, стремление к наживе, нами оцениваются в качестве позитивных черт сибирского характера.

Закрепившиеся в ментальности сибиряка традиционные установки на невмешательство и *индивидуальное* благополучие домохозяйства воспринимались негативно со стороны чиновников, части публицистов, политических ссыльных, переселенцев. Представители различных сословий в условиях уравнительной российской ментальности критиковали зажиточного старожилу за «алчность, расчетливость и эгоизм». Однако это является показателем адаптированности к адекватным экономическим, политическим, социальным факторам рыночной среды второй половины XIX в. Свобода, в контексте данных представлений, была свободой поведения домохозяйина в пределах приобретенного права на определенное нестандартное поведение.

Таким образом, в ценностной картине мира «богатство, созданное преобразовательным трудом, — один из самых важных атрибутов социального престижа» крестьян-старожилов. В мире, живущем по типологическим правилам традиций, установки поведения, идеалы личности «не потому значимы, что полезны, но полезны, *потому что значимы*». Постулат объясняет истоки мировоззренческого обоснования «праведности» богатства в картине мира старожилу. Значимость позитивных результатов определяла пользу труда, существенно влияла на самоуважение и достоинство личности. В моральных установках — «труд есть *услowie права* на увеселение пиром».

На основе анализа ритуально-обрядовой значимости исследованы мировоззренческие представления о религиозности крестьян-старожилов. В системной эволюции религиозных воззрений и обрядовых действий мы выявили как наложение языческих и православных представлений, так и замену последних более «заветными» архетипными элементами, взаимодействие параллельных ритуалов, переходы от одной «веры» к другой в зависимости от потребностей. В результате «наслаиванья» языческих верований на «трансформируемую православную веру» сформировалась целостная система «народной веры».

Мы установили, что языческие компоненты превалировали или часто замещали символику и содержание компонентов православной веры. Постоянное изменение конфигурации «вер» и использование их в целях констатации явлений окружающего мира предоставляли возможность более адекватно согласовывать инструментарий взаимодействия с рациональными или иррациональными объектами мира. Так как в субъективной «картине мира» «центральная зона» определяет положение и роль человека в реальном мире, то в нашей реконструкции образа и назначения

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

человека окружающий мир действительно представлялся сферой формирования «порядка», полем борьбы «добра» и «зла».

Адаптация сибиряков в «своем» рационально-иррациональном мире отразилась в формировании «свежего» ума, умений точного и правдивого анализа ситуации и словесного оформления. «Понятность окружающего мира» для крестьян Приенисейского края обуславливалась представлениями о *реальности* даже мифологического явления и выстраиванием с ним взаимоотношений определенного типа.

Анализируемое значение реальных ситуаций содержалось в *самом контексте* регламентированных действий. Немаловажное значение в умении адекватно воспринимать ситуацию и принимать верное решение имели особенности стиля мышления сибирских крестьян. Они формировались как на основе рационального словесно-понятийного «освоения» мира, так и набора стереотипных действий в установках традиций. Поэтому старожилы отличала способность быстро овладевать новыми стереотипами поведения, адекватными меняющимся условиям среды. Мы представили свое видение механизма действия элементов сознания: мгновенная оценка новой ситуации – анализ и систематизация информации – выбор типа отношений – установки адекватного действия – рациональное или ритуальное действие.

Если труд служил целям реализации ритуалов «рождения мира», то тип отношений был нацелен на скрупулезные действия с использованием всех сакральных элементов (орудия труда, одежда, поведение, обряды и ритуалы). При *условии приобретения права* на отдых и увеселения решались задачи праздника: «спасение» сотворенного мира и проигрывание ситуации социального хаоса с последующими очистительными ритуалами.

Вид на город Красноярск из Николаевки. 12 июля 1907 г.

Фотограф Л. Ю. Воного. КККМ ОФ 10426/265. ГК № 9281945

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для носителей положительного образа «мы» было важно сохранять и социализировать в молодежи «традиции» своей общности на «практике старины и предков». Важными позитивными чертами-свойствами сибирского характера служили почитание предков и старших, следование обычаям патриархальных отношений, честь и достоинство, выносливость, настойчивость, мужество, уважение женщины, ровное настроение без склонностей к повышенной чувствительности. Корпорация «своих» членов «общества» заботилась о поддержании высокого уровня позитивных общественных стереотипов-значений в среде старожилов.

В ментальных установках сознания нами исследовано наличие психологической оппозиции «мы – они», «свои – чужие». Именно в пространстве постоянной оппозиции с элементами инокультурности, иной ментальности, иных стереотипов-значений зародилась новая этносоциальная идентификация русских сибиряков-старожилов. В бинарной оппозиции закладывались предпосылки общей психологической оппозиции «старожилы – российские люди». Идентичность воспроизводилась на основе подражания, копирования стереотипов поведения, традиций, на основе обычного права, общественного мнения, общественного принуждения.

На рубеже XIX–XX вв. в процессе ускоренной индустриальной модернизации существенно изменились традиционный уклад жизни и ментальность русских сибиряков. Прежде в условиях медленной эволюции адаптивных факторов среды инновации успешно ассимилировались традициями старожильского мира. Однако массовое количественное и качественное превалирование модернизированных ценностей и традиций вызвало системный кризис старожильского социума. Начались динамичные процессы системной трансформации культуры и традиционного сознания членов субэтноса русских старожилов. Многие знаковые характеристики и черты, присущие старожилам XIX в., продолжают

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

и ныне социализироваться в среде сибирских крестьян. В наших современниках-земляках любопытный взгляд исследователя выделяет черты сибирского характера, сохранившиеся традиции сибирских праздников и обрядов. Можно утверждать, что сибирский старожильческий субэтнос адаптировался к инновационным факторам индустриальной и постиндустриальной цивилизаций.

Более всего должны мы гордиться людьми, населявшими этот край. Они освоили регион с суровыми экстремальными характеристиками, но одновременно и сами были «освоены» Сибирью «по образу и подобию» этого края. От очерка к очерку мы убеждались в высокой нравственности, совестливости и трудолюбии старожилков. Сибиряки – люди мужественные и свободные, стойкие и гордые, честные и высоконравственные, «славутные» в труде и общественной жизни, любознательные и предприимчивые.

Родиться и жить в Сибири – лишь начальная ступень на пути познания и понимания истории края, узнавания во всех проявлениях бытия наших предков, сибирских старожилков прошлых веков. Вторая ступень станет восхождением к осознанию себя истинным представителем гордого сибирского сообщества, адаптированного к суровым вызовам «матушки-Сибири». Средоточием в себе духа, совести и непреходящих ценностей и традиций старой Сибири, а на ее безбрежной территории своей уютной и комфортной «малой родины». Третий шаг в формировании себя и в себе истинного сибиряка – достойного гражданина, созидателя новых материальных и духовных ценностей края, хранителя традиций Сибири, своего края, области, города или малого села. Человек живет в своем времени, в мире своих духовных идеалов, но понимать, уважать прошлое и продолжать созидание Сибири – долг нынешнего поколения сибиряков – потомков старожилков и переселенцев XVII–XX вв.

Возвращаясь к цели наших научно-популярных очерков, считаем, что нам удалось дать свой ответ на вызов-проблему: *кто ты, сибиряк?*

Ответом в процессе изучения и осмысления вопроса стало понимание, что адаптация русских в Сибири сформировала стойкие качества сибиряка, сибирское здоровье, рационально-прагматичное мышление и установки поведения в комплексе с высшими нравственными ценностями традиционной русской духовности. Одновременно установки внешнего поведения в характере сибиряков претерпели изменения в сторону формирования рациональности и прагматичности. Сибиряк соединил в своем характере русскую духовность и западный рационализм.

«Человек на Сибири» – субъект общества и культуры, отвечавший на вызовы среды активным ее преобразованием и изменениями себя, общества, культуры. *Сибирский старожил* – человек с духовно-нравственным центральным ядром в ментальности и рациональным отношением к окружающему миру, прагматичными стереотипами поведения, мотивированный на социальный идеал зажиточности и благополучия, созданного личным трудом. Мы оценили явление сибирского субэтнического характера в его завершенной адаптированной межкультурной интеграции в чертах духовно-нравственного рационализма.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Стр.

17	Победители «с сибирским характером». Германия, Магдебург. 1945–1946 гг.
Фото из отцовского военного альбома автора книги	39	Семья переселенца Герасима Кузьмина. Начало XX в.
КККМ ОФ 13682/9. ГК № 34423100
27	Крестьяне на мельнице на речке Ильчемо в 9 верстах от деревни Ярки. 1911 г.
Фотограф А. П. Ермолаев.
КККМ ОФ 10426/501. ГК № 9282059	41	Семья переселенца. 1911 г.
Фотограф В. П. Ермолаев.
КККМ НЕГ 6287. ГК № 20231963
31	Тип старой постройки. Дом старожилы В. В. Седельникова, выстроен в 1858 г. Август 1938 г.
Фотограф И. И. Балдуев.
КККМ НЕГ 3185. ГК № 18538275	43	Отъезд переселенцев на участок. 1904 г.
Фотограф Л. Ю. Вонаго.
КККМ НЕГ 1198. ГК № 6264311
33	Двор бедняка-старожилы в деревне Базаиха. 1932 г.
Фотограф В. К. Воробьев.
КККМ НЕГ 10. ГК № 34312149	45	Посадка переселенцев на пароход. Правый берег р. Енисей в районе г. Красноярска. 1913 г.
Фотограф Ермолаев. КККМ НЕГ 5605.
ГК № 20232407
35	Во дворе старожилы. Село Бирюса. 1913 г.
Фотограф Ермолаев. КККМ НЕГ 5951.
ГК № 38499188	46	Минусинский уезд, женщина-переселенка на крыльце дома. Начало XX века.
КККМ НЕГ 9637. ГК № 24949605
37	Крестьянская старожильческая семья в деревне Енисейка Канского уезда. 1911 г.
Фотограф В. П. Ермолаев.
КККМ НЕГ 9588. ГК № 24951717	51	Кемчугская тайга. 1907 г.
Фотограф Л. Ю. Вонаго.
КККМ НЕГ 1295. ГК № 16918503
38	Три поколения крестьянской старожильческой семьи в деревне Енисейка Канского уезда. 1911 г.
Фотограф В. П. Ермолаев.
КККМ НЕГ 9594. ГК № 24951793	51	Красноярские купцы на ярмарке в Нижнем Новгороде. 1865 г.
Фотограф А. Карелин. КККМ
		53	Русский туруханский крестьянин в сокуе и с оленями. 1905 г.
Фотограф священник Попов.
КККМ НЕГ 4468. ГК № 38007542
		59	Ворота с заплотом, столбы украшены соляным орнаментом. 1890–1900-е гг.
КККМ ПГС 3245/70. ГК № 18691377

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

61 Группа инородцев в районе курорта на озере Шира. Около 1908 г. Фотограф Л. Ю. Вонаго. КККМ ОФ 10426/244. ГК № 5305482 62 Слобода Нахаловка в Красноярске. Здесь проживали крестьяне, мещане, солдаты, арестанты, ссыльные, которые нанимались на строительство железнодорожного моста через Енисей. КККМ НЕГ 9405. ГК № 22381753 79 Священник Семенов с семьей. 1900-е гг. Фотограф священник Попов. КККМ НЕГ 4451. ГК № 36117372 85 Землепользователи деревни Шумиха Канского района. 1931 г. Фотограф А. С. Сыромятников. КККМ НЕГ 2817. ГК № 17803468 87 Этнографический отдел Красноярского краеведческого музея: внутренний вид ангарской избы. 1922 г. Фотограф А. Я. Тугаринов. КККМ ОФ 10426/402. ГК № 9282206 87 Мальчишеская драка (инсценировка для пионерпередвижки). 1932 г. КККМ НЕГ 9989. ГК № 42693429 92 Деревня Яркино, Ангарский промышленник-охотник. 1911 г. Фотограф А. П. Ермолаев. КККМ НЕГ 4544. ГК № 38007825 100 Туруханский староста с семьей. 1907-1908 гг. Фотограф А. Я. Тугаринов. КККМ НЕГ 4781. ГК № 38061744 108 Ангарская крестьянка отправляется на осмотр подледных уд. Село Богучаны Пинчугской волости Енисейского уезда. 1911 г. Фотограф А. П. Ермолаев. КККМ НЕГ 4670. ГК № 38007691 111 Зажиточная крестьянская семья в селе Богучаны Пинчугской волости Енисейского уезда. 1911 г. Фотограф А. П. Ермолаев. КККМ НЕГ 4672. ГК № 38007762 112 Крестьянская семья. Начало XX века. Фотограф В. П. Ермолаев. КККМ НЕГ 9676. ГК № 24951383 113 Крестьяне-старожилы деревни Енисейка Канского уезда. 1911 г. Фотограф В. П. Ермолаев. КККМ НЕГ 9585. ГК № 24949628	114 Чуринов Георгий – красноярец, участник Первой мировой войны. 11 декабря 1916 г. КККМ 115 Парни «с сибирским характером» – участники штурма Рейхстага. Германия, май 1946 г. Фото из семейного архива Б. Е. Андюсева 116 Лыжники-сибиряки накапливаются на переднем крае для атаки. Фотограф И. Венюков. КККМ ВФ 445/10 125 Девушки из зажиточной старожильческой семьи деревни Енисейка Канского уезда. 1911 г. Фотограф В. П. Ермолаев. КККМ НЕГ 9597/1. ГК № 24951730 131 Крестьяне-старожилы села Бирюса Нижне-Удинского уезда Иркутской губернии. 1911 г. Фотограф В. П. Ермолаев. КККМ НЕГ 9591. ГК № 24951732 132 Крестьяне деревни Яркино Пинчугской волости Енисейского уезда. 1911 г. Фотограф А. П. Ермолаев. КККМ НЕГ 4673. ГК № 38007724 135 Крестьяне-переселенцы у землянки в Ачинском уезде. Начало XX века. КККМ ОФ 12842/13. ГК № 8544598 137 Избушка в кемчугской тайге, близ нее расположились табором вновь приехавшие переселенцы. 1903-1904 гг. Фотограф А. А. Яковлев. КККМ НЕГ 4444. ГК № 36117379 139 Переселенческий поселок. Выезжий лог. 1913 г. Фотограф А. Я. Тугаринов. КККМ НЕГ 7148. ГК № 39177299 142 Афонасий Петрович Губанов – последний городской староста Туруханска. 1917 г. Фотограф А. Я. Тугаринов. КККМ НЕГ 7033. ГК № 39177765 148 Жители деревни Пьянково Канского уезда. В первом ряду – камасинцы. 1925 г. Фотограф А. В. Кудрявцев. КККМ НЕГ 6309. ГК № 20231076 149 Группа переселенцев в селе Бирюса. 1920-е гг. Фотограф А. С. Сыромятников. КККМ НЕГ 2675. ГК № 17803242

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

<p>151 Сельские старосты. В центре – крестьянин Гавриил Лазицкий. 1890–1900-е гг.
КККМ ОФ 4999/3. ГК № 26894468</p> <p>153 Персонал Большеулуйского волостного правления. До 1914 г.
На столе стоит треугольная призма, увенчанная двуглавым орлом с тремя указами Петра I на гранях. Зерцало было непременной принадлежностью каждого присутственного места и символом государственной власти в нем.
Фотограф Н. А. Пикулевич.
КККМ НЕГ 4620. ГК № 38007516</p> <p>154 Крестьяне-переселенцы Минусинского уезда у временного жилья. Начало XX в.
КККМ</p> <p>165 Казенная винная лавка в одном из селений Канского уезда. 8 сентября 1904 г.
Фотограф Г. М. Ковтунов.
КККМ НЕГ 4603. ГК № 38007501</p> <p>171 Заимка Курбатова за Караульной речкой в Красноярске. 1924 г.
Фотограф А. Я. Тугаринов.
КККМ НЕГ 6696. ГК № 21142596</p> <p>172 Пахарь-крестьянин Максим Павлович Житлов из деревни Ковригиной Сухобузимского района. Июль 1928 г.
Фотограф Б. И. Шангин.
КККМ НЕГ 8638. ГК № 21662204</p> <p>174 Земледельческое орудие «колесуха», село Богучанское Пинчугской волости Енисейского уезда. 1911 г.
Фотограф А. П. Ермолаев.
КККМ НЕГ 4693. ГК № 38007764</p> <p>178 В кузнице хутора Июс. 1930-е гг.
Фотограф И. М. Сокуров.
КККМ НЕГ 12593. ГК № 26275671</p> <p>179 Жатва. 1920-е гг.
Фотограф А. В. Кудрявцев.
КККМ НЕГ 8770. ГК № 21662494</p> <p>181 Вязка снопов в совхозе «Северный пахарь», село Ярцево. Первая половина XX в.
Фотограф И. И. Балуев.
КККМ НЕГ 3982. ГК № 15094444</p> <p>181 Молотьба хлеба в деревне Воронинской. 1914 г.
Фотограф Ермолаев. КККМ НЕГ 6292. ГК № 20232361</p> | <p>182 Пашни деревни Кускун Манского района. 1931 г.
Фотограф А. С. Сыромятников.
КККМ НЕГ 2820. ГК № 17803235</p> <p>183 Плотина мельницы на реке Базаиха в районе Красноярска. 1934 г.
Фотограф Н. А. Ставорский.
НЕГ 1526. ГК № 6264384</p> <p>184 Крестьянские сани в деревне Ярки Пинчугской волости Енисейского уезда. 1911 г.
Фотограф А. П. Ермолаев.
КККМ НЕГ 5272. ГК № 38263362</p> <p>185 Ангарские телеги. 1911 г.
Фотограф А. П. Ермолаев.
КККМ НЕГ 5275. ГК № 38263359</p> <p>187 Деревянные дома с воротами и заплотами. 1900–1920-е гг.
КККМ ПГС 3242/204. ГК № 19750587</p> <p>188 Одноэтажный деревянный дом с воротами и заплотом. 1900–1920-е гг.
КККМ ПГС 3242/202. ГК № 19750442</p> <p>190 Передний угол с иконами, лубочными и журнальными картинками в крестьянской избе в Канском уезде. 1902 г.
Фотограф Г. М. Ковтунов.
КККМ НЕГ 4632. ГК № 38007700</p> <p>191 Уголок крестьянского двора в селе Частоостровском. Август 1928 г.
Фотограф Б. И. Шангин.
КККМ НЕГ 8663. ГК № 21662203</p> <p>192 Чаепитие в крестьянской семье.
КККМ</p> <p>197 Улица в деревне Абалаково. 1925 г.
Фотограф А. Я. Тугаринов.
КККМ ОФ 10426/455</p> <p>199 Крестьянская изба в деревне Выдриной Канского уезда. 1911 г.
Фотограф А. П. Ермолаев.
КККМ ОФ 10426/460</p> <p>199 Крыльцо русской избы в деревне Балай. 1925 г.
Фотограф А. В. Кудрявцев.
КККМ НЕГ 6316</p> <p>200 Крестьянские дома в деревне Дрокиной возле Красноярска.
Фотограф Л. Ю. Воного.
КККМ НЕГ 1187</p> <p>203 Зажиточный крестьянский дом в деревне Ловать Канского уезда. 1900-е гг.
Фотограф Г. М. Ковтунов.
КККМ ОФ 10426/451. ГК № 9282183</p> |
|--|---|

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

<p>203 Крестьянская усадьба в селе Анцирском. 1911 г.
Фотограф В. П. Ермолаев.
КККМ НЕГ 9602. ГК № 24951327</p> <p>205 Амбар в деревне Кондратьевой на реке Чуне. 1916 г.
КККМ НЕГ 8250. ГК № 40955925</p> <p>205 Двухэтажные избы в деревне Юрехты Пинчугской волости. 1911 г.
Фотограф А. П. Ермолаев.
КККМ НЕГ 5297. ГК № 38263627</p> <p>207 Старинный тип крыльца в Кежемской волости и в Канском уезде, село Анцирское. 1912 г.
Фотограф А. П. Ермолаев.
КККМ НЕГ 5313. ГК № 38263401</p> <p>207 Старинный двухярусный амбар в селе Богучанском Пинчугской волости Енисейского уезда. 1912 г.
Фотограф А. П. Ермолаев.
КККМ НЕГ 5308. ГК № 38263390</p> <p>208 Во дворе зажиточного ангарского крестьянина в селе Богучанском Пинчугской волости Енисейского уезда. 1912 г.
Фотограф А. П. Ермолаев.
КККМ НЕГ 5302. ГК № 38263429</p> <p>208 Крытый двор в деревне Савиной Кежемской волости Енисейского уезда. 1922–1925 гг.
Фотограф А. Я. Тугаринов.
КККМ НЕГ 6451. ГК № 39041440</p> <p>211 В деревне Ловать Канского уезда. Около 1905 г.
Фотограф Г. М. Ковтунов.
КККМ НЕГ 4465. ГК № 38007768</p> <p>216–218 Традиционная крестьянская одежда</p> <p>219 Девушки из зажиточной старожильческой семьи деревни Енисейка Канского уезда. 1911 г.
Фотограф В. П. Ермолаев.
КККМ НЕГ 9597/2. ГК № 24951746</p> <p>220 Пожилые женщины в праздничной одежде в деревне Яркино на реке Чадобец 1911 г.
Фотограф А. П. Ермолаев.
КККМ ОФ 10426/433. ГК № 9282218</p> <p>225 Чаепитие в семье крестьянина Шеходанова деревни Есаулово. 1928 г.
Фотограф Б. И. Шангин.
КККМ НЕГ 8829/2. ГК № 15743882</p> | <p>231 Фрагмент экспозиции Красноярского музея, посвященной рыболовному промыслу. 1922 г.
Фотограф А. В. Кудрявцев.
КККМ ОФ 10426/145. ГК № 9282089</p> <p>231 Проводник геологической партии охотник С. Шайбин демонстрирует стрельбу из кремневого ружья. 1907 г.
Фотограф Волков. КККМ НЕГ 9626. ГК № 24951774</p> <p>232 Охотники из деревни Пьянково. 1925 г.
Фотограф А. Я. Тугаринов.
КККМ НЕГ 7612. ГК № 40196536</p> <p>234 Крестьянин Дмитрий Федорович Брюханов за сохой-рогалохой, деревня Гавриловская Пинчугской волости. 1908 г.
Фотограф Н. В. Благовещенский.
КККМ НЕГ 9607</p> <p>235 Типы ангарского скота: крестьянская лошадь. 1911 г.
Фотограф В. А. Ермолаев.
КККМ НЕГ 5847. ГК № 38498793</p> <p>235 Крестьянские дети близ деревни Акульчет. 1911 г.
Фотограф В. А. Ермолаев.
КККМ НЕГ 6289. ГК № 20232036</p> <p>237 Пасека в окрестностях Абаканского железодельного завода. 1907 г.
Фотограф Волков. КККМ НЕГ 9627. ГК № 24949609</p> <p>237 Песок Зверевский, рыбак Краснопеев с нельмой. 1927 г.
Фотограф П. В. Тюрин.
КККМ НЕГ 434. ГК № 6058247</p> <p>239 Жатва серпом близ деревни Серебряковой. Август 1928 г.
Фотограф Б. И. Шангин.
КККМ НЕГ 8614. ГК № 21662238</p> <p>241 Женщина-рыбак на шитике с сетью-окуневкой на реке Чуне. 1938 г.
Фотограф В. С. Кузьмин.
КККМ НЕГ 3719. ГК № 15094429</p> <p>241 Облава на медведя в районе села Бахта. 1925 г.
Фотограф П. В. Тюрин. КККМ НЕГ 342</p> <p>243 Группа загонщиков и охотников после загона. 1910–1916 гг.
Фотограф А. А. Яковлев.
КККМ НЕГ 5168. ГК № 38061482</p> <p>247 Промысловые собаки ангарского охотника, село Богучанское. 1911 г.
Фотограф А. П. Ермолаев.
КККМ НЕГ 4543. ГК № 38007685</p> |
|---|---|

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

247	Лабаз при промысловой избушке близ села Богучанского. 1911 г. Фотограф А. П. Ермолаев. КККМ НЕГ 4542. ГК № 38007712	281	Семья старовера Зайкова. Деревня Выезжий лог. 1913 г. Фотограф А. Я. Тугаринов. КККМ НЕГ 7149. ГК № 39177323
251	Семья туруханского крестьянина. 1900-е гг. Фотограф священник Попов. КККМ НЕГ 4453. ГК № 36117361	285	Старинная часовня на кладбище села Кежемского, построена во второй половине XVIII века. 1911 г. Фотограф А. П. Ермолаев. КККМ ОФ 10426/367. ГК № 9282164
257	Крестьянская семья. 1927 г. Фотограф И. И. Юшков. КККМ НЕГ 12814. ГК № 27759528	289	Сектанты-хлысты в деревне Селиваниха. 1900–1910-е гг. Фотограф священник Попов. КККМ НЕГ 4460. ГК № 36116961
259	Группа женщин-крестьянок деревни Коркино. 1920-е гг. КККМ НЕГ 8480. ГК № 21345198	293	Курорт на озере Шира. Старик — юродивый, крестьянин из деревни Потехиной Минусинского уезда. 1913 г. Фотограф Ермолаев. КККМ ОФ 10426/181. ГК № 9282120
260	Деревенские ребята в селе Богучанском, Пинчугская волость, Енисейский уезд. 1911 г. Фотограф Ермолаев. КККМ НЕГ 4678. ГК № 38007751	295	Церковно-археологический отдел Красноярского краеведческого музея. 1913 г. Фотограф В. П. Ермолаев. КККМ НЕГ 5351. ГК № 19797284
261	Дети за игрой в бабки. 1932 г. КККМ НЕГ 9998. ГК № 42693478	297	Стретенская церковь в селе Иланском Канского уезда. 1905 г. Фотограф Г. М. Ковтунов. КККМ НЕГ 4534. ГК № 38007532
265	Свадьба в Старом Туруханске. 1910-е гг. Фотограф А. Я. Тугаринов. КККМ НЕГ 4780. ГК № 38061731	299	Город Туруханск, собор Спаса Преображения, колокольня и Благовещенская церковь. Начало XX в. Фотограф Попов. КККМ НЕГ 4592. ГК № 38007565
265	Молодые с родителями, Канский уезд. Начало XX века. Фотограф В. П. Ермолаев. КККМ НЕГ 9674. ГК № 24950776	301	Воскресенский собор в Красноярске. 9 июля 1907 г. Фотограф Л. Ю. Вонаго. КККМ. ОФ 6980/1037/19
266	Этнографический вечер в Красноярском краеведческом музее. Сценка из ангарской свадьбы. 31 марта 1913 г. КККМ НЕГ 5165. ГК № 38061414	339	Группа крестьян в деревне Выдриной на реке Чуне. 1911 г. Фотограф А. П. Ермолаев. КККМ ОФ 10426/361. ГК № 9282208
268	Крестьянки с грудными детьми на руках. 1920-е гг. КККМ НЕГ 8484. ГК № 21345224	344	Вид на город Красноярск из Николаевки. 12 июля 1907 г. Фотограф Л. Ю. Вонаго. КККМ ОФ 10426/265. ГК № 9281945
269	Крестьянская семья. 1910-е гг. Фотограф В. П. Ермолаев. КККМ НЕГ 6288. ГК № 20231960	Обложка	
274	Вдова крестьянина Низовского общества Дудинского участка Туруханского края Лукерия Панова с ребенком. Около 1905 г. Фотограф священник Попов. КККМ НЕГ 4441. ГК № 36117366	Захар Прокопьевич Мухин, крестьянин д. Означенной. 1913 г. Фотограф В. П. Ермолаев. КККМ НЕГ 9679. ГК № 24949659.	
277	Радоница на Троицком кладбище в Красноярске. 1924 г. Фотограф А. В. Кудрявцев. КККМ НЕГ 6277. ГК № 20231403	Павел Трефильевич Воронов в костюме приискателя. 1911 г. Фотограф А. П. Ермолаев. КККМ НЕГ 4676. ГК № 35138007550.	
277	Нищие на Троицком кладбище в Красноярске. 28 апреля 1925 г. Фотограф А. В. Кудрявцев. КККМ НЕГ 6260. ГК № 20231391		

АНДЮСЕВ Борис Ермолаевич

НА СИБИРИ МЫ СИБИРЯКИ

Книга научно-популярных очерков

Руководитель проекта

Ю. А. КИРЮШИН

Научный редактор

Г. Ф. БЫКОНЯ, доктор исторических наук, профессор

Технический редактор, дизайнер

А. В. УЛЬВЕРТ

Корректор

О. В. РАЗУМОВА

Шрифты:

Kazimir Text,

ST-NIZHNEGORODSKY

Сдано в набор 10.05.2023.

Подписано в печать 01.08.2023.

Формат 70×100/16. Печ. л. 22.

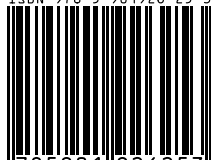
Электронное издание.

Издательство ООО «РАСТР».

660049, г. Красноярск, пр. Мира, д. 3, оф. 4

Тел. +7 904 895-45-50, e-mail: raster@inbox.ru.

ISBN 978-5-901926-25-3

9 785901 926253

**АНДЮСЕВ БОРИС
ЕРМОЛАЕВИЧ,**

кандидат исторических наук (2002), доцент ВАК (2004), с 1995 по 2016 г. работал доцентом исторического факультета КГПУ им. В. П. Астафьева, в 2004–2014 гг. заведовал кафедрой СТО. С 2016 г. является доцентом кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций ГИ СФУ. Является автором около 130 научных работ, в т.ч. монографий, учебных и учебно-методических пособий, публикаций. Научная специализация – история и культура Сибири, ментальность, традиционное сознание и психология русских старожилов-сибиряков, устная история и история повседневности.

